МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Томилин Александр Русланович

Русская разведка о соперничестве России с Великобританией в 1875–1885 годах

5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук
доцент М.М. Шевченко

Москва – 2025

Оглавление

Введение. 3
Глава 1. Разведка: организация, кадровый отбор и методы работы. 26
§ 1. Служба военных агентов: должность и обязанности. 26
§ 2. Кадровый отбор. 39
§ 3. Методы работы. 83
Выводы. 111
Глава 2. Восточный кризис 1875–1880 гг. 114
§ 1. Сотрудничество Великобритании и Турции глазами русской разведки. 114
§ 2. Русская разведка об угрозе войны с Великобританией, 1877–1878 гг. .. 146
§ 3. Туркестан и Афганистан в русско-британской политике в 1878–1880 гг. глазами русской разведки……...190
Выводы. 262
Глава 3. Русская разведка в 1881–1885 гг. 267
§ 1. Перганизация военного руководства. 267
§ 2. Русская разведка о Египетском кризисе 1882 г. 281
§ 3. Русская разведка о Мервском кризисе 1884–1885 гг. 313
§ 4. Русская разведка о Болгарском кризисе 1885 г. 346
Заключение. 358
Библиография. 363

Введение.

Научная значимость и актуальность темы исследования. Во второй половине XIX в. отношения Российской империи и Великобритании находились в состоянии большой напряженности. Борьба двух держав за сферы влияния в Азии порождала кризисы, которые ставили обе страны на грань войны. При изучении этих кризисных моментов приходится сталкиваться с тем, что исследование механизма принятия решений петербургским кабинетом весьма затруднительно без понимания мотивации вышестоящих лиц и информации, которой они располагали. Для раскрытия данного вопроса необходимо изучение работы военной разведки, благодаря которой в Петербурге могли получать точные сведения о намерениях Лондона. Настоящее исследование призвано впервые комплексно рассмотреть ту роль, которую сыграла военная разведка Российской империи в формировании внешнеполитической линии России в ее конфликтах с Великобританией в 1877–1880 и 1885 гг.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является деятельность русской военной разведки, направленная на сбор информации о деятельности Великобритании в отношении России. Предметом исследования выступают организация военной разведки, ее персоналии и методы их работы, взаимоотношения России и Великобритании, в частности по вопросам, касающимся стран Балкан и Средней Азии.

Хронологическими рамками исследования являются лето 1875 и осень 1885 гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена восстанием в Боснии, положившим начало Восточному кризису, столкнувшему интересы России и Великобритании. Верхняя хронологическая граница обусловлена русско-британским соглашением 26 августа (10 сентября) 1885 г., решившим спорные вопросы и зафиксировавшим произошедшие изменения на ближайшие 10 лет, и Болгарским кризисом осени 1885 г. – как формальным завершением русско-британского спора вокруг Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Территориальные рамки исследования обусловлены его объектом и предметом, они связаны с местонахождением действовавших лиц. Главным образом изучаемые события происходили в Петербурге, Лондоне и Константинополе. Однако, специфика работы разведки, связанная с изучением вооруженных сил других государств, позволяет указать в качестве территориальных рамок исследования Российскую империю, Османскую империю, Британскую империю с ее колониями, доминионами и протекторатами, Афганистан, Иран и государства Балканского полуострова в их границах на период 1875–1885 гг. как предмет интереса разведчиков.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования – показать роль военной разведки в формировании внешней политики России по отношению к Великобритании в 1875–1885 гг. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

– проанализировать организацию военной разведки и ее связь со службой Генерального штаба, кадровый отбор на должности разведчиков путем рассмотрения их биографий, в том числе с учетом наличия у кандидатов высшего военного образования, а также методы работы разведки;

– рассмотреть основные внешнеполитические события периода 1875–1885 гг. (Восточный кризис 1875–1880 гг., англо-афганскую войну 1878–1880 гг., Мервский кризис 1885 г.) в освещении военной разведки;

– верифицировать данные военной разведки, в том числе с помощью иностранных источников;

– на основании воссоздания контекста русско-британских отношений и контактов властных лиц, ответственных за принятие решений, показать значимость разведывательных данных для петербургского кабинета и тем самым оценить влияние разведывательных данных на формирование внешней политики России.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, а также объективности и системности. Принцип историзма дает

возможность рассмотреть деятельность военной разведки в контексте внешнеполитических событий изучаемой исторической эпохи. Применение этого метода подразумевает установление причинно-следственных связей между внешнеполитическим контекстом русско-британских отношений, организацией работы разведки и мерами, принимавшимися петербургским кабинетом на основе данных разведки в связи с теми или иными кризисными ситуациями. Принцип объективности предполагает использование широкого комплекса источников без заранее определенных схем и оценочных суждений. Этот принцип в сочетании со всесторонним анализом позволяет максимально точно верифицировать данные военной разведки и тем самым показать объективность той информации, которой располагал петербургский кабинет. По отношению к главным действующим лицам на политической арене данный принцип помогает установить более или менее точную картину взаимоотношений между ними, избегая пристрастности в отношении тех или иных исторических лиц. Принцип системности способствует рассмотрению организации работы разведки в контексте системы управления Военным министерством и работы государственного аппарата Российской империи в целом. Такой метод позволяет более точно и определенно говорить о месте военной разведки в структуре управления страной.

Степень изученности темы. История русско-британского соперничества, глубоко и активно изучалось в XIX и XX вв, как в России, так и в Великобритании, и довольно подробно[1]. Однако, влияние разведки на политику, становилось достоянием немногих работ.

---

[1] *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. *Он же*. Завоевание Средней Азии. СПб., 1906. В 3-х томах. *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. *Он же.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. *Argyii G. Duce.* The Eastern Question from the Threaty of Paris 1856 to the Threary of Berlin 1878 and second Afghan war. L., 1879. In 2 volumes. *C. M. MacGregor*. The Defence of India: A Strategical Study. Simla, 1884. *Marvin Ch*. Russian at the Gates of Great. L., 1885. *Morgan G.* Anglo-Russian Rivalry in Central

Дореволюционная историография разведки исчерпывается трудом Генерального штаба генерал-лейтенанта В.Н. Клембовского о работе агентурной разведки, которая впервые ставит вопрос об организации агентурной разведки, отстаивая тезис о необходимости её организации в мирное время[2]. В контексте данного исследования, эта работа, подытоживала накопленный разведкой опыт сбора информации, показывала основные методы ведения военной разведки в России к концу XIX века.

После Первой мировой войны и революции 1917 года, появился доступ к документам из архивов разведки, что привело к целому ряду исследовательских работ, посвящённых истории русской военной разведки.

Самым крупным из них, является 2-х томное исследование К.К. Звонарёва, бывшего унтер-офицера императорской армии, ставшего начальником разведывательного управления Главного штаба Красной Армии, посвящённое организации военной разведки в России и Германии кануна мировой войны[3].

Основная часть работы посвящена организации разведки военным министерством, с акцентом на деятельность военных агентов. В отношении военных агентов, автор делал упор на то, что кадровый отбор, зависевший от придворных связей, дал крайне плохих разведчиков, неспособных к серьёзной аналитической работе, которые могли только участвовать в великосветской жизни[4]. Труд Звонарёва впервые поднимал проблему, но сводил всё к тенденциозной критике неудач аппарата разведки, как показателя «гнилости» системы управления в Российской империи.

Более подробно тема военных агентов раскрывается в труде маршала Б.М. Шапошникова «Мозг армии»[5], где он, опираясь на тезис, что борьба требует

Asia: 1810-1895. L., 1981. *Hopkirk P* The great game: the struggle for empire in Central Asia L., 1992. *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. Oxford, 2006.

[2] *Клембовский В.Н.* Тайные разведки (военное шпионство). СПб., 1892.

[3] *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка. Русская агентурная разведка до и во время Мировой войны 1914–1918 гг. М., 1929. В 2-х томах. В данной работе ссылки будут приведены по переизданию: *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка. Киев, 2005.

[4] *Звонарёв К.К.* Указ.соч. С. 32.

[5] *Шапошников Б.М.* Мозг армии. 3 т. Л., 1929 г.

знаний о противной стороне[6], раскрыл роль военных агентов, как основных информаторов генерального штаба, игравших большую роль в военном планировании и следовательно – внешней политике.

Особое внимание было уделено методам работы разведки. Шапошников называл тайные и явные наблюдения, координацию между военными органами держав– союзников. Шапошников вступил в полемику с работой Звонарёва, считая, что военному агенту полезно участвовать в великосветской жизни страны пребывания, дабы иметь связи и знакомства в высших кругах общества, где могла быть добыта важная политическая информация[7]. От агента требовались не только сугубо военные знания, но и политические, дабы можно было комплексно судить об оборонном потенциале страны.

Поэтому труд Шапошникова, представляет интерес, как работа, где раскрывались цели, стоявшие перед институтом военных агентов и методы их работы, в контексте политики.

Больше, в советской литературе о военной разведке предпочитали ничего не писать ввиду строгого идеологического контроля над наукой, и закрытости архивов. Исключения делались разве что для аналитических работ по истории разведки, предназначавшихся только для сотрудников министерства обороны, как труд полковника А.Г. Королёва[8]. Из вышеприведённого обзора следует вывод, что работы, вышедшие до в 1920-х–1930-х годах, затрагивали тему влияния разведки на внешнюю политику, но сосредотачивались на вопросах организации разведки и методах её работы.

При отсутствии специальных работ, проблеме роли военной разведки в формировании русской политики в отношениях в Великобританией, уделялось место в работах о внешней политике.

---

[6] Там же. Т. 3. С. 298.

[7] *Шапошников Б.М.* Указ.соч. Т. 3. С. 307.

[8] *Королёв А.Г.* Заграничная агентурная деятельность полевых штабов русской действующей армии 1915-1917. // Сборник документов, отложившихся в Российском государственном военно-историческом архиве. На правах рукописи. М., 1953.

Монография Н.А. Халфина об англо-афганских войнах, затронула тему роли разведки в формировании среднеазиатской политики России, упомянув донесения военного агента в Лондоне, генерал-майора Свиты А. П. Горлова. Приводя его донесения военному министру, автор показал его критику действий англичан в Афганистане, обозначив положение генерала в русской политике как основного информатора и аналитика происходивших событий[9]. Однако, в данной работе, он не ставил себе целью рассмотреть русскую политику в Средней Азии. Поэтому, две ссылки на донесения военного агента, стали только иллюстрацией к повествованию о британской политике в Афганистане.

В своей работе о присоединении Средней Азии к России, которая рассматривала русскую политику в Туркестане, он целенаправленно использовал донесения, отправлявшиеся военно– окружными управлениями в Средней Азии в военное министерство, содержавшие в себе сведения о деятельности английской разведки в регионе. Благодаря этому, пришел к выводу, что используя данные разведки об активизации англичан в Туркмении на рубеже 1870-х–1880-х годов, Петербург смог решиться на покорение этих земель[10]. Тезис о роли разведки в русско-английских отношениях был озвучен на примере окружной разведки. При этом, он не рассматривал ни устройство военной разведки, ни институт военных агентов.

Более широкую картину русско-британских отношений в Средней Азии за период 1860-х–1870-х годов, дал Г.А. Хидоятов в своей работе о русско-британском соперничестве в Средней Азии[11]. В отличие от Халфина, Хидоятов уделил мало внимания военной разведке, сосредоточившись на дипломатической переписке, выводя мнения консулов и послов в качестве одного из факторов, влиявших на среднеазиатскую политику двух держав. Тем не менее, он не смог пройти мимо фигуры генерала А.П. Горлова, упомянув её

[9] *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане. М., 1959.
[10] *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90 годы XIX века). М., 1965.
[11] *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века (60-70-х гг.) Ташкент, 1869.

лишь один раз, в контексте рассмотрения британских планов, относительно Афганистана в 1878 году. Сами же донесения генерала относительно подготовки Британией войны с Россией в 1877–1878 годах, Хидоятовым не упоминаются вообще.

В работе, посвященной англо-египетским отношениям в 1882 году, Г.А. Нересов, ввел в научный оборот донесения военного агента в Лондоне, генерал-майора К. К. Ланца. Отметив во введении тот факт, что Ланц весьма подробно освещал англо-египетский конфликт, автор намеревался широко использовать эти донесения в работе, но ограничился одной– единственной ссылкой на донесения генерала[12].

Таким образом, советская историография показала то, что донесения военных агентов играли роль в освещении событий международной политики для руководства Российской империи. Однако привлечение этих данных было весьма ограниченным, акцент исследователи перенесли на донесения дипломатов. Поэтому роль военной разведки осталась на периферии исследовательского внимания.

После 1991 года, со снятием идеологических ограничений и открытием архивов и спецхранов, произошёл прорыв в историографии военной разведки. Примером возросшего интереса к работе разведки, может служить вышедший в 1996 году шеститомник «Очерков истории российской внешней разведки» под редакцией академика Е.М. Примакова[13], который сочетал как и описания её устройства, так и её работу «на практике». Дореволюционному периоду был посвящен только первый том из шести, чего было явно недостаточно.

Эта потребность в более подробном освещении работы русской разведки периода Российской империи, привела к появлению крупного труда написанный

[12] *Нересов Г.А.* Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг. (В свете русских архивных документов). М., 1979.
[13] Очерки истории российской внешней разведки. / под ред. Е.М. Примакова. М., 1996. В 6 томах.

М.Н. Алексеевым[14]. В трёхтомной работе об истории военной разведки на протяжении обширного периода – от Рюрика до правления Николая II включительно, автор рассматривает историю военно– разведывательных ведомств, вводя источники законодательного характера, как приказы военного министра, инструкции военным агентам, показывал на их основе организацию военной разведки в контексте военного строительства Российской империи и её роль во внешней политике страны, находя её довольно значительной.

В разделе о работе разведки в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. из 134 рапортов А.П. Горлова, было введено 4 рапорта, что стало важным шагом вперед. Однако, реакции военного министерства на его рапорты, М. Алексеев не коснулся. Также, автор попытался дать ответ на вопрос о методах работы генерала Горлова по добыче сведений, указав в качестве их основного источника, общение с высокопоставленными лицами, английскими офицерами, и обзоры периодики[15], придя к выводу, что генерал осуществлял сбор сведений не методом сбора сведений от агентуры, а на доверительной основе от сочувствующих России журналистов, политиков и офицеров[16].

Донесения военной разведки из Лондона и Туркестана используются и в труде Е.Ю. Сергеева «Большая игра»[17]. В своём труде, он был близок к концепции Г.А. Хидоятова, опираясь на дипломатические донесения и сравнивая взгляды русских и британских политиков, расширив географические и хронологические рамки своей работы и подробно дал картину взглядов на русско-британские отношения. В рамках этого, он несколько раз упомянул генерала Горлова[18], коснувшись его донесений о подготовке Британией войны против России в 1877 году. По сравнению с работой М.Н. Алексеева, Е.Ю.

---

[14] *Алексеев М.Н.* Военная разведка в Российской Империи. От Александра I до Александра II. М., 2010.
[15] Там же. С. 257.
[16] Там же. С. 269.
[17] *Сегеев Е.Ю.* Большая игра 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
[18] Там же. С. 165.

Сергеев ограничился только фактом оповещения русского военного ведомства органами разведки, не делая из этого никаких выводов, и не касаясь ни персоналии генерала, ни его работы.

Непосредственно, роль военных агентов в отношениях России и Британии, рассматривала Т.Н. Лисицына, в своей кандидатской диссертации о Закаспийском крае в англо-русских отношениях[19]. По материалам диссертации вышла статья, посвящённой русским военным агентам в Лондоне за 1870-е–1900-е годы в попытке обобщить тенденции их работы. Статья впервые вводит в научный оборот многие их донесения из фонда ВУК, однако, объём статьи и выборка донесений, в качестве репрезентации военных агентов, вызывает ряд вопросов. В отношении военного агента Горлова, были затронуты только донесения 1875 и 1881 годов[20], касающихся Ближнего Востока и Мервского оазиса. Деятельность генерал-майора Ланца не рассмотрена как таковая, из всего массива его донесений, были упомянуты его рапорты о египетской экспедиции англичан без каких – либо комментариев в отношении источника. Аналогичная проблема встаёт в освещении деятельности на этом посту Генерального штаба подполковника С.С. Бутурлина, освещаемая в этой статье. Таким образом, несмотря на введение донесений этих военных агентов в научный оборот, их деятельность оказывается мало раскрытой.

Одному из военных агентов в Лондоне, генерал-майору Горлову, была посвящена отдельная статья Т.Н. Ильиной. Этот же сюжет был затонуть ею в монографии о роли военных агентов в перевооружении русской армии в 1860-х–1870-х годах[21], основанной на материалах её кандидатской диссертации, основанной на документах архива Военно– исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, и не затрагивая его рапорты и переписку из

[19] *Лисицына Н.Н.* Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. дисс. … канд. ист. наук. М., 2006.
[20] *Лисицына Н.Н.* Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX-начале XX века: взгляд на Восток. // Клио, 2005. № 1(28). с. 161–166.
[21] *Ильина Т.Н.* Военные агенты и русское оружие: винтовки Бердана, картечницы Гатлинга, револьверы Смита и Вессона, шашки 1881 года. СПб., 2008.

фонда ВУК в РГВИА[22]. Поэтому, в её работах, Горлов фигурирует только как офицер– оружейник[23].

Рапорты Горлова о политике Британии в отношении России, вводятся в статьях А.Б. Арбекова, посвященных его военно– политической деятельности. В них поставлен вопрос о той роли, которую он играл, формируя представление высших чинов военного ведомства о Великобритании, рассматривая некоторые эпизоды в донесениях Горлова[24].

Деятельность военной разведки на Балканском направлении, против Британии, также получила освещение в новейшей литературе. Исследования М.Ю. Асиновской[25] и Р.В. Кондратенко[26], рассматривали военно–морскую разведку и повседневную жизнь разведки в регионе Проливов и Балкан. Исследования М.Ю. Асиновской, детально разобрали устройство и функционирование военной и морской разведок на Босфоре, показав, что вся работа сосредоточилась в руках военных агентов, и этих сил было недостаточно для серьёзной работы. Работа Р.В. Кондратенко, в отличие от трудов М.Ю. Асиновской, затрагивает лишь некоторые аспекты организации морской разведки, в связи с подготовкой Босфорской экспедиции, в частности, введя в научный оборот проект военного агента в Афинах, генерального штаба

---

[22] *Ильина Т.Н.* Деятельность военных агентов по перевооружению русской армии в период военной реформы 60-х–70-х годов XIX века. дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2010.

[23] *Ильина Т.Н.* А. П. Горлов и винтовки Х. Бердана. // Архивы и время: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, (посвященной 135-летию образования архива музея). СПб., 2002. С. 26–37. *Её же.* Военный агент А.П. Горлов. Биография. // Victoria. Gloria. Fama. Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 9-11 сентября 2003 г. В 4 ч. Ч 4. Секция «История оружия и военной техники». СПб., 2003. С. 33–41.

[24] *Арбеков А.Б.* Роль военных агентов (атташе, в англо-российском соперничестве на Востоке в конце 70-х годов XIX века на примере деятельности А.П. Горлова. // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Десятой международной научно-практической конференции. Ч. I. СПб., 2021. С. 85–100.

[25] *Асиновская М.Ю.* Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века. // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 142–155. *Она же.* Военно-морская разведка на Балканах в период царствования Александра III, подготовка Босфорской экспедиции. Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 2004. № 3. С. 43–54.

[26] *Кондратенко Р.В.* Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006.

полковника А.П. Протопопова, об организации агентурной разведки в Средиземном море для наблюдения за британской средиземноморской эскадрой.

Деятельность русской военной разведки в Проливах, рассматривал В.Б. Каширин в своей монографии о военной разведке на Балканах кануна и периода Первой Мировой войны [27]. Он обрисовал должности военных агентов в Константинополе и Афинах, затронув деятельность А.П. Протопопова, как сформировавшую тенденции для работы военных агентов в Греции. Разведка на Проливах была рассмотрена весьма подробно, но акцент был сделан на её деятельности по изучению Проливов, а антибританский аспект особо рассмотрен не был.

Особо следует выделить книгу Г. Пёрсон «Уроки чужих войн: русское военное мышление 1859–1873 гг.»[28]. Автор рассматривает создание военной разведки в контексте военных преобразований в стране, и эпохи в целом, показывая, что именно разведка стала основным источником сведений о реформировании. Так в её книге рассматривается важная проблема влияния иностранного военного опыта на русские военные реформы, и ключевую роль в них она отводит военным агентам, служившим передаточным звеном в цепи информации. Основой данной работы, стали материалы РГВИА. Это и послужные списки, и инструкции агентам, их служебная переписка, которая помогает ей рассказать о самом институте военных агентов. Поэтому данная работа, как раскрывающая контекст работы военного агента и особенности его службы – задачи, компетенция, есть базовая работа в деле изучения военных агентов.

Таким образом, история русской военной разведки, в контексте русско-британского соперничества в 1870-е–1880-е годы не становилась предметом отдельного исследования. История данной темы, затрагивалась через историю

[27] *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
[28] *Persson G.* Learning from Foreign Wars. Russan military thinking 1859–1873. Solihull, Helion & company Ltd., 2010.

персоналий или в связи с историей военно– разведывательных учреждений императорской России. Причем сами персоналии освещались фрагментарно, исследователи ограничивались или одним аспектом их деятельности или цитированием некоторых источников.

Освещение деятельности разведки в освещении русско-британского конфликта сосредотачивается только на Средней Азии. Восточный вопрос и деятельность русской разведки на этом направлении, описывались исключительно в рамках изучения подготовки Россией экспедиции на Босфор, при котором британский фактор который учитывается слабо.

Источниковая база исследования. Задачи данного исследования поддаются исследованию при привлечении максимально широкого круга малоиспользованных архивных документов, а также англоязычных источников.

Источники официального происхождения можно разбить на две подгруппы:

Источники законодательного характера. «Свод военных постановлений.» регулировавших устройство и жизнь армии, в частности нормы службы генерального штаба и прохождения службы армейскими офицерами.

Нормативные акты ведомственного характера, включают в себя документы внутриведомственного характера, в которые входят приказы военного министра, инструкции военным агентам и офицерам разведки.

Приказы военного министра, отражают историю формирования ведомств, ответственных за военное планирование, и подчинённых им структур, занятых сбором статистической информации. Эта группа источников отражает историю военного ведомства, его структур, занимавшихся военной разведкой отражает цели, которые указывались в инструкциях военным агентам, и задачи, которые те должны были выполнять. Тем самым, эта группа источников показывает положение военной разведки в военной системе Российской империи.

Офицерам– разведчикам и военным агентам, полагались отдельные инструкции, в которых четко прописывались их цели и задачи, которые они должны исполнить. Также эти цели и задачи, отражали то, что интересовало

Военное и Морское министерства. В период 1875–1885 года, для военных агентов действовала инструкция 1856 года, заменённая расширенной инструкцией 1880 года. Также для военных агентов в Константинополе существовала дополнительная инструкция 1880 года, в которой прописывались специфические для региона цели. В случае разовой командировки офицера с разведывательными целями в тот или иной регион, ему выдавалась особая инструкция, отражавшая цели и задачи, которые офицер должен был выполнить для получения нужных сведений.

Инструкции военным агентам 1856 и 1880 гг. вводились в научный оборот М. Алексеевым. В книге Е.Ю. Сергеева и А.А. Улуняна, была опубликована инструкция 1880 года. Оригиналы инструкций хранятся в Российском Государственном Военно – историческом архиве (РГВИА)[29]. Дополнительные инструкции, а именно – агенту в Константинополе, хранится в фонде Военно – ученного комитета (ВУК), в деле с перепиской о назначении военных агентов[30]. Инструкции офицерам разведки хранятся в делах об их поездках. Они, сосредоточены в фонде Главного штаба, описи Азиатской части и в фонде штаба Туркестанского военного округа[31].

Делопроизводственные материалы: журналы заседаний Особых совещаний, доклады военного министра, начальника Главного штаба и начальников военно–окружных управлений, доклады министра иностранных дел, послужные списки офицеров разведки, деловая переписка.

В докладах по Главному штабу и Военному министерству, чётко проговорены необходимость организации постов военных агентов в тех или иных странах, и обоснованы назначения тех или иных офицеров на эти должности, определены их цели и финансирование их деятельности. Нося

[29] РГВИА Ф. 38. Оп. 5. Д. 695. Л. 19-26., Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Были опубликованы в: *Сергеев Е.Ю. Улунян Ар.А.* Не подлежит оглашению: Воен. агенты Рос. империи в Европе и на Балканах, 1900–1914 гг. М., 1999. С. 34. *Алексеев М.Н.* Военная разведка в Российской Империи. От Александра I до Александра II. М.: Вече, 2010. С. 184.
[30] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2.
[31] РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 578., РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 646., РГВИА Ф. 1396. Оп. 2. Д. 126.

рекомендательный характер, подобные доклады и докладные записки, зачастую, ложились в основу решений, принимаемых военным министром. В качестве примера, стоит упомянуть докладную записку генерал-лейтенанта Г.И. Бобрикова об организации русской разведки на Востоке, положения которой легли в основу инструкций военным агентам в Турции. Эти доклады отложились в фонде Военно – учёного комитета[32] и фонде штаба Туркестанского округа[33].

В этой группе источников, особо следует выделить большую подгруппу – служебную переписку, а именно: донесения военных агентов и офицеров – наблюдателей, их переписка с Военно – учёным комитетом и военным министром, межведомственная переписка между военным, морским и иностранных дел, переписка между департаментами Военного и Морского министерств, переписка министерств с окружными штабами и переписка между отделениями окружных штабов.

Основной массив источников в данной подгруппе составляют донесения военных агентов и командированных офицеров в Военно – учёный комитет или окружные штабы. В них содержится информация о политических мероприятиях Великобритании, о состоянии британской армии, о важных в стратегическом отношении регионах (Босфор, Мервский оазис). Все эти рапорты, находятся в РГВИА, в фондах Главного штаба (Ф. 400. Оп. 1. Д. 646., Оп. 4. Д. 26, 577, 578, 580, 581, 587), Военно – учёного комитета (Ф. 401 Оп. 3/928 (1877, 1878, 1879), в коллекциях по странам – Великобритания (Ф. 435. Оп. 1. Д. 46, 48, 49), Афганистан (Ф. 445. Оп. 1. Д. 26), Турция (Ф. 450. Оп. 1. Д. 96). По сути, эти рапорты, которые мало использовались в литературе, отображают те данные, которые военная разведка предоставляла своему военно – политическому руководству, и с учетом которых формировалась внешняя политика России.

В делах с донесениями разведки, также содержится переписка о назначении на должность военного агента тех или иных офицеров, об организации

[32] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2; Оп. 4/928 (1883). Д. 2.
[33] РГВИА Ф. 1396. Оп. 1. Д. 126.

командировки офицеров в важные регионы, что позволяет говорить о системе кадрового отбора офицеров– разведчиков. Помимо этого сохранились дела, включающие в себя ежегодную переписку агентов с канцелярией Военно – Учёного комитета по организации службы разведки: о финансировании деятельности офицеров– разведчиков, об отпусках, о повышении в чинах, о присвоение наград, что дает дополнительный материал, как и об организации разведки, так и о биографиях самих разведчиков.

В связи с организацией кадрового отбора на должности военных агентов, на первый план выходят послужные списки военных агентов и офицеров– разведчиков, которые отражают основные этапы их служебной карьеры. Внимательное рассмотрение этого источника, позволяет понять, с каким именно опытом пришёл офицер на занимаемую должность, следовательно, понять его компетентность, что могло оказать влияние на причины его назначения. Общий обзор офицерских биографий по послужным спискам, выявляет тенденции кадрового отбора на военно – разведывательные должности, и следовательно – цели и методы работы военного ведомства. Данные списки хранятся в фонде послужных списков[34]. Однако, некоторые из них, будучи приобщенными к служебным делам (пенсии, отставка, отпуска, смерти), отложились в фонде Главного штаба[35].

Также, небольшой подгруппой, являются делопроизводственные материалы Николаевской Академии Генерального Штаба. Данная подгруппа включает в себя экзаменационные листы офицеров, в которых содержатся получаемые ими баллы по сдаваемым предметам, зачастую – послужные списки, отражающие карьеру офицера до поступления в академию, и приказы о распределении офицеров– выпускников по военным частям, в которых, зачастую, содержались

[34] РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 32645. Филиппов Владимир Николаевич, Оп. 9. Д. 29227. Протопопов Александр Павлович, Д. 129072. Бутурлин Сергей Сергеевич.
[35] РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 14 111. Ланц Карл Карлович, Оп. 21. Д. 2765. Соллогуб Василий Устинович.

сведения о причинах выбора той или иной военной части. Вся эта документация собрана в фонде Академии (Ф. 544.).

Помимо этого, переписка между военным министерством и штабами Кавказского наместничества и Туркестанского округа, по вопросам организации вероятного похода в Афганистан и Индию в 1878 году изданы в сборнике: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход русской армии[36]. В нём представлены докладные записки, письма, телеграммы и приказы из Штаба императорского наместника на Кавказе, Туркестанского генерал-губернатора, военного министерства по поводу внешнеполитической необходимости военных приготовлений в Туркестане на случай войны с Англией и Афганистаном, стратегической и технической стороне подготовки войск. Также в сборнике, были введены в оборот некоторые донесения военного агента в Лондоне генерал-майора А. П. Горлова, касавшиеся британской политики в Афганистане в 1877–1878 гг.

Событиям в Афганистане 1884–1885 гг. посвящен сборник «Афганское разграничение» [37] , который также содержит в себе делопроизводственную переписку по вопросам присоединения Мерва и дальнейшего русско-афганского разграничения. Источники, содержащие в себе материалы по аналогичным проблемам, содержатся в сборнике «Присоединение Туркмении к России»[38].

Источники личного происхождения: личная переписка, дневники, воспоминания.

Данная группа источников, позволяет более глубоко понять мотивацию лиц формировавших и принимавших те или иные политические решения и общий контекст ситуации. В этом отношении, стоит учесть один нюанс – верификация донесений военной разведки, путем составления оригинальной картины,

[36] «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. // Сост., автор предисл., и примеч., Т. Н. Загородниковой. М., 2014.
[37] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, 1872–1885. СПб., 1886.
[38] Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). / Под ред. А. Ильясова. Ашхабад, 1960.

происходившего во внешней политике Великобритании на рубеже 1870-х – 1880-х, показывает неожиданную роль англоязычных источников. Они становятся, по сути, источниками и по русской истории, отражая внешнюю политику России, её цели и задачи, глазами политиков в Лондоне, и наоборот – их мысли и действия отражаются в донесениях военной разведки, и соответственно, ложатся в основу политических решений Петербурга.

Эта группа источников разбита на подгруппы: личная переписка, дневники, воспоминания.

В основном, подобные сведения содержатся в дневнике военного министра в 18601881 гг. генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Дмитрия Алексеевича Милютина за 1877–1881 годы. Они показывают его личное участие в выработке и принятии внешнеполитического курса Российской империи, содержат в себе сведения об Особых совещаниях за 1875 по 1880 гг[39]. принимавших важные для внешней политики решения, отражает позиции основных её деятелей. В сопоставлении с донесениями военных агентов, этот источник показывает ту роль, которую играли донесения военной разведки на мнение самого министра о проблемах внешней политики, отражают его положение в структуре имперского управления и влияние, оказываемое им на принятие внешнеполитических решений.

Дневник служившего в Ставке великого князя Николая Николаевича– старшего Генерального штаба полковника М. Газенкампфа за 1877–1878 годы, отражает конфликт России и Британии, вокруг итогов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. содержа в себе тексты переписки между послом в Великобритании графом П.А. Шуваловым, канцлером, светлейшим князем А.М. Горчаковым, главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем– старшим и императором Александром II, а также довольно широко и подробно

[39] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. М., 2009. 704 с. *Он же.* Дневник 1879–1881. М., 2010. 600 с.

представляет взгляды русских военных на положение на Балканах в 1877–1878 годах[40].

Для понимания политики и военного строительства англо-индийской армии в годы второй англо-афганской войны, в данной работе используется дневник начальника штаба лорда Робертса во время второй англо-афганской войны, генерал-лейтенанта, Ч. М. Мак-Грегора. Первоначально, его вдова издала биографию мужа в 2-х томах, где помещала большие отрывки из его дневника, зачастую, полностью за некоторые годы. Позже, было снабженное подробными комментариями, касаемо персоналий и реалий, переиздание дневник за сентябрь 1879–сентябрь 1880 годы, время второй кампании в Афганистане[41]. В дневнике, генерал записывал все свои встречи, мысли собеседников и свои соображения по поводу текущих событий, выступая как хроникером, так и аналитиком.

Для понимания формирования внешней политики Великобритании, очень важна личная переписка премьер– министра Великобритании в 1874–1880 гг. Бенджамина Дизраели, лорда Биконсфильда. В письмах, он обсуждал со своими корреспондентами все важные вопросы внешней политики, высказывал своё собственное видение проблем и методов их разрешения. Этот источник, до известной степени, дает представление о всех основных концепциях внешнеполитической стратегии Великобритании от одного из первых лиц[42].

Командовавший британскими войсками в кампании против зулусов в 1879 году и против Египта в 1882 г, генерал-лейтенант Г. Ульслей (Wolsley), во время своих походов вел частую и подробную переписку со своей супругой. В этих письмах он делился не только бытовыми подробностями походов, но и своими мыслями относительно стратегии и политики[43].

---

[40] *Газенкампф М.А.* Мой дневник 1877–1878. СПб., 1908. 594 с.

[41] *Macgregor C.* The Life and Opinions of major general Sir Charles Metcalfe MacGregor. L., 1888. In 2 volumes.
War in Afghanistan 1879–1880. The Personal Diary of Major General Sir Charles Metcalfe MacGregor. Deitroit: Wayne University Press, 1985. 266 p.

[42] *Buckle G.E.* The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. L., 1920. In 6 volumes.

[43] The letters of lord and lady Wolsley. L., 1922. 440 p.

Также существуют письма офицеров разграничительной комиссии 1884-1885 гг. которые были сначала опубликованы в журнале, позже, их текст был обработан, и издан в виде книги, с разбивкой по главам. В данном исследовании, привлекается второе издание этих писем[44]. Эти письма показывают состав британской комиссии, их действия, раскрывая подробности действия комиссии.

Мемуары посла в Лондоне, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, графа П.А. Шувалова, посвящены небольшому, конкретному периоду – первой половине 1878 года. Этот период отличает повышенная напряженность в отношениях между Россией и Великобританией, вплоть до подготовки к войне. В своих мемуарах графом Шуваловым были описаны мнения и действия русских и британских государственных деятелей[45]. Также, в этом источнике, содержатся некоторые данные, которые косвенно указывают на значительную роль сведений, поставляемых военным агентом, в формировании политических решений в Петербурге.

Отдельный интерес, представляют воспоминания генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина. Так как в указанные годы он служил в Главном Штабе, то его комментарии относительно внешней политики России, емко обрисовывают международную ситуацию, и служат важным дополнением в составляемой картине представлений Петербургского кабинета о внешней политике.[46]

Мемуары секретаря посольства в Константинополе Ю.С. Карцова, отражают жизнь русского посольства с 1879 по 1886 годы, и в них он уделил внимание фигурам русских военных агентов–В.Н. Филиппова и А.П. Протопопова, описывая их личные качества, и немного затрагивая их деятельность[47].

---

[44] *Yate C.E.* Nothen Afghanistan or letters from the Afghan Boundary commission. Edunburg and London, 1888. 481 p.
[45] П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. // Красный архив, 1933. № 59. С. 89–109.
[46] *Куропаткин А.Н.* Семьдесят лет моей жизни. Челябинск, 2023. В 3-х томах.
[47] *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886: Воспоминания политические и личные. СПб., 1906.

По политике России в Туркестане, представляют интерес мемуары дипломатического агента при Бухарском хане Н. В. Чарыкова, который в 1884–1885 году принял деятельное участие в присоединении Мерва, которое, спровоцировало новый русско-британский конфликт[48].

Весьма важным источником представляются мемуары военного агента в Париже генерального штаба генерал-майора А.А. Игнатьева. В них содержатся подробные сведения о службе и быте военного агента, которые при сопоставлении с собственно рапортами военных агентов показывают свою достаточную репрезентативность и универсальность как мемуарного свидетельства о службе военной разведки[49].

Представляют ценность мемуары британского посла в Турции Г. Лаярда и мемуары посла в Петербурге А. Лофтуса, показывающие действия британской политики по отношению к России от первых лиц. В 1877–1880 гг. Г. Лаярд был главным проводником политики Б. Дизраели в Турции, направленной против России, и его мемуары отразили цели британской политики, действия, и результаты, а также показывают внутренне положение Турции, что помогает верифицировать наблюдения русской военной разведки.

Мемуары одного из крупнейших британских колониальных деятелей, фельдмаршала Ф. Робертса, лорда Кандагарского, рисуют читателю широкую картину взаимоотношений между Лондоном и Калькуттой, результаты этой политики, отражавшиеся на целях и задачах англо-индийской армии, её положении в военное и в мирное время[50].

Помимо этого, понимать положение дел в британской армии, во время многочисленных колониальных военных кампаний рубежа 1870-х–1880-х годов, помогают воспоминания английских офицеров, в чинах от лейтенанта до подполковника, служивших как офицерами пехоты и кавалерии, штабной службы, что позволяет создать подробную картину устройства и быта

---

[48] *Чарыков В.Н.* Беглый взгляд на высокую политику. М., 2015.
[49] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1955. В 2-х томах.
[50] *Sir Robert of Khandagar.* Forty one years in India. London, 1897.

британской армии, со всеми её сильными и слабыми сторонами, бывшими предметом пристального внимания русской военной разведки[51].

Таким образом, данная совокупность источников представляет собой достаточно представительную базу позволяющую, как представляется, решить задачу, стоящую перед данным исследованием.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые специально и комплексно рассмотрена работа русской военной разведки в Великобритании и регионах ее внешнеполитической и военной активности, проанализирована роль военной разведки в формировании политики России в годы кризисов 1875–1880 гг. и 1885 г., а также рассмотрена взаимосвязь работы разведки в Англии и Турции на материалах новых, прежде нигде не фигурировавших источников.

Теоретическая значимость исследования. Материалы диссертации дополняют имеющиеся на сегодняшний день сведения по истории русско-британских отношений и истории стратегического внешнеполитического и военного планирования Российской империи, а также позволяют вывести дальнейшее изучение данных тем на новый уровень.

Практическая значимость исследования. Материалы данной работы могут быть использованы как для новых исследований по истории внешней политики и военной истории Российской империи, так и для подготовки общих и специальных курсов по этим темам.

Достоверность исследования обеспечивается широкой источниковой базой, основу которой составляют неопубликованная делопроизводственная переписка между военными агентами и Главным штабом, а также опубликованные источники личного происхождения, в частности, дневники Д.А. Милютина и Ч. Мак-Грегора, переписка Б. Дизраели, воспоминания А.Н. Куропаткина, П.А. Шувалова, Ф.С. Робертса и др.

[51]*Duke J.* Recollection of the Kabul Campaign 1879 & 1880. L.: H.W. Allen & Co, 1883. *Haggard A.* Under Cresent and Star. L.: William Blackwood and sons, 1895.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 8 научных работах общим объемом 10,3 п.л., в том числе в 5 работах общим объемом 3,6 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура диссертации выстроена по проблемно-хронологическому принципу, соответствуя основным вехам русско-британских отношений в 1875–1885 гг. Она состоит из введения, трех глав, разбитых на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. С 1860-х гг. в России стал создаваться централизованный аппарат военной разведки, который комплектовался из офицеров корпуса Генерального штаба. Образование, полученное в военной академии, и соответствующая служба позволяли будущим военным агентам получить теоретическую базу и опыт, которые были полезными для их будущей деятельности. Основные методы их работы заключались в создании разветвленной агентуры на местах, открытом наблюдении за войсками, что позволяло получать наиболее подробные и точные сведения из первых уст.

2. Доставляемые разведкой сведения о готовности Великобритании вмешаться в конфликт на Балканах силой оружия повлияли на выработку оперативных планов в войне с Турцией в 1876–1878 гг. и адекватной оценки собственных возможностей в ходе вероятного столкновения. Это способствовало мирному решению спорных проблем. События 1878 г., когда России пришлось столкнуться с риском войны с Великобританией и ее возможными союзниками, повлияли на выработку новых приоритетов во внешней политике, в частности, на подготовку

Босфорской десантной операции.

3. Обострение соперничества с Англией вынудило Россию активизироваться в Средней Азии и Афганистане для достижения уступок со стороны своего конкурента в Восточном вопросе. Это привело к изменению баланса сил в Средней Азии и выходу России на границы с Афганистаном, что породило проблему спорных пограничных территорий. Подготовка к военному столкновению выявила незнание местности и обусловила необходимость усиления разведки в данном регионе, которая была возложена на военных агентов в Лондоне.

4. В начале 1880-х гг. создается масштабная и постоянная агентурно-разведывательная сеть на Босфоре. Ее цель – составление карт местности и оценка сил англичан и турок. К 1885 г. ее усилиями были созданы законченные планы местности, поэтому стало возможным приступить к разработке планов десанта на Босфор. Также благодаря ее действиям удалось установить факт усиления германского влияния в Турции.

5. Кризис 1885 г., спровоцированный нерешенностью вопроса о границе между Россией и Афганистаном, вызвал новую угрозу войны с Англией. Данные разведки способствовали ведению переговоров с Лондоном, а также составлению первого оперативного плана на случай войны с Англией и Афганистаном. Также благодаря данным военного агента в Лондоне была получена информация об угрозе нападения англичан со стороны Дальнего Востока.

Глава 1. Разведка: организация, кадровый отбор и методы работы.

§ 1. Служба военных агентов: должность и обязанности.

Главный штаб и военная разведка.

История заграничной военной разведки в России, ведет свой отсчет с 1810 года, когда военный министр, генерал-адъютант, генерал от инфантерии М.Б. Барклай– де– Толли, предоставил на имя императора Александра I доклад, по мероприятиям для укрепления обороноспособности страны. Среди них, особо выделялся пункт организации сбора сведений: «о военном, статистическом и политическом состоянии соседствующих государств», путем назначения военных чиновников в состав посольств и консульств. Эта мера была немедленно претворена в жизнь[52].

Организацией разведки, занялась созданная Экспедиция секретных дел при военном министерстве[53], однако после 1812–1815 гг. сбор статистических сведений, перешел в 1 отделение квартирмейстерской части Главного штаба, сосредоточившись исключительно на сборе географических сведений, путем нерегулярных командировок офицеров за границу, и созданием института «военных корреспондентов».

Однако, это так и не привело к созданию заграничной разведки, поставляющей сведения о вооруженных силах иностранных государств на регулярной основе[54].

После Крымской войны, перед высшим руководством Российской империи встала задача изменения организации армии. Для этого, требовалась реорганизация органа центрального военного планирования. В 1860-е годы XIX столетия, эталоном такого органа, являлся прусский Большой Генеральный штаб, в задачу которого входили сбор информации и разработка на её основе военных

---

[52] *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 50.
[53] Там же. С. 66.
[54] *Алексеев М.Н.* Указ.соч. С. 92, 108. *Кривопалов А.А.* Фельдмаршал Ф.И. Паскевич и русская военная стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019. С. 115–120.

планов[55]. В Российской империи, эта задача лежала на Главном Штабе военного министерства. Указом русского военного министра, Д.А. Милютина, за № 471 от 31 декабря 1865 г. реорганизуется управление Главным Штабом[56].

Согласно приказу № 103 от 30.03.1867 г. Главный штаб управлялся начальником с двумя помощниками в генеральских чинах и двумя личными адъютантами, а делопроизводством ведала канцелярия и 6 отделений[57]. В обязанности служащих Главного Штаба входило: составление штатов войск, формирование и расформирование воинских частей, ведение учёта дислокации войск, их перевозка по железным дорогам и водным путям, военные сборы и командировки войск, устройство новых крепостей и укреплений, хозяйство войск, чинопроизводство офицеров, призывы новобранцев, пенсии, награды, планы занятий войск[58]. Для этого требовалась готовая военная статистика, позволявшая вести всю огромную канцелярскую работу, связанную с мобилизацией и боевой подготовкой войск.

Для этого, требовался специальный орган, занимающийся сбором и обработкой статистических сведений. Из Совещательного комитета Главного Управления Главного штаба, образовывался Военно–ученый комитет[59]. 1 января 1869 г. в приказе № 1 по военному министерству был образован Военно–Учёный комитет при Главном Штабе (далее – ВУК)[60]. Он управлялся комитетом, во главе которого стоял начальник Главного Штаба, а в состав комитета входили: помощники начальника Главного штаба, начальники Военно–топографического отдела и Николаевской военной академии, управляющий делами комитета, остальные 10 переменных членов из генералов и штаб-офицеров Генерального штаба и Корпуса военных топографов. Все члены комитета утверждались

[55] *Меннинг Б.У.* Штык и пуля. Армия Российской империи. М.: Модест Колеров, 2016. С. 29.
[56] Высшие и центральные учреждения России в 1801–1917 гг. СПб., 1994. Т. 4. С. 121.
[57] Приказы военного министра. 1867. СПб., 1867. С. 11–13.
[58] Свод военных постановлений 1869 г. СПб., 1893. Кн. I. С. 27.
[59] Приказы военного министра. 1867. С. 5.
[60] Свод военных постановлений 1869 г. СПб., 1894. Кн. I. С. 34.

императором. На заседания комитета приглашались начальники и командиры армейских соединений, специалисты по рассматриваемым вопросам[61].

С 2 января 1869 по 22 мая 1881 года, его председателем являлся начальник Главного Штаба, граф, генерал от инфантерии Фёдор Логгинович Гейден, которого в 1881 году, сменил управляющий делами комитета, генерального штаба генерал-лейтенант (с 1881 – генерал от кавалерии) Николай Николаевич Обручев[62].

В положении о ВУК чётко сказано, что он есть учреждение совещательное, рассматривающий вопросы, относящиеся в сферу его компетенции только с приказания военного министра[63]. В обязанности комитета входило: составление соображений и рассмотрение инструкций по частям военно–ученой, статистической и геодезической; рассмотрение предложений, изобретений и сочинений, относившихся к усовершенствованию частей Генерального штаба и Корпуса топографов, рассмотрение книг и изданий, предназначавшихся для образования офицеров; **наблюдение за собиранием подробных сведений о способах России и иностранных государств в военном отношении, (выделено мной – А.Т.)**; попечение о пополнении библиотеки Главного штаба и Военно–ученого архива появляющимися в России и за границей новыми сочинениями, картами и другими изданиями; наблюдение за ходом образования в академии Генерального штаба, Военно–топографическом училище, на Курсе восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел[64].

Вышеупомянутая задача сбора сведений о России и иностранных государствах ложилась на канцелярию ВУК [65] . Обзор обязанностей ВУК показывает, что в основном, он был занят накоплением статистических материалов и тематической литературы, для обработки оных и выработке на их

[61] *Газенкапмф П.Н.* Служба и устройство русского генерального штаба. СПб., 1888. С. 8.
[62] Высшие и центральные учреждения… Т. 4. С. 49.
[63] Свод военных постановлений. Кн. I. С. 35.
[64] Свод военных постановлений. Кн. I. С. 34.
[65] *Газенкампф П.Н.* Указ.соч. С. 9.

основе мобилизационных расписаний, учитывающих особенности противника и региона.

По мнению Б. Меннинга, ввиду того, что в России только формировался чёткий механизм мобилизации, все военные планы носили характер обобщающих директив, то упор был сделан на систематический сбор военных сведений, полезных для будущих боевых действий[66].

Это подтверждает мнение О.Р. Айрапетова, подобное направление деятельности ВУК формировалось ввиду нужды военного министра в сильном мозговом центре военного министерства, способном решать задачи, поставленные перед ним военным министром[67]. Подтверждением этих слов может служить воспоминание генерала А.Н. Куропаткина, возглавлявшего в 1878–1879 гг. Азиатскую часть Главного штаба, о фигуре начальника Главного штаба, генерале Ф.Л. Гейдене, что тот делами занимался мало[68]. Это подчёркивает то, что Милютину нужны были исполнители, а не самостоятельные деятели. Это подтверждает правоту мнений историков, о месте ВУК в военной системе России и доминирующей роли военного министра в его работе.

О целях накопления сведений по военной статистике довольно точно писали офицеры-генштабисты в начале XX века. По мнению Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина: «Генеральный Штаб является ближайшим и непосредственным помощником высшего командования. Он собирает, подготавливает и разрабатывает все данные, необходимые для решения начальника. Он переливает это решение в жизнь в виде приказаний и помогает следить за выполнением их. Он руководит обеспечением боевой готовности войск»[69].

---

[66] *Меннинг Б.У.* Указ.соч. С. 30.
[67] *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2018. С. 117.
[68] *Куропаткин А.Н.* 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 225.
[69] *Головин Н.Н.* Служба Генерального Штаба. Вып. 1. СПб., 1912. С. 23.

Служивший военным агентом в Греции и в Турции, генерал-лейтенант Э.Х. Калнин писал: «Теоретические соображения и исторический опыт указывают на то, что в составе современных армий необходимо иметь орган, специальностью которого было бы изучение противника»[70].

Эту мысль, еще раньше, но в более расширенном варианте высказывал А.А. Свечин: «В процессе изучения мирной и вооружённой борьбы с соседом тайная разведка составляет только небольшую часть работы. Агентурные данные об армии, технике и крепостях соседа недостаточны для уверенной работы в мирное и военное время. Нужно прислушаться к биению пульса государственной и общественной жизни; нужен определённый ответ, колосс ли он на глиняных ногах? Какую поправку нужно вводить при оценке цифровых данных о противнике? В чём его сила»[71]?

Изо всего этого, следует, что для полноценной работы Генерального штаба, требовался подобный орган, на которого ложилась обязанность работы изучения данных о своих силах и силах вероятных противников, путем сбора и обработки статистических сведений. Таковым органом и стала канцелярия Военно– ученого комитета. Фактически, канцелярия становилась органом военной разведки в России с 1869 года.

Ввиду всего вышесказанного задача собирания сведений о военном потенциале других стран становилось одной из приоритетных для ВУК. Генерального штаба полковник, (С 1940 г. – маршал Советского Союза) Б.М. Шапошников в своём труде «Мозг армии», когда писал о заграничных поездках начальника Генерального штаба, указывал цели таких поездок – 1) личное знакомство с армией государства, куда совершается поездка, 2) знакомство с новыми образцами вооружения, принятыми в иностранной армии, 3) разработка нового военного союза или координация действий с генеральным штабом союзной державы[72].

---

[70] *Калнин Э.Х.* Генеральный штаб и его специальность. Одесса, 1909. С. 35.
[71] *Свечин А.* Немецкий разведчик о России. // Русский инвалид, 1908. № 265.
[72] *Шапошников Б.М.* Указ.соч. Т. 3. С. 302.

Однако такие поездки требовали больших хлопот, и поэтому они были очень редкими. Для полноценного функционирования военно– статистической службы, требовалась постоянная организация наблюдения за иностранными армиями. Поездки офицеров за границу, решить такую проблему не могли. Постоянными военными наблюдателями, собиравшими сведения и анализировавшими их, должны были стать специально образованные офицеры, для которых была учреждена соответствующая должность – военный агент.

Военные агенты: должность и обязанности.

Первым официальным документом, учреждающим должность военного агента, был указ от 10 июня 1856 г: «**Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым заграницу**»[73]. Проект расписывал обязанности военного агента, которые заключались в сборе информации о: численности и составе, устройстве и расположении сухопутных и морских сил страны пребывания, способах правительства к пополнению и умножению вооружённых сил и снабжением их оружием, о сборах и манёврах, о разных передвижениях войск и их целях, о способах железнодорожной переброски войск, о состояниях крепостей и строящихся укреплений, об опытах над усовершенствованием оружия и военной техники, о состоянии отраслей военного ведомства, изменениях в военном деле, от уставов и формы обмундирования до крупных реформ в военной организации, о духе войск, мышлении офицеров и высших командных чинов, следить за ходом военной мысли в стране пребывания, о состоянии военно– учебных заведений, устройстве генерального штаба и уровень знаний офицеров его корпуса[74].

Разумеется, для этого, военному агенту предписывалось: «Все означенные сведения собирать с самою строгою осторожностью и осмотрительностью и тщательно избегать всего, что бы могло навлечь на агента малейшее подозрение

[73] РГВИА Ф. 38. Оп. 5. Д. 695. Л. 19–26. Был опубликован в: *Сергеев Е.Ю. Улунян Ар.А.* Указ.соч. С. 34. *Алексеев М.Н.* Военная разведка в Российской Империи. С. 184.
[74] *Алексеев М.Н.* Указ.соч. С. 185–186.

местного правительства»[75]. По этой инструкции, агент собирал всё, что касается вооружённых сил соседней державы и её военного потенциала, для того, чтобы в Главном Штабе могло сложиться наиболее полная картина о потенциальных противниках или союзниках.

Цели, подлежащие вниманию военного агента, можно разделить на три группы. Первая – численность и состав, комплектование, дислокация войск и их тактика. Вторая – военный потенциал страны и его эволюция, ярко проявлявшаяся в области вооружений, и третья, на которую делался особый упор в инструкции – военная мысль страны пребывания. Роль, которой отводили двум последним группам авторы инструкции, помимо сбора статистики, можно выявить, обозначив контекст положения военного дела в 1850-е–1870-е годы.

В период от окончания Крымской войны в 1856 и до франко-прусской войны 1870–1871 гг. произошел переход с рекрутской на призывную системы комплектования армий, что позволило создавать компактные армии в мирное время и существенно их увеличивать в годы войны. Техническое развитие привело к изменению вооружения, приведшее к появлению скорострельных и казнозарядных винтовок и орудий, системы связи – телефон и телеграф, транспортной системы – железные дороги, что потребовало более высокого уровня образования офицеров и потребовался корпус специалистов – Генеральный Штаб[76]. Всё вышесказанное потребовало специальной военной организации, военных округов, системы мобилизации и призыва войск, штатов мирного и военного времени, специального образования для офицеров, и умелого управления всей военной системой.

После, в 1920-х годах, генерального штаба генерал-лейтенант А.А. Свечин, в своём труде «Эволюция военного искусства», писал относительно эпохи Мольтке, что тот смог учесть технические новшества эпохи – телеграф, железные дороги, дальнобойное оружие, и на этих технических средствах смог

[75] РГВИА Ф. 38. Оп. 5. Д. 695. Л. 19.
[76] *Person G.* Op.cit. Pp 9–11; *McElwee W.* The art of war from Waterloo to Mons. Purnell Book services, 1974. Pp. 106–108.

базировать свою военную стратегию. Она заключалась в единовременной мобилизации всех сил, перевозке войск по заранее утвержденному чёткому и жёсткому плану, и их введение в бой в походных колоннах, дабы, соединившись, дать решающее сражение противнику.

При этом Свечин подчёркивал, что контекст эпохи, рост всеобщего благосостояния и культурного уровня масс, в результате высвобождения сил капитала, вёл к тому, что державы вынуждены были использовать все возможности масс, на фоне обостряющихся противоречий в международной политике[77]. Ввиду этого, резко возрастала роль материальных факторов, которые помогали провести мобилизацию масс и эффективно использовать их как военную силу для разрешения внешнеполитических противоречий. Свечин полагал, что вряд ли в ближайшие столетия будут новые средства способные заменить железные дороги и телеграф, а вкупе с новыми средствами войн, которые показали ему войны начала XX века, это сказывало сильное влияние на военное искусство, которое активно развивалось под воздействием техники[78].

Поэтому, уже в конце 1870-х назрела необходимость новой инструкции, которая уже бы отражала произошедшие изменения.

18 декабря 1880 появилась «**Инструкция военным агентам и лицам, их заменяющим**». Согласно этой инструкции: «Военные агенты назначаются для доставления правительству возможно полных, точных и своевременных сведений о военных силах и средствах иностранных государств»[79]. То есть инструкция давала определение должности и в нем же очерчивала цели офицера, занимающего эту должность – сбор и доставка статистических сведений о вооруженных силах.

От целей, инструкция переходила к задачам военного агента. Дабы доставить полные и точные сведения о военных силах и средствах, военный

[77] *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М.-Ленинград., 1928. В 2-х томах. Т. 2. С. 531–532.
[78] *Свечин А.А.* Указ.соч. Т. 2. С. 543.
[79] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 10.

агент обязан был изучать: «Состав и комплектование его вооружённых сил, сухопутных и морских. Организацию и численность их по мирным и военным штатам. Расположение их и способы мобилизации и сосредоточения. Устройство материальной и хозяйственной их части, обеспечение обмундированием, снаряжением, вооружением, ремонтом, обозом, провиантом и фуражом. Устройство разных отраслей военного управления с их специальными … и с применением их к потребностям военного времени. Тактическое обучение войск (уставы, занятия во время сборов), развитие военного образования в армии, дух и быт солдат и офицеров, и характеристику главных начальников. Бюджет государства, особенно военный, и наконец, общую систему обороны государства, т.е. крепости и укрепления в связи с путями сообщения и главнейшими географическими и топографическими условиями страны». Ввиду произошедших изменений в военном деле и организации армий, сбора статистики оказывалось недостаточно – военный агент должен был следить за всеми изменениями в армии страны пребывания, всеми техническими новшествами, вводимыми в войсках, стратегическими дорогами, возведением новых укреплений, общим настроением военной деятельности, армии и печати.

Исходя из знаний об устройстве армии и ходе её жизни, и источниках военной силы армии, агент должен был: «Дать себе и правительству ясный и верный отчёт об оборонительной и наступательной способности государства». То есть, помимо сбора статистических сведений, от военного агента требовали аналитики вооруженных сил, военного потенциала и политики страны пребывания. Особое внимание уделялось пограничным с Российской Империей странам, и пограничным регионам: «Поэтому, военные агенты находящиеся в сих государствах, независимо от общих, означенных выше предметов, обязываются тщательно собирать и обновлять военно–статистические сведения о пограничных с Россией областях, изучать подготовку их как театров военных действий, с возможными подробностями о путях, военных запасах, расположениях сил, вооружении и гарнизонах крепостей и прилагать все

старания к получению точных данных относительно перевозочной способности железных дорог и планов сосредоточения войск»[80]. Этот пункт инструкции хорошо отражает всю сущность произошедших изменений, с учётом предыдущих пунктов. В этой инструкции чётко прописываются основы военного дела второй половины века XIX – статистические данные об армии потенциального противника, играли большую роль для учета военного потенциала врага[81]. В этом контексте были важны и методы их мобилизации, и способы доставки войск к потенциальным театрам войны.

Для добычи как можно более достоверных и точных сведений об этом, военным агентам ставилось в обязанность создание агентурной сети, которая смогла бы снабжать русскую разведку необходимой информацией в случае разрыва с этой страной. Это должно было заботить всех агентов во всех странах, ибо: «Опыт убеждает, что во многих случаях, собирание секретных и важнейших сведений достаётся легче и удобнее вдали от того государства, до которого они относится»[82]. Ярким примером может служить пост военного агента в Афинах, который вёл наблюдение за Османской Империей и британскими силами в Средиземном море, и доставляемые ими сведения были не менее важны, чем непосредственные донесения из Константинополя[83].

Эта подробная роспись того, что должно было интересовать военного агента, отражает, в первую очередь те задачи, которые он должен был выполнять для достижения своей цели. Далее, следовало описание методов работы, для выполнения задач.

При сборе всех этих сведений, агент должен был действовать чрезвычайно осторожно, дабы не возбудить подозрения правительства. Для того, чтобы получить представление об армии страны пребывания, военный агент должен

---

[80] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 11.
[81] *Rich D.A.* The Tsars Colonels. Professionalism, Strategy and Subversion in Late Imperial Russia. L., 1998. P. 454.
[82] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 12.
[83] *Каширин В.Б.* Указ.соч. С. 116.

был присутствовать при парадах, смотрах, учениях армии, если получал туда официальное приглашение.

Донесения агент адресовал в Военно– учётный комитет, и писал их на русском языке. В экстренных случаях, оно отправлялось на адрес военного министра. В военно– учётном комитете переадресовывали донесения по специальности, к примеру, донесения об оружии, оправлялись в артиллерийский или инженерный комитеты Главного штаба, или переадресовывались начальнику военного округа, донесения из Лондона, часто переадресовывались начальнику Туркестанского военного округа.

Донесения о составе численности и расположении войск (с дислокационной картой) доставлялись 2 раза в год к 1 января и 1 мая. При этом к январскому донесению, агент обязан был присоединить краткие перечневые сведения по всем статьям устройства вооружённых сил, дабы из этих донесений можно было сделать выдержку для представления императору 1 марта каждого года: «По прочим предметам, донесения доставляются по мере собирания сведений, с соблюдением возможной своевременности, особенно, относительно передвижения и сборов войск, новых военных проектов и ассигнований. Военным агентам рекомендуется также беспромедлительное доставление в Главный Штаб брошюр и журнальных статей военного или военно–политического содержания появление коих производит заметное впечатление на общество».

Книги посылались лишь по просьбе Военно–учётного комитета, как и карты, ведения о технических новшествах, дабы избежать накопления копий и быть в курсе всех перемен. Для этого, агентам специально доставлялись книжки Артиллерийского и Инженерного журналов, Военного и Оружейного сборников. Что касалось финансов, то: «Для расходов по служебной переписке и собиранию необходимых сведений, военным агентам, ассигнуется сумма в 1200 рублей. В случае же, когда предстоит приобретение особенно важных материалов, или необходимость в усиленной шифрованной корреспонденции, испрашиваются

особые кредиты»[84]. То есть, помимо основной суммы, на экстренные расходы, агент мог запросить ещё денег на расходы, в зависимости от требований обстоятельств.

Эти пункты регламентировали делопроизводственную переписку военного агента: указывалось кому и с какой регулярностью должны были приходить его донесения, как он должен собирать сведения, и что ещё он может присылать помимо служебных рапортов, и оговаривалась финансирование его деятельности.

Обязательные два донесения в год содержали в себе статистические сведения и отсылались сразу в ВУК, ответственным за сбор и обработку оной. В отношении прессы, факт рассылки технических журналов указывает на то, что пресса являлась мало надёжным источником. Итак, из инструкции следуют основные методы наблюдения – личное присутствие, анализ литературы и прессы и нелегальная разведка. При этом, на особо важные мероприятия, вроде добычи секретных сведений, всегда выделялась особая сумма, помимо официальной.

Военный агент, формально, подчинялся главе дипломатического представительства, но де–факто, им, как офицером военного ведомства, распоряжался военный министр, перед которым агент должен был отчитываться в своей деятельности. Также, инструкция уделила внимание тому, что военный агент был обязан следить за правилами ношения формы русскими офицерами заграницей. Согласно приказу по военному ведомству от 17 мая 1878 г., высочайше было воспрещено военнослужащим носить за границей форменную одежду за исключением тех случаев, когда они находятся в официальном положении, как– то: при представлениях высшим лицам, в случае приглашения на смотры и учения и т.д. Циркуляром 6 июня 1878 г., военным агентам предписано о тех военнослужащих, которые будут замечены в неисполнении сего приказа, доводить до сведения Главного Штаба[85].

[84] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 10
[85] Там же. Л. 12.

Если сделать сразу общее заключение по инструкции 1880 года, то из неё чётко следует определение военного агента, описание целей и задач его службы, методов работы, организации делопроизводства, финансирование и подчинение.

Теперь, стоит сравнить эти две инструкции, как показатель эволюции взглядов на военное дело. В инструкции 1880 года остались прежние требования изучения структуры, комплектования и настроения армии, военной логистики, военного потенциала страны и военной мысли. При этом, в тексте инструкции 1880 года произошли существенные дополнения. Если инструкция 1856 предписывала узнавать о состоянии различных частей военного управления и некоторых сторонах военного потенциала страны, то инструкция 1880 уже предписывала узнавать общую систему обороны государства, и анализировать его военный потенциал, делая акцент на предоставлении сведений о потенциальных театрах военных действий. Задача по сбору статистики оставалась прежней, в новой инструкции особо оговаривалась присылка статистических рапортов 1 января и 1 мая.

Можно отметить то, что если в инструкции от 1856 года писали о «способах комплектации армии», то в инструкции 1880 уже переходили от общих пожеланий к указаниям конкретных целей: под «способами комплектования войск» подразумевались их мирные и военные штаты, особо и подробно оговаривалось изучение логистики, то есть инженерное устройство вероятных театров военных действий и железнодорожную сеть страны. Инструкция показывает эволюцию: от статистики и новых сведений до системного изучения страны пребывания и её армии. Соответственно, должна была возрастать квалификация офицера, назначаемого на должность военного агента.

Работа военного агента заключалась не только в методичном сборе информации, но и в его обработке, которая заключалась в целенаправленном изучении будущего противника. Так как армия целиком зависела от внешней политики страны, её возможностей, которые диктовало положение страны – ресурсы, население, уровень развития техники и так далее, то положение

обязывало агента становиться специалистом по стране пребывания. Собственно, из этого следует то, что военный агент должен быть человеком самого широкого кругозора, получившим специальную подготовку и знакомым с тонкостями военного дела и умеющий изучать страну пребывания.

§ 2. Кадровый отбор.

Общие принципы кадрового отбора на должность военного агента заключались в том, что кандидаты на эту должность подбирались преимущественно из числа штаб-офицеров Генерального штаба, так как именно офицеры корпуса Генерального штаба имели преимущество при занятии вакансий на должность военного агента[86]. Такое преимущество обуславливалось тем, что именно офицеры корпуса Генерального штаба назначались для производства военно–статистических работ, съёмок и рекогносцировок.[87]

О военных агентах, профессор академии Генштаба, Ф.А. Макшеев в 1899 году писал: «Должности военных агентов принадлежат к числу тех, которые могут быть замещаемы офицерами Генерального Штаба, что вполне согласуется с существом дела»[88]. Здесь имелась ввиду служба Генерального штаба, как органа оперативного планирования, для которого требовалась чёткая и подробная информация о потенциальных противниках. Для того, чтобы кандидат мог занять эту должность, он должен был 3 года прослужить на штатных должностях, и тогда он мог стать кандидатом на должность военного агента с оставлением в списках генерального Штаба с мундиром[89].

Таким образом, служба военного агента, считалась службой офицера Генерального штаба, что обуславливало особый подход к отбору кандидатов на занятие этой должности.

2.1. Военные агенты в Лондоне.

---

[86] *Газенкампф П.Н.* Указ.соч. С. 3.
[87] Свод военных постановлений 1869. СПб., 1907. Кн. 5. С. 34.
[88] *Макшеев Ф.А.* Генеральный Штаб. Сравнительный очерк современного устройства его в армиях: Русской, германской, Французской и Австрийской. СПб., 1899. С. 60.
[89] *Газенкампф П.Н.* Указ.соч. С. 3.

Первым русским военным агентом в Лондоне стал флигель– адъютант, генерального штаба полковник, граф Николай Павлович Игнатьев, назначенный 7 июня 1856 года. В период 1877–1885 гг. этот пост занимали: Свиты его императорского величества генерал-майор Александр Павлович Горлов (1873–1882), генерал-майор Карл Карлович Ланц (1882–1884), Генерального штаба подполковник, с 1886 года – генерал-майор, Сергей Сергеевич Бутурлин (1884–1891).

Основная задача военных агентов в Лондоне заключалась, по словам начальника канцелярии ВУК, генерал-лейтенанта Ф.А. Фельдмана: «Прежде всего к изучению военных заявлений Англии, к выяснению их особенностей, как в метрополии, так и в колониях, а особенно на важном ныне Средне– Азиатском театре»[90]. Эта фраза ёмко и точно характеризует всю суть службы военного агента в Лондоне. Поэтому, его должность становилась одной из центральных в системе военной разведки России.

Свиты Его Императорского Величества, генерал-майор А.П. Горлов.

Горлов Александр Павлович, родился 20 октября 1830 года, происходил из дворян Казанской губернии, православный. Прошёл обучение в Михайловском артиллерийском училище, с 1843 по 1848 гг. 30 июня 1848 года вступил в службу в чине прапорщика[91], с 1849 г. был произведён в подпоручики. По окончании офицерских классов училища, в 1850 году был назначен в Лейб– гвардии Конно–артиллерийскую бригаду[92]. С 1851 года занимал должность помощника учёного секретаря Артиллерийского отделения Военно– учётного комитета, с 1858 – его учёным секретарём становится он сам. После преобразования Артиллерийского отделения в Артиллерийский комитет, он становится его членом, затем следует его членство в техническом комитете Главного артиллерийского управления. С

[90] РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 970. Л. 122.
[91] Список генералам по старшинству. СПб., 1875. С. 725.
[92] *Ильина Т.Н.* Военный агент А.П. Горлов. Биография. // Victoria. Gloria. Fama: Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 9–11 сентября 2003 г.: В 4 ч. Ч 4. Секция "История оружия и военной техники". СПб., 2003. С. 33.

1868 по 1873 годы он занимал должность военного агента в САСШ, и за отличие, был произведён в генерал-майоры, и назначен агентом в Лондон[93]. Из этого списка следует, что основная карьера генерала Горлова, складывалась в штабах, вокруг военно– технических изобретений, чему способствовало полученное им артиллерийское образование.

Штабную службу, он совмещал с военно– инженерной практикой. С 1858 по 1862 гг. он работал над созданием новых артиллерийских систем. Результатом его изысканий стала книга «О движении снаряда в канале нарезного ствола», выпущенная в 1862, и удостоенная в 1864 Михайловской премии, а через 2 года – за создание стальных, казнозарядных артиллерийских орудий ему была объявлена Высочайшая благодарность.

Одновременно, он преподавал в Михайловской артиллерийской академии курс по использованию лафетов и повозок, изучал откаты лафетов во время выстрелов, испытывал мортирные станки в артиллерийских частях гарнизона г. Калуга, и, что самое важное, ездил заграницу с целью сбора сведений по артиллерийской части. На этом аспекте его деятельности, следует остановиться поподробнее.

Первая его поездка состоялась в 1859 году, о месте назначения пока выяснить ничего не удалось, а вторая поездка, в 1864 году, была в Бельгию и Англию. Если о целях его первой поездки пока ничего не удалось выяснить, то целью второй поездки была постройка лафета к 11–дюймовой пушке. В 1865 году состоялась его третья заграничная поездка – на сей раз за океан, в Северо–Американские Соединённые Штаты[94], где только что закончилась гражданская война между южной Конфедерацией и северным Союзом. Как говорилось выше, пристальное внимание русского военного ведомства к иностранному военному опыту, сделало систему заграничных командировок офицеров частым явлением[95], поэтому они дали Горлову хороший опыт сбора сведений.

---

[93] Военная энциклопедия. М., 1912. Т. 8. С. 403.
[94] *Ильина Т.Н.* Военный агент А.П. Горлов. С. 34.
[95] *Preson G.* Op.pt. P. 47.

Российская Империя, поддерживавшая северян, чрезвычайно заинтересовалась свежим военным опытом и результатами применения в боевых условиях нового вооружения. Целью Горлова был сбор сведений о развитии артиллерии, и опыт её применения.

Молодой офицер перевыполнил свою задачу, не только предоставив отчёт о действиях артиллерии в гражданскую войну 1861–1864 гг. но и завязав личные контакты с изобретателями оружия и военачальниками, опубликовав в 1866 году в ряде номеров Артиллерийского журнала очерки, касающиеся военного дела САСШ. Как он сам отзывался о собственной поездке: «В 1865 году, я был командирован в Соединённые Штаты Северной Америки по делам, относящимся до артиллерийской части. Во время моего пребывания в этой стране я собрал различные материалы как относящиеся до артиллерийской специальности, так и вообще по военному делу. Я намерен представить в Артиллерийском журнале составленные по этим материалам статьи под общим заглавием «Военные очерки Соединённых штатов Америки»[96]. Помимо ценных сведений, Горлов привёз ещё и 5 новых образцов американских винтовок, что стало причиной его следующей специализации уже на стрелковом оружии. С 1867 года, совместно с поручиком К.И. Гуниусом, Горлов снова отправился в САСШ, для изучения оружейного производства и на основании американского оружейного опыта создать новую винтовку для перевооружения русской армии.

В 1868 году, полковник Горлов, был назначен на должность военного агента в Вашингтоне, столице Северо– Американских Соединенных Штатов, став первым русским военным представителем в этой стране. В рапорте № 37 от 2 (14) апреля 1871 года, он писал о своих обязанностях, как по предмету скорострельных вооружений, которые, по его же словам, не оставляли ему времени для исполнения основных занятий, предписываемых ему инструкцией военного агента[97]. Тем не менее, он чётко, в духе инструкции 1856 года, доставил

[96] Рапорт начальника артиллерийского управления… Цит. По: *Ильина Т.Н.* Военный агент А.П. Горлов. С. 34.
[97] РГВИА Ф. 453. Д. 6. Л. 9.

сведения о количестве, составе, дислокации армии США, её устройстве, приложив к сему записку об армии Америки и об индейских племенах.

Рапорт № 83 от 12 (24) ноября и № 86 от 16 (28) декабря 1871 года, сообщали, что императорский посланник в Вашингтоне Г.К. Катакази, после совещания с великим князем Алексеем Александровичем и вице– адмиралом К.Н. Посьетом, поручил Горлову заведовать делами русской миссии в САСШ [98]. Горлов воспринял это положение как ненормальное, будучи военным занимать пост, принадлежащий чиновникам министерства иностранных дел[99].

В Америке, он получил практический опыт наблюдения за воюющей армией. В 1873 году, САСШ начали войну с индейскими племенами сиу и модоков[100]. Рапорт от 11 (23) апреля 1873 года за № 35 содержал в себе подробнейший отчёт о войне с индейским племенем модоков. Интересно то, что Горлов указывает в качестве своих источников при составлении этого отчёта: «официальные сведения об индейцах, сообщенные в рапортах министра внутренних дел за 1872 год, газетные описания корреспондентов, сопутствовавших экспедиционный отряд, описания как официальные так и частные, помещённые в здешнем военном журнале: Army and Navy Journal, оффициальные приказы о движениях разных частей отряда, официальные сведения насчёт состава и расположения войск на различных постах и наконец, официальная карта, с показанием на оной расположения всей индейских резерваций, на западе Америки» [101]. То есть, Горлов опирается только на официальные данные, которые он мог легально заполучить в свои руки. Для создания общей картины событий используется официальные сведения и рапорты, а детали – ход войны, тактика сторон, уточнятся с помощью прессы.

Это позволило ему приобрести опыт практического наблюдения за войском. Его деятельность на посту военного агента в САСШ была оценена начальником

[98] Там же. Л. 1.
[99] Там же. Л. 2.
[100] *Robert M. Utley.* Frontier Regulars. The United States Army and the Indian. 1866–1891. – New York, 1973. P. 190.
[101] РГВИА Ф. 453. Д. 7. Л. 61.

ГАУ, генерал-адъютантом, генералом от артиллерии А.А. Баранцевым так: «Независимо от возлагаемых на него по званию военного агента в Америке весьма многотрудных обязанностей, выполненных им с необыкновенным знанием дела и пользой для правительства, генерал-майор Горлов известен своими учёными трудами, послужившими на пользу артиллерийской науке и технике. «…» Генерал-майор Горлов, как известно из писем нашего посланника в Америке, г– на Катакази, пользуется за свои труды и познания всеобщим между американцами уважением и с достоинством представляет в Америке Русское военное сословие» [102]. За эти заслуги, 17 апреля 1870 года, Горлов был произведён в генерал-майоры и 27 ноября того же года зачислен в Свиту императора[103]. Наконец, высочайшим повелением от 26 июня 1873 года, он назначается на должность Военного агента в Лондоне[104].

Генерал-майор К.К. Ланц.

Карл Карлович Ланц родился в 1837 году в Санкт–Петербурге[105], в семье купца 1 гильдии Карла Ивановича Ланца. Так как в послужном списке генерала была запись, что он происходил из «потомственных почётных граждан Санкт–Петербургской губернии», то логично предположить, что его отец, по закону от 1832 года мог подать прошение на приобретение этого статуса, и будущий генерал стал потомственным почетным гражданином по праву наследства[106]. Более точная дата рождения осталась неизвестной.

В службу он вступил сверхкомплектованным пансионером в Михайловское артиллерийское училище 13 сентября 1852 года, а в следующем году, он был произведён в фейерверкеры. Окончив училище с отличием 6 июля 1857 года, был произведён в прапорщики с зачислением по полевой пешей артиллерии с

[102] *Ильина Т.Н.* Военный агент А.П. Горлов. С. 38.
[103] Список генералам по старшинству, 1875. С. 725.
[104] Список генералам по старшинству, 1875. С. 725.
[105] РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 14 111. Л. 3.
[106] Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗРИ). Собрание второе. Т. VII. «Об установлении нового сословия под названием почетных граждан» № 5284.

оставлением при Артиллерийской академии [107] . Так как это право предоставлялось лучшим ученикам, то это означало большие успехи будущего генерала в освоении наук[108]. Также это означало то, что по манифесту 1845 года, военный чин прапорщика, как XIV чин «Табели о рангах» давал ему личное дворянство[109]. 13 ноября 1859 года, по окончанию практического курса при академии с отличием, ему предоставлено право ношения аксельбанта. Таким образом, для выходца из недворянского сословия, военное училище, стало трамплином для построения дальнейшей карьеры.

Поручик Ланц был переведён в конно–артиллерийскую батарею № 4, будучи одновременно прикомандированным к лёгкой батарее № 2 Л.– гв. Конной артиллерии, куда переведён в 1860 году прапорщиком. Будучи на службе в Лейб–гвардии, он летом 1861 года был прикомандирован к инженер– генералу Э.И. Тотлебену для составления истории Севастопольской обороны, и за проявленное усердие был награждён 370 рублями и произведён в поручики в 1862 году. В свете его будущей карьеры, этот факт интересен тем, что работа с Тотлебеном дала ему возможность изучить действия британской армии, на примере недавней войны.

5 сентября 1864 года, он был награждён своим первым орденом Св.Станислава 3 степени. Получив в 1868 году чин капитана, он занимал разные административные должности, совмещая их с командованием своей частью. 30 августа он становится полковником с назначением командиром батареи, и получением уже потомственного дворянства, полагавшееся тем, кто дослужился до чина полковника.

22 августа 1871 года, Ланц оказался высочайшее командирован в Лондон для присутствия на манёврах под Альдершотом. 16 октября он прибыл из командировки, и за эту поездку он был награждён орденом Св.Анны 2 степени[110].

---

[107] РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 14 111. Л. 4.

[108] Столетие военного министерства. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. СПб., 1907. Ч. 2. С. 95.

[109] ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XX. «О приобретении дворянства службою». № 19086.

[110] РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 14 111. Л. 4.

В РГВИА было обнаружено дело о посылке его в Англию, содержащую в себе исключительно делопроизводственные бумаги и служебную переписку об организации поездки, но бумаг самого полковника Ланца о поездке в деле не оказалось. Зато в деле была найдена записка, в которой перечисляли характеристики офицеров– кандидатов для поездки. Ланц был избран, как офицер владеющий английским языком, так как остальные или болели, или были заняты по службе[111]. Единственное упоминание о самой поездке есть в одном из донесений за 1882 год, он писал, что манёвры августа 1871 года имели цель уподобиться осенним манёврам континентальных армий, посему они имели гораздо больший размах, чем предыдущие[112]. Таким образом, эти поездка, стала первым очным знакомством Ланца с армией Великобритании.

С 27 июля 1875, в чине полковника – командир Лейб–гвардии Драгунского полка[113]. В этой должности, весной 1877 года, Ланц выступил с полком на войну с Турцией. В официальной истории боевых действий полка, сохранились приказы полковника Ланца. Если рассмотреть их, то можно увидеть, каковы были его повседневные заботы в этой должности и узнать что-нибудь о личности генерала.

Приказ от 19 августа 1877 года: в нём, он распорядился, чтобы пешим людям полка были выданы 2 подводы, на которые те могли сложить свою амуницию, а унтер-офицерам выданы списки пеших. Командиру пеших: «Строго следить, чтобы по дорогам нижние чины не заходили в кабаки, не останавливались.»[114] Читаем выдержку из приказа по полку от 23 августа: «Предписываю всем гг. офицерам и нижним чинам под строжайшей ответственностью, чтобы при переходе через границу и следовании по Румынии никому из местных жителей обид не чинить, за всё забранное платить деньгами и ни под каким видом не

[111] РГВИА Ф. 401. Оп. 2 (1871). Д. 101. Л. 5.
[112] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 55.
[113] Русский биографический словарь. СПб, 1914. Т. 10. С. 74. *Кучевский И.М.* Памятка лейб-драгуна 1814–1914. СПб, 1914. С. 77.
[114] *Дубровин Н.С.* Описание военного похода Лейб-гвардии Драгунского полка в Турецкую кампанию 1877–1878 гг. СПб, 1880. Приложение. С. 52.

дозволять себе никакого самоуправства. За всякое нарушение этого правила наложено будет на виновного наказание по всей строгости законов военного времени»[115].

В приказе от 24 августа, дисциплина полка уже стала главным предметом: запрещено отлучаться с бивака даже с разрешения взводного унтер-офицера, для посещения базара у румын – отпускать в увольнение целой командой под командованием эскадронного унтер–офицера и с разрешения командира эскадрона. Всякое хищение сена, соломы или овса для фуража будет сочтено за грабёж, запрещён любой произвол[116]. Как объяснял это сам Ланц в приказе: «Всякая же самовольная расправа будет подвергать виновного строжайшему наказанию, без разбора, кто бы он ни был. Я желаю и достигну этого, чтобы никто не имел повода приносить жалобы на чинов полка, и предваряю, что в видах достижения этого не буду останавливаться ни перед какими мерами, которые сочту нужными принять для достижения этой цели»[117].

Столь крутые меры по поддержанию дисциплины в походе, генерал объяснял в том же приказе: «Не забывайте, что Европа будет судить о чести полка, о чести России по образу наших действий от Дуная и за Дунаем». Помимо этого, он преследовал цель дисциплинированным поведением войск расположить румынское население к русской армии[118]. В приказах содержались сведения о рационе солдат – в частности, Ланц заботился о том, чтобы солдаты имели мясную пищу.

Такие суровые меры и личный контроль за солдатским котлом, объясняются тем, что начальником штаба главнокомандующего, генералом от инфантерии, А.А. Непокойчицким, был выдан подряд на снабжение армии частным лицам, то те поставляли в армию фураж и провиант плохого качества, что вынудило армейских начальников озаботиться добычей провизии и фуража своими

---

[115] Там же. С. 53.
[116] *Дубровин Н.С.* Указ.соч. Приложение. С. 53–54.
[117] Там же. С. 54.
[118] Там же.

силами[119]. Другие приказы вполне типичны – об организации разъездов, оцеплений, охранения биваков, о поддержании в порядке обмундирования и амуниции, организации вывоза заболевших солдат в тылы и запрет на пение и музыку позже 10 часов вечера[120]. Последним приказом от 3 октября он озаботился тем, чтобы солдатам в щи клали лимонную кислоту[121]. В предыдущих приказах также содержались меры по охране здоровья нижних чинов. Однако, он всё равно приказом по дивизии № 135, с 5 октября 1877 года, он числился больным[122]. Дело в том, что 2 октября в деревне Дальней Липнице, он упал вместе с лошадью, получив – «растяжение связок левого голенно– стопного сустава»[123], – и вместо него, временно командующим полком стал командир 1 эскадрона, полковник Ковалевский[124].

22 декабря 1878 года, полковник Ланц был награждён орденом Св.Владимира 3 степени за службу, 14 ноября 1879 – он был назначен членом Главного комитета по устройству и образованию войск, 30 августа 1880 он был произведён в генерал-майор, 11 февраля 1882 – военный агент в Лондоне[125].

Из этих приказов видно, что полковник Ланц являлся ревнителем строгой дисциплины, крепким и экономным хозяйственником, отличившимся на гвардейской службе. Кроме того, стоит обратить внимание на тот факт, что он имел опыт работы с изучением военного опыта Англии на примере обороны Севастополя в Крымскую войну. То есть генерал отлично знал, как работает военная машина изнутри на примере организации перехода полка через Румынию, знал, как составлять военно– исторический труд, где анализируются военные действия, и имел практический опыт наблюдения за войсками. Поэтому,

---

[119] *Газенкампф М.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 10.
[120] *Дубровин Н.С.* Указ.соч. Приложение. С. 58.
[121] Там же. С. 60.
[122] Там же. С. 3.
[123] РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 14 111. Л. 7.
[124] *Дубровин С.Н.* Указ.соч. Приложение. С. 3.
[125] РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 14 111. Л. 5.

он вполне подходил для анализа и наблюдения за военной системой Англии и в 1882 году, генерал Ланц был назначен военным агентом в Лондон.

Генерального Штаба, генерал-майор С.С. Бутурлин.

Сергей Сергеевич Бутурлин родился 18 сентября 1842 года в Дрездене, столице королевства Саксония. Он был старшим сыном генерала Сергея Петровича Бутурлина и потомком старинного дворянского рода. Крещён был в православии. Окончил Московский университет по отделу математических наук на физико–математическом факультете, и вступил в военную службу юнкером в Лейб– гвардии Гусарский полк 12 ноября 1865 года[126], получив 8 августа следующего года чин корнета. Согласно Своду военных постановлений, нижние чины Лейб– гвардии, приобретшие право производства в офицеры, могли стать офицерами и в Лейб–гвардии[127]. Судя по всему, такое предоставление было сделано и Бутурлину. Более того, Бутурлин сам пишет в одном из донесений от 31 декабря 1884 (12 января) 1885 года № 8, что служил он в Лейб– гвардии Гусарском полку[128].

С 17 апреля 1870 года он получил чин поручика, а 28 марта 1871 – штаб-ротмистра, с 17 апреля 1873 – ротмистра, и с 1 марта 1874 года, будучи произведён в чин подполковника генерального Штаба, состоял офицером для поручений при штабе Московского военного округа, и в 1875 году его мундир украсили сразу две награды – русский орден св.Анны 3 степени и иностранный, бельгийский орден Св. Леопольда. 2 августа 1870 года, он был отправлен в чине поручика в Николаевскую Академию Генерального штаба, 28 марта 1871 года он произведен чин ротмистра, и окончил её в 1873 году, по II разряду[129], что обозначало его причисление к Генеральному штабу.

В 1876 году, 4 апреля он был произведен в полковники, и 19 февраля следующего года, был назначен исполняющим должность начальника штаба 5

[126] РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 129672. Л. 2 об. - 3.
[127] Свод военных постановлений. Кн. VI. С. 24.
[128] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 43.
[129] РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 129672. Л. 2.

пехотной резервной дивизии. В её рядах Бутурлин принимал участие в сражениях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и за бой 13 августа у аула Кизил–Тапа, он получил золотую саблю с надписью: «За храбрость», а за отличие в бою 2–3 октября он получил орден св.Владимира 4 степени с мечами и бантом, а за отвагу при перестрелках на границе – св.Станислава 4 степени с мечами и бантом[130]. С 30 марта 1879 года Бутурлин был назначен штаб–офицером для поручений при штабе Кавказского военного округа, до 21 февраля 1880 года, затем, он назначается исполняющим должность начальника штаба 1 Кавказской кавалерийской дивизии, на которой побыл до 21 июня 1881 года, будучи переведён на должность штаб-офицера для поручений при штабе Московского военного округа. После смерти Ланца 31 августа 1884 года[131], 4 октября 1884 года он был переведён на должность агента в Лондон, получив там 30 августа 1886 года чин Генерального Штаба генерал-майора[132].

Первое, что бросается в глаза в биографиях агентов в Лондоне – двое из троих, это выпускники Михайловской Артиллерийской академии, и службу в Гвардии начинали с конной артиллерии. Это уже стало тезисом в историографии, т.к. Г. Пёрсон писала в своей книге о преобладании среди корпуса военных агентов офицеров-артиллеристов. Причём Горлов и Ланц прошли службу в артиллерийских частях Лейб–гвардии, так как она служила основным источником для военных кадров. Если посмотреть на всех военных агентов, включая тех, кто работал неофициально, то на период 1856–1873 гг. 9 из 11 были выходцами из Лейб–гвардии. По–видимому, предпочтение гвардейцам–артиллеристам, отдавалось по приобретённым им навыкам и знаниям[133], так как от агента требовалось ещё хорошее знание оружия, для составления отчётов о вооружении и военной технике иностранных армий[134].

---

[130] РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 129672. Л. 3.
[131] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 2. Л. 180.
[132] Список генералам по старшинству. Исправлен по 1 сентября 1890. СПб., 1890. С. 718.
[133] *Person G.* Op. cit. P. 55.
[134] Ibid. P. 57.

Если артиллерийское образование давало достаточный потенциал для изучения оружия и техники иностранных армий, то почему выбирали гвардейцев? Ещё Шапошников признавал, что агент должен иметь светский лоск, который позволял бы ему входить в правящие верхи государства и завязывать там нужные связи, которые ему бы пригодились[135]. Поэтому представители Лейб– гвардии, которые постоянно вращались в кругу столичного света, могли пригодиться на такой должности и за границей. При этом стоит ещё обратить внимание, что все они прошли долгую службу в штабах – то есть у них был опыт непосредственной работы по управлению войсками, что давало им возможность грамотно анализировать свои наблюдения о британской армии.

В целом, агенты в Лондоне за период 1875–1885 оказались специалистами по военной технике, имевшие опыт службы на штабных должностях, а Бутурлин – ещё и образование генштабиста. Опыт работы с оружием имелся лишь у Горлова, а опыт наблюдения за войском – у Горлова и Ланца. Причём Горлова можно считать самым опытным из них, так как у него за плечами уже была служба военным агентом в англоязычной стране, в САСШ в 1868–1873 гг. Таким образом, на должность военного агента в Лондоне, отбирались офицеры имевшие специальное техническое образование, и имевшие опыт наблюдения за войсками.

2.2. Военные агенты на Средиземном море: Турция, Греция, Египет.

Необходимость рассмотрения работы русской разведки в данном регионе вытекает из особенностей англо-русской борьбы вокруг Восточного вопроса. Инженер-генерал Э.И. Тотлебен, в своей записке на имя императора, обосновывал необходимость занятия Босфора тем, что это необходимо для воспрепятствования прохода английского флота в Чёрное море [136] . Возглавлявший русскую делегацию на делимитационную комиссии 1879 года, Генерального штаб генерал-лейтенант Г.И. Бобриков, в своей докладной записке

[135] *Шапошников Б.М.* Указ.соч. Т. 3. С. 307.
[136] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 5.

об устройстве военной разведки на Востоке, очерчивал основные обязанности военного агента в Константинополе: «Необходимость постоянно следить за вооруженными силами турецкой империи и в подробностях изучать Босфор с подступами к нему с сухого пути, со стороны удобных мест для высадки на берегу Чёрного моря, вызывается потребность иметь в Константинополе специального военного агента, на которого и возлагаются поэтому эти обе важные обязанности»[137]. Необходимость изучения именно Босфора, Бобриков обосновывал тем, что: «Наибольшая часть турецкой армии всегда находится сосредоточенную на Босфоре столько же по центральному и политическому положению этого места относительно всей империи, сколько по удобству сообщения отсюда со всеми окраинами турецкой территории, по обширности военных средств расквартирования по казармам, обмундирования, вооружения и вообще воинского снаряжения. По тем же причинам сюда же направляется и большая часть ежегодного рекрутского контингента»[138]. Эти тезисы Бобрикова, отразились на организации военно–разведывательной работы на Босфоре.

В письме на имя управляющего морским министерством, вице– адмирала А.А. Пещурова, от 11 декабря 1880 года, Милютин писал о том, что плохие сухопутные дороги, разделенность морем азиатских и европейских владений империи, и приморское положение Константинополя, ставят военную силу Османской империи от силы флота и береговых укреплений[139]. Из этого, вытекали задачи для русской разведки, и насущные требования для оных: «Военное министерство, исполняя свою обязанность, старается, посредством агентуры в Константинополе и других пунктах Турции, следить за уровнем её вооруженных сил. Но взгляды и заключения агентов военно–сухопутного ведомства могут быть во многих случаях лишь сторонними и неполными без соответственного участия специалистов Морского дела. Имея ввиду, что в настоящее время изучение Босфора, Дарданелл и ближайших к ним побережий

[137] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1883). Д. 2. Л. 53.
[138] Там же. Л. 54.
[139] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 66. Л. 4–5.

Чёрного, Мраморного и Эгейского морей с особенной настоятельностью вызывает совместную деятельность агентов обоих ведомств, я покорнейшее просил бы Ваше Превосходительство высказать по сему предмету мнение Морского министерства и уведомить меня, признало ли бы оно возможность назначения в Константинополь особого офицера для совместных работ с агентом военного министерства и изучения не только морских средств Турецкой империи, но и всех свойств приморской береговой её обороны»[140].

Как можно видеть, Милютин вполне разделял мысли Бобрикова о том, что главной целью разведки в Турции является Босфор. Более того, Милютин пытался исполнить совет Бобрикова, о посылке в Константинополь «специального офицера», ходатайствуя об этом перед управляющим морским министерством: «Наблюдения за морским делом Турции, за её военным флотом, состоянием военно– морских заведений и военным движением константинопольского порта, конечно было бы лучше возложить на специалиста, т.е. на офицера нашего черноморского флота. На первый случай, быть может, было–бы достаточно обязанности агента переложить на второго офицера военного судна, находящегося в распоряжении нашего посла в Константинополе с тем однако, чтобы назначенный офицер был свободен от вахтенной службы и имел тесную связь с военным агентом»[141].

Таким образом, в планах Милютина, вдохновляемого запиской Бобрикова, было обустройство расширенной разведывательной агентуры на берегах Босфора, основой которой должны были стать военный и морской агенты.

21 декабря Пещуров отозвался письмом, в котором вполне разделял мнение Милютина, но ввиду отсутствия средств на содержание специального офицера, он предлагал опираться на прежний опыт – использовать офицеров кораблей–стационеров: «Я, ввиду вашего желания, приказал поручить командиру парохода «Тамань», капитану 1 ранга Панферову, находящемуся на станции в

[140] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 66. Л. 5.
[141] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1883). Д. 2. Л. 57 об.–58.

Константинополе, непосредственно или через одного из избранных офицеров парохода, принять участие в работе агентов военного министерства в изучении военно– морских сил Турции и всех свойств её приморской береговой обороны. (подчеркнуто в тексте – А.Т.) Уведомляя ваше сиятельство о сделанном мной распоряжении, имею честь покорнейшее просить Вас, чтобы мне сообщались если возможно, в копиях, сведения, полученные от наших военных агентов (подчеркнуто в тексте – А.Т.). Со своей стороны, и я не премину уведомлять Ваше Сиятельство тот час обо всём, что будет получаться от командира парохода «Тамань»»[142]. Интересно отметить, что Пещуров как бы мыслил, как и Бобриков – для наблюдения за военно– морским делом Турции и за Босфором достаточно будет одного из офицеров корабля– стационера при посольстве. То есть, задачей русской разведки в Турции, становилось изучение не только армии, но и флота, координация военно– морской и сухопутной разведки, и изучение Босфора, с целью его занятия, дабы создать оборонительную позицию против флота Англии.

Помимо основной инструкции 1880 года, агенту в Константинополе полагалась инструкция дополнительная, 1881 года, так как целый ряд особенностей турецкой жизни налагал новые обязательства на русского военного агента в Константинополе. Во–первых, агент должен был: «Проверять полученные из правительственных учреждений военные сведения на деле в многочисленных казармах и военно– технических заведениях Константинополя, также как реформы и приказы Сераскера[143] часто остаются в течении многих лет мёртвою буковой, а распоряжения по войскам нередко отдаются прямо султаном мимо высших военных управлений.».[144] Во–вторых, о состоянии войск на местах, агенту предписывалось узнавать из отчётов консулов и «второстепенных военных агентов» (имелись ввиду военные агенты в Греции и Восточной Румелии), для чего агент должен был составлять для них специальные инструкции, с учётом особенностей района, для которого она писалась. В–

[142] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 15.
[143] Военный министр в Османской империи.
[144] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 23.

третьих, агент должен был лично обследовать: «Исследовать лично проливы и их оборонительные средства, подступы к Босфору и Константинополю, черноморское побережье и ближайшие на нём к Босфору пункты высадки десанта». Для изучения военно– морских сил Турции, он должен был прибегать к консультациям морского офицера с корабля– стационера, а для топографических съемок Босфора, Константинополя и черноморского берега – офицером корпуса военных топографов при посольстве[145].

По сути, дополнительная инструкция, отражала все те мысли об основной деятельности агента в Константинополе, которые высказывались в 1879–1881 гг. Это подразумевало довольно трудную работу, для которой требовалось, как минимум, 3 человека. Поэтому пост агента в Константинополе, требовал от офицера большой личной работы, связанной с непосредственными наблюдениями за войсками и флотом Турции, возможно созданием негласной резидентуры способной снабжать его нужными сведениями.

Генерального штаба генерал-лейтенант В.Н. Филиппов.

В 1880 году, на вновь учрежденный пост военного агента в Константинополе, был назначен Генерального штаба полковник Владимир Николаевич Филиппов. Родился он 2 ноября 1838 года в семье потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии, был крещён в православии. Образование он получил во 2 кадетском корпусе, после чего вступил в службу 6 июня 1857 года в чине подпоручика в 14 стрелковый батальон[146]. 8 октября того же года он был переведён прапорщиком в Лейб–гвардии стрелковый Императорской фамилии батальон.

В 1859 году, 5 мая он был прикомандирован к штабу отдельного Гвардейского корпуса для приготовления к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба, куда был зачислен – 15 декабря. С 1861 г. – поручик, и в том же году, он окончил академию Генштаба по II разряду, с правом

[145] Там же. Л. 15.
[146] РГВИА Ф. 490. Оп. 1. Д. 32645. Л. 1.

носить аксельбант и зачислен в штаб отдельного Гвардейского корпуса 16 декабря[147].

С 7 февраля по 30 декабря 1863 года он был в армии, действовавшей против польских мятежников и за отличия в боях под Монтвидово и Железниками, заслужил ордена Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом и Св. Анны 3 степени с мечами и бантом[148]. Приказом по Генеральному штабу от 15 апреля, он был прикомандирован к штабу 10 пехотной дивизии для поручения по части генерального штаба. 27 августа 1864 г. он был причислен к Генеральному штабу и назначен состоять при штабе 6 пехотной дивизии. 22 февраля 1865 года он прикомандирован к штабу 8 пехотной дивизии для исправления должности старшего адъютанта[149].

После войны с польскими мятежниками и исполнения адъютантских должностей, начинается кавказский период жизни Филиппова. Приказом по Кавказскому военному округу от 13 сентября 1865 года, он назначен исправлять должность старшего адъютанта в штабе 21 пехотной дивизии, куда прибыл 18 числа. Он был произведён в штабс-капитаны с назначением старшим адъютантом штаба 21 пехотной дивизии. 3 сентября 1866 г., за отличие по службе он был награждён 195 рублями. 7 марта 1867 г, – старший адъютант штаба местных войск закавказского края и Кутаисского генерал-губернатора, прибыл к месту службы 18 числа. 16 сентября того же года, назначен для поручений при штабе Кавказского военного округа, и 31 марта 1868 г. произведён в капитаны.

За отличие по службе награждён орденом Св.Станислава 2 степени с мечами над орденом – 20 февраля 1869. За таковое уже отличие награждён Св.Станиславом 2 степени с короной – 28 марта 1871 года. 2 ноября 1871 г., он произведён в подполковники с назначением в должность штаб-офицера для поручений при штабе Кавказского военного округа. Для отбытия строевого ценза, он командировал с 11 мая по 15 июня 1873 года батальоном в 152

[147] Там же.
[148] Исторический вестник, 1903. Т. XCIII. С. 396.
[149] РГВИА Ф. 490. Оп. 1. Д. 32645. Л. 2.

пехотном Владикавказском полку. За отличие по службе награждён орденом Св.Анны 2 степени. 5 декабря 1874 г., он был назначен исправляющим должность начальника штаба 41 пех.дивизии. 13 апреля 1875 г., высочайшим приказом был произведён в полковники и 26 июня того же года – утверждён в должности начальника штаба[150].

В послужном списке генерала есть запись: «Состоя на службе в Кавказском военном округе, был два раза командирован по распоряжению начальства и по сношению с императорским послом в Константинополе в Азиатскую Турцию для исследования и съёмки путей сообщения от Кавказо– Турецкой границы к Константинополю» [151] . В первую командировку, Филиппов отправился из Тифлиса 13 июля 1874 г. и проехал через Константинополь и Бруссу– Байдург и Трапезунд и возвратился из командировки в Тифлис. 28 декабря выехал из Тифлиса 31 июля 1875 и проехал Смирну и Александрополь и возвратился в Тифлис 25 ноября 1875 года[152]. 7 марта 1876 г. он был награждён орденом Св.Владимира 4 степени, предположительно за успехи рекогносцировок, и 3 октября 1876 года, в связи с приготовлениями к войне с Турцией назначен начальником штаба Эриванского отряда генерала Тергукасова, в рядах которого прошёл войну с турками на Кавказе[153].

В ряде изданий о войне в Закавказье, вышедших в конце XIX–XX вв., упоминается записка полковника Филиппова «Соображения о сосредоточении в Закавказье войск округа», которую он подал кавказскому военному начальству, и она легла в основу планов военных действий русской армии на Кавказе. Её основные положения были изложены в записке начальника штаба Кавказской армии генерал-лейтенанта, князя Д.Н. Святополк– Мирского.

По его словам, план движений отряда основывался на знании местных обстоятельств и предыдущих войн в этом районе с Турцией, а его основные

[150] РГВИА Ф. 490. Оп. 1. Д. 32645. Л. 2.
[151] Там же. Л. 8.
[152] РГВИА Ф. 490. Оп. 1. Д. 32645. Л. 9.
[153] Там же. Л. 3.

положения заключались в том, что пассивная оборона поведёт к раздроблению отряда, ибо весной бездорожье лишит его снабжения, а летом жара и вода в долине Аракса могут привести к болезням солдат, и приведёт в итоге к оставлению Эриванской равнины, что оголит левый фланг основных сил. Посему, отряду следует наступать и овладеть Баязетом и Алашкертской равниной и занять горный проход Кара–Дербент. Это даст в руки армии плодородные долины с мягким климатом, связанные дорогами с Персией, и облегчит оборону Эриванской долины от кочевников– курдов со стороны Евфрата[154].

Интересно, что наступательного образа действий при полном сосредоточении сил отряда, придерживался и его начальник – генерал-лейтенант Тергукасов, излагая свои планы в письме генералу от инфантерии М.Т. Лорис–Меликову, что главная цель отряда, это занятие Баязета и действия по долине Алашкёрта на запад, дабы, соединившись с главными силами, наступать на Эрзерум[155]. Лорис–Меликов одобрил это, и в направлении на Баязет было сосредоточено 7 батальонов, 30 орудий, 4 эскадрона и 12 сотен с конно–иррегулярными кавказскими частями[156].

Если обратиться к его послужному списку, то видно, что он участвовал в полевых рекогносцировках, в частности 15 апреля 1877 с казаками Сунженского полка у Баязета, и был среди тех войск, что захватили его в ходе боя[157]. Причём, судя по описанию боёв, в которых принимал участие Филиппов, его план сработал и несмотря на попытки командовавшего турецкими силами на данном направлении, Измаила– паши, вместе с курдами Шамиля– паши (сын имама Шамиля), прорваться в Эриванскую губернию, отряд отбил все нападения, обратил в бегство отряд Измаил– паши, и принял участие в разгроме соединившихся отрядов Измаил– паши и Мухтара паши в битве в долине Дэве–

[154] *Колюбакин Б.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. Ч. 1. СПб., 1906. С. 131.
[155] Там же. С. 142.
[156] Там же. С. 143.
[157] РГВИА Ф. 490. Оп. 1. Д. 32645. Л. 8.

Бойну 23 октября 1877 года. За турецкую войну он получил Св. Георгия 4 степени, Св. Владимира 3 степени с мечами и золотое оружие[158].

Служивший позже в 1880-х годах с Филипповым в Константинополе, Карцов вспоминал свою беседу с генералом об этой битве, когда он рассказал, что он убеждал генерала Геймана, не упустить момента и ворваться на плечах отступавших турок в Эрзерум. Однако, якобы, генерал ответил ему, что тогда это будет одно дело и за него дадут одну награду, а так, за новую битву за Эрзерум он получит две награды. По характеристике Карцова, Филиппов был: «Характера открытого, прямолинейного, верный товарищ и прекрасный человек, В.Н. Филиппов более отвечал типу деятеля военного боевого, нежели штабного»[159].

Также, по словам Карцова, Филиппов не был чужд экспансионистских взглядов на внешнюю политику, судя по тому, что он слушал признания Карцова о будущей большой роли России на Востоке с видимым одобрением[160]. Также, это подтверждается тем, что впоследствии, генерал слыл одним из активных сторонников организации босфорской экспедиции. Знавший генерала позже, французский военный атташе в Петербурге, капитан Ф. Мулен, отзывался о нем как о выдающемся строевом офицере и одном из лучших генштабистов, считая, что по энергичности характера и своему таланту, он превосходит многих других генералов[161].

В целом, из биографии Филиппова следует то, что он приобрёл определённый опыт ведения военной разведки и составления на основе полученных разведданных грамотной аналитики, вроде записки о действиях Эриванского отряда, которая была успешно претворена в жизнь, в том числе и усилиями самого Филиппова. Он, несмотря на преимущественно штабную службу, также имел опыт боевых действий, и в вылазках у Баязета проявил себя

[158] Там же. Л. 4.
[159] *Карцов В.А.* Указ.соч. С. 68.
[160] Там же. С. 101.
[161] SHD-DAT 7N 1474 (10 dec. 1896.)

человеком храбрым, что подтверждается воспоминаниями тех, кто знал его лично.

25 марта 1878 года он вернулся на прежнюю должность в 41 дивизию, где побыл до 30 апреля, будучи назначенным на ту же должность во 2 Донскую казачью дивизию, и 11 июля – назначен состоять при начальнике тыла армии. Оттуда, он был направлен на Балканы, как член комиссии по разграничению Восточной Румелии и провёл на этом посту с 10 августа 1878 по 11 декабря 1880 года [162]. Возглавлял её, состоящий при русском после в Константинополе, Генерального штаба генерал-майор Г.И. Бобриков. Он, в рапорте Обручеву, писал, что среди его целей – руководство делимитационной комиссией, есть цель организация военной агентуры[163].

В одном из отчётов, Бобриков писал Милютину, что Филиппову и полковнику Боголюбову, послом Новиковым было дано право окончательного решения в случае каких-либо затруднений в решении комиссии на местах. Во время этой работы Филиппов заболел, и его замещал генерального штаба полковник Экк, будущий военный агент в Румелии [164]. Учитывая опыт Филиппова по ведению разведок в Закавказье и Малой Азии, Бобриков имел в его лице офицера, знающего разведывательное дело. За делимитационные работы, полковник Филиппов получив от Порты орден Османие 3 степени[165].

9 декабря 1880 года, в докладе по Главному штабу была изложена мысль, что нужно восстановить пост военного агента в Константинополе, ввиду отбытия занимавшего его до войны генерал-майора А.С. Зеленого в распоряжение начальника Кавказской армии, посему: «Военным агентом в Константинополь, по ходатайству посла нашего, действительно статского советника Новикова, полагалось бы назначить генерального штаба полковника Филиппова, бывшего делегатом в международной комиссии разграничения Восточной Румелии и

[162] РГВИА Ф. 490. Оп. 1. Д. 32645. Л. 4.
[163] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 96. Л. 39 б.
[164] Там же. Л. 59 об.
[165] РГВИА Ф. 490. Оп. 1. Д. 32645. Л. 4.

остававшегося затем во временном прикомандировании при Императорском посольстве»[166]. Так как Филиппов к тому моменту уже был знаком и с Азиатской и с Европейской Турцией, и имел опыт военно– разведывательной работы – то его кандидатура не вызвала возражений. Ввиду дороговизны жизни в Константинополе, ему было назначено следующее содержание: 687 р. жалования по чину (Генерального штаба полковник), 3000 р. особого содержания для военных агентов, 1500 р. квартирных и в распоряжение его под частную отчётность 3000 р. на переводчика, приобретение материалов, верховых лошадей и другие служебные надобности, итого – 8187 рублей[167]. 11 декабря 1880 года он получил приказ о назначении военным агентом в Константинополь[168].

Военный агент в Афинах, Генерального штаба полковник А.П. Протопопов.

Первым офицером, занявшим пост военного агента в Афинах, стал занимал генерального штаба полковник Александр Павлович Протопопов, занимая эту должность с 1881 по 1888 гг. История его появления на этой должности выглядит следующим образом.

Родился он 3 июня 1849 года, происходил из дворян Московской губернии, вероисповедания православного [169] . Вступил в службу 3 военное Александровское училище 26 августа 1866 года, 30 декабря 1867 г., в звании портупей-юнкера, 28 августа следующего года он был переведен в Николаевское инженерное, которое окончил с правами 1 разряда[170]. Стоит сказать, что в 1868 году, число поступивших в училище из других военных гимназий, составляю 18 человек, а со стороны – 35, в 1874 из военных училищ – 22, со стороны – 35[171]. Поэтому, для училища, практика приёма юнкеров из других учебных заведений была нормой, и Протопопов вполне соответствовал ей.

---

166 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 66. Л. 1.
167 Там же. Л. 1.
168 Там же. Л. 6.
169 РГВИА Ф. 400. Оп. 9. Д. 29 227. Л. 8.
170 Там же.
171 *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 233.

Интересно, что учившийся в нем же генерал от инфантерии А.С. Лукомский вспоминал: «В Инженерном училище дисциплина была гораздо менее строгая, чем в Павловском, что отношения между офицерским составом и юнкерами были гораздо свободней и как-то более сердечны, а в классах отношение к преподавательскому составу более подходило к отношению между профессорами и студентами в гражданских высших учебных заведениях, чем между преподавателями и юнкерами в военных училищах»[172]. Однако, это не мешало офицерам налагать на провинившихся юнкеров очень строгие взыскания, вроде посадки в карцер на 7 дней в случае не отдавания чести офицеру[173]. Несмотря на это, юнкера пользовались большой свободой при отпусках в город[174].

В биографиях Лукомского и Протопопова есть одна общая черта – они оба перешли в Николаевское инженерное из пехотных училищ, что было сопряжено с изучением новой учебной программы, состоявшей из курсов долговременной фортификации, строительного искусства, химии, математики, и даже богословия[175].

20 июля 1869 года он был произведён в подпоручики и причислен к 4 сапёрному батальону[176]. Это означало, что подпоручик Протопопов должен был руководить строительством укреплений[177]. С 30 мая 1870 по 12 июня 1871 года, подпоручик Протопопов в батальоне исполнял должность казначея. 17 августа, он был командирован в Инженерную академию для держания приёмного экзамена, но он заболел и не смог поступить. После этого, 11 сентября 1871 года, его отправили на Кавказ, во 2 сапёрный батальон Кавказской сапёрной бригады, с целью поправить здоровье. Интересно отметить, что на Кавказе, Протопопову доверили не только посты делопроизводителя по хозяйственной части и

---

[172] *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 40.
[173] Там же. С. 40, 42.
[174] Там же.
[175] *Лукомский А.С.* Указ.соч. С. 41.
[176] РГВИА Ф. 544. Оп. 1. Д. 730. Л. 4 а об.
[177] Первоначальные сведения обязательные для юнкера. Казань, 1891. С. 28.

делопроизводителя батальонного суда, но и должность учителя арифметики в батальонной школе[178].

10 мая 1873 года, он сдал все свои должности, и отправился в Тифлис, к окружному штабу, для экзаменов уже в Николаевскую академию Генерального штаба. 21 июля, он был командирован к академии для непосредственного приёмного экзамена и 26 октября был зачислен на младший курс академии[179]. С 1 апреля 1876 г, повышен в звании до штабс– капитана за успехи в науках и по окончанию Академии назначен в Штаб войск Гвардии и Петербургского военного округа, откуда переведён на должность адъютанта штаба 1 гвардейской пехотной дивизии с переводом в генштаб 19 марта 1877[180]. Причём за назначение Протопопова и его однокашника, штабс-капитана Уссаковского, ходатайствовали в штабе войск Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа[181], тем более, что Протопопов сам изъявил желание служить в этом военном округе[182].

В его послужном списке записано, что штабс-капитан Протопопов участвовал в походах и делах против турок в 1877–1878 гг., и за отличное исполнение подготовительных работ по переходу через Балканы, за рекогносцировку пути из Этрополя и Златицкую долину и за содействие в спасении отряда во время сильной метели 17 декабря 1877, при переходе через Балканы он был награждён орденом Св.Георгия 4 степени[183].

16 апреля 1878 года он получил чин капитана, а с 15 мая 1880 года он был отчислен от должности старшего адъютанта 1 гвардейский пехотной дивизии с зачислением по генштабу. Причины его отчисления от этой должности были изложены в докладе графа Гейдена на имя императора. В июле 1878 года, капитан Протопопов был командирован в распоряжение русского посла в

[178] РГВИА Ф. 544. Оп. 1. Д. 730. Л. 4 а об.
[179] Там же. Л. 4 б.
[180] РГВИА Ф. 400. Оп. 9. Д. 29 227. Л. 8.
[181] РГВИА Ф. 544. Оп. 1. Д. 758. Л. 14–15.
[182] Там же. Л. 19.
[183] РГВИА Ф. 400. Оп. 9. Д. 29 227. Л. 10.

Константинополе для работ по разграничению, в пределах Европейской Турции, с сохранением содержания по своей основной должности по окончании работ по делимитации, он был привлечен к «занятиям по военной агентуре», и это было признано в Главном штабе весьма полезным, ввиду внешнеполитической ситуации вокруг Восточного вопроса. Между тем, великий князь Николай Николаевич, в виду наступающих лагерных соборов, ходатайствовал о немедленном возвращении капитана Протопопова. Ввиду того, что Протопопов поправлял здоровье, испорченное ранами, полученными в войну 1877– 1878 гг., и его деятельность в качестве разведчика признавалась более полезной, то Гейден в докладе исходатайствовал у императора отчислить Протопопова от нынешней должности, зачислить по генштабу и оставить ему прежнее денежное содержание[184].

О деятельности Протопопова в этой комиссии, остались рапорты генерал-майора Г.И. Бобрикова. Он, в рапорте Обручеву, писал, что среди его целей – руководство делимитационной комиссией, есть цель организация военной агентуры[185]. Для сего, он использовал офицеров комиссии, среди которых состоял генерального штаба капитан Протопопов. Рапорт Бобрикова № 6 от 11 (23) октября 1878 года, базировался на записке Протопопова «О состоянии оттоманской армии». Примечательно, что на рапорте стоит помета: «Доложено его величеству 18 октября 1878 года»[186]. Бобриков прислал свой рапорт, где изложил собранные Протопоповым сведения о численности, дислокации и составе турецких войск, а также о командующих корпусами[187]. Бобриков ссылался на сведения Протопопова, в частности в том, что реальное количество войск меньше списочных штатов на 20%, в войсках также сильная нехватка офицеров[188]. Также, Протопопов смог добыть и вычислить ежемесячное довольствие людей и лошадей в турецкой армии, которое составило 22

[184] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 60. Л. 11.
[185] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 96. Л. 39 б.
[186] Там же. Л. 52.
[187] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 96. Л. 52–54.
[188] Там же. Л. 54.

млн.рублей золотом [189] . Временно замещавший полковника Филиппова, полковник Экк доносил Бобрикову о том, что Протопопов добывает сведения путём вербовки тайной агентуры[190].

15 мая 1880 года, Протопопову был дан отпуск до 15 ноября для поправления здоровья, а послом Новиковым возложено осмотреть русские воинские кладбища от Константинополя до Адрианополя, и представить соображения по обустройству оных [191]. В докладе по Главному штабу от 10 сентября, было сказано: «В виду интереса ближайшего ознакомления с вооруженными силами Греции было бы весьма удобно поручить капитану Протопопову, перед возвращением его в Россию, ознакомиться на месте с боевой готовностью греческой армии» [192]. Обстоятельства, вызвавшие его в Грецию, были изложены в письме графа Гейдена на имя управляющего русской миссией в Афинах, Н.П. Шишкина от 22 сентября: «Во время пребывания адъютанта Его величества короля Эллинов подполковника Колокотрониса в Константинополе, в прошлом году, им неоднократно было передаваемо нашему в то время военно–уполномоченному Свиты Его Величества генерал-майору Бобрикову, весьма любезное приглашение прислать в Грецию нашего офицера генерального штаба в видах более тесного сближения двух армий. Такое приглашение было возобновлено подполковником Колокоторонисом и в последний приезд в Петербург его величества короля Георга» [193]. То есть, греки выражали свой интерес в сближении с Россией, в том числе военном, и рассчитывали, что присылка военного представителя России была бы хорошим знаком.

Однако, в Петербурге преследовали свои цели, которые были сформулированы в вышеуказанном письме: «Цель этого командирования заключается в ознакомлении на месте с состоянием вооруженных сил Греции, боевой готовностью её армии», посему Гейден просил Шишкина помочь

[189] Там же. Л. 72.
[190] Там же. Л. 73.
[191] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 60. Л. 1.
[192] Там же. Л. 2.
[193] Там же. Л. 7.

Протопопову с посещением казарм и училищ греческой армии, а также полевых лагерей на границе с Фессалией и Эпиром[194].

21 сентября, Протопопов получил высочайшее повеление, перед возвращением в Россию ознакомиться с силами греческой армии[195]. Успех его миссии, убедил Милютина в том, что пост военного агента в Греции был бы весьма полезен с точки зрения наблюдения за восточным Средиземноморьем. В письме на имя Гирса от 16 декабря 1880 года, Милютин писал, что: «Из представленных в настоящее время результатов его деятельности обнаруживается: что греческое правительство вступило на путь развития своих вооруженных сил до крайних пределов, и что военный пост в Афинах оказался на практике до того удобным, что дал возможность капитану Протопопову в короткий срок собрать весьма важные в военном отношении сведения о сухопутных и морских силах турецкой империи. В виду этих двух обстоятельств, военное министерство полагало бы полезным учредить при нашей императорской миссии в Афинах постоянную военную агентуру. Обращая внимание, однако на то, что в Греции нет ни одного военного агента, ни от одной из держав, быть может, было бы удобно вместо учреждения официального поста военного агента, иметь в Афинах офицера генерального штаба в продолжительной командировке с причислением к императорской миссии. Предварительно составления всеподданейшего по сему предмету доклада, я покорнейшее просил бы ваше высокопревосходительство уведомить меня не встречается ли со стороны министерства иностранных дел каких-либо препятствие на пребывание нашего офицера в Греции и причислению его к нашей миссии»[196].

Милютин, сделал вывод, что постоянный офицер– наблюдатель в Греции, это весьма удобно как для наблюдений за греческой армией и флотом, так и за турецкими военными и военно– морскими силами. Посему, по отношению

[194] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 60. Л. 7.
[195] Там же. Л. 13–14.
[196] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 60. Л. 28.

Милютина от 7 января 1881 года за № 829, на имя главы русской миссии в Афинах, он считал необходимым учредить должность военного агента при миссии. Глава миссии, Николай Павлович Шишкин, полностью согласился с министром в важности этого учреждения, и по его словам: «Я не сомневаюсь также, что учреждение при вверенной мне миссии постоянной военной агентуры не могло бы предоставить никаких неудобств, тем более, что за исключением итальянской миссии все прочие имеют секретарей, принадлежащих к военному сословию, что при выборе офицера обладающего осторожностью и тактом, г.Протопопова пребывание его в Афинах будет оно постоянное или временное, не возбудит никаких пререканий ни со стороны греческого правительства, ни других правительств имеющих здесь дипломатических представителей»[197]. Этим письмом, глава миссии дал лестную характеристику Протопопову, и показал на пользу его пребывания в Афинах. Управляющий министерством иностранных дел, Гирс, препровождая его письмо Милютину, прибавил, что в министерство разделяет такую точку зрения[198].

В итоге, по докладу Обручева по Главному штабу, на основании предоставленных сведений, было решено, что: «Пребывание капитана Протопопова в Афинах не только полезно продолжить на весь период греко–турецкого кризиса, но и весьма важно в отношении военного наблюдения сухопутных и морских сил Турецкой империи. При таком указании опыта на военное значение поста в Афинах, дающего возможность наблюдать как за положением военного дела в Греции, так и за силами Турции и Египта, и островами Кипром, Кандией и Мальтой, признавалось бы необходимым в виду согласия министерства иностранных дел обратить временное командирование капитана Протопопова в постоянное, при чем считать его причисленным к нашей императорской миссии в Афинах»[199].

[197] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 69.
[198] Там же. Л. 68.
[199] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 71.

В этом докладе, были обрисованы географические рамки будущей деятельности Протопопова – не только Греция, но и Турция, Египет и острова Кипр, Кандия, Мальта. Так как по условиям Берлинского трактата 1878 года, Британия оккупировала Кипр, и ещё с 1800 года распоряжалась Мальтой, то круг интересов Протопопова оказывался весьма широк – не только греческая армия, но и армии Турции, Египта, средиземноморские силы Британии.

Также, этот круг показывает заинтересованность русского командования в указанных географических регионах, так как Египет, в случае новой войны с Турцией, снова присылал бы свои контингенты на театр войны, а Британия могла бы воспользоваться своими средиземноморскими армией и флотом для поддержки турок. Поэтому Протопопову поручалась сложная, но важная работа по ведению разведки в восточном Средиземноморье. Для этого, ему, высочайшим указом, было выделено 3000 рублей содержания и 1200 на негласные расходы, 280 столовых в год, 2 полуимпериала суточных, и на прислугу – 2 металлических рубля в день[200].

Если обратиться к воспоминаниям тех, кто его близко знал, этот человек подходил для своей должности. По воспоминаниям советника посольства в Константинополе, Карцова, он: «Был человек оригинальный и весьма замечательный. Наружность его была симпатичная, хотя и некрасивая… Он привлекал к себе живостью темперамента и сильно выдающегося ума. Помыслы его были направленны исключительно на военное дело, он интересовался всем, что его окружало. Но из каждого явления непременно извлекал вывод для главного предмета»[201].

Эта очень лестная характеристика знавшего его в течении многих лет Карцева, оттеняется едкой характеристикой, данной генералом от инфантерии, военным министром А.Ф. Редигером: «Протопопова (Александра Павловича) я уже несколько знал по Академии, он был человек способный, но удивительно

[200] Там же.
[201] *Карцов В.Н.* Указ.соч. С. 69.

грязный, физически и в разговоре. Я ему не симпатизировал и ближе его не знал. … Он был человек умный и ловкий и в Совете обороны оказался полезным и работоспособным, поэтому я в 1907 году назначил его председателем Главного крепостного комитета, где он однако не успел принести большой пользы, так как все начинания Комитета тормозились Палицыным и его представителями»[202]. В целом, и Карцов и Редигер отмечали общие черты Протопопова – его отталкивающую внешность, незаурядный ум и способности. Служивший под его началом в Одесском военном округе, Д.И. Ромейко–Гурко, отзывался о нём как о понимающем и радушном человеке, который мог помочь ценными советами[203].

В Константинополе, Протопопов жил в Буюк–Дере, у богатого армянина Киркор Нерзесяна, придворного архитектора, так как был женат на его дочери Дерюгии. Интересно отметить, что признанию Карцова, Обручев был весьма доволен браком Протопопова, так как тот, став родственником богатой армянской семьи, приобретал таким образом, полезные связи и источник сведений[204].

Как итог личности Протопопова, можно указать, что это был весьма умный и талантливый человек с аналитическими способностями, склонный к авантюрам и рискованным предприятиям.

Генерального штаба полковник Василий Устинович Соллогуб.

В 1882 году, в Египет, специально быль прислан состоявший в распоряжение посла в Константинополе генерального штаба полковник В.У. Соллогуб.

Родился 23 августа 1848 года, православного вероисповедания. В службу вступил 19 июня 1864 года, юнкером 2-ого Константиновского училища, был исполняющим должность фельдфебеля, а с 13 октября 1865 года – портупей–юнкер, 23 декабря бы назначен на должность фельдфебеля. Училище окончил по

---

[202] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. М., 1999. Т. 2. С. 23.
[203] Генералами рождаются: Воспоминания русских военачальников XIX - начала XX веков. М., 2002. С. 264–265.
[204] *Карцов В.Н.* Указ.соч. С. 71.

1 разряду, и был произведен в подпоручики 8 августа 1866 года с назначением в 44 пехотный Камчатский полк и с прикомандированием к Л.– гв. Волынскому полку, прибыл в Камчатский полк – 1 октября. С 1 мая 1867 г., произведён в поручики, и исполнял обязанности командир роты с 11 августа по 18 сентября. 25 декабря высочайшее переведён в Волынский полк подпоручиком, в полку был исполняющим должность делопроизводителя полкового хозяйственного комитета[205]. Утверждён в должности делопроизводителя полкового хоз.комитета – 3 мая 1868, отчислен от должности 6 января 1871.

17 августа 1872, был командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для экзаменов и был 7 октября туда зачислен, что свидетельствовало об успешном прохождении им вступительных испытаний. 8 апреля 1873, был произведён в поручики Гвардии, а за отличия в науках 4 апреля 1875 г. произведён в штабс-капитаны. По окончанию академии, приказом по ГШ № 45 причислен к Генеральному Штабу и назначен на службу в Штаб войск Гвардии и СПб ВО – 8 апреля.

Зачислен в списки окружного штаба в число прикомандированных – 29 апреля 1875. Высочайшее благоволение за участие в поездках ГШ и полевых занятиях строевых офицеров – 20 марта 1876. Высочайшее назначен помощником старшего адъютанта по строевому отделению Полевого Штаба действующей армии с переходом в Генштаб капитаном – 2 ноября 1876. Прибыл в главную квартиру 23 числа и исключён из прикомандированных к Окружному штабу[206].

Приказом по Действующей армии от 9 июня 1877 № 114 назначен исполняющим должность старшего адъютанта заведующего строевым отделением Полевого штаба Действующей армии. 14 июля – высочайшее произведён в подполковники с утверждением в этой должности[207]. Во время войны он находился в войсках генерал-лейтенанта Н.П. Кридинера, осаждавших

[205] РГВИА Ф. 400. Оп. 21. Д. 2765. Л. 20.
[206] Там же. Л. 21.
[207] Там же. Л. 22.

крепость Никополь. С 26 августа был среди войск участвовавших в третьем штурме Плевны, 2 – 4 сентября участвовал в рекогносцировке, оставшись при блокировавших её войсках до самого конца[208]. За участие в штурме и осаде Плевны высочайшее был награждён 6 ноября орденом Св.Станислава 2 степени с мечами. По итогам войны, высочайшее был награжден орденом Св. Владимиром 4 степени с мечами и бантом – 30 апреля 1878[209].

22 мая 1878 года, высочайшим приказом назначен для поручений при Начальнике Штаба действующей армии с оставлением в Генеральном Штабе. 2 августа, высочайшим приказом – офицером над вожатыми Действующей армии. 12 августа – высочайшим приказом на обер-офицерскую вакансию при Штабе Гвардейского корпуса. 8 октября, назначен на должность старшего адъютант Гвардейского корпуса. Причём он упоминается в рапорте полковника Экка от 7 января 1879 года, на имя генерал-майора Бобрикова, как человек, умевший грамотно вербовать резидентов, доставлявших ценные сведения[210].

28 мая 1879 года бы назначен офицером для поручений при штабе Войск Гвардии и округа, где с 1 ноября 1879 по 3 апреля 1880 года был заведующим мобилизационным отделом штаба. 3 марта 1881 года – делопроизводитель канцелярии ВУК. Высочайше командирован делегатом в международную комиссию по разграничению Турции и Черногории – 10 апреля 1880 – 10 февраля 1881. Делегат в международную комиссию по греческому и турецкому вопросам – 7 июня 1881 – 9 декабря. Комиссар в комиссию по разграничению в Черногории – 17 февраля 1882[211].

С началом боевых действий британской армии в Египте, в России заинтересовались возможностью понаблюдать британскую армию в бою. В своём докладе по главному Штабу от 5 июля, генерал-адъютант Обручев, излагал свои соображения: «В случае, если Англия и Франция развили свои военные

[208] Там же. Л. 27.
[209] РГВИА Ф. 400. Оп. 21. Д. 2765. Л. 22.
[210] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 96. Л. 74.
[211] РГВИА Ф. 400. Оп. 21. Д. 2765. Л. 28.

действия в Египте, было бы весьма полезно иметь при их экспедиционных войсках кого-либо из наших офицеров. Удобнее было бы возложить это поручение на состоящего в распоряжении нашего посла в Константинополе, Генерального штаба полковника Соллогуба»[212]. Эти же аргументы повторял военный министр, П.С. Ванновский в своём письме министру иностранных дел Н.К. Гирсу, и сообщал, что по всеподданнейшему докладу от 6 июля, император утвердил кандидатуру Генерального штаба полковника Василия Устиновича Соллогуба, состоявшего при после в Константинополе[213].

После этого, Обручев уведомил полковника Соллогуба частным письмом о возложенном на него поручении, дав возможность самому обсудить с послом время отправления[214]. Однако, вскоре Соллогубу пришло новое поручение. Ванновский получил письмо от Гирса, в котором тот сообщил о своём разговоре с императором, в котором самодержец высказал мысль, что посылка русского офицера к британским войскам продемонстрирует сочувствие России к Британии, что император считал неприемлемым. Гирс предложил назначить Соллогуба временно исполняющим обязанности генерального консула в Каире: «Дабы дать ему возможность больше «…» следить за военными действиями англичан»[215].

На письме была помета Ванновского, которая свидетельствовала о полном согласии военного министра с мнениями царя и министра иностранных дел. Следом, была отправлено письмо, оповестившее Соллогуба о его новой, официальной должности[216], и 17 августа, старого стиля, полковник Соллогуб отбыл в Египет[217].

Позднее, когда он преподавал военную статистику в Академии генерального штаба, генерал Лукомский вспоминал, что это был умный и

[212] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 8.
[213] Там же. Л. 9.
[214] Там же. Л. 10.
[215] Там же. Л. 12 об.
[216] Там же. Л. 16.
[217] Там же. Л. 21.

воспитанный человек, талантливый и интересный лектор, но очень неприятный как личность, которого не любили слушатели академии за любовь к издевательствам на экзаменах. Лукомский приводил пример, когда тот выразил ему своё недовольство нескромностью отвечающего, но среди коллег признавал, что такого блестящего ответа давно не слышал. Он придерживался мнения, что офицер Генерального штаба должен быть скромным и не страдать самомнением[218].

Краткий обзор биографий военных агентов в странах Восточного Средиземноморья позволяет нам утверждать, что частой ротации кадров на их должностях не происходило. Это были люди возраста, в среднем, 30 — 40 лет, в звании от капитана до полковника, и все окончившие академию Генерального штаба с отличием и все знали турецкий язык.

К моменту занятия должностей военных агентов, Филиппов уже имел опыт военно– разведывательной и аналитической работы ещё до 1877 года, а Протопопов прекрасно себя зарекомендовал как разведчик в 1879 году в Константинополе и в 1880 году в Греции, проявил себя на разведывательной работе и Соллогуб.

Благодаря образованию, они все вошли в состав делимитационной комиссии генерал-майора Бобрикова, где Протопопов и Соллогуб получили первый опыт ведения разведывательных работ, а также отчасти – знакомство с потенциальным противником, Великобританией.

Поэтому, к 1882 году, Россия располагала в Средиземном море военной агентурой, состоящей из офицеров– генштабистов, имевших успешный опыт разведывательной деятельности и знание местности.

2.3. Общие тенденции кадрового отбора военных агентов.

Рассмотрев биографии офицеров, отбиравшихся на должности военных агентов, можно выделить ряд определённых тенденций в их послужном пути. Важнее всего будет тот момент, что они все имели академическое образование,

[218] *Лукомский А.С.* Указ.соч. С. 70.

как правило – Николаевская военная академия (реже – Инженерная академия или Михайловское артиллерийское). Собственно, для сего, следует представить картину академического образования в период 1860-х – 1870-х годов, дабы получить представление о качестве подготовки в её стенах, и с каким багажом знаний они выходили из её стен.

Высшее военное образование.

Генерал-майор А.П. Горлов и генерал-майор К.К. Ланц, военные агенты в Лондоне, окончили Михайловскую артиллерийскую академию в 1843 – 1848 и 1852 – 1857 гг. соответственно. Военный агент в Лондоне, С.С. Бутурлин окончил академию Генштаба по 2 разряду в 1871–1873 гг. военный агент в Константинополе В.Н. Филиппов окончил Академию в 1859–1861 гг. военный агент в Афинах А.П. Протопопов был зачислен в Генштаб после окончания академии в 1876 гг. военный агент при британской армии в Египте В.У. Соллогуб был причислен к Генштабу, в 1875. Итак, все военные агенты получили академическое образование, причём из шести человек четверо – генштабисты. Трое из них окончили академию в первой половине 1870-х годов. Их собственных записей и воспоминаний об учёбе там не сохранилось, но остались свидетельства других современников, учившихся в Академии в 1870-е годы. Эти записи, содержат подробности об учебном процессе в Академии, что позволяет воссоздать картину оного и ответить на вопрос – что именно дало будущим военным агентам академическое образование?

В отношении В.Н. Филиппова, прошедшего курс учёбы в академии с 1859 по 1861 гг. в работе Глиноецкого было сказано, что он принадлежал к поколению, пошедшему в академию после позора Крымской войны. Среди офицеров, пошедших в академию в указанные годы, 314 из 318 было выпускниками кадетских корпусов, и половина из этих слушателей была лейб– гвардейцами. По Глиноецкому, из кадет в Лейб– гвардию допускались только лучшие ученики[219]. Филиппов же, как следует из его послужного списка, окончил 2 кадетский корпус

[219] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 141.

и служил в Лейб– гвардии стрелковом Императорской фамилии батальоне. Эти данные, сходясь с характеристиками Глиноецкого показывают на высокую образованность самого Филиппова. Его курс состоял из 148 абитуриентов, из коих зачислено было 92 человека, выпущено – 79[220].

Ввиду того, что штабная служба требовала офицеров для производства военно– статистических работ, съёмок и рекогносцировок[221], то общая задача военно– академического образования базировалась на теории военной статистики[222]. Поэтому, генштабист уже обладал теоретическими познаниями в области статистики, что являлось одним из основных требований по должности военного агента.

Поэтому, преподавание в академии Генерального штаба в 1850– х – 1870– х, при генерал-майоре А.Н. Леонтьеве, строилось на усвоении слушателями основных предметов: тактика, стратегия, военная история – для приготовления офицеров к их обязанностям в войсках, военная администрация, военная статистика – для усвоения навыков штабной службы, геодезия с картографией, съемка, черчение – практические занятия, приготовлявшие офицеров к топографической службе. Дополнительными предметами считались артиллерийская и инженерная часть, международное право, русский и иностранный языки[223].

Практические занятия на дополнительном курсе и съемки на первых двух, исходили из критики академического образования, что оно даёт офицерам массу теоретических сведений, но не даёт практики и знания войска[224]. Экк отмечал сильное впечатление, производимое на слушателей академии лекциями М.И. Драгомирова, Г.А. Леера и Н.Н. Обручева, читавшего курс военной статистики. В курсе Военной статистики, читаемых профессорами Макшеевым и Обручевым, была введена тема «Россия и Азия», в которой подробно разбиралось устройство

[220] Там же. С. 371.
[221] Свод военных постановлений 1869. СПб., 1907. Кн. 5. С. 34.
[222] *Rich D.-A.* The Tzars colonels… P. 44, 62.
[223] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 248.
[224] Там же. С. 136.

европейских колоний в Азии, их история, распространение господства англичан в Индии, Китае, Персии, а также общие сравнительные данные по соотношении сил России к британским силам в Азии[225].

В отношении курса иностранных языков, важно отметить, что в воспоминаниях военного министра, генерала от кавалерии В.А. Сухомлинова есть упоминание, что в 1870– х годах, на первых двух курсах академии, слушатели имели возможность посещать курсы английского языка [226], на который с 1867 года отводилось по 4 лекции в неделю[227]. Преподавал его с 1866 по 1876 годы, надворный советник Тёрнер [228]. Это означает, что офицеры–слушатели имели возможность изучить язык и азиатские силы будущего противника. Однако, отдельный курс по Британии в Азии не появился, из опасения нагружать слушателей сведениями, которые могли бы пригодиться немногим офицерам[229].

О том, как было устроено обучение, полковник Экк пишет, что к слушателям на первом курсе пока присматривались, и производили отсев на переходных экзаменах, и попавший на второй курс рассматривался как потенциальный офицер Генерального Штаба. Третий, дополнительный, курс, был учреждён 29 апреля 1869 года и преследовал цель привития офицерам практических навыков службы Генерального штаба. Желающим пройти курс, требовалось иметь не менее 6 баллов по общим предметам, и получить средний балл из выпускных экзаменов не менее 8[230].

По словам Сухомлинова, этот курс представлял собой подготовку самостоятельных работ по ряду военных тем – военно–исторический разбор кампаний, военно–административная и стратегическая темы, причём первые две можно было докладывать устно, то по стратегической теме нужно было

[225] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 273.
[226] *Сухомлинов В.А*. Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926. С. 16.
[227] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 286.
[228] Там же. С. 29.
[229] Там же. С. 274.
[230] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 237.

представить полный письменный доклад в дополнение к устному[231]. В течении года дополнительного курса, слушатели являлись в академию только в отведённые для занятий дни. Офицерам– слушателям полагалось усиленное жалование, и добавочные деньги в 60 рублей[232].

По словам Сухомлинова, учёба в академии состояла из 3– х курсов – 2– х теоретических, с практическими занятиями и дополнительный курс, который генерал охарактеризовал как сплошной экзамен[233]. Данные о малом числе абитуриентов в академию 1870-х годов подтверждает и военный министр, генерал от инфантерии А.Ф. Редигер, вспоминая, что в 1873 году на общее отделение поступило 30 человек[234]. С учётом того, что максимум слушателей академии младшего курса был установлен в 50 человек, для выпуска из них 35 – 40 офицеров Генерального штаба в год[235], это было довольно мало.

К примеру: курс, который окончил Бутурлин (на котором он был единственным, получившим университетское образование), пришли абитуриенты, числом 41 офицер, из них приняли 35, а выпустили – 24 человека[236]. На курс, который прошел Соллогуб явилось 42 абитуриента, из них зачислено на младший курс Академии – 29 офицеров, из них было выпущено 15 человек, из них служило в Гвардии после выпуска – двое[237]. Такая статистика показывает на то, какой был жёсткий отбор в академию и во время обучения в ней. На это, показывает то, что Сухомлинов, сдав вступительный экзамен по артиллерии на 12 баллов (отлично), тут же был отправлен домой в беспамятстве и с воспалением мозга[238].

В академию можно было поступать только после двухлетней строевой службы и принимали штабс-капитанов Гвардии, капитанов артиллерии и

---

[231] *Сухомлинов В.А.* Указ.соч. С. 16–17.
[232] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 237–238.
[233] *Сухомлинов В.А.* Указ.соч. С. 16.
[234] *Редигер А.Ф.* Указ.соч. Т. 1. С.
[235] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 231.
[236] Там же. С. 371.
[237] Там же. С. 371.
[238] *Сухомлинов В.А.* Указ.соч. С. 16.

майоров армии[239]. Бутурлин, при поступлении, был ротмистром, Протопопов и Соллогуб – штабс-капитанами, что соответствует принятым правилам. То, что рассматриваемые офицеры не только поступили в Академию, но и успешно окончили её, есть показатель их личных качеств, как трудолюбие и развитость умственных способностей.

О том, как проявили себя будущие разведчики в академии, можно судить по их оценочным баллам за экзамены. Баллы Соллогуба – общие предметы: Стратегия – 11, тактика – 9, военная история – 12, военная администрация – 11,5, военная статистика – 10,7, геодезия – 11, съемки – 12. Средний балл – 10,89. Дополнительный курс: военная история – 11,5, военное искусство – 11, стратегическая задача – 8,3, полевые занятия – 11. Средний балл – 10,54. Вспомогательные предметы: артиллерия – 12, фортификация – 10,7, политическая история – 11, физическая география – 10, русский язык – 12, иностранные языки – 11. Средний балл – 11,12[240].

За эти отличные результаты Соллогубу было позволено преподавать военную администрацию, тактику и военную топографию в военных училищах без испытания в виде пробной лекции[241]. Баллы Протопопова – Основные предметы: Стратегия – 12 баллов, Тактика – 10,8, военная история – 11,5, Военная администрация – 10, военная статистика – 10, Геодезия – 11, Съёмка – 10. Средний балл: 10,76. Дополнительный курс: военная история – 11,7, военное искусство – 11,3, Стратегическая задача – 12, полевое занятие – 10. Общий балл: 11,5. Вспомогательные предметы: артиллерия – 11, фортификация – 7,5, политическая география – 10, физическая география – 12, русский язык – 10, иностранный язык – 9,5, Средний балл – 10[242].

Также, как и Соллогубу, ему было разрешено преподавать вышеуказанные предметы без испытаний[243]. Стоит отметить, что по съемкам, Соллогуб и

---

[239] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 231.
[240] РГВИА Ф. 544. Оп. 1. Д. 752. Л. 11–12.
[241] Там же. Л. 22.
[242] РГВИА Ф. 544. Оп. 1. Д. 753. Л. 11–12.
[243] Там же. Л. 32.

Протопопов получили высшие баллы, что указывало на высокое умение в проведении полевых съемок. Причем Соллогуб проявил себя в знании фортификации, а Протопопов – в географии, что является немаловажным, учитывая их будущие должности.

Штабная служба.

После академии, начиналась штабная служба. Из четырёх генштабистов, только Протопопов был почти немедленно переведён в Генеральный штаб, Соллогуб – через год штабной службы (окончил академию в 1875, переведён в ГШ в 1877). Все, кроме Протопопова, были только причислены к Генеральному штабу. Это означало то, что они находятся в резерве чинов Генштаба, общим числом в 110 офицеров, распределяемых по военным округам по мере надобности, и состав причисленных комплектовался из окончивших успешно военную академию[244].

Мы видим, что после академии, офицеры сразу назначались исключительно в штабы на должности адъютантов, будучи в капитанском чине. Этому способствовали указы начальника Академии генерал-лейтенанта Я.И. Ростовцева, от 1857 и 1859 годов, чтобы все адъютанты и штаб– офицеры при штабах и управлениях комплектовались только из генштабистов. Фактически, назначение капитана, окончившего академию на адъютантскую должность было неизбежно[245].

Согласно Военной энциклопедии Сытина, адъютант, это офицер, состоящий при командующем частью войск, или заведующем частью военного управления или ответственный за делопроизводство в штабе или управлении. Должность старшего адъютанта подразумевала ответственность за делопроизводство при штабах от дивизионных до окружных, и должны замещаться только офицерами Генерального штаба[246]. При этом, Соллогуб, Протопопов, Бутурлин и Филиппов проводили на должности адъютантов при штабах – обычно штабных адъютантов

[244] Свод военных постановлений. Кн. VI. С. 40.
[245] *Глиноецкий Н.П.* Указ.соч. С. 140.
[246] Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 174.

было двое – по хозяйственной и строевой частям[247]. У Соллогуба ясно прописано, что он служил адъютантом по строевой части.

О том, что из себя представляла служба адъютанта по строевой части в штабе, дают мемуары генерал-майора А.А. Игнатьева, будущего военного агента во Франции. Он писал о своей штабной службе в Гвардии: «За отсутствием Богаевского в штабе дивизии мне сразу пришлось приступить к выполнению его **обязанностей, заключавшихся в составлении приказов и заданий на бригадные и дивизионные учения и маневры. (выделено мной – А.Т.)** Постепенно Зайончковский доказал мне, что я не только не обучен в академии делу подготовки войск в мирное время, но что даже приказов составлять не умею.

– Что вы, что вы, Алексей Алексеевич, разве можно писать, чтобы голова лейб– гусарского полка прошла через перекресток у красносельской церкви в восемь часов утра! Ведь командиру полка придется самому рассчитать час выступления. Эту работу мы должны проделать сами. Для этого мы и существуем»[248]. Под словом «мы», Зайончковский имел ввиду штаб войска. Составление приказов в штабе, расчёты для войск – примерно в этом заключалась служба. Фактически, на адъютанте по строевой части, лежала не только канцелярская, но и оперативная работа штабе. Таким образом, адъютант служил как письмоводитель и помощник начальника штаба.

После несения канцелярской службы адъютантами, Бутурлин и Филиппов служили на должности начальников дивизионного штаба. Согласно Своду военных постановлений 1869 года, начальник штаба дивизии должен был поставлять всю документацию начальнику дивизии, принимать и объявлять его приказания и следить за их исполнением, а также неисправностями в войсках и сообщать о них, следить за точным исполнением дел в канцеляриях частей, входящих в дивизию, заведовать дивизионной казной и сопровождать начальника дивизии в инспекционных поездках. Также, он ведал всеми кадрами

[247] Справочная книжка для русских офицеров. СПб., 1875. С. 99.
[248] *Игнатьев А.А.* Указ.соч. Т. 1. С. 161.

в штабе и его приказания – исполнялись, как приказы самого начальника дивизии[249].

Обязанности, таким образом, расширялись включая в себя кадровый вопрос, контроль за штабной службой и непосредственная помощь командиру части. Генштабист Б.В. Геруа в своих воспоминаниях описывал то, как выглядела эта работа: «Когда же наступали лагери и дивизионные манёвры и необходимо было составлять боевые приказы и диспозиции, Карцев становился мучеником. Он запирался в кабинете на часы, окружал себя уставами и справочными книжками по тактике, и таким образом, в поте лица своего, «высиживал» требуемые распоряжения»[250].

Несмотря на то, что цитата относится к конкретному лицу в 1906 году, важна общая её суть, передающая то, что на начальнике штаба дивизии лежала основная оперативная работа. Геруа писал, что этот генерал брал всю канцелярскую работу на себя, не подпуская к ней адъютанта по строевой части[251]. Из этого следует, что служба адъютанта, ещё заключалась в сборе основного материала для работы непосредственно начальника штаба.

Как критиковал эту канцелярскую работу офицера Генерального штаба Б.В. Геруа: «Научиться на «текущей» переписке, как водить войска, хотя бы мелкие, было трудно. Даже летом, в лагере, когда шло полевое обучение войск, капитан Генерального штаба корпел за своим письменным столом в штабе составляя какие– нибудь «срочные» ведомости и донесения, и ответы на пустяковые будничные запросы. Со всем этим мог справиться любой штабной офицер без высшего образования. А между тем, несколько лет такого бумажного опыта, постепенно превращали офицера, который готовился принадлежать к «мозгу армии», в рядового канцеляриста»[252]. Из этого следовал вывод, что генштабист равен канцеляристу. Для нашей работы, из всех вышеприведённых сведений о

[249] Свод военных постановлений 1869. СПб., 1907. Т. V. С. 64.
[250] *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. В 2х томах. Париж, 1964. Т. 1. С. 192.
[251] Там же. С. 192.
[252] Там же. С. 151.

службе офицера Генерального штаба, следует тот вывод, что штабная служба давала будущим офицерам– разведчикам опыт понимания организационной и оперативной службы, что давало возможность в будущем понимать систему работы иностранной армии, и её анализа.

Напоследок, стоит прибавить, что работа военных агентов в Константинополе и Афинах, предусматривала подробную съёмку пролива Босфор. Поэтому, практические навыки, приобретённые Филипповым и Протопоповым в академии и доказанные высокими баллами на экзаменах, прошедшие практику на полах сражений турецкой войны, вполне оказались для них полезны для разведывательной деятельности. Обучение ведению съёмок в академии, таким образом, позволило им справляться со съёмками вероятного театра боевых действий – Босфора.

Таким образом, высшее военное образование, и вхождение в состав корпуса Генерального штаба, открывало возможности быстрой штабной карьеры для офицеров. Штабная служба, и некоторые практические навыки, приобретенные на учебе в академии (например языки и полевые съемки местности), позволяли им выполнять возложенные на них разведывательные поручения.

Подытоживая обзор биографий военных агентов, следует проговорить особенности отбора на эти должности по этим регионам. В Англию, предпочли брать технических специалистов, с середины 1880-х, отдавая предпочтение офицерам Генерального штаба. На Ближнем Востоке, разведывательные должности были укомплектованы исключительно генштабистами. Причём эти офицеры уже имели опыт разведывательной работы в данном регионе, и в единой организации, как делимитационная комиссия 1878–1879 гг., из состава которой вышли все офицеры, занявшие разведывательные посты на Ближнем Востоке.

Как можно понять из предыдущего параграфа, усложнение устройства армий, требовало знания её функционирования. Это могла дать служба Генерального штаба. Поэтому, академическое образование Генерального штаба

образование, давало будущим военным агентам необходимые начальные знания об устройстве армии вообще, знания о будущем противнике, возможность изучить английский язык, и овладеть предметом военной статистики. Из основных предметов, полезными для будущей работы оказывалась военная статистика, администрация и черчение, с практикой в виде съёмок, а из предметов второстепенных – английский язык. Штабная служба приобщала их к опыту работы в войсках, давала представление о функционировании военного управления.

Таким образом, будущий военный агент имел навыки аналитической работы в штабах и практический опыт службы в войске. Это знание службы Генерального штаба, позволяло будущему военному агенту разбираться в устройстве армии, и справляться с изучением армии страны пребывания, согласно данной ему инструкции.

Что касается непосредственно разведывательного опыта, то опыт службы военным агентом имел только Горлов. Филиппов и Ланц имели опыт разведывательных поездок, с целью сбора сведений. Протопопов и Соллогуб, вдобавок к аналогичному опыту поездок, имели опыт организации военно–агентурной сети для сбора информации. Таким образом, военный агент представлял собой прежде всего, офицера с академическим образованием, штабного служащего. Образование и служба в штабах давали ему знания об устройстве армии, а разведывательная служба давала практический опыт добычи информации и её аналитики.

§ 3. Методы работы.

В отношении методов работы военных агентов, выше уже отмечалось, что инструкция 1880 года, определяла три метода – открытое наблюдение, аналитика прессы и агентурная разведка. Как отмечал Б.М. Шапошников в своей работе «Мозг Армии», способы наблюдения за противником могут быть открытым личным наблюдением, тайным наблюдением и получением сведений от органов

других государств и других ведомств в своём государстве. Каждый из этих способов имел свою специфику.

Личное открытое наблюдение могло состоять из поездок на смотры, манёвры и тому подобные случаи по официальному приглашению, назначение особых военных представителей в государства, с которыми установлены дипломатические отношения и командировки офицеров за границу [253] . Ориентирование через официальные органы состояло в обмене сведений между разведками и генеральными штабами союзных держав или обобщению сведений, полученных от других ведомств, которые могли иметь отношение к обороне государства[254].

Тайное наблюдение есть не что иное, как агентурная разведка. В тонкости агентурной разведки Шапошников вдаваться не стал, но подробно осветил личные открытые наблюдения и их роль в сборе сведений, относящихся к обороне.

Итак, инструкция 1880 года и Шапошников выделяют три основных способа, которыми агент мог добывать нужную информацию. Случай взаимодействия с генеральным штабом Англии исключались, ввиду напряжённых отношений между двумя империями. Остаётся только личное наблюдение и тайные разведки, которые могли дать агенту нужную информацию. Тогда встаёт вопрос – а какими источниками располагал венный агент, и какова была их информативность?

Военный агент Горлов сообщал об источниках, из которых он получал свои сведения. Рапорт от 9 (21) января 1879 года за № 3, перечисляет источники сведений: личное посещение арсеналов, заводов, казарм, приглашение на артиллерийские и инженерные опыты [255]. Другой источник – это периодика: газеты, журналы, брошюры по специальным вопросам. Третий источник сведений – личные сношения с частными лицами. При этом будет любопытно

[253] *Шапошников Б.М.* Указ.соч. Т. 3. С. 300.
[254] Там же. С. 301.
[255] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 1. Л. 12 об.

сравнить с источниками, которые он упоминал в рапорт от 11 (23) апреля 1873 года за № 35 из Вашингтона, который содержал в себе подробнейший отчёт о войне американцев с индейским племенем модоков: «официальные сведения об индейцах, сообщенные в рапортах министра внутренних дел за 1872 год, газетные описания корреспондентов, сопутствовавших экспедиционный отряд, описания как официальные так и частные, помещённые в здешнем военном журнале: Army and Navy Journal, оффициальные приказы о движениях разных частей отряда, официальные сведения насчёт состава и расположения войск на различных постах и наконец, официальная карта, с показанием на оной расположения всей индейских резерваций, на западе Америки»[256].

То есть, Горлов опирается только на официальные данные, которые он мог легально заполучить в свои руки. Для создания общей картины событий используется официальные сведения и рапорты, а детали – ход войны, тактика сторон, уточнятся с помощью прессы. При этом, в донесении из Англии, 6 лет спустя, он уже прибавил агентурную разведку и личные наблюдения за подготовкой и состоянием войск, что свидетельствует о его профессиональном росте как разведчика. В рапорте № 3 от 4 (13) февраля 1881 года, Горлов, сообщая о своей книге про британскую армию, называет её источники. Это ежегодно публикуемые официальные документы относительно армии, сведения о которых ему выдавало военное министерство Англии, вследствие посылаемых им запросов и сведения, которые ему сообщили лично офицеры, занимающие посты в военном министерстве или командовавших частями в английской или англо-индийской армии[257].

Особую трудность для него составляли сведения, добываемые по англо-индийской армии, ибо литература по ней раздавалась только высшим офицерам этой армии, и отсутствовала в военных библиотеках, доступных Горлову. При этом он сделал важное замечание. Любые сведения об иностранной армии рано

[256] РГВИА Ф. 453. Д. 7. Л. 61.
[257] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 4. Л. 1.

или поздно устаревают. Поэтому, быстрый выпуск трудов об иностранных армиях крайне необходим, так как можно иметь основу, которая подвергнется исправлению, в случае новых сведений[258].

Из перечисленных Горловым в 1879 году источников следует то, что у военного агента было три способа наблюдения – личные наблюдения, анализ печатных изданий и агентурная разведка. Это совпадает с указанными Шапошниковым средствами, за исключением периодики. Ввиду этого, в параграфе будут рассмотрены именно эти три метода работы военного агента, коррелируя с инструкциями 1856 и 1880 годов, дабы показать, насколько эти методы были эффективны и как военные агенты справлялись со своими обязанностями.

Причём следует сначала указать на ценный источник, который даёт основную информацию о методах работы русского военного агента в Англии – рапорт генерал-майора Ланца от 18 (30) апреля 1884 года № 65. Этот рапорт представляет собой подробнейшее изложение правил и мелких нюансов этикета, которые должен был знать военный агент для должного ведения наблюдения за армией и политикой Великобритании. Поэтому, в этом параграфе часто будут присутствовать ссылки на этот документ.

Официальные источники.

По Шапошникову, как уже упоминалось, официальными источниками были явные наблюдения, к которым сам военный агент Горлов относил посещения казарм, арсеналов и заводов, приглашения на артиллерийские, инженерные опыты, парады, смотры и манёвры.

О важности личных наблюдений военного агента, упомянуто в письме военного агента в Константинополе, генерального штаба полковника А.С. Зеленого в его письме к Н.Н. Обручеву от 11 (23) января 1873 года. В письме, Зеленой напоминал Обручеву его пожелание, высказанное им при личной встрече с Зеленым в Петербурге летом 1872 года, о необходимости

[258] Там же. Л. 2.

самостоятельных поездок агента по стране, дабы была возможность сбора военно– статистических сведений, и сообщал, что не только согласен с мнением Обручева, но и постарался воспользоваться первым же удобным случаем для такой поездки.[259]

Из этого письма видно, какую важность придавало высшее военное руководство возможности офицерам лично ознакомиться с военным делом страны пребывания. Учитывая то, что сам Обручев совершал такие поездки, то вполне возможно предположить, что его личный опыт мог передаться и офицерам, сотрудничавшим с ним.

В обязанности агента, как следует из инструкций, входило присутствие на парадах и смотрах. Польза от такого посещения была в том, что агент мог увидеть войска в строю, оценить их амуницию, упряжь и снаряжение у артиллерии и кавалерии, качество строевой подготовки. Как писал Игнатьев: «Это был единственный случай увидеть воочию войска, и оценка иностранцами всех европейских армий производилась в ту пору почти исключительно по их впечатлениям от больших маневров» [260] . Однако, на парад, как на любое официальное мероприятие, требуется официальное приглашение властей страны пребывания.

Ланц, в рапорте № 65 от 18 (30) апреля 1884 г., подробно описывает порядок приглашения военных агентов в Англии на парады и смотры: «Приглашения на смотр и учения исходят прямо из военного министерства, за подписью начальника штаба (Adjutant General to the Forses) или его помощника, они делаются обыкновенно два раза в год: по случаю смотра волонтёрам на 2 день Пасхи, и другой раз для развода с церемонией, в день рождения королевы. За остаточный год особых приглашений не делается, но при желании видеть войска, может ехать в Ольдершотский постоянный лагерь, или другое место, где существуют войсковые сборы»[261]. То есть военный агент мог видеть британскую

[259] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.
[260] *Игнатьев А.А.* Указ.соч. Т. 1. С. 380.
[261] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 39. Л. 5.

армию 2 раза в год и только в случае особого приглашения из военного министерства. Дополнительно, военный агент мог присутствовать на смотру лишь при дозволении старшего начальника двора, в случае личного с ним знакомства, или по согласию с кем–нибудь из военного министерства.

При этом была особенность – англичане не выдавали иностранным офицерам казённых лошадей для присутствия на смотрах, офицер должен был явиться на своей лошади, исключение делалось лишь для больших манёвров, на которых всегда приглашали иностранных офицеров, но так как манёвры были редко – в 1884 году, последние манёвры были в 1875 году[262]!

В донесении Ланца от 11 (23) июня 1882 года № 31 подробно описывается парад в Альдершотском лагере, куда он был приглашён, и описывается состояние проходивших войск, с многими подробностями[263]. В частности, он упоминал, что имел возможность наблюдать учения конницы на полковых занятиях, что позволяло ему судить о тактике принятой в британской армии[264]. Точно также, действовал полковник Соллогуб в Египте, когда на параде в Александрии 18 (30) сентября 1882 года, он смог наблюдать части армии метрополии и англо-индийской армии, которое он описал в рапорте от 30 сентября (12 октября) 1882 года.

Итак, официальные источники, могли очень многое дать офицеру–специалисту, а также личные знакомства с высшими кругами, предоставляли возможность получать ценную информацию, которая была не менее ценна, чем данные шпионажа. На параде, агент имел возможность оценить состояние войск лично, и, судя по донесению, неплохо справлялся с этой задачей.

Яркий пример подобной деятельности, можно встретить в письме № 31 от 5 (17) мая 1877 года, когда Горлов, проверяя сведения о подготовке британской армии к военному походу в помощь турецкой армии, посетил в г.Вулич арсенал и военную академию: «Для того чтобы убедиться в какой мере подготовительные

[262] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 36. Л. 5 об.
[263] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 34.
[264] Там же. Л. 56 об.

работы, о коих заявлено мной в письме за № 25 привели армию в готовность для отплытия – я отправился в Вулвич, провёл некоторое время в семействе одного знакомого мне генерала, осмотрел Вулическую Военную академию и опять посетил Вулический арсенал. Общий результат из разговоров, справок и осмотра получился следующий. Для привидения войск назначенных в экспедицию на случай её отправки, не требуется ни покупка лошадей ни набора ни даже сбора резервов. Те части, которые пойдут в экспедицию будут вдруг пополнены офицерами, нижними чинами и лошадьми и даже обозными повозками из частей остающихся в Англии. Таким образом, вся работа привидения на военное положение организует лишь перемещением имеющихся средств. Для Интендантства и госпитального обоза потребуется некоторое формирование наново, но все повозки в полном числе готовы в Арсенале и все требующиеся для них упряжи сложены в арсенальном складе в полном порядке безконечными рядами, так что в этом отношении экспедиционный корпус готов. Общее впечатление офицеров есть то, что отряды в случае надобности, во всей своей полноте, могут быть готовы к амбаркации (погрузке – А.Т.) через 5– 6 дней по отдании приказа»[265].

Это модно привести, как яркий пример личных наблюдений военного агента за армией Англии – посещение арсенала и военной академии дали Горлову определённые сведения, на основании которых он мог прийти к нужным выводам и изложить их в рапорте на имя военного министра.

Если в европейской стране, такое дело было вполне возможным, то в азиатских странах разведка становилась очень трудным делом. В упомянутой записке Бобрикова, содержался совет о способах ведения разведки в Турции: «Чтобы следить за вооруженными силами, военный агент имеет два средства: личного наблюдения состояния турецких военно–технических заведений, группированных в окрестностях Константинополя, и войсковых сборов и обучения части армии, расквартированных по многочисленным казармам обоих

[265] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 86.

берегов Босфора, и сбор сведений о состоянии турецкой армии и её дислокации по провинциям через консулов»[266]. На полях стояло примечание, сделанное рукой Милютина: «Он может и предпринимать по временам поездки в разные части Турции, под различными предлогами»[267]. Таким образом, основным способом вести наблюдения за Босфором это были личные поездки офицеров с целью составления карты местности и её укреплений.

Съёмки пролива и наблюдения за батареями, как правило, велись с моря – на стационере «Тамань» или с специально приобретённой для этого парусной фелюге[268]. Из рапортов, составленных совместно военном агентом в Афинах полковником А.П. Протопоповым, и командиром «Тамани», следует, что длительные и частые выходы на «Тамани» вдоль Босфора. Также Обручев в своих докладах на имя военного министра, генерала П.С. Ванновского, отмечал, что главную роль в съёмках Босфора играли полковники А.П. Протопопов и В.У. Соллогуб[269], что подтверждали рапорты командира «Тамани» капитана 1 ранга С.О. Макарова[270].

Посылки других офицеров были необходимы ввиду того, что полковник Филиппов был известен всем главным пашам, посему, чтобы не возбуждать излишних подозрений турок, на рекогносцировки и разведывательные поездки посылались другие офицеры[271]. В рапорте полковника Филиппова от 15 февраля 1882 г., № 9 сообщалось о рекогносцировке укреплений Проливов Босфор и Дарданеллы, проведённых с капитанского мостика парохода Добровольного флота «Петербург», причём Филиппов оценил свои сведения о количестве и расположении орудий, как точные, а калибр оных был определён на глаз[272].

[266] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1883). Д. 2. Л. 53 об. – 54.
[267] Там же. Л. 54.
[268] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 581. Л. 2.
[269] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 580. Л. 2.
[270] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 581. Л. 2.
[271] Там же. Л. 32.
[272] Там же. Л. 10.

Рекогносцировка укреплений в Проливах была проведена дважды – в июне 1880 и декабре 1881 гг.

Бобриков в своей записке также отмечал: «В тех случаях, когда изучение какого– либо пространства турецкой империи или события потребует особенно тщательного наблюдения военного специалиста, а самому военному агенту временно оставить свой пост было бы неудобно, он доносит в Главный штаб, об обстоятельствах, вызывающих временное командование офицера Генерального штаба. При проезде последнего через Константинополь он дает ему последнее наставление, а при возвращении сообщает ещё заключение о результатах командирования»[273]. Если вспомнить пункт из дополнительной инструкции военным агентам в Константинополе о помощи «второстепенных военных агентов», и посмотреть на посылки офицеров в Константинополь и характер их деятельности, то можно сказать, что пожелание Бобрикова было учтено.

Также, Бобриков добавлял: «В виду того, что на обязанности военного агента лежит ещё и точное исследование окрестностей Босфора, едва ли не было полезно иметь при агенте секретарем лицо знакомое со съемкой»[274]. В распоряжении военного агента Филиппова был откомандирован корпуса военных топографов штабс-капитан Зверев, которого в 1883–1884 замещал капитан Гламадзин, но ввиду недостатка усилий Филиппова и Зверева с Гламадзиным по съёмкам Босфора, полковник Филиппов часто вызывал себе из Афин подполковника Протопопова. В докладе по Главному штабу от 17 февраля 1882 года было сказано: «Этих сил крайне недостаточно для одновременного собирания сведений о турецкой армии и исполнения необходимых топографических работ»[275].

В связи с этим предполагалось командировать в Константинополь генерального штаба полковника В.У. Соллогуба: «который уже производил с

[273] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1883). Д. 2. Л. 55.
[274] Там же. Л. 57.
[275] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 44. Л. 2.

полным успехом рекогносцировки в окрестностях Царьграда»[276]. Ввиду его опыта работы в делимитационной комиссии он командировался для: «совместных занятий по некоторым общим военным вопросам с нашим военным агентом в Константинополе, согласно известным Вам на этот предмет указаниям»[277], – гласило письмо Обручева Соллогубу. Под деликатными «известными указаниями» подразумевалась разведывательная деятельность, ибо Соллогуб зарекомендовал себя как хороший разведчик по работе в делимитационной комиссии генерала Бобрикова в 1879 году.

Стоит отметить, что Соллогубу этот опыт, а также отличное знание фортификации, приобретенное в академии, помогли составить грамотное описание фортов и береговых батарей Александрии, во время его пребывания в Египте, которые он осматривал сам: «Так как я не имел ни времени, ни повода вступить в знакомство с английскими военными властями в Александрии, то упомянутая позиция была видена мною лишь с далёкого расстояния, с крыши ближайшего дома на посещаемой обыкновенно городскими жителями второй английской позиции у крайних высотных садов на каналах Махмудиэ»[278]. То есть, в Египте, он применил знакомый ему по Босфору метод личного наблюдения за береговыми батареями.

При этом, съёмки берегов Босфора затруднялись тем, что подозрительность турецких властей усилилась, что отразилось в увеличении часовых на важных пунктах, из– за чего дело изучения батарей Босфора и съёмки пролива велись очень медленно[279]. В письме бывшего военным агентом в Константинополе в 1870–1877 годах, генерал– лейтенанта А. Зеленого к Обручеву, Зеленой писал, что поездка по стране, при подозрительности турок возможна лишь под чрезвычайно благовидным предлогом[280]. Филиппов жаловался в одном из

[276] Там же. Л. 2.
[277] Там же. Л. 6.
[278] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 23.
[279] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 580. Л. 382.
[280] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 92. Л. 1 об.

рапортов, что от всех военных агентов, в особенности от русского, турецким правительством всё прячется[281].

Вторым источником личной информации служили разговоры с официальными и частными лицами, как и при личных посещениях, так и на официальных приёмах. В апреле 1877 года, генерал-майор Горлов был приглашён на светский раут к военному министра Англии, и о тех разговорах, которые там велись в отношении России и Турции, он сообщал в рапорте за № 20 от 14 (26) апреля[282].

Кроме того, агент мог завязывать личные знакомства, и пользуясь ими, лица могли передавать ему ценные сведения, как в начале 1877 года, одно семейство передало ему копию с письма английского офицера, посланного на военную службу в Турцию – укреплять Константинополь, в котором содержались сведения о британской помощи туркам ввиду войны с Россией[283].

Бутурлин, был знаком с посланником Нидерландов в Лондоне, так как последний был женат на русской дворянке Языковой, и русский военный агент был частым гостем у посланника, который в конфиденциальных разговорах передавал ему все интересные новости, которые получал от британских политиков. В том числе, он передал ему сведения, касаемо британской позиции ввиду обнародования австро–германского договора о военном союзе, о чём Бутурлин докладывал в письме № 1 от 25 января (6 февраля) 1888 года[284].

Агентурная разведка.

Неофициальные агенты, проще говоря – шпионы, не пользовались уважением общества в XIX столетии[285]. Однако же, в вышедшем в 1892 году труде В.Н. Клембовского «Тайные разведки (военное шпионство)», обосновывалась необходимость института агентуры, которая вовремя снабжала нужной информацией военные ведомства и благодаря этому происходила

[281] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 10. Л. 29 об.
[282] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 61.
[283] Там же. Л. 1–3.
[284] РГВИА Ф. 431. Оп. 1. Д. 56. Л. 46.
[285] *Игнатьев А.А.* Указ.соч. С. 210.

успешная подготовка к войне: «Ведь сведения о противнике составляют основу каждого шага на войне, а следовательно, все средства, клонящиеся ко сбору их, должны быть разработаны возможно полнее, что служит залогом успешного их на деле. «…» Есть данные, которые не выяснит никакая кавалерия, так, например, в период стратегического развёртывания армии пленные вместе с шпионами представляют чуть ли не единственное средство ко сбору сведений о противнике»[286].

Организация такой шпионской сети в стране пребывания для исполнения своих обязанностей и составляло заботу военного агента. При этом Клембовский задавал в своей книжке щекотливый вопрос – можно ли считать офицера, присланного для сбора сведений о вражеской армии, шпионом[287]? И на основании законов международного права давал ответ, что считается, но только в том случае, если он пойман в присвоенной ему военной форме[288]. Сам военный агент, лично не занимался проникновением в секретные сейфы министерств и штабов, а поручал эту задачу лазутчикам и тайным агентам, работа которых оплачивалась.

Такие агенты разделялись на добровольных и принуждённых, простых и двойных, постоянных и временных[289], а также резидентуру и лазутчиков[290]. Добровольные исполняли свои обязанности по тем или иным личным причинам (ненависть к завоевателям, революционные убеждения), принужденные работали исключительно за вознаграждение, простые – использовались одной стороной, а двойной – был завербованным агентом из стана врага. Резидентура проживала постоянно в месте, где находился важный стратегический объект (оружейный завод или горный перевал) и сообщал сведения о нём, ну а лазутчик проникал в казармы и крепости, на заводы, и лично наблюдал за местностью.

---

[286] *Клембовский В.Н.* Тайные разведки (военное шпионство). С. 3–4.
[287] *Клембовский В.Н.* Указ.соч. С. 45.
[288] Там же. С. 46.
[289] Там же. С. 48.
[290] Там же. С. 54.

Клембовский указывал, что искать шпионов в военное время бессмысленно, так как нету времени, поэтому необходимо иметь такую агентуру уже в мирное время. Для этого, надо искать людей во всех классах и сословиях, которые вращаясь в своих кругах могут услышать полезные для разведчика разговоры[291].

Военный агент во Франции в 1906–1917 гг. граф А.А. Игнатьев, в своих воспоминаниях записал: «В мемуарах бывших тайных агентов (открывающих, впрочем, только всем известные тайны) вербовка секретных сотрудников обычно изображается как дело, никогда не представляющее затруднений. Выработались даже трафареты использования для этой цели определенных категорий людей – падших женщин, прокутившихся мужчин или карточных игроков. Но я уверен, что если бы кому–нибудь из усердных читателей подобных романов поручить выбор секретного сотрудника для самого незначительного дела, то он сразу бы понял, что безошибочных рецептов здесь нет, что вербовка агентуры – это ремесло, требующее многолетней и тяжелой практики, полной разочарований, провалов, неудач, о которых в романах, конечно, не пишется»[292].

Также, он прибавлял, что донесения агентуры, часто полезнее даже самых «секретных» документов[293]. Сам он говорил об изучении дела тайных разведок: «В академии нас с тайной разведкой даже не знакомили. Это просто не входило в программу преподавания и даже считалось делом «грязным», которым должны заниматься сыщики, переодетые жандармы и другие подобные темные личности. Поэтому, столкнувшись с действительностью, я оказался совершенно беспомощен»[294]. Поэтому сложную науку вербовки агентов, добычи тайных сведений и их анализа, борьбы со шпионажем агент постигал сам, на практике.

Военный агент в Лондоне Горлов, во многих своих донесениях за 1877–1879 гг. ссылался на устные сведения и записки, которые ему передавал его агент, фигурировавший в донесениях под литерой N. Этот агент впервые появляется в

[291] *Клембовский В.Н.* Указ.соч. С. 56.
[292] *Игнатьев А.А.* Указ.соч. С. 402.
[293] Там же. С. 429.
[294] Игнатьев А.А. Указ.соч. С. 210.

рапорте № 45 от 1 (13) июля 1877 года, и Горлов обозначил его как члена редакции одной из либеральных газет [295], причём название газеты не упоминалось, таким образом. Мы не можем пока предполагать, кто скрывался под этой литерой. Агент N служил для Горлова незаменимым и основным источником информации о британской политике: например, снабжал его сведениями о планах войны против России или против Афганистана, или о британском шпионаже в Петербурге и на Балканах[296].

Агент N, пользуясь служебным положением был не только вхож в правительственные круги Англии, но и мог совершать поездки по интересующим Горлова территориям, где завязывал нужные знакомства, связи и получая разные сведения, передавал их Горлову. Таким образом, в 1877–1878 годах, в результате поездок агента N, в Турции была установлены нужные связи с информаторами[297], этот британский корреспондент служил связующим звеном между ними и Горловым, и полученная им информация передавалась в Россию. Горлов характеризовал этого агента как человека весьма способного и хорошо поставленного, и считал, что доставляемые им сведения – верны, поэтому Горлов очень желал сохранить этот важный источник информации[298].

На осень 1878 года, когда Горлов предложил продолжить сотрудничество, то услуги этого ценного для него агента, стоили 120 ф.с. (3000 франков) в год, и он просил военного министра немедленно выплатить агенту треть от указанной суммы, и на рапорте стояла помета – исполнить [299]. Это подтверждается отношением министра в особую канцелярию министерства финансов по кредитной части, с просьбой выделить на имя Горлова 1000 франков [300], и генерала оповестили о том, что вексель на 1000 франков выписан в банковской

[295] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 119 об.
[296] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 1. Л. 13.
[297] РГВИА Ф. 401. Оп. 2/927 (1877). Д. 4. Л. 40, (1878) Д. 4. Л. 72, 77.
[298] РГВИА Ф. 401. ОП. 3/297 (1878). Д. 4. Л. 89.
[299] Там же. Л. 90.
[300] Там же. Л. 91.

конторе Верн и Ко в Париже[301]. В переводе на русские деньги эта сумма составила 414 р. 94 копейки[302]. При этом, поездки агента N на Восток оплачивались отдельно, к примеру, за лето 1878 года сумма расходов Горлова на это дело составила 2490 франков при бюджете в 2594 франка[303].

Интересно сравнить это с общим денежным содержанием военных агентов. В 1881 году, при назначении военного агента в Афины, генерального штаба капитана Протопопова, ему полагалось – содержания 3000 рублей, на «негласные расходы» – 1200 рублей[304]. При назначении военным агентом в Лондон генерал-майора Ланца, жалование как агента и сумма на «негласные расходы тоже составили 3000 и 1200 рублей соответственно[305]. При сравнении, можно чётко сказать – «негласные расходы» вполне укладывались в выделяемую сумму. Если учесть, что агент ещё получал жалование согласно своему военному чину (генерал-майору полагалось 1017 рублей)[306] то военный агент вполне мог позволить себе содержать агентурных информаторов.

Интересно обратить внимание на одну из записок, переданных агентом N генералу Горлову. В ней он предупреждал Горлова, что помещённое в Times объявление от 8 ноября 1878 года: «С.Петербург. А.Г. благодарит лицо, которое обязательно сообщило Кассель Магазин со статью о Микрофоне». вызвало интерес в Главном Штабе военного министерства Англии. Нашедшим объявление и догадавшимся о том, что это был Горлов, был капитан 10 стрелкового полка Дж.Х.Джеймс, прикомандированный к Главному Штабу, о чём сообщал N. Как следовало далее –Горлов посещал магазин Хамфорда[307], с определёнными целями, предположительно – конфиденциальная встреча с неким лицом для получения от него важных сведений.

---

[301] Там же. Л. 92.
[302] Там же. Л. 95.
[303] Там же. Л. 100.
[304] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 71.
[305] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 32. Л. 2.
[306] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 32. Л. 2.
[307] РГВИА Ф. 401. ОП. 3/297 (1878). Д. 4. Л. 13 об.

Это служит доказательством того, что помимо связи с агентом N, у Горлова существовала в Англии целая сеть резидентов. Горлов в своих рапортах говорил о своих информаторах как о: «различных моих корреспондентов, принадлежащих к разным кругам английского общества, сведения от которых мне кажутся не лишними»[308]. Эти корреспонденты с 1878 по 1879 годы слали Горлову письма в Париж, на имя его лечащего врача, снабжая письмо специальной пометой [309] . Можно ли примерно установить круг этих «корреспондентов» и круги общества, к которым принадлежали его корреспонденты?

Если обратиться к его рапортам, то получится примерно следующая картина. К примеру, сообщая военному министру о британской военной помощи Турции в начале 1877 года, Горлов писал: «Различные газеты постоянно сообщают, что английские офицеры отправляются в довольно большом числе в Турцию или для поступления там на службу или для временного содействия Турецкому правительству. Всё это скрывается от меня, как от официального русского лица, не только военными, но также и частными лицами. Тем не менее, в одном дружеском мне доме, было мне передано, на время, письмо одного высокого звания сановника, относящегося к вопросу об английских волонтёрах и сверх того сообщены другие интересные сведения, не достоверность которых я имею полное право рассчитывать… «…» В дополнение сему письму, мне сообщено, что Английское правительство действительно послало в Турцию шесть (выделено в тексте – А.Т.) инженерных офицеров под начальством Майора Роберта Хома (Robert Home) для изучения местности вокруг Константинополя и составления проекта её укрепления. Передававшее эти сведения лицо стояло в Константинополе в одной гостинице с названными офицерами и даже рассматривало их планы»[310]. Этот отрывок показывает, что Горлов приобретал информацию среди сочувствующих России кругов британской элиты. Причём с

[308] Там же. Л. 22.
[309] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 1. Л. 13 об.
[310] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 1.

ними были настолько доверительные отношения, что те позволяли ему копировать частную переписку.

Также, в рапорте № 2 за тот же год, Горлов сообщает, что сведения о возможности англичан перебросить экспедиционный корпус против России, ему передал: «один офицер, знакомый мне по военному министерству, где до недавнего ещё времени он занимал высокое место. Он принадлежит по происхождению к аристократии и находится в близких отношениях с принцами королевской фамилии. Я не имею права назвать его фамилию»[311].

В 1879 году это сделалось более затруднительно, так как усилился надзор полиции за лицами, заподозренными в шпионаже, а ряд информаторов Горлова из патриотических чувств перестали сотрудничать[312]. Тем не менее – Горлов не потерял контроль за наблюдением, и смог продолжить свою деятельность, во многом благодаря помощи своего информатора N. В связи с этим, Горлов предлагал следующее: «Мне казалось бы желательным продолжать ныне установленную систему наблюдения вне Англии, не только не дать ей ослабнуть, но напротив, стараться по возможности сделать её более и более надёжной»[313].

Эта мысль появилась у Горлова ввиду того, что 1878–1879 годы он подолгу проводил в Париже, находясь на лечении. Напряжённая работа лета– осени 1877 года серьёзно подорвала его здоровье[314] и по ходатайству графа Шувалова, военный министр разрешил Горлову отъехать на лечение в Париж. Однако и там Горлов не прекратил своей деятельности, судя по его интенсивной переписке с Милютиным, и частоте поставляемых им сведений, что могло привести к установлению им наблюдения за Англией вне неё: «ныне установившиеся средства наблюдения конечно далеко несовершенны, но всё же они доставляют сведения, какие не получишь другим путём.»[315]

---

[311] Там же. Л. 7.
[312] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 1. Л. 13 об.
[313] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 1. Л. 14 об.
[314] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 15. Л. 11–13.
[315] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 1. Л. 14 об.

Это предложение было поддержано графом Шуваловым в письме на имя военного министра, и на письме стояла помета министра, с разрешающая оставаться Горлову в Париже[316], о чём Горлову было сообщено в официальном письме Обручева от 19 января 1879 года[317]. Следовательно, в Петербурге доверяли Горлову, и его информация была точна, раз для её добычи ему было разрешено остаться в Париже.

Это подтверждается подсчётом упоминаний той или иной тематики и источников информации в его рапортах. За 1877–1879 годы, тематика донесений Горлова составляла: оружие и техника, политика, военное дело (часто обе темы были взаимосвязаны), технические вопросы (шифрование, финансы, организационные вопросы) и сама агентурная разведка. За 1877 год, в фонде ВУК, отложилось 57 рапортов военного агента из Лондона[318], из них, организации разведки и получению от неё информации, было посвящено 6. Наибольшее количество донесений приходится на июль– август 1877 года, в связи с сообщениями об организации Британией экспедиционного корпуса на случай войны с Россией, из них – 4 посвящено агентурной разведке, а 2 – сбору сведений от частных лиц. В следующем, 1878 году, Горлов прислал 56 донесений, из которых уже 22 содержали в себе сведения о работе его агентурной разведки! Причём их пик пришёлся на апрель и июнь– июль 1878 года, обрывается осенью, и с октября– ноября снова поднимается. В рапортах за 1879 год, больше половины начинается с фразы – по сообщениям моих корреспондентов из Англии, что указывает на широкий круг осведомителей Горлова. В связи с этим возникает вопрос о том – как она была организована, кто являлся информатором военного агента и насколько были достоверны присылаемые ими сведения?

То есть основным источником, для Горлова на конец 1870-х годов стали сведения, поступавшие от его агентуры. На процитированных фрагментах

[316] Там же. Л. 16.
[317] Там же. Л. 17.
[318] Причём последний из рапортов помечен за № 134, то есть в деле донесений агента из Лондона отсутствуют 80 донесений!

можно увидеть, что агентурная разведка Горлова проделала целую эволюцию – от сведений, переданных сочувствующими лицами, до организации агентурной разведывательной сети, которая могла остаться в Англии и служить источником информации в случае войны.

Агент N, добывал сведения для Горлова как лично, так и с помощью резидентуры. Таким образом, он становился передаточным звеном между резидентами и военным агентом. Также, ввиду того, что агент N не был единственным корреспондентом Горлова, то военный агент мог получать похожие сведения из разных источников, и сопоставлять их, получая целостную картину. Эти сведения и отражались в его донесениях.

Военные агенты на Средиземноморье сталкивались с проблемой усиления надзора за своей деятельностью, поэтому, проблему посылки офицеров, легко можно было решить путём найма агентуры, которая бы за деньги поставляла бы нужные сведения военной разведки. Военный агент в Константинополе, Филиппов, вербовал себе тайных сотрудников, от которых он получал секретные сведения. В рапорте № 18 от 3 июня 1885 года, он писал, что он вошёл в сношения с производителем водопроводных работ в Константинополе: «Для пополнения и исправления планов пространств, наиболее важных в военном отношении.» Имелось ввиду получение карты Константинополя и берегов Босфора.

Нанятый съёмщик обязался работать даже по праздникам за 3 турецкие лиры в день (69 франков) ибо расходы включали наем рабочих и лошадей. Таким образом, пользуясь планами константинопольского водопровода, Филиппов получал отличную карту города и его окрестностей. При этом, съёмки местностей могли быть затруднены даже для таких работ, ибо на то съёмщикам требовалось разрешение Порты[319]. Сообщение капитана 1 ранга Власьева, от 19 апреля показывает, что рекогносцировки батарей Босфора производились и

[319] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 10. Л. 14.

через подкуп местных армян, которые обходили укрепления и сообщали все сведения русскому офицеру[320].

Не менее активно пользовались завербованными резидентами военные агенты в Средиземноморье, как Протопопов и Соллогуб. Основная информация об их работе с агентурной разведкой содержится в рапортах Генерального штаба полковника Экка на имя генерал-майора Бобрикова. В рапорте 7 января 1879 года, Экк сообщал: «Представляю вам новый образчик искусства Александра Павловича в добывании агентов для сбора сведений о турецких войсках. Он умудрился приобщить к этому делу даже нашу молодую хозяйку, поручив ей выведать всё что можно от полковника турецкой службы англичанина Аликса «…» состоящего при Бекер–паше дополнительные сведения о войсках на константинопольском полуострове» [321] . Также, Экк писал о том, что у Протопопова был агент Ш.Н. который предлагал ему за 200– 300 турецких лир достать из военного министерства план укреплений Чалтаджинской позиции[322]. В рапорте полковника Экка на имя Бобрикова, было записано, что подполковник Соллогуб завербовал двух братьев– греков, фигурирующих в донесении под литерой Б. Полковник Экк писал о них: «Б. в качестве агента оказался отличным приобретением. Он ловкий, довольно нрзб., человек, свободно говорит по–французски и пишет порядочно. Будучи австрийским подданным, действует гораздо смелее прочих греков. Его отец (родом далмат) был одним из самых отчаянных капитанов австрийского Ллойда, всеми уважаем. Через это у Б. обширные знакомства с людьми всех национальностей, особенно с (нрзб.,) и даже турецкими офицерами. Не менее ловким и сметливым агентом представляется и другой брат. Он находится теперь в Салониках, отлично знаком с английским консулом (нрзб.,) корреспондентом какой– то, что облегчает ему (нрзб.) Он агент подполковника Соллогуба. По– моему, братья Б. могут быть

[320] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 581. Л. 32.
[321] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 96. Л. 72 об.–73.
[322] Там же. Л. 73 об.

весьма полезны для будущего нашего военного агента здесь. Как образчик работ Б. представляю вам доклад его о войсках Константинопольского гарнизона»[323].

Если посмотреть рапорты Протопопова уже за время его пребывания в Греции за 1885 год, то можно увидеть, как Протопопов использовал свой опыт дела агентурной разведки. Рапорт № 7 от 26 июня 1885 года, подробно описывает цели и проблемы найма агентуры в Греции. По его словам, наем агентов необходим для наблюдения за островами греческого архипелага – Эвбея, Андрог, Тиноп, Миконос, Скиро и Цериго[324]. Протопопов, считал очень важным пунктом остров Андрог, так как с него было удобно вести наблюдение за проливом Доро, которым шли все суда к Дарданеллам. Миконос и Никария, должны были служить наблюдательными пунктами за флотом выдвигающимся от Суэцкого канала, и работу по наблюдению надо было поручить рыбакам и лоцманам[325]. Для сей цели нужны были местные жители – лодочники и лоцманы, но оплата их услуг должна была превышать их ежемесячный заработок, который оценивался в 200–300 франков. Посему, Протопопов делал вывод, что на каждого нужно 300– 400 франков, а в общем ежемесячно – 1800 – 2400 франков[326]. При этом, он уже имел двух агентов на островах Евбее и Андроге, местных лодочников, которые 20 лет уже продавали свои услуги русским морякам в Пирее.

Сам он, в случае войны с Англией, планировал отправиться на остров Сирос, к местному русскому консульству, и оттуда вести наблюдения. В рапорте № от 4 июля 1885 года, он писал, что уже ездил к консулу на Сиросе – Свиловичу, с которым обсуждал вопрос об организации наблюдения, а точнее – о пунктах и стоимости оной. Консул полностью поддерживал Протопопова, но и предлагал содержать агента на острове Мало, где был центр общины лоцманов. Для сего нужен был агент с острова Сирос, дабы тот мог держать связь с консулом[327].

[323] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 96. Л. 74.
[324] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 7. Л. 63.
[325] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 7. Л. 69.
[326] Там же. Л. 63 об.
[327] Там же. Л. 68.

Эта агентура на островах, должна была предоставить своевременные и точные сведения о любых перемещениях британского или турецкого флотов в Средиземном море. При этом большая сумма вероятных затрат не могла быть препятствием, ибо согласно инструкции 1880 года, для подобных нужд агентам всегда выдавался особый кредит.

Пресса.

Вторым по надёжности официальным источником, для агента служила пресса страны пребывания. Британская периодика того времени играла главную роль в формировании политических настроений в обществе, и оттуда агент извлекал полезные для его руководства сведения[328]. Ввиду частых обострений отношений между двумя державами и политическими кризисами, на страницах британской периодики разгорались споры по поводу политики в отношении России.

Агент умел анализировать их и предоставлять комплементарную выборку из них в Главный Штаб, представляющую общественное мнение Англии. У Игнатьева, можно даже встретить указание на особенности аналитики прессы агентами: «Столичных газет я не читаю. – объяснял полковник, – их изучают только дипломаты. Вырезки, на первый взгляд, ничего не говорят, но когда вы изо дня в день и из года в год сопоставляете, делаете выборки, то порядок пополнения резервистами выясняется»[329]. Можно было выяснить не только некоторые особенности военной службы, но и много других, полезных сведений. Как уже было упомянуто выше, по признанию самого агента Горлова – пресса была важным источником информации.

Если почитать его рапорт от 15 (27) февраля № 8 за 1878 год, то там Горлов сообщает о труде работы с прессой: «Видя какое множество английских корреспондентов находилось при турецких отрядах и какое множество сведений

[328] *Лисицына Н.Н.* Английская пресса и русские военные агенты в Лондоне о подготовке Пендинского кризиса 1885 г. // Vitaleus: сборник статей, посвященный 70-летию В. И. Шеремета. М., 2010. С. 161.
[329] *Игнатьев А.А.* Указ.соч. С. 379.

о турецких войсках было ими сообщено по телеграфу каждодневно в Лондон; опасаясь чтобы какие– нибудь важные сведения не достигли бы слишком поздно до нашей армии и не имея возможности телеграфировать непосредственно Вашему Высокопревосходительству или в Главную Квартиру, я предложил графу Петру Андреевичу Шувалову доставить выборки из телеграмм и корреспонденций английских журналистов для сообщения по телеграфу того, что его Сиятельство признаёт важным, князю Горчакову в Бухарест, а оттуда в Главную Квартиру «…» Прибавка этих занятий ко всем текущим усиленным работам, превысила мои силы, как Ваше Высокопревосходительство легко может увидеть из следующего. Больших ежедневных английских журналов 8: The Times, Daily Telegraph, Daily News, Standart утренний и вечерний, Morning post и Globe; кроме того имеется второстепенная вечерняя газета Echo и две важных воскресных газеты Examiner и Observer. Каждая из этих газет ежедневно имела большое число длинных телеграмм с театров войны Европейских и Азиатских. Сверх того почти каждая из этих газет имела множество длинных писем от своих корреспондентов при Турецких войсках и наконец в собственно Лондонских статьях о войне, газеты часто содержали различные новости, полученные ими из Турции непосредственно. Ежедневное чтение всей этой массы газетной литературы, сделалось для меня вдруг обязательным. Я не мог не ужасаться мысли: пропустить какую– нибудь из важных новостей, помещённых в каком– нибудь углу какого– нибудь из этих журналов и сделаться таким образом виновным в недоставлении в Главную Квартиру необходимых для неё данных в и воспроизведении опасности, от которой уже пострадал генерал Черняев. Вследствии этого, с Июня месяца, у меня не оказалось более времени для необходимого для моего здоровья моциона; дни почти всецело, за исключением времени для завтрака и обеда в клубе, употреблялись на чтение безобразной английской газетной литературы, составлении выписок и т.п.; и эта работа была ещё тяжелее по вечерам и ночам, вследствие необходимости читать при газе и вследствие мелкого шрифта английских газет. К сожалению я не мог

не убедиться, что в этой массе телеграмм и писем было очень мало действительно серьёзного материала и что английское газетное пустословие, в соединении с явной лживостью, достигли в эту войну неслыханных размеров. Из всей этой массы удалось извлечь лишь немного серьёзных депеш. Произошла ли от них для нас какая– нибудь польза мне неизвестно и даже рассуждать об этом вопросе я не имею права»[330]. Столь большой отрывок из донесения был процитирован, дабы показать подробный механизм работы агента с прессой, и отразить конкретную ситуацию лета– осени 1877 года, когда напряжение на Дунайском театре русско-турецкой войны достигло пика.

Агент сообщает основные британские газеты, служившие его источниками – «The Times», «Daily Telegraph», «Daily News», «Standart» утренний и вечерний, «Morning post» и «Globe» – 8 крупных английских газет, которые задавали то в общественном мнении, и их позиция, сведения из этих газет считались самыми важными. Отчасти, Горлов обрёк сам себя на такую работу, ибо инициатива доставления подборки важных сведений о Дунайском театре в Петербург исходила от него, и несмотря на одобрения графом Шуваловым этой инициативы[331], из Петербурга пришёл аналогичный приказ, поэтому, Горлов вынужден был усиленно искать в прессе сведения о турецкой войне, боясь что–то упустить и тем самым подвергать русскую армию опасности. Это служит отличным штрихом к личности генерала, показывая его, как добросовестного и требовательного к себе и своей службе военного.

Аналитика прессы, также должна была дать сведения о тех районах, на которые был устремлён интерес России. Если в 1877 году, Горлова интересовала турецкая армия, то в 1881 году, когда обозначилась проблема русско-афганской границы и Мервскго оазиса, Горлову потребовались письма английского корреспондента газеты «Daily News» О, Доннорвана, который с 1879 по 1881

[330] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 15. Л. 11.
[331] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 116. Рапорт от 23 июня (5 июля) № 40.

путешествовал по Туркмении и сообщал в своих письмах весьма подробные и ценные сведения о Мерве.

Горлов обратился в редакцию газеты с просьбой предоставить ему экземпляры писем или список номеров, где они были опубликованы. Редактор не смог предоставить ему копии, так как они хранились в редакции в одном экземпляре, но выделил список номеров с публикациями писем.

Таким образом, летом 1881 года, Горлову пришлось взяться за анализ номеров газет за прошлые года: «Затем выбрать из 177 номеров содержащие сообщения, и приступить к изучению всех этих 177 корреспонденций, обозначить в оных, что представляется интересным для нашего Военного ведомства; сделать переводы всего этого на русский язык, и затем составить из этих отдельных и весьма сложно перепутанных между собой сведений, один гладкий рассказ, где бы все эти сведения были бы расположены в порядке, по определённым системам»[332].

Именно так добывались важнейшие сведения, которые помогали агенту делать какие– то выводы в отношении политики страны пребывания и настроений её общества. Приведённые отрывки из его донесений о методах работы с периодикой, прекрасно показывают не только повседневную службу военного агента, но и методы этой службы, её важность в добыче и анализе информации о политике.

Для этого, агент должен был уметь грамотно анализировать периодику страны пребывания, и судя по отрывку из донесения полковника С.С. Бутурлина № 13 от января (11 февраля) 1885 года, по поводу экспедиции генерала Гордона в Судан, агенты успешно справлялись с этой задачей: «В статьях журналов между строк проглядывает, и даже иногда в разговорах прорывается – надежда соотечественников его на то, что он умер.» Из этого он делал вывод, что смерть

[332] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 4. Л. 15.

генерала Гордона упростила бы политику англичан в отношении Судана и Египта, развязывая руки Лондону[333].

Агент, отслеживая периодику не только с целью поиска чего– либо конкретного, но и с целью узнать, как поставлено в Англии изучение той или иной географической области, политического вопроса или чего другого. В письме от 8 (20 февраля) 1884 года № 13, генерал-майор К.К. Ланц сообщал, что он не обнаружил никаких оригинальных сведений о племени дунган[334], так как все английские статьи и брошюры ссылались на русские источники. Далее, в письме он давал характеристику этим брошюрам – на что сделан акцент в статье, её источники, особенности и так далее[335]. К донесению, он прилагал вырезки из газет за февраль 1884 года, и журналы, здесь это были 10 томов «China Reviev», который Ланц счёл богатым по содержанию журналом[336]. Вообще, Ланц каждое своё донесение сопровождал несколькими газетными вырезками, благодаря чему, архивное собрание его переписки с ВУК за 1882 – 1884 годы, является ещё и хранилищем статей британской периодики по острым внешнеполитическим вопросам. Можно добавить, что у Горлова любимым источником информации в прессе была газета «Daily News», а Бутурлин редкие донесения не оставлял без вырезок и ссылок на газету «Pioneer Mail».

Среди этого, агент, как мы помним, должен был доставлять в Россию брошюры и журнальные статьи военного или военно–политического содержания, которые производили заметное впечатление на общество[337]. Ежедневный кропотливый труд, состоящий в разборе бумаг, аналитике прессы, переводах, которые должны были иметь свой результат в виде рапорта, посылаемого по 2–3 раза в день, так как утром сведения могли быть одними – а вечером уже совсем другими. Причём рапорт мог содержать в себе самые разнообразные сведения –

[333] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 2 об.
[334] Среднеазиатская народность, родственная китайцам, проживающая на территориях современной Киргизии, Узбекистана и Китая.
[335] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1886) Д. 4. Л. 9.
[336] Там же. Л. 10.
[337] *Сергеев Е.Ю. Улунян Ар.А.* Указ.соч. С. 192.

в одном рапорте могло быть донесение и о новом оружии, и о перемещениях турецкой армии, и о положении в Афганистане и о каких–нибудь важных переменах в англо-индийской армии. Поэтому, копии с донесения могли быть направленны одновременно и в Главное Артиллерийское управление, и в Азиатскую часть.

Тем не менее, аналитика прессы давала больше половины важной информации о политике и обществе, поэтому работа военного агента была немыслима без ежедневного мониторинга прессы, и аналитики её статей, которые в виде вырезок или переводов прилагались к рапортам.

Некоторые аспекты повседневной службы военного агента.

Этот раздел здесь нужен для того, чтобы восстановить повседневную службу военного агента и понять, как именно он справлялся со своими задачами. Академическое образование давало общие представления о войсках, отточенные личным опытом штабной и строевой службы, но никто не учил их добыче сведений: «Никто и никогда нас не знакомил со службой военных агентов; существовала только, как всегда у нас водилось, широковещательная программа, выполнить которую, конечно, никому не могло прийти в голову, до того в ней было много заданий. Каждый действовал как Бог на душу положит, стараясь главным образом восполнить недочёты в работе предшественника»[338].

Поэтому всё приходило с опытом, путём проб и ошибок. Так как за границей, как было сказано, агенту было запрещено показываться в военной форме, кроме парадов, смотров и официальных светских мероприятий. Как описывал эту особенность службы агента Игнатьев: «Для русского военною главным затруднением при отъезде за границу являлось переодевание в штатскую одежду и особенно завязывание галстука. Снимать военную форму в ту пору в России было строго запрещено даже в отпуску. Никогда не забуду, как, приехав в Вену, я истратил пять часов на надевание впервые фрака, измучился, вспотел, порвал

[338] *Игнатьев А.А.* Указ.соч. Т. 1. С. 378.

несколько белых галстуков и все же опоздал в театр»[339]. Именно в Англии военному агенту следовало неукоснительно соблюдать это правило, ибо в британском обществе считалось неприличным офицеру носить мундир вне строя, кроме установленных обычаем случаев[340].

Кроме этого, агент должен был сопровождать русских офицеров, находящихся в иностранной столице, и считался, как бы старшим русским офицером для них. Это важно для Ближнего Востока, ибо выстраивало иерархию подчинения всех военных агентов в этом регионе – военному агенту в Константинополе. Ибо по приездам Протопопова из Афин или Соллогбуа из Александрии в Константинополь, старшим для них считался военный агент, полковник Филиппов.

Как уже было сказано выше, военный агент обязан был анализировать прессу, читать книги и брошюры, отправляемые в Россию. О том, как проходила подобная работа, Горлов писал в одном из рапортов: «Конечно, затруднительные отношения, в которые мы были поставлены в Англии, с начала 1877 года, потребовали значительного увеличения моих работ в этом году; так одних рапортов было написано 134, т.е. более чем один каждые три дня; многие из них весьма обширные и часто сопровождаемые огромными переводами с английского языка. Так как у меня нет никаких помощников, то собрание материалов для такой работы требовало громадного чтения книг, брошюр, газет и т.п. а равно механической работы писания рапортов на чисто, когда они секретные, и следовательно не могут быть доверены наёмному частному лицу. **Всё это однако суть обыкновенные труды военного агента, в случае затруднения с страною, в которой он состоит (выделено мной – А.Т.)** и не должно было бы ослабить здоровье человека имеющего полные свои силы»[341]. То есть, он лично выписывал все газеты, брошюры, книги, и сам, без опоры на

[339] Там же. С. 366.
[340] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 36. Л. 4.
[341] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 15. Л. 10.

помощников, должен был их читать, анализировать, если надо – переводить на русский язык.

Досуг военный агент в Лондоне мог проводить в одном из пяти военных клубов Лондона, где все иностранные военные атташе считались почётными членами без уплаты взносов, но и без права голоса. Также, военный агент получал приглашения на вечера в офицерских собраниях Вулича (артиллерия) и Чатема (инженеры), и приглашался на все конские скачки. Также, военный агент мог быть приглашён на обед или завтрак в полковую артель[342]. Четыре раза в год военный агент приглашался к высочайшему двору – два бала и два концерта, и один раз в год – приглашение к принцу Уэльскому на дневной обед в саду дворца[343]. Учитывая то, что Горлов и Бутурлин часто получали интересующие их сведения от лиц высшего общества или английских офицеров, то эти визиты приобретали ещё и рабочий характер.

В целом, Британия оказывалась вполне гостеприимной страной для русского военного агента, но в нужный момент умела закрывать все двери, но доступ к информации обеспечивала тайная агентура, так как все важные вопросы государственные мужи Британии предпочитали обсуждать устно. На Средиземном море, военный агент чаще должен был прибегать к найму агентуры. Если в Англии он мог почерпнуть нужные сведения из приватных бесед, личных наблюдений и печатных средств, то на Востоке, в связи с отсутствием письменных источников, большее значение приобретала устная информация, добываемая путём личных рекогносцировок или донесений нанятой агентуры.

Выводы.

Создание в начале XIX века заграничной военной разведки, ограничивалось задачами текущего момента, и не привело к созданию регулярного органа управления сбором информации. Реформирование Главного штаба в 1860-х годах, как главного органа стратегического планирования, вывело на первый

[342] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/928 (1884). Д. 36. Л. 6.
[343] Там же. Л. 5 об.

план задачу накопления статистической информации о военном потенциале России и других стран. Для этого, в Главном штабе появляется орган сбора и обработки этой информации – Военно– учёный комитет, который становится и главным органом военной разведки в России. Развитие военного дела, привело к тому, что задачами военных агентов стали не только сбор статистических сведений, но и глубокая аналитика военного потенциала страны пребывания, и его связь с развитием вооруженных сил. Это привело к появлению новой инструкции военным агентам 1880 года, предписывавшей им тщательным образом изучать военный потенциал страны пребывания.

Для исполнения этих задач, требовались квалифицированные кадры, получавшие специальное образование. Академия Генерального штаба, исходя из требований задач работы Генерального штаба, выпускала офицеров, подготовленных для военно–статистической и топографической работы. Таким образом, академическое образование давало им обширную теоретическую базу, которую на практике было возможно применить лишь в штабах, на канцелярской работе. Военное образование и штабная служба, становились взаимодополняющими друг друга эпизодами биографии агента, где полученная в академии Генерального штаба теория применялась на практике. Эта практика, становилась тем опытом, который использовал агент во время своих служебных разведывательных поездок.

Из 6 офицеров, занимавших должности военных агентов в Великобритании, Турции и прилегающих регионах Ближнего востока в 1877– 1885 гг. 5 имели подобный опыт ведения разведывательной работы. Из них, самыми подготовленными для несения военно–разведывательной службы, стоит признать генерал-майора Свиты А.П. Горлова, как имевшего опыт службы военным агентом в США в 1868–1873 гг. и Генерального штаба капитана А.П. Протопопова, получившего опыт ведения военно– разведывательной работы во время нахождения в Константинополе в 1878–1880 гг. и поездке по Греции в 1880 году.

Военные агенты в Великобритании комплектовались из людей, для которых было достаточным владение английским языком и хотя бы поверхностное знакомство с английской армией, Горлова и Ланца, с 1884 года, эта должность комплектуется офицерами Генерального штаба, как полковник С.С. Бутурлин. Военные агенты на Ближнем Востоке в первой половине 1880– х, комплектовались из числа тех, кто работал в Делимитационной комиссии 1878–1879 гг. генерал-майора Г.И. Бобрикова, и все имели образование Академии Генерального штаба и практическое знакомство с турецким языком и изучаемой местностью. Поэтому, можно утверждать, что при отборе, отдавалось предпочтение кандидатам, более знакомыми как и с страной пребывания, так и с обязанностями по будущей должности.

Основным методом сбора информации, являлся метод тайного наблюдения. Его осуществляли путём вербовки доверенных лиц, именуемых «корреспондентами», которые поставляли секретную информацию агентам, пользуясь своими связями или служебным положением, или организовывали сеть информаторов, передавая все сведения, стекавшиеся к ним непосредственно агенту, за определённое вознаграждение.

Вспомогательным методом, было явное наблюдение за армиями страны пребывания, посещая арсеналы, военные училища, склады оружия и боеприпасов, парады. Они могли узнавать интересующие их сведения из разговоров с высокопоставленными лицами и сведущими специалистами. Также, агент занимался аналитикой прессы страны пребывания, так как огромный массив информации о происходящих событиях и политике содержался именно там, что позволяло агенту понимать суть происходящего и делать определённые выводы, предсказывая развитие политических событий.

Глава 2. Восточный кризис 1875– 1880 гг.

§ 1. Сотрудничество Великобритании и Турции глазами русской разведки.

Генерал-лейтенант Н.Н. Обручев, в записке от 1 октября 1876 года, о плане войны с Турцией, целью войны полагал «вырвать из рук Турции» Болгарию. Дабы побудить турок точно согласиться на оставление Болгарии, было сочтено необходимым взять столицу Османской империи, Константинополь [344] . Подобный шаг мог привести к столкновению с англичанами: «По всей вероятности, мы встретим здесь англичан, и если они не согласятся исполнить наших требований, а будут упорствовать в поддержке турок, нам придётся биться и с англичанами. Как ни грозно это столкновение, но таков естественный ход событий; надо его предвидеть и быть к нему готовым. Нам во всяком случае не избегнуть столкновения с Англией, и лучше встретить её в Константинополе, чем биться с нею у наших берегов. Если счастье поблагоприятствует нам взять Константинополь, то раз навсегда отделаемся и от Турции и от Англии»[345]. Дабы достичь успеха, он полагал действовать быстро и решительно, дабы не дать Турции и Англии времени для организации свои сил для отпора России.

Тот же самый тезис присутствует в следующей записке Обручева от 23 марта 1877 года, о будущей войне. Целью действий армии окончательно провозглашал Константинополь, ибо: «Только на берегах Босфора можно действительно сломить владычество турок и получить прочный мир, раз и навсегда решающий наш спор с ними из– за балканских христиан»[346]. Обручев указывал, что ввиду штурма Константинополя, следует учитывать помощь англичан, которые могут укрепить город артиллерией и поддержать его флотом со стороны Мраморного и Черного морей. Для того, чтобы опередить англичан,

---

[344] *Газенкампф М.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. Приложение 1. С. 1.
[345] *Газенкампф М.* Указ.соч. Приложение 1. С. 2.
[346] Сборник материалов по истории русско-турецкой войны на Балканском полуострове. Т. 10 6. СПб., 1898. С. 28.

Обручев, как и раньше, советовал армии двигаться быстро[347]. В противном случае, за 8–10 недель, англичане перебросили бы 50–60 тыс. войска под Константинополь[348]. На всякий случай, Обручев рекомендовал готовить 13-ую, 15-ую и 34-ую пехотные дивизии Одесского военного округа к вероятной переброске морем[349].

Таким образом, основная идея плана войны у Обручева складывалась в виде быстрого выдвижения русской армии через Балканский полуостров к Константинополю и его захват, на опережение англичан. Интересно отметить, что поданная в октябре 1876 года, записка генерального штаба генерал-майора К.В. Левицкого о целях войны, указывала что для поражения могущества турок, русские должны занять Константинополь. В качестве препятствия к достижению цели, также выделялся фактор прибытия английских войск, и чтобы избежать столкновения с ними, русской армии нужно как можно быстрее продвинуться через Балканы к Константинополю, чтобы занять его до прибытия англичан[350].

Все данные Обручева о возможности британского вмешательства в русско-турецкий конфликт покоились на донесениях военного агента в Лондоне, генерал-майора Свиты Александра Павловича Горлова. По его словам, главная забота Англии состояла в охранении Индии и путей, ведущих к ней, и сохранения своего устойчивого положения в Азии на случай серьёзных затруднений: «При устройстве такого обеспечения имеется ввиду лишь один неприятель – Россия»[351]. Если обратиться к его рапортам за 1875–1876 годы, то можно увидеть, какие именно меры приняла Англия к обеспечению охраны путей из Индии.

С лета 1875 года, как сообщал Горлов в рапорте от 18 ноября № 46, гарнизоны крепостей на Мальте и в Гибралтаре были доведены до максимума, а также в этих военно–морских крепостях были образованы добавочные воинские

[347] Там же. С. 28–29.
[348] Там же. С. 28.
[349] Там же. С. 38.
[350] Сборник материалов… Т. 10. С. 11–12.
[351] РГВИА Ф. 431. Оп. 1. Д. 47. Л. 47.

команды, и стали сосредотачиваться разные воинские припасы. Как считал Горлов: «По общему заверению, Англия имеет ввиду в будущем неизбежную войну с Россией, – хотя, конечно, никто не берётся, определить, когда она вспыхнет. Ввиду такой неизбежной войны, считается необходимым подготовлять заблаговременно и со всем возможным тщанием всё, что может содействовать её успеху»[352]. В рапорте № 4 от 22 января (10 февраля) 1876 года, Горлов, предоставляя ведомости по количеству и соотношению английских войск особо обращал внимание на описание европейских войск Англии, так как: «Вследствие затруднений в Турции – европейская часть английской армии получила особый интерес»[353]. Эту армию, как полагал Горлов, англичане готовились выдвинуть против России.

Согласно предварительным расчётам Горлова, для экспедиции, Англии потребовалась бы армия не менее, чем в 50 000 человек[354], причём в Англии назывались цифры от 38 000 до 46 289 человек, а максимум достигал 65 000 человек: 42 батальона пехоты, 12 полков кавалерии и 24 артиллерийские батареи[355]. Подводя итог, Горлов писал, что английская армия сможет выставить значительный экспедиционный отряд, и может перебросить его морем из метрополии на возможный театр в Европе[356].

Рапорт № 17 от 24 марта (5 апреля), сообщал, что общественное мнение Англии считает недостаточными расходы на военные нужды, и военный министр требовал в парламенте увеличить численность армии, что и было сделано – комплекты пехоты увеличены до 3 591 человека, а летом участились манёвры войск[357].

За лето 1876 – весну 1877 гг. хронология подготовки выходила следующей. 7 (19) июня был отправлен рапорт № 34, в котором Горлов писал, что решено

[352] Там же. Л. 49.
[353] РГВИА Ф. 431. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
[354] Там же. Л. 31 об.
[355] Там же. Л. 32.
[356] Там же. Л. 34.
[357] Там же. Л. 52 б.

отправить в Средиземное море экспедиционную армию и большой отряд броненосцев [358] . Для этого, было приготовлено 9 транспортных судов, вместительностью от 1500 до 4500 человек, и к ним должны были присоединиться частные суда, зафрахтованные правительством, и в итоге должна была получиться армия до 20 000 человек, которые в 20–25 дней должны были достичь берегов Крита, Египта или же Турции, а командовать этой армией должен был генерал Р.– К. Нэпир, барон Макдальский[359].

В Англии началась мобилизация 2 и 5 корпусов, а в рапорте от 25 июля (7 августа сообщалось, что военное настроение немного улеглось, мобилизация закончилась, милиция была распущена по домам, а военные приготовления приостановлены[360].

Более подробные сведения о подготовке десантного отряда, снова появляется в рапорте № 1 от 3 января 1877 года, что целью британского отряда является Константинополь [361]. Рапорт от 5 (27) января дополнил сведения о вероятной отправке войск тем фактом, что к двум корпусам регулярных войск, которые будут высланы из Англии в случай войны, будет ещё прибавлен третий корпус, состоящий из туземных полков англо-индийской армии.

Горлов характеризовал их как хорошие части, составленные из мусульман, которые охотно служили бы для сохранения турецкого владычества. Их предполагалось употребить как резерв для занятия или Египта или южных пунктов Турции, так как индусы были привычны к жаркому климату и служба корпуса англо-индийской армии по охране тыла, освободила бы от этого два английских регулярных корпуса, дав им возможность идти в бой в полном составе. Горлов писал, что сведения эти совершенно достоверны, так как британский министр иностранных дел, Э.Дж. Смит–Стэнли, граф Дерби, недавно сообщил их лично графу Мюнстеру, германскому послу в Лондоне[362].

---

[358] Там же. Л. 88.
[359] РГВИА Ф. 431. Оп. 1. Д. 48. Л. 88 об.–90.
[360] Там же. Л. 105.
[361] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 1.
[362] Там же. Л. 5.

В рапорте от 19 (31) января 1877 года, за № 7, генерал Горлов сообщал, что его знакомый офицер, был на вечере у Ротшильдов, где от другого офицера из военного министерства слышал следующие рассуждения о будущей войне: «Собственно из Англии можно будет выслать от 50 до 60 тысячную армию – но с трудом. Начать полную отправку войск едва ли возможно раньше двух недель, со дня отдания приказа; перевозка главной массы займёт 5 или 6 недель, но и по истечении этого срока армия не будет готова к вступлению в бой. Армия имеет надобность в огромном обозе, которого сбор и перевозка, выгрузка и организование в Турции есть дело длинное и трудное, так что можно сказать, что по высадке всех войск пройдёт не менее 5 или 6 недель прежде нежели армия, в полном своём составе будет в состоянии выступить в поле. Англия едва ли будет иметь право отдать приказ к отправке своего десантного отряда ранее того времени, когда русские, заняв Адрианополь, двинутся на Царьград. Но вероятно, что русские пойдут на Константинополь, только если будет достаточная надежда на скорое его взятие. В таком случае английский десант требующий 2+6+6+14 недель или 3 1,2 месяцев прежде чем вступят в бой, – может появиться на театре военных действий слишком поздно»[363].

То есть две недели на сборы и 5–6 недель на переброску, итого, для подготовки армии и её отправки, англичанам требовалось 7–8 недель, что совпадает с расчётами Обручева в записке от 23 марта. Январские рапорты Горлова легли в основу расчётов плана движения русских войск к Константинополю, и таким образом, этот факт точно указывает на то, что Обручев составлял свои планы на данных военной разведки, в частности, военного агента из Лондона.

Сведения Горлова, вполне доказуемы англоязычными источниками. Б. Дизраели готовился вмешаться в русско-турецкий конфликт силой оружия. В письме министру по делам Индии, Р.А.Т. Гаскоин–Сессилю, маркизу Солсбери, от 29 ноября 1876 года, Дизраели излагал свою точку зрения на действия Англии

[363] Там же. Л. 6–7.

в случае начала войны России и Турции: «Если Дунай, как я полагаю, будет перейдён без особого сопротивления, оставив достаточно сил для блокады крепостей (это, примерно, может составить 100 000 человек), следующие шаги Англии будут зависеть от их успехов в Болгарии и перспектив защиты на Балканах. Ввиду подобных обстоятельств, мы можем решиться послать экспедиционные силы на Балканы или в Константинополь. Мы можем выслать наши войска в три недели, и всё будет готово для их прибытия»[364]. В другом письме лорду Солсбери, от 1 декабря, по поводу вопроса о вероятной оккупации Турции, Дизраели указал, что у Англии готовы 40 тыс. войска[365]. В частном письме от 13 декабря 1876 года, он писал: «Генеральный штаб, должен сменить своё название. Теперь это Департамент невежества. Вместо того, чтобы 40 000 человек находилось в лагере под Константинополем, они требуют 65 000, не считая 10 000 для Галлиполи.»

Также, он указывал, что требуется ещё увеличивать число людей, доставить тяжёлую артиллерию, что необходимо будет прокладывать железные дороги от организованных военных складов, телеграфные линии от Мальты и Крита. Все это потребовало бы таких усилий, которые Лондон не мог себе в настоящий момент позволить[366].

Во многом, мнение Дизраели покоилось на поданной на его имя докладной записке генерал-лейтенанта Г. Ульслея (у Горлова – Вульслей) «Военные аспекты Восточного вопроса», 1876 года. В ней излагалось, что в случае Россия, в случае войны с Турцией, займет проливы Босфор и Дарданеллы, выйдет через Кавказ и Анатолию в Сирию, и тем самым будет угрожать Суэцкому каналу и Персидскому заливу, и следовательно – Индии.

Для предотвращения этой угрозы, следовало отправить 40 000 войска на помощь туркам, и совместными усилиями разбить русских. Судя по письмам

[364] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. IV. P. 103.
[365] Ibid. P. 105.
[366] Ibid. P. 106.

Дизраели, она произвела на него громадное впечатление[367]. На это указывает совпадение основных положений записки с планами Дизраели, в частности, желание посылки 40– тысячного корпуса для оккупации Проливов (конкретно – Галлиполи и Константинополя). Эти цифры, в целом, совпадают с оценками Горлова, указывавшего численность в 50–60 000 солдат, и с указанными Горловым целями Англии – защиты путей ведущих в Индию, путем оккупации Галлиполи и Константинополя.

В целом, из донесений Горлова, видно, что основной целью присылки британских войск, была оборона подступов к Средиземному морю от русских войск.

При этом следует отметить один факт. При проезде генерального штаба полковника П.Д. Паренсова через Вену в декабре 1876 года, в его беседе с послом в Вене Е.П. Новиковым, когда Паренсов спросил его – как Австрия отреагирует на движение войск к Адрианополю, то Новиков ответил: «Идите, куда хотите, я ручаюсь, что кроме дружелюбного взгляда [Со стороны Австрии – А.Т.] ничего не будет. За Адрианополем вы вероятно встретитесь с нашими новыми друзьями – с англичанами»[368]. Несмотря на характеристику Паренсовым Новикова как болтуна и труса, находившегося под влиянием Андраши[369], нельзя не отметить, что угроза вступления Англии в войну на стороне Турции была вполне реальна.

Таким образом, Великобритания, собиралась разрешить Восточный кризис путём оккупации Галлиполи и Константинополя, дабы защитить свои средиземноморские коммуникации от вероятной русской угрозы. В России, эти намерения стали известными и на основе учёта этого фактора был составлен план войны с Турцией.

Британские офицеры на турецкой службе.

---

[367] *Preston A.* Frustrated Great Gamesmanship: Sir Garnet Wolseley's Plans for War against Russia, 1873–1880. // The International History Reviev. 1980. Vol. 2, No. 2. pp. 239265.
[368] Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск VI. Документы из секретных бумаг г.-ад. Милютина. СПб.: Военная типография, 1911. С. 157.
[369] Там же. С. 156.

Важность защиты Проливов, заставила англичан решиться на определенные меры. В рапорте Горлова № 1 от 3 января 1877 года сообщалось, что по сведениям одного из доверенных людей Горлова, английское правительство действительно послало в Турцию шесть инженерных офицеров под начальством майора Роберта Хоума (Robert Home) для изучения местности вокруг Константинополя и составления проекта её укрепления[370]. Как писал в своих мемуарах Г. Лаярд, Р. Хоум, по результатам обследования укреплений турецкой столицы, отправил рапорт, в котором сделал неутешительный вывод, что в случае, если русские пересекут Дунай, они подойдут к Константинополю, не встречая серьезного сопротивления. Все укрепления, по его словам, существовали только на бумаге или их строительство только начиналось, поэтому, серьезного препятствия они не представляли[371].

Ввиду этого, Г. Лаярд, выспросил у лорда Дерби позволения вызвать в Турцию, генерал– лейтенанта К. Диксона, ввиду того, что этот, по его словам, «выдающийся офицер», командуя турками в годы Крымской войны приобрел знания людей и языка[372]. Также, воспоминания британского военного атташе в Константинополе, подполковника Ф. Куксона, который получил 8 мая назначение вместе с генералом Коллингвудом, называл целью их пребывания в Турции, контроль за укреплением Булаирских позиций, защищающими полуостров Галлиполи с суши[373]. Этот факт не ускользнул от внимания Горлова, сообщившего о миссии генерала К. Диксона в рапорт за № 34, от 10 (22) мая, упомянув, что он отправился в Константинополь с целью подготовки военных складов для английской экспедиционной армии[374].

Параллельно, Г. Лаярд, отправил британских военных атташе для наблюдений действий турецкой армии. На Балканах, при армии Сулейман– паши,

---

[370] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 1.
[371] The Queens ambassador to Sultan. Memoirs of sir Henry A. Layard Constantinople embassay. Istanbul, 2019. P. 60.
[372] Ibid.
[373] *Cookson F.* With the armies of Balkans and Gallipoli 1877-1878. London. P. 2.
[374] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 94.

атташе являлся постоянный британский военный атташе в Константинополе, полковник Леннокс, которому помогал лейтенант Чермсайд, и упомянутый подполковник Куксон, а на Кавказ, был назначен генерал-лейтенант Арнольд Кемпбелл, к которому были прикомандированы капитаны МакКалмонт и Троттер[375]. Выбор генерала Кемпбелла для Кавказа, Лаярд объяснял тем, что его опыт службы британским генеральным консулом в Багдаде и военным атташе при турецкой армии во время сербской войны 1876 года, дали ему большой опыт знания турок и владения языком[376]. Сам генерал оценивал состояние турок весьма пессимистично, телеграфировав Лаярду 14 мая: «Нельзя вводить себя в заблуждение. Без денег и эффективного командования, перспективы сулят туркам неудачу» [377] . На Балканах, Куксон наоборот, встретил дисциплинированные, физически сильные части с высоким боевым духом, настроенные на победу, однако в лагере войск под Адрианополем не было заготовлено достаточного количества еды, амуниции и боеприпасов[378].

Это назначение не прошло незамеченным мимо генерала Горлова, сообщившего в донесении № 45 от 1 (13) июля, о деятельности генерала Кемпбелла на Кавказе: «На это могу заметить, что по общему отзыву корреспондентов, Кэмбаль командовал в первый раз в деле 3– 4 числа при Тагире, в горах между Зейдаканом и Дали– баба, в котором турки были совершенно разбиты генералом Тергукасовым – и следов[ательно] не показал себя сколько способным»[379]. По воспоминаниям британского журналиста Ч. Нормана, генерал Кемпбелл находился при штабе Махмуд– паши[380]. В упомянутом рапорте № 45, Горлов имел ввиду сражение на Дарам– дагских высотах, между войсками Магомет– паши и Эриванским отрядом генерал-лейтенанта Тергукасова.

---

[375] *Cookson F.* Op. cit. P. 2.
[376] Queens ambassador to Sultan. P. 60–61.
[377] Ibid. P. 72.
[378] *Cookson F.* Op. cit. P. 4–5.
[379] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 120.
[380] *Norman C.B.* Armenia at the Campaign of 1877. L., 1878. P. 106.

Целью Эриванского отряда, ставилось прикрытие основных сил, брошенных на осаду Карса, и выдвижение Эриванского отряда угрожало правому флангу армии Мухтар–паши, поэтому он послал дивизию Магомет–паши, с целью задержать русских, и дать ему время обойти их со стороны Вана[381]. Магмет– паша, при 7 000 пехоты, 1 300 конницы и 12 орудиях, встал у Драм–дагского перевала, против Эриванского отряда в 7 000 штыков и сабель при 30 орудиях, и окопался[382]. Позиция, выбранная Кемпбеллом господствовала над местностью, позволяя её простреливать, была труднодоступна с фронта и флангов, и давала естественные укрытия для обороняющихся[383].

С 6 до 9 утра, русские смогли с минимальными потерями продвинуться ближе к турецким позициям, и отразив попытку контрнаступления турок против своего правого фланга, перейти в решительное наступление. Махмуд– паша, сосредоточив силы для контрнаступления на начальном этапе израсходовал все свои резервы, огонь его батарей успешно парировался огнем русских батарей. В 11 часов, удар русских опрокинул турок, которых после преследовала конница. Махмуд–паша, пытавшийся лично возглавить атаку конницы на строй русских, погиб[384]. Генерал Кемпбелл смог избежать пленения русскими казаками, только благодаря быстроте своего коня[385].

Из заметок Ч. Нормана, заметно, что генерал Кемпбелл не принимал участия ни в составлении плана обороны, ни в руководстве сражения, выступая, больше, как сторонний наблюдатель[386]. В телеграмме от 29 июня н.с. Лаярду, Кемпбел описал сражение как бой плохо организованных турок, против сильного строя русских, и считал, что дела Мухтар– паши в целом плохи, и Армения почти потеряна[387] В «Московских ведомостях» писали: «С.– Петербургские ведомости

[381] Материалы для описания русско-турецкой войны на Кавказско-малоазиатском театре. Тифлис, 1908. В 9 томах. Т. 4. С. 76–77.
[382] Там же. С. 83.
[383] Там же. С. 85.
[384] Материалы для описания… Т. 4. С. 86–96.
[385] *Norman C.B.* Op.cit. P. 120.
[386] Ibid. P. 117.
[387] The Queens ambassador to Sultan. P. 112.

сообщают, что английский офицер, руководивший действиями турецких войск в битве у Зейдекана, ранен»[388]

Это газетное сообщение было преувеличением, генерал Кемпбелл не получил ранений, более того – не руководил сражением. Однако, факт наличия британского офицера в турецком лагере, подавался русской прессой как нечто закономерное, отчего газетчиками генерал Кемпбел легко был сделан «командующим» турецкими войсками.

Однако, подобная обстановка была не только на Кавказе, но и на Балканах. Куксон в своих мемуарах жаловался, что накануне сражения у Йени– Загоры, из 3– х возможных планов, Сулейман– паша выбрал худший[389]. Критика его действий на страницах мемуаров, может косвенно показывать, что британских военных атташе, ознакомили с планами, но их мнение не принималось в расчет.

Помимо сведений об официальных военных атташе при турецких армиях, находились и неофициальные военные инструктора. Британский полковник Ч.– Дж. Гордон, который числился в египетской армии как Гордон– паша, занялся сбором обучением египетских рекрут, которые отправлялись на театр войны с Россией. При этом египетские войска отправлялись на войну на пароходах, зафрахтованных английским правительством[390].

Ещё в донесении от 16 ноября 1876 года Горлов писал, что английский полковник В. Беккер командует турецкой кавалерией, в которую было привлечено ещё несколько английских офицеров. Их отзывы о кавалерии турок были положительными[391]. Горлов писал: «Полковник Бекер, хотя и не состоит официально на службе турецкого правительства, получает, однако, от него жалование в 3000 турецких ливров т.е. около 70 000 франков, что дает ему средства поправить немного своё положение, растерзанное слишком бурной карьерой. Будучи недавно в Лондоне, он виделся неоднократно с принцем

[388] Телеграммы // Московские ведомости. 1877. 15 июня. № 147.
[389] *Cookson F.* Op. cit. P. 22.
[390] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 134.
[391] РГВИА Ф. 431. Оп. 1. Д. 49. Л. 9 об.

Уэллским и убедившись, что английское правительство, несмотря на посылку лорда Солсбери[392], политики не меняет, вернулся с доверием на поприще своей новой службы в Турцию»[393].

Однако, военных советников при турецкой армии, для создания из неё армии, могущей задержать русских, было мало. Г. Лаярд в своем письме на имя лорда Дерби, в пункте о турецкой армии, сообщал, что при всех природных качествах турецкого солдата – храбрости, выдержке, выносливости, но ему очень не хватало надежного и компетентного офицера[394]. В русском справочнике по турецким вооруженным силам 1876 года, было прямо сказано, что турок предпочитает больше видеть своим командиром английского офицера, чем своего соплеменника, ибо это повышало боеспособность подразделения[395].

Донесение от 3 (15) июля, № 46 сообщало, что существуют слухи о вербовке турецким послом в Лондоне британских офицеров для армии, и Горлов обещал предоставить тому доказательства, ибо они не вязались с английскими утверждениями о нейтралитете в балканском конфликте[396]. Если обратиться к некоторым сообщениям из русских газет, то можно наткнуться на наблюдения очевидцев на театрах военных действий. Корреспондент «Нового времени» сообщал с Дуная: «Всеми работами руководят два английских инженера, препротивные фигуры... В белых фуражках, в каких– то бархатных, коротких курточках, с сигарами в зубах, они целый день рыскают по окрестностям, верхом на горячих местных лошадках и беспощадно хлещут гуттаперчевыми хлыстами заленившихся солдат– рабочих; восемь раз счетом я натыкался на красивое зрелище подобной гуманной расправы...» [397] . Или интересное сообщение с Кавказского театра: «Укрепления самого Ардагана слабы и не могли бы

---

[392] «Посылка лорда Солсбери» - имеется ввиду участие министра по делам Индии, лорда Солсбери в Константинопольской конференции.
[393] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 4.
[394] The Queens ambassador to Sultan. P. 59–60.
[395] *Газенкампф М.А.* Очерк современного состояния вооруженных сил Турции. СПб., 1876. С. 41.
[396] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 109 об.
[397] *Каразин Н.* В воинствующей Турции // Новое время. 1877,15/27 марта. № 375.

представить особых затруднений разрушительному действию артиллерии; но в последнее время оборона его была усилена постройкой отдельных фортов и батарей, в планировке которых принимали участие английские инженеры»[398]. Столь большой наплыв британских офицеров в действующую против русских турецкую армию подтверждал сообщения Горлова и показывал то, что предвоенная подготовка турецкой армии оставляла желать лучшего, если туркам срочно потребовалось вмешательство иностранных офицеров.

В качестве доказательства достоверности своих сведений о том, что британские офицеры стекаются на турецкую службу, Горлов сообщал, что получил от доверенных лиц копию с письма английского сановника касаемо военных волонтёров в турецкой армии, и прилагал к рапорту перевод его. В письме обсуждался вопрос – можно ли офицеру на полужаловании состоять на службе иного правительства. Ответ был отрицательным, так как для этого, офицеру нужно было подписать декларацию, что он не будет на действительной службе ни в Британском, ни в иностранном каком государстве. Если бы военное министерство дало казначейству приказ, освобождающий офицеров от декларации, то он тотчас сделался бы известен всему свету, как это и указывалось в письме[399].

Это объясняется принятой в британской армии системы выплаты жалования – полное жалование платилось в военное время, в мирное же, военнослужащий получал половину этой суммы. Финансовую подоплеку поступления на турецкую службу излагал в своих мемуарах капитан Гобарт. Он писал, что множество офицеров– моряков соблазнились бы тем жалованием, которым бы им платили на действительной турецкой службе, поэтому он лично незамедлительно согласился на предложение турок поступить к ним на службу[400]. В британской армии, лейтенант пехоты получал 9 фунтов, в кавалерии – 13, в пешей артиллерии – 7, в конной – 12. Капитан пехоты получал 16,5, в кавалерии

[398] Московские ведомости. 1877. 11 мая. № 113.
[399] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 3.
[400] *Hobart W.* Sketches from my life. – N.Y., 1887. P. 188.

– 21, в пешей артиллерии – 16,5, в конной – 24. Майор пехоты – 24, кавалерии – 28,5, пешей артиллерии – 24, конной – 28,5. Подполковник пехоты – 25,5, кавалерии – 34,5, пешей артиллерии – 27, конной – 39. Полковник пехоты и кавалерии – 33, пешей артиллерии – 39, конной – 48[401].

Для сравнения, в турецкой армии, лейтенант пехоты получал 49 фунтов, в кавалерии – 44–48, в артиллерии – 49– 47. Лейтенант: пехота и артиллерия – 53, кавалерия – 55. Капитан: пехота– артиллерия – 70, кавалерия – 62– 73. Полковник получал 193 фунта. Командиру батальона или эскадрона полагалась выплата в 197 фунтов, начальнику штаба – 133, адъютанту – 110[402]. Это окончательно подтверждает то, что массовый приток британских офицеров на турецкую службу был, отчасти, вызван малым размером жалования в мирное время.

Британия, как морская держава, усиливала османский флот. Султан Абдул–Азис тратил огромные средства из казны на постройку мощного флота[403], о чём писал Н.П. Игнатьев: «Регулярные приобретения довели численность оттоманского флота до внушительного числа в 18 броненосцев, половина которых относится к последнему типу военных судов, это третий флот Европы»[404]. Горлов, в январе 1877 года сообщал более подробные сведения: «В турецком флоте имеется множество английских матросов, служащих под Хобарт– Пашой. Хобарт жаждет «сшибиться», как он выражается, с русскими и надеется на хороший результат. Он имеет под своей командой сильнейших броненосцев в море и всей душой желает дать русским попробовать вкус его железа, английские же матросы тоже любят запах пороха»[405]. То есть, султан усиливал флот не только за счёт новейших кораблей, но и наймом опытных моряков, и привлечением на службу иностранцев, владеющих морским делом и

---

401 *Горлов А.П.* Вооруженные силы Англии. СПб.: Военно-ученый комитет Главного штаба, 1881. С. 910. Ввиду того, что в книге приведено поденное содержание, и при сложности британской денежной системы, полученные при расчетах суммы жалования округлены до фунтов.

402 *Norman C.B.* Op.cit. P. 454.

403 *Виноградов В.Н.* Указ.соч. С. 129.

404 *Игнатьев Н.П.* Указ.соч. С. 410.

405 РГВИА Ф. 401. Оп. 3 (1877). Д. 4. Л. 3.

умеющим воевать на море. Игнатьев писал то же самое, говоря, что сами турки неважные моряки, но англичане с радостью командуют их кораблями, и опасаясь за то, что мощная техника на кораблях станет ещё опаснее в руках опытных моряков[406].

Однако, сведения Горлова устарели, ибо в декабре 1876 года, в упомянутом «Очерке вооружённых сил Турции» уже упоминался Гобарт– паша, и стоящие под его началом английские офицеры, шкипера и машинисты[407]. В отношении Гобарта– паши, Горлов вскоре писал в рапорте № 22, от 20 апреля (1 мая), что он получил начальство эскадрой Средиземного моря[408]. Сам Гобарт, писал в мемуарах, что ему дали чин вице-адмирала[409]. Это, по мнению Горлова представляло опасность, так как берега Чёрного моря были незащищены и открыты для его деятельности.

Из этих донесений следует, что англичане мало надеялись на боеспособность турецкой армии. Отдавая должное качествам турка, как солдата, они считали, что без надлежащей организации и руководства, выполняемого британскими офицерами, этот потенциал не будет реализован в полной мере.

Поставки оружия.

Помимо организации турецкой армии, англичане поставляли в Турцию вооружение. Рапорт Горлова от 22 июня (4 июля) за № 37 1877 года сообщал, что частный пороховой завод Кейнер и Ко, под Бирмингемом, получил от турецкого правительства на 40 000 000 патронных гильз, которые будут отправлены в Константинополь, где в местных мастерских их начинят порохом и пулями. Так как заказ был сделан через частных лиц, то и невозможно было признать его заказом турецкого правительства, чтобы задержать весь груз в Англии[410]. Руководство работами, будет исполнено живущими в Турции англичанами, которые исполняют разные обязанности на железных дорогах, пароходах,

[406] *Игнатьев Н.П.* Указ.соч. С. 411.
[407] Очерк современного состояния… С. 46.
[408] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 69.
[409] *Hobart W.* Op.cit. P. 190.
[410] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 69. Л. 114 об–115.

фабриках и заводах[411]. Это подтверждает донесение от 20 июля (1 августа) № 53, сообщавшее, что всё оружие, патроны и боеприпасы высылались из Англии в Египет, под надзором турецкого консула[412].

Донесение от 18 (30 августа) № 75 сообщало уже об открытых закупках турками оружия в Англии, как артиллерии, так и винтовок, и револьверов системы Кольт [413] Эти сведения, вызывают вопрос, так как на вооружении турецкой армии стояла винтовка американского производства Пибоди– Мартини. Однако, калибр британской Мартини– Генри и американской Пиболи–Мартини одинаков – 11.43 мм. такая же цифра значится для калибра «турецкой» Пибоди–Мартини[414]. Следовательно, в Великобритании вполне могли делать боеприпасы для турецкого стрелкового оружия. Эта схема была ясна еще в 1875 году, когда военный агент в Константинополе, генерального штаба генерал-майор А.С. Зеленой доносил, что статьи расхода военного бюджета Турции, по иностранным заказам распределились следующим образом, Америке будет уплачено за ружья, Англии – за патроны к ним[415].

Если посмотреть на другие донесения Горлова за январь – июнь 1877 года, то сразу становится видно, что он проявил повышенный интерес к турецким военным заказам в Англии. В его биографии, период конца 70-х – начала 80-х годов именовался «клинковым» [416], и подробно рассматриваются те усилия, которые он приложил на посту военного агента, дабы ознакомиться с постановкой дела изготовления новых образцов холодного оружия – клинков и пик. Однако, в этой статье совершенно не освещена его деятельность по изучению британского оружейного дела, которое активно работало на турецкую армию.

---

411 Там же. Л. 119 об.
412 Там же. Л. 134.
413 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 144.
414 *Achtermeier O.* The Turkich Connection. The Saga of Peabody-Martini Rife. // Man at arms. Vol. 1. 1979. № 2. Pp. 12–13.
415 Освобождение Болгарии. Т. 1. С. 45.
416 *Ильина Т.Н.* Военный агент А.П. Горлов. С. 38.

На начало 1877 года, приходится пик интенсивности донесений о перевооружении турок, в которых Горлов сообщал о новых видах оружия, что турки закупали у англичан. Рапорт от 16 (28) января 1877 г., за № 6 сообщал о предложении инженера Хендисайда, передать русским чертежи устройства для передвижения крупных грузов по рекам[417]. Ввиду того, что русская армия только готовилась форсировать Дунай, Горлов счел необходимым предоставить подробное описание проекта[418].

Донесение Горлова и чертежи парома были направлены в Военно– учётный комитет, откуда начальник Главного Штаба, граф Гейден отправил их копии в Штаб Дунайской армии, на имя начальника Штаба, генерала от инфантерии, Артура Адамовича Непокойчицкого[419]. Он ответил, что изобретение Хендисайда непригодно для армии [420] . В добавок, товарищ генерал-инспектора по инженерной части 22 марта отправил письмо графу Гейдену, где говорил о том, что Инженерный комитет, проведя испытания проекта, нашел в нем огромный ряд недостатков, ввиду чего комитет отклонил проект[421]. Журнал заседания комитета, Гейден препроводил в ответном письме Непокойчицкому[422], и на основании этого письма и журнала, помощник начальника Главного Штаба, генерал-лейтенант, Обручев, Николай Николаевич, отправил на имя Горлова письмо, где сообщалось об отклонении Инженерным комитетом изобретения инженера Хендисайда[423].

Также Горлов в рапорте в Главный Штаб, от 12 (24) февраля за № 8, сообщал о том, что турецкое правительство, закупило от 9 до 12 тыс.пудов особого состава, изготовляемого г. Макинтошем, назначенного для зажигательной цели, а также для выделения удушающих газов[424]. На следующий день, в Главный

[417] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 8–15.
[418] Там же.
[419] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 28.
[420] Там же. Л. 29.
[421] Там же. Л. 30.
[422] Там же. Л. 31.
[423] Там же. Л. 34.
[424] Там же. Л. 36.

Штаб был отправлен ещё один рапорт от 13 (25) февраля, за № 9, сообщалось о «складной» железной дороге, построенной для сообщений в английском военном лагере в Альдершоте. На имя Милютина были отправлены оба донесения Горлова – об удушающих газах Макинтоша и об особой железной дороге. Министр наложил на рапорт свою резолюцию, в которой велел передать первый проект в Артиллерийский комитет, генералу Баранцову, а второй поручил рассмотреть специалистам по железным дорогам [425] . Однако, артиллерийский комитет признал эти изобретения бесполезными[426].

Из этих донесений видно, что Англия предоставляла туркам возможность, активно оснащать свою армию разными техническими новинками, укреплять столицу и границы Империи, повышать качество личного и офицерского состава своей армии путём привлечения на службу британских инструкторов. Делались попытки строить стратегические пути для обороны границ Турции, возводились новые укрепления вокруг Константинополя, проводились эксперименты по созданию оружия массового поражения – вроде первых экспериментов по выработке удушающих газов или противопехотных мин. Одного этого более чем достаточно для вывода – Англия усиленно работала на турецкую оборону.

Британский шпионаж в пользу Турции.

В одном из донесений, Горлов передавал свои беседы с английскими военными, которые рассуждали о стратегическом положении турецкой армии, строя те или иные прогнозы о будущих действиях турецких войск. В частности, Горлов встретился с главой Intelligence Department, генералом МакДугласом, который высказал мнение, что русским было бы лучше выбрать Батум [427] главным направлением действий своей армии[428]. Это может указывать на весьма хорошую осведомлённость британских военных в событиях, что ставит вопрос об источниках такой информации.

[425] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 49.
[426] Там же. Л. 40.
[427] Совр. Батуми, Грузия.
[428] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 110.

В первой главе данного исследования упоминалось об агентурной сети в Турции, организованной Горловым. Благодаря ней, он мог вовремя сообщать важные сведения, например, о том, что глава одного из торговых турецких домов прибыл в Видин, дабы организовать шпионскую сеть в действующей русской армии. Он находится в лучших отношениях с торговыми еврейскими домами (так в тексте – А.Т.) в Бухаресте, Яссах, Пеште и Вене: «Всё время нахождения русских войск в Румынии организация Дюльбера действовала с полной силой и вероятно продолжает действовать и ныне». Тут же Горлов сообщил, что британский консул в Бухаресте, г– н Уайт, «большой ненавистник России», через своего агента, почтмейстера Спунера, получает всю ценнейшую информацию, которой британский консул делился с консулом австрийским[429]. Поэтому Горлов просил поспособствовать замене г–на Спунера на другое лицо, над которым власть г– на Уайта не могла бы распространяться.

При этом вскрылась целая шпионская сеть в Румынии, организованная английскими консулами в Румынии и Сербии, при поддержке британского военного агента при русской армии, полковника Ульселя. Они использовали подкуп служащих железных дорог, которые за деньги сообщали им о численности русских частей и грузов для русской армии, провозившихся через Румынию[430]. Горлов от своей турецкой агентуры узнал фамилию одного из осведомителей англичан – племянник одесского банкира Рафаловича, получавший от дяди телеграммами всю информацию и сообщавший её англичанам[431]. Об этом, Горлов писал и раньше – в письме от 8 (20) апреля 1877 года, за № 17: «На днях в Лондоне, в Сент–Джеймском (иначе называемом дипломатическим) Клубе, сын одного из богатых одесских банкиров, показывал только что полученную им из Одессы шифрованную телеграмму, в которой ему сообщалось, что такие– то наши войска выступят из Одессы такого– то числа направляясь к Турецкой границе. Очевидно что передача в Лондон

[429] Там же. Л. 126.
[430] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 30.
[431] Там же. Л. 126.

шифрованных депеш такого содержания, соответствует в точности сообщению туркам подробностей о движении наших войск»[432]. Теперь его фамилия была названа открыто и были получены доказательства его участия в передаче англичанам сведений о русской армии.

Таким образом, из донесений Горлова вырисовывалась четкая схема ведения англичанами разведывательной деятельности, направленной на сбор информации о русской армии, действовавшей на Балканах. В связи с этим, Горлова, очень сильно беспокоила деятельность британских журналистов на театре военных действий, с чем связан отдельный блок его донесений за 1877 год.

Формирование образа русского врага в британской прессе в 1877 году.

Одной из важных тем среди донесений Горлова за 1877 год, является освещение британской прессой русских действий на Балканах. В донесении от 14 (26) апреля 1877 г. за № 20, на имя военного министра сообщалось, что Англия стремится выставить цели России максимально ужасными.

В апреле 1877 года, в британской прессе были пущены слухи по поводу убийств женщин и детей среднеазиатского племени йомудов при подавлении их восстания в 1873 году, потом стали появляться публикации донесений английского консула из Варшавы, полковника Манфреда, сообщавшие о насильном обращении польских униатов в Православие, сопровождавшееся истязаниями[433]. Эти небольшие сообщения нуждаются в комментарии.

В отношении йомудов, сообщение опиралось на события 1873 года. После покорения Хивы, инженер-генерал К.П. фон Кауфман повелел освободить всех рабов. Но так как рабский труд лежал в основе хозяйства ханства, то туркмены не спешили с отпуском рабов. Тогда генерал постановил взыскать с туркмен денежную дань. Для этого, в степь был послан отряд генерал-майора Н.Н. Головачёва, которому Кауфман послал предписание от 6 июля 1873 года № 1167[434], что в случае, если йомуды захотят дать отпор русским войскам, то он

[432] Там же. Л. 65.
[433] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 61.
[434] *Терентьев М.А.* Завоевание Средней Азии. Т. 2. С. 267.

предлагал: «Двинуться в кочевья йомудов «…» и предать эти кочевья йомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению а имущество их – конфисковать»[435]. Предписание это, конечно, не было выполнено. В частности, когда отряд генерала Н.Н. Головачёва 8 июля захватил кочевье йомудов, разогнав их, то солдаты гуманно отнеслись к находившимся в захваченных кибитках детям. Тем не менее, приказ попал в поле зрения общественности.

В Великобритании вышла книга журналиста Е. Шайлера «Turkistan by Eugene Schuyler», в которой данный приказ, подтверждался словами генерала Н.Н. Головачёва, якобы сказанными им своим офицерам перед боем – действовать в черкесском духе, то есть убивать всех[436]. Это сообщение вызвало бурю недовольства в Великобритании, возмущенной «русским варварством», и вскоре, Кауфману пришлось отменить этот приказ.

В отношении униатов, дело обстояло следующим образом. На Полоцком соборе 1839 года, была упразднена Брестская уния 1593 года в отношении подданных Российской империи, и униаты переходили в Православие[437]. Однако, часть униатов в Царстве Польском, предпочла остаться под юрисдикцией Папы Римского. После восстания 1863–1864 гг. западнорусские католики и униаты рассматривались как ненадёжные подданные.

Теперь, события 1873 года, использовались прессой для создания образа России как кровожадного врага. Тон британской прессы можно выразить словами, которые написала королева Виктория в личном письме лорду Биконсфильду: «Русские, это такие же тираны и варвары, как и турки.» При этом, следует обратить внимание на то, что обеспокоенность британской прессой судьбой русских мусульман и униатов, была лицемерной. При подавлении восстаний в Индии, применялись гораздо более жестокие меры, чем в Туркестане.

В отношении католиков Великобритании, с 1678 по 1829 год, действовал «Акт о присяге», согласно которому, католикам запрещалось занимать

[435] Там же. С. 269.
[436] Там же. С. 271.
[437] Полоцкий Собор 1839. // Православная энциклопедия. Т. 57. С. 237–243.

государственные должности[438]. «Акт об эмансипации» 1829 года, расширил права католиков Соединённого королевства, но высшие должности, вроде Лорда– канцлера или Лорда– лейтенанта Ирландии были для них закрыты[439]. Однако, этот исторический опыт, не мешал британским политикам и журналистам транслировать его на своего соперника – Россию.

Горлов писал, что с началом войны, на страницах прессы Россия обвинялась в избиении подданных– мусульман без разбору пола и возраста на турецкой границе в Азии. Горлов сообщал, что, будучи приглашенным на вечер, который давал военный министр Г. Харди, был также приглашен некий капитан конной гвардии Барнаби, который, якобы лично видел избиения мусульман в России: «Лишь только я подошёл к г.Hardy – он тотчас начал мне рассказывать, что у нас совершены войсками нашими поголовные избиения мусульман на азиатско–турецкой границе и что Барнаби видел своими глазами привезённых в Эрзерум жертв этих неистовств. Конечно, такой приём и такая речь г.Hardy – министра, мне показались более чем странными. Я мог только сказать, что о таком обвинении я слышу в первый раз, полагая его вовсе несправедливым»[440].

Тут же Горлов делал вывод, какой эффект может произвести такое публичное сообщение британского военного министра: «Газеты, по всей вероятности, не заметят начать новую кампанию на этот сюжет. Может быть признано будет полезным, на всякий случай, спросить Кавказское Начальство: не может ли оно объяснить происхождение столь ужасной клеветы»[441]. Данный эпизод важен тем, что упоминавшийся Горловым Г. Харди, граф Гранброк, возглавлял военное министерство в кабинете лорда Биконсфильда [442] , и принадлежал к правящей консервативной партии. Поэтому, для него, подобные «свидетельства», вроде рассказов капитана Барнаби, были ценными

[438] Тест-акт. // ЭСБЭ. Т. XXXIII (1901). С. 103–104.
[439] Эмансипация католиков в Англии. // ЭСБЭ. Т. XLa (1904). С. 708–709.
[440] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 62.
[441] Там же.
[442] Almanach de Gotta. 1877. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1877.114 annee. Gotha, 1877. P. 690

доказательствами правоты политики его кабинета, а значит – и оправданием к подготовке военной агрессии против России.

Весной 1877 года, сразу после объявления Россией войны Турции, в Чечне и Дагестане вспыхнул вооружённый мятеж. Брожение в крае наблюдалось ещё с 1876 года. Глава края, генерал-адъютант М.Т. Лорис–Меликов, принял меры, заключавшиеся в постройке укреплений, выдаче солдатам по 100 патронов на ружьё и расстановке пикетов во всех горных проходах, ведущих к границам или Чечне[443]. С началом мятежа, войска не проводили массовых репрессий против мятежников, в частности, командующий одним из отрядов, полковник, князь Накашидзе велел самим горцам разорять мятежные аулы[444], также, в состав русских войск входили дружины милиции, составленные из местных горцев[445].

Однако, в некоторых местах, жители аулов оказывали поголовное сопротивление, как при штурме аула Асахо 16– 18 июня, против войск дрались даже женщины, забрасывая солдат камнями с крыш. В результате, на джаматах (сходах общин) в дагестанской области Дидо было объявлено, что мятежники вместе с семьями отправляются в ссылку[446].

Это давало для британской прессы пищу для продолжения запущенной кампании по выставлению России как варварской страны, которая стремиться порабощать и уничтожать народы. Интересна выдержка из рапорта от 28 апреля (10 мая) № 24 на имя генерала Гейдена, о том, что скупые сообщения в русской прессе о кампании в Чечне и Дагестане, британская пресса перетолковывала как признак слабости России: «такие сведения, если они там публикуются, только поддерживают здесь понятие о внутренней слабости России и разжигают более и более вражду народа, вследствие рассказов правительственной прессы о невероятных жестокостях, с которыми каждый такой бунт усмиряется нашими войсками. Всякое небольшое сражение с кавказскими горцами превращается

[443] Материалы по истории русско-турецкой войны 1877–1878 годов на Кавказско-Малоазиатском театре военных действий. Т. 10. С. 15–16.
[444] Там же. С. 21.
[445] Там же. С. 24.
[446] Материалы… С. 33–34.

здесь в ужасающую драму» [447]. Просьба Горлова об опровержении подобных слухов со стороны Кавказского начальства не осталась незамеченной.

Копии рапорта № 24 немедленно были посланы на Дунай к Непокойчицкому и в Тифлис, к генерал-лейтенанту Павлову – начальнику штаба Кавказской армии[448]. Ещё раньше, 22 апреля 1877, из Тифлиса, в 2.42 была подана телеграмма за № 1846, которую получили в Петербурге в 4.05. В ней, Наместник на Кавказе, генерал-фельдцейхмейстер, главнокомандующий Кавказской армией, генерал от артиллерии, великий князь Михаил Николаевич сообщал: «Военному министру. Английские слухи чистейшая выдумка лучшее доказательство, что везде жители встречают наши войска не только мирно но и радушно, только в Кабулетах население встретило отряд враждебно дралось против нас. Михаил»[449]. Поэтому, подобная пропаганда, ведшаяся в британской прессе в начале 1877 года, поставила на повестку дня вопрос о контроле за военными корреспондентами Великобритании, прибывающими на Дунай.

19 апреля, на совещании у Верховного главнокомандующего, Великого князя Николая Николаевича–старшего, в присутствии начальника штаба, генерала Непокойчицкого, шефа жандармов генерал-лейтенанта Мезенцева, военного министра Милютина, заведующего гражданскими делами при главнокомандующем, князя Черкасского и заведующего делами печати при армии, Генерального штаба полковника М.А. Газенкапфа, рассматривался вопрос о допущении иностранных корреспондентов на театр боевых действий. Было решено разрешить присутствовать корреспондентам, так как в случае запрета они бы проникали на фронт инкогнито, что затрудняло бы контроль над ними, а корреспонденты распространяли бы слухи и ложную информацию. При этом, рассматривалась записка Газенкампфа о допуске корреспондентов на театр:

[447] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 76–77.
[448] Там же. Л. 7980.
[449] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 63.

русских – по просьбам редакторов и издателей, а иностранных – по рекомендациям русских посольств и высокопоставленных лиц.[450]

В частности, Газенкампф указывал, что определённые издания будут фабриковать ложные сведения о русской армии, поэтому можно не придавать таким публикациям особого значения, так как на фоне остальных публикаций благожелательного характера, они будут выглядеть маргинально. Ввиду этого, предлагалось не учреждать предварительной цензуры для корреспондентов, но сообщать сведения о передвижениях и расположении войск, их численности и предстоящих действиях было предложено запретить, на основании приказа от 12 декабря 1876 г., Главного управления по делам печати[451]. Однако Горлов, опасался присутствия корреспондентов Англии на театрах войны с турками вообще.

Он обосновывал свои опасения на примере действий британских корреспондентов, в дни недавней сербо-турецкой войны. Ещё в рапорте от 8/20 апреля за № 17 на имя военного министра, Горлов писал, что в сербо-турецкую войну ни один британский корреспондент не был допущен в расположение турецкой армии, но свободно допускались в расположение армии сербской, в итоге, все диспозиции сербов были известны туркам из газетных сообщений.

Также он прибавлял: «Доказательством тому, что одним общим приказом о недопущении корреспондентов их избежать нельзя и что это требует особо организованного надзора служит Хивинская кампания 1873 года. Тогда отдан был приказ газетных корреспондентов не пропускать через г.Казанлык и корреспондент газеты Нью– Йорк Геральд, МакГахан был там задержан. Но МакГахан из Казанлыка ушёл и прибыл в армию и весною того года был задержан и отправлен обратно в Казанлык, он был принят нашими офицерами не как нарушитель приказа высшего начальства, но как герой»[452]. Столь большая

[450] *Блохин В.Ф. Косарёв С.И.* Балканский кризис 1870х и периодическая печать России и Западной Европы. Брянск, 2014. С. 82.
[451] *Блохин В.Ф. Косарёв С.И.* Указ.соч. С. 83.
[452] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 68.

выдержка должна показать опасения генерала за то, что сведения корреспондентов могут быть использованы англичанами для передачи туркам, основываясь на аналогичных действиях в 1876 году и пребывании британских газетчиков в действующей армии в Туркестане.

Также, в упомянутом донесении, Горлов заблаговременно предупреждал военное ведомство о будущем прибытии на театр войны британского корреспондента газеты «Daily News», который, по его сведениям, выехал в Кишенёв[453]. Также он сообщал, что издатель газеты «Standart», являвшихся, по его мнению, одной из наиболее враждебно настроенных к России, явился в русское посольство и объявил, что его корреспондент получил от генерал-адъютанта Непокойчицкого позволение сопровождать русские войска: «Я разговаривал недавно с одним из корреспондентов собирающихся к поездке на Дунай и не сомневаюсь, что все эти англичане имеют ввиду, через шпионство быть полезными туркам» [454] . Убеждение Горлова в том, что английский корреспондент в действующей армии равен шпиону вынуждало его следить за перемещениями британских журналистов, выезжавших на Дунай.

В рапорте № 24, он пишет графу Гейдену, что в английских газетах к лету 1877 года не было никаких сообщений о действиях турецкой армии, что указывало, по его мнению, на благоразумие турок ввиду недопущения газетчиков в войска[455]. Что касается сведений о русской армии в британских газетах за 1877 год, то Горлов писал, что основные сведения англичане получают после переводов официальные бюллетеней и сообщений из «Русского инвалида».

Однако, насколько были обоснованы опасения Горлова насчёт корреспондентов летом 1877 года? Можно привести отрывки из воспоминаний художника– баталиста В.В. Верещагина о турецкой войне 1877–1878 гг. как в армии относились к корреспондентам: «Я познакомился у М.Д. Скобелева с известным корреспондентом «Daily News» Мак– Гаханом, а позже в Журжеве

[453] Там же. Л. 65.
[454] РГВИА Ф. 401. Оп. 3. Д. 4. Л. 7677.
[455] Там же. Л. 76.

виделся с Форбсом, приезжавшим в штаб отряда, не помню, с каким– то сообщением. Я один говорил по– английски и, переводя, старался, помню, смягчить **убийственно холодный прием и ответы, встреченные им у нас (выделено мной – А.Т.)**. Сам я, чтобы не навлечь на себя нарекание в потворстве «коварным англичанам», избегал при встречах на улице вступать с ними в разговоры, что, признаться, было очень совестно; видно было, что Форбс **чувствовал общую к нему подозрительность (выделено мной – А.Т.)** и старался заискивать, быть любезным»[456]. Судя по убийственно холодному приёму, и атмосферу всеобщей подозрительности, которой русский лагерь встретил британского журналиста – этому сведению был дан ход. Однако, МакГахан, открывший британской публике трагедию Болгарии 1876 года, был вместе со своим коллегой Арчибальдом Форбсом, прославившийся своими корреспонденциями из осаждённого Парижа в годы франко-прусской войны 1870–1871 гг[457].

Опасения русских военных относительно Форбса оказались напрасны, он всячески превозносил русские войска, доблесть солдат и любезность русских офицеров, и лично присутствовал в бою 12 августа на Шипке, когда было отбито 19 турецких атак, но заболев, он покинул Балканы и отправился на Кипр – поправить здоровье. Однако, его методы работы вызывали критику, к примеру, на Шипке, он опросил одного русского офицера и на основании его слов. Даже не разглядев позиций, он отправил телеграмму в 6 000 слов[458].

В донесении от 1 (10) августа за № 58, Горлов сообщал, что Форбс – самый заслуживающий уважение. Он не был в одиночестве – британские корреспонденты отнеслись с сочувствием к русским войскам и их делу, а к концу 1877 года на Балканах было уже 14 британских корреспондентов, про которых русские газетчики говорили, что каждому их слову можно доверять[459]. Однако

[456] *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М., 2015. С. 109.
[457] *Блохин В.Ф. Косарёв С.И.* Указ.соч. С. 92–93.
[458] Там же. С. 95.
[459] Там же. С. 94.

не все получали допуск на театр войны – для этого необходима была беседа лично с Газенкампфом, который мог и отказать, как отказал британскому полковнику Говарду Винценту, несмотря на его рекомендательные письма[460].

Для этого следует взглянуть на его рапорты за остальную половину 1877 года, чтобы последить – упоминались ли в британской прессе важные сведения о русской армии?

Рапорт № 40 от 23 июня (5 июля), в котором Горлов начал, с согласия графа Шувалова и по просьбе графа Гейдена серию сообщений о русской армии в британской прессе, обращал внимание на следующее. В русских войсках отсутствовали устройства для фильтровки воды, из– за чего солдаты пили грязную воду и это плохо влияло на их здоровье. Англичане позволили себе даже чёрный юмор, при входе в Болгарию, русские войска столкнулись с страшными противниками – Огурец-пашой и Арбуз-беем, намекая на то, что летом в Болгарии вырос хороший урожай овощей, которые могут вызвать эпидемию дизентерии в русских войсках[461].

Следом шёл факт о лжи репортёра газеты «Standart», Ф. Боиля, о том, что якобы врач одного из полков, осаждающих Плевну, бил солдат кнутом, чтобы проверить – встают ли те на ноги или нет[462], и за эту лживую был выслан с театра военных действий[463]. Однако, этот факт успел попасть на страницы Standart,а и вызвал бурю негодования среди читающей публики[464]. В донесении № 50 от 12 (24) июля, Горлов сообщал слухи о том, что этот высланный корреспондент всё–таки был шпионом[465], подтверждая это его сообщением о решении оставить Казанлык – что по мнению Горлова могло стать источником информации для турок[466].

---

[460] Там же. С. 82.
[461] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 116 об.
[462] Там же. Л. 117.
[463] *Блохин В.Ф. Косарёв С.И.* Указ.соч. С. 96.
[464] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 117.
[465] Там же. Л. 125 об.
[466] Там же. Л. 129 об.

При этом британские корреспонденты в Турции могли оказаться в разном положении. В армиях Османа–паши и Эйюб–бея не было ни одного корреспондента, а Мехмед–Али не выпускал корреспондентов из крепости Шумла, поэтому из этих армий, британская пресса не получала никаких сведений, а Сулейман– паша, напротив любезно принимал корреспондентов и всячески им покровительствовал, поэтому подавляющее большинство сведений от турецкой армии шло из лагеря армии Сулейман– паши[467].

Анализируя сообщения британской прессы о первой Плевне, Горлов сообщал следующие сведения. Упомянутый Форбс, писал о скверно организованной сторожевой службе в русской армии, из– за чего турки смогли подойти к городу незамеченными и ударить по русским войскам, а затем отступить в лабиринт городских улочек[468]. Корреспондент газеты «The Times» полностью соглашался с заявлением Форбса о скверной организации сторожевой службы кавалерии, и Горлов рекомендовал прислушиваться к его мнению – так как этим корреспондентом был артиллерийский полковник Браккенбери, преподаватель тактики в Вулической академии[469].

Однако, пресса сообщала и ценные для Горлова сведения. Рапорт от 1 (13) августа № 58 сообщал сведения из английских газет, которые касались передвижений турецкой армии. Рапорт от 13 (25) августа № 73, сообщал о том, что из шифрованных телеграмм корреспондентов газет «Daily Thelegraph» и «The Times» в лагере Мухтара– паши на Кавказе находится 54 батальона при 16 батареях и 10 000 лошадей. Турецкая крепость Карс защищалась силами в 29 батальонов, 3 000 лошадей и 3 батареи. Разные участки кавказского фронта защищались турецкими силами, численность которых Горлов сообщал по этим двум телеграммам[470]. При этом турецкая армия Мухтара– паши испытывала сильный недостаток продовольствия[471]. Последующие корреспонденции за

[467] Там же. Л. 129.
[468] Там же. Л. 131.
[469] Там же. Л. 131–132.
[470] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 141.
[471] Там же. Л. 142.

август месяц сообщали, что опорные пункты Мухтара– паши слабы, его армия отступает, и после одного – двух сражений с русской армией вся Малая Азия окажется в русских руках[472]. При этом если раньше англичане высказывали предположения, что русским войскам на Шипке грозит Седан, достаточно окружного манёвра от Сулейман– паши[473], то новая атака на Шипке разочаровала англичан, решивших, что это наступление было личным приказанием султана, на которое Сулейман– паша пошёл неохотно[474].

Таких донесений о турецких перемещениях, численности их войск, Горловым за один август было отправлено 7 шифрованных телеграмм, на сумму 11 фунтов 18 шиллингов[475]. Все расходы на эти длинные шифрованные телеграммы, главный штаб старался возмещать своему агенту[476]. При этом даже фронтовые зарисовки корреспондентов становились важными. Описанный корреспондентом газеты «Daily Telegraph» эпизод прифронтовой поездки вместе с разъездом из турецких черкесов спокойно проходил мимо русских аванпостов потому что кавказцы изъяснялись по–русски. Горлов просил принять на театре военных действий меры предосторожности на подобный случай[477].

По возвращению в Англию, Форбс прочитал публичную лекцию о своей поездке на Балканы – Горлов писал об этой лекции как: «Глумление над русским воинством, от верха до низа, его стремление уменьшать достоинства наши и видеть одно зло»[478]. В этом, Горлов видит подтверждение своей мысли о том, что корреспондентов нельзя было пускать на театр военных действий, для чего к отчёту прилагался сам текст лекции[479]. Однако, публичная лекция адъютанта английского военного агента при Мухтар– паше, капитана Нормана, успокоила

[472] Там же. Л. 143.
[473] Там же. Л. 141.
[474] Там же. Л. 143 об.
[475] Там же. Л. 144, 148.
[476] Там же. Л. 145.
[477] Там же. Л. 222.
[478] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 245.
[479] Там же. Л. 246–254.

Горлова, так как этот офицер заявил, что речи о русских провокациях в Азии, чистая ложь, а поведение русских войск в Анатолии заслуживает похвалы[480].

Горлов обобщал настроения британской прессы за лето 1877 года: «Либеральные газеты – меньшинство – остаются враждебными Турции, но и из них редкие благоприятствуют России»[481]. А корреспонденция с театра военных действий: «корреспонденты начинают передавать не только совершившиеся события, но также текущие и будущие предположения, чего кажется отнюдь не следует допускать»[482].

По остальным донесениям видно, как английская пресса нагнетала русофобскую истерию в обществе, сообщая заведомо лживые сведения и передёргивая факты. О результатах Горлов сообщал в донесении за № 46 за 3 (15) июля 1877 года: «Военное настроение идёт ввысь, усиливается и полагают, что правительство не преминет этим воспользоваться. «…» Английские газеты эксплуатируют оное всячески и раздувают народную злость». К примеру, общественное мнение Англии желало расследования грабежей, будто бы творимых русскими казаками в Болгарии[483]. Это показывает на степень успешности британской газетной пропаганды в годы русско-турецкой войны. В этом Горлов был прав, что можно увидеть на простом примере. Вся Англия распевала припев ставшую чрезвычайно популярной песни:

«We don’t want to fight but by Jingo if we do
We’ve got the ships, we’ve got the men, we’ve got the money too
We’ve fought the Bear before, and while we’re Britons true
The Russians shall not have Constantinople»[484].

[480] Там же. Л. 256.
[481] Там же. Л. 119.
[482] Там же. Л. 129 об.
[483] Там же. Л. 107.
[484] Мы не хотим сражаться, но Боже мой, клянёмся если вдруг / У нас есть флот, у нас солдаты, деньги есть впридачу / И раньше били мы медведя, да будем мы Британцами и впредь / Русские не получат Константинополь! – перевод мой – А.Т.

Именно в этой песенке впервые прозвучало слово «by Jingo», жаргонизм от «by Jesus» (во имя Господа) – отсюда пошло слово джингоизм, обозначающее воинствующий британский шовинизм[485], под знаком которого прошла история Британии до начала XX века. Стоит отметить, что в этих событиях, пресса сыграла свою роль в мобилизации масс, и настройке их на нужный правительству лад, дабы стало возможным собрать сильную армию для разрешения противоречий по Восточному вопросу. Британское общественное мнение стало агрессивно настроенным по отношению к России, что развязывало руки кабинету лорда Биконсфильда в дальнейших действиях.

[485] *Лаввис Э. Рамбо.* История XIX века. М., 1939. Т. 7. С. 71.

§ 2. Русская разведка об угрозе войны с Великобританией, 1877– 1878 гг.

Если обратиться к дневнику военного министра, графа Д.А. Милютина, то в записи от 7 мая, можно прочесть, что он был вызван на совещание у канцлера, на котором посол в Лондоне, граф П.А. Шувалов прочёл ноту от министра иностранных дел Великобритании, лорда Дерби о тех условиях, на которых Англия может воздержаться от вооружённого вмешательства [486]. Милютин считал ответ на такое заявление важным, ибо он мог стать отправной точкой в отношениях с Англией на будущее время, дабы устранить её вмешательство в войну с Турцией. В ноте лорда Дерби Англия требовала, чтобы Россия не занимала Константинополя, Галлиполи, и не имела видов на Суэцкий канал и Персидский залив[487]. Как охарактеризовал требование в отношении Суэцкого канала Д.А. Милютин: «Не имеет для нас в настоящее время ровным счётом никакого значения, и непонятно, как английские государственные люди могут предполагать какие – нибудь с нашей стороны посягательства на эти отдалённые, недосягаемые для нас точки»[488].

Опасения лорда Дерби за Константинополь и Галлиполи были вызваны письмом Дизраели от 21 декабря 1876 года, где тот передавал: «Шу сказал мне прошлым вечером, что Россию не интересуют связи с Болгарией, Боснией или какой– либо другой страной. – что их заботит на самом деле, это «Проливы», – единственное, чего они желают»[489]. Под Шу подразумевался граф Шувалов. Его оговорка о Проливах, стала тем фактором, что дала повод британским политикам для беспокойства по поводу этого пункта. Дизраели считал, что: «Самая главная опасность «…» по моему мнению – со стороны Босфора. Если Игнатьеву удалось убедить запуганного султана разместить русский гарнизон, и отдать флот в

[486] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 229.
[487] Foundation of British Foreign Policy. P. 358. The Diplomatic Reminiscences of lord August Lotfus. 1862–1879. London, 1894. Vol. II. P. 218–219.
[488] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 229.
[489] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. IV. P. 109.

распоряжение России, то у нас будут большие проблемы.» Кроме того, Дизраели подчеркивал, что Англия не может допустить нарушения договора 1841 года[490].

Премьер– министр имел ввиду Лондонский протокол 1841 года, согласно которому, султан не мог допускать в Проливы в мирное время ни одного военного судна, оставляя исключения для небольших военных судов дружественных держав, на проход которых требовался особый фирман[491]. Ввиду этого, вице-адмиралу Джеффри– Филиппу Хорнби, командующему Средиземноморским флотом, в распоряжении которого находилось семь броненосцев: «Александра», «Султан», «Темерер», «Ахиллес», «Аджинкорт», «Фламинго», «Свифтшур»[492], в случае нарушения этого договора, было велено войти в Проливы и силой изгнать нарушителя[493].

Дизраели, в письме лорду Дерби от 4 сентября 1876 года, предлагал решить вопрос Проливов путём превращения Константинополя с прилегающими районами в свободный порт под охраной Англии[494]. В письме королеве от 25 апреля 1877 года, Дизраели говорил, что Англия не должна позволить русским оккупировать Константинополь[495]. Это же он повторял в письме британскому послу в Константинополе, Г. Лаярду от 6 июня 1877 года, прибавляя, что британский флот в Проливах должен служить гарантией соблюдения международных договорённостей[496]. Целью Дизраели, как видно из его писем, являлась охрана Проливов от вероятного появления там русских, с целью закрыть им выход в Средиземное море.

В инструкциях Горчакова для П.А. Шувалова, указывалось, что Россия не собирается прерывать сообщений по Суэцкому каналу, а Египет не включён в

---

490 Ibid. P. 29.
491 Собрание трактатов и конвенций заключённых Россией с иностранными державами. Трактаты с Англией (1832–1895). СПб., 1898. Т. XII. С. 158.
492 *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 483.
493 *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 30.
494 Ibid. P. 52.
495 Ibid. P. 133.
496 Ibid. P. 142.

театр военных действий[497]. В отношении Константинополя и Проливов, в ответе указывалось следующее: «Что касается Константинополя, то имея возможности заранее предрешить заранее развитие и исход войны, императорский кабинет все же повторяет, что захват столицы не входит в планы его величества императора. Он признает, что в любом случае судьба Константинополя является вопросом который интересует всех и может быть урегулирован только общим соглашением; и если будет поставлен вопрос о владении этим городом, надо сказать, что он не должен принадлежать ни одной из европейских держав. Что касается проливов, то хотя оба берега уже принадлежат одному государю, они являются единственным выходом двух обширных морей, где скрещиваются судьбы всего мира. Для сохранения мира и общего спокойствия важно, чтобы этот вопрос был урегулирован с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах»[498].

Гарантия неприкосновенности Константинополя и Проливов, была дана в неясных формулировках, вроде некоего будущего «общего рассмотрения». При этом, была сделана оговорка, что интересы Англии учитываются, в случае сохранения ею нейтралитета. Ещё 2 ноября 1876 года, император Александр, на аудиенции, данной им британскому послу Августу Лофтусу, сказал, что у него нет ни малейшего желания занимать Константинополь[499]. Поэтому, отсутствие твердого желания войти в турецкую столицу, сделало возможным пойти на эту уступку Лондону.

Несмотря на столь умеренные условия, споры межу императором, не желавшим связывать руки в угоду Англии[500], и Горчаковым, желавшим дипломатического решения Восточного вопроса[501], привели к изменениям инструкций Шувалову.

---

[497] Освобождение Болгарии. Т. 2. С. 81–82.
[498] Там же. С. 82.
[499] The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 183.
[500] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 231.
[501] Там же. С. 244.

В новой инструкции от 18 мая, Горчаков снова говорил о незаинтересованности России в Египте и Суэцком канале, но заявлениям о Константинополе и Проливах придавались более четкие формулировки, что Россия не будет оккупировать город. В отношении Проливов требовалась гарантия их закрытости от военных флотов иностранных держав[502], что, по мнению Горчакова, должно было обезопасить берега Чёрного моря[503].

Таким образом, Россия не собиралась занимать Проливы или присоединять их. Но в дипломатических бумагах Горчакова и Шувалова, фактически, произошёл отказ от занятия Константинополя. Милютин объяснял это тем, что Горчаков желал скорейшего завершения войны ещё до того, как русские войска перешли бы Дунай[504].

Милютин передавал готовность британского правительства защищать свои интересы силой: «Будто бы решено приготовить десантный корпус»[505]. Так как ряд донесений за первую половину 1877 года о десантном корпусе англичан генерал Горлов адресовал на имя военного министра, то опасения Милютина оказывались небеспочвенными. Тем более, по мере развития военных действий, англичане прикладывали больше усилий к организации своей армии, на случай вооруженного вмешательства в русско-турецкий конфликт.

Рапорт Горлова от 27 апреля (9 мая) содержал в себе следующие сведения о приготовлениях Лондона к вооружённому выступлению на стороне Турции против России: «В газетах сообщается, что английское правительство дало приказ экспедиционной армии быть в готовности к отплытию. Газеты сообщают также какие именно части войдут в состав экспедиционного отряда. Взяв в соображение эти советы и рассчитав по военному положению численность этих войск, равно как и некоторые другие подробности, получаются следующие сведения. Экспедиционная армия будет состоять из следующих войск:

[502] Освобождение Болгарии. Т. 2. С. 88.
[503] The Diplomatic Reminiscences… Vol. II. P. 222.
[504] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 244.
[505] Там же.

Артиллерия: 3 полевых и 1 гарнизонных бригады. Конная бригада Е. 5 батарей, 30 9– фунтовых ор., 35 офицеров, 810 н.ч., 50 нестроевых, Всего – 895., и 895 лошадей. 24 пеш.полевая бриг. 7 батарей, 42 24– 9 фунтовых ор., 92 офицера, 2331 н.ч., 126 нестроевых, всего 2549, и 1974 лошади. 25 пеш.полевая бриг. 7 батарей, 42 24– 9 фунтовых ор., столько же людей. 3 гарнизонная бригада. 35 офицеров, 1029 н.ч. Итого 114 орудия, 162 офицера, 4508 людей и 2864 лошади. Кавалерия: 7 полков. 4, 5, 6 драгунские гвардейские. 1 и 2 драгунские. 8 и 17 гусарские. Всего: 217 офицеров, 3892 н.ч., 462 нестроевых, итого 4571 ч., и 4305 лошадей. Пехота: 43 батальона, из них 3 гвардейских, 2 полка 60 стрелкового и 2 полка стрелковой бригады. Всего 133 офицера, 43 989 н.ч., 1849 нестроевых., итого 47 171 ч., и 430 лошадей. Итого 4508 артиллеристов при 144 орудиях, 4571 кавалерист и 47 171 пехоты = 56 250 человек. Прибавляя сюда соответствующее число инженеров, интендантов и штабов, получится армия силою около 60 000 человек, что сообразно с теми размерами, которые я имел честь передавать до сего. Начальником отряда предположен генерал-лейтенант сэр Джон Литторн Арабин Симмонд (или проще генерал-лейтенант Симмонс), о чём я предоставлял в рапорте от 6/18 апреля за № 16. Назначение экспедиции до сих пор неизвестно. Кадис, Египет и Галлиполи суть местности на которые указывают преимущественно»[506].

В рапорте на имя военного министра от 28 апреля (10 мая) 1877 г., за № 25 Горловым сообщалось следующее: «В дополнение к рапорту моему от 27апр./9 мая за № 23, честь имею представить, что сообщенное газетою «The Times» от 5 мая н.с. и потом перепечатанное в других газетах известие о приготовлении к отправке экспедиционной армии, не означает что эти войска готовы к отплытию; они только назначены в действительную службу в случае если будет решено выслать войска из Англии. (подчеркнуто в тексте – А.Т.) Войска эти ещё находясь на мирном положении до сих пор я ни мог увидеть никаких признаков общей работы приведения их на военное положение – хотя различные

[506] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 84–85.

второстепенные меры подготовительного характера по снабжению боевыми и продовольственными припасами – приняты»[507]. Столь внушительное число войска предназначалось для оккупации и защиты интересующих англичан мест – Египта и Галлиполи.

О военных приготовлениях свидетельствует и письмо Дизраели Лаярду от 6 июня: «Текущий момент таков, что ввиду угрожаемой опасности, мы должны обеспечить наши коммуникации. В противном случае, русские займут Дарданеллы раньше, чем Константинополь, и наш флот окажется в ловушке. Материальная гарантия должна составлять оккупацию Галлиполийского полуострова Англией. Это поддержат двадцать тысяч человек. В случае прекращения войны, мы должны эвакуироваться с этой позиции»[508]. На отправку войск, он отводил десять недель, с расчётом успеть раньше, чем русские перейдут Дунай[509]. Место высадки войск – Галлиполи, и их число – 20 000, точно совпадают с данными Горлова, что доказывает достоверность приводимых им сведений. Британия готовилась выслать десантный корпус, с целью оккупации Галлиполи и Константинополя, с целью защиты морских коммуникаций Средиземноморья.

Верным признаком решимости политиков воевать, служили споры английском обществе и прессе в отношении вооружённого решения Восточного вопроса. Рапорт № 31 от 5 (17) мая сообщал, что Горлов посетил Вулический арсенал, и на основании состояния обозных повозок и упряжек, сделал вывод, что даже если сейчас правительство не готово, то если представится повод, стоит отдать приказ – и всё будет готово в 5–6 дней. Затруднений с пополнениями и интендантской частью не будет, так как этим займутся депо и штабы частей в самой Англии. При этом оставался открытым вопрос – кто же станет

[507] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 82.
[508] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 142–143.
[509] Ibid. P. 143.

командующим этой армии – так как правительство снова стало рассматривать кандидатуру лорда Нэпира Макдальского[510].

На докладе стояла помета, что эти сведения необходимо сообщить императору и главнокомандующему Дунайской армией, что свидетельствует о повышенном интересе со стороны правительства к этому. Несмотря на то, что пресса сообщала о переводе войск на мирное время, Горлов сообщал, что подготовка боеприпасов и обозов для армии, снабжение оружием и провизией – всё готово, чтобы войска сдвинулись в любой момент[511].

В рапорте № 34 от 22 (10) мая, Горлов сообщал, что в Альдершотском лагере проводились односторонние манёвры, и артиллерия часто упражнялась в стрельбе по мишеням, но в военном министерстве было решено не делать значительных манёвров, так как необходимость отправки отряда была под вопросом, а более других подготовленный Горлов не замечал. Число войск в Альдершоте возросло до 22 492 человек, из которых 5 000 были необученные рекруты. Войска были поделены на 3 дивизии по 7 батальонов и каждая с артиллерией в 3 батареи, полком кавалерии и инженерным парком. Также была бригада кавалерии из 3-х полков с конной батареей и артиллерийский резерв. В рапорте от 1 (13) июля сообщалось, что англичане всё–таки намеренны послать 47 000 человек в Галлиполи, из них 20 000 будут высланы из Англии, а остальные 27 000 будут составлены из войск служащих в Средиземном море, однако этот шаг пока решено отложить[512].

Из предыдущих писем Дизраели видно, что целью оправки войск виделось оккупация Константинополя и Галлиполи, с целью недопущения туда русских. В письме королеве от 22 июня, Дизраели именует будущую отправку войск «Галлиполийской экспедицией». В письме на имя Дизаели от 27 июня королева Виктория возмущалась, что русские продвигаются вперёд и будут у Константинополя в кратчайшие сроки, а международный престиж Англии

[510] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 86.
[511] Там же. Л. 90.
[512] Там же. Л. 114, 117.

падает. Премьер– министр отвечал, что несмотря на то, что он разделяет взгляды королевы, он должен указать на то, что голосование за военный бюджет не будет, пока Англия остаётся нейтральной, что следует заручиться согласием султана на отправку войск в Турцию, которого он может и не дать. Эти трудности устранимы в случае объявления войны России[513]. Таким образом, в Англии активно готовились к войне, которую желали правительственные верхи.

В середине июля 9 (21) числа на Мальту отправился британский отряд, численностью в 1 640 человек, о чём Горлов немедленно сообщил в рапорте от 12 (24) июля № 50[514]. Как уверял русского посла, графа Шувалова, британский военный министр, этот отряд предназначен только для укрепления гарнизона на Мальте. Собственно, мальтийские силы насчитывали 5 полков однобатальонного состава, всего 3 553 человек, а с прибытием тех сил становилось всего 6 547 человек[515]. Горлов сообщил в рапорте № 52 от 19 (31) июля, что несмотря на уверения правительства русскому послу в Лондоне, в стране было повсеместное убеждение, что это передовой отряд войск, которые с Мальты отправятся в Галлиполи, более того, в военном министерстве, по сообщениям информаторов Горлова, собирались остановить транспорты на Мальте, но с целью получить указание о дальнейшем маршруте [516]. Командующим экспедиционной армией, было решено назначить генерал-лейтенанта П. Симмонса, как знатока Турции, знакомого с дунайским театром опытного инженера и управленца[517].

Всего на Средиземном море британских сил насчитывалось 10 011 человек, но при них не было ни полевой артиллерии, ни кавалерии. В самой Англии, был отдан приказ 4 пехотным и 1 стрелковому батальону при 3-х полках кавалерии и 1 артиллерийской бригаде о 3-х батареях быть готовыми по приказу собраться в

[513] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 148–149.
[514] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 124.
[515] Там же. Л. 125.
[516] Там же. Л. 121.
[517] Там же. Л. 122.

путь за 48 часов. При этом интендантская часть и инженерный парк были уже полностью готовыми[518].

Сведения Горлова полностью подтверждаются сведениями из переписки лорда Биконсфильда и королевы Виктории. В письме королеве от 16 июля, он высказывал мысль, что для оккупации Проливов и воздействия на Россию может хватить одного флота. Однако, чтобы гарантировать позиции Великобритании на Средиземноморье и в будущих мирных переговорах, он рекомендовал отправить флот и 60–80 000 солдат для оккупации Константинополя и Галлиполи[519]. Королева ответила в тот же день, что посылка флота необходима и ничто не должно остановить этот шаг. В письме от 20 числа, королева напоминала Дизраели, что по его же мнению, возможно отправить 5000 человек в Галлиполи, и в результате этого русские не смогут сделать и шаг к Константинополю, что он сам и в письме ей и в разговорах с лордом Солсбери, на вопрос – что делать, если русские займут Константинополь, отвечал – объявляйте войну. Также, она выражала тревогу, что ничего не готово для немедленной отправки частей в Проливы и просила министра, предпринять усилия для отправки хотя бы флота[520].

В телеграмме королеве от 21 июля, Дизраэли передавал, что кабинет предложил объявить войну России, если та займёт Константинополь. Приказ об этом, уже передан силам в Средиземном море. Письмо от 22 июля сообщало, что гарнизон Мальты увеличен на 3000 человек, и что на вчерашнем заседании кабинета министров решено, что в случае занятия русскими Константинополя, России будет объявлена война. Кроме того, Дзраели предлагал королеве: «Приказать своим армиям очистить Центральную Азию от московитов и сбросить их в Каспий»[521]. Цифра в 3 000 человек не совпадает с данными Горлова,

[518] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 125.
[519] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 152.
[520] Ibid. P. 153.
[521] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 154 – 155.

но факт отправки сил на Мальту явно свидетельствует об усиленной подготовке к войне.

Воинственные намерения Англии и её цели в будущей войне подтверждают телеграммы и письмо лорда Биконсфильда Г. Лаярду в Константинополь. Телеграмма от 29 июля гласила: «Британский флот в турецких водах, с согласия султана, будет первым шагом для сохранения империи»[522]. Письмо от 6 августа, раскрывало подробности как и планируемых действий Великобритании, так и её целей: «Если у нас преимущество на море, почему бы не отправить британский корпус (скажем, в Батум), пройти в Армению и не оккупировать Тифлис? Нам также стоит высадиться в Варне, дабы действовать во фланг русским. Но это требует времени. Турки побеждают, но не следовало бы этим обольщаться. После Плевны им следует отрезать русских от Дуная, разрушить мосты и пленить императора. Ульслей говорил мне, что это вполне осуществимо. «…» Опасность состоит в том, что если русские, презрев опасность, будут в Адрианополе этой осенью. Что следует сделать после? «…» Хотел бы я видеть наш флот во внутренних водах Турции и переход Галлиполи в наши руки в качестве материальной гарантии, с полного согласия Турции. Мы должны быть в состоянии защищать целостность Турции»[523]. Кроме того, Дизраели явно подчеркивал – цель Англии состоит в защите целостности и независимости Турции. Он желал бы это сделать силой британской армии и флота, но ввиду сопротивления турок под Плевной, он надеялся на их стойкость, ибо: «Они достаточно храбро, без союзников защищают свою независимость»[524]. Интересно, что помимо Галлиполи, Дизраели указывает на новую цель британских войск в будущей войне – на Закавказье. Целью этого шага, должно было стать ослабление России в Азии, что показывает намерения Дизраели вести не оборонительную, а наступательную войну. При этом, подтверждаются слова Горлова – на подготовку, отправку и высадку армии требуется время. Дизраели

[522] Ibid. P. 160.
[523] Foundation of British Foreighn Policy. L., 1938. P. 361–362.
[524] Ibid. P. 361.

двигала боязнь не успеть помочь туркам вовремя. Эти же опасения о поздних сроках выступления Англии, если такое будет, выражал лорд Дерби в письме королеве от 28 июля – что уже поздно оккупировать Галлиполи[525].

Донесение от 2 (14) августа № 59 на имя начальника Главного Штаба сообщало, что в английской газете «Whitehall Reviev» была отпечатана статья о том, что 60 000 английская армия высадилась в Галлиполи и у Адрианополя вступила в бой с русскими войсками, одержав победу, но отступила ввиду флангового манёвра русских, была отрезана и сдалась вся в плен. Горлов сразу распознал газетную утку, и назвал её целью показать все недостатки английской армии – юный возраст рекрут, их плохую физическую форму, плохую организацию обозов, малочисленность кавалерии и недостатки нового пехотного устава. Горлов отметил, что такая статья окончательно определяет планы англичан в отношении места высадки – Галлиполи или Константинополь[526]. В следующем донесении за тот же день, Горлов сообщал, что его агент, смог снять копию с карты у одного из английских офицеров Генерального Штаба, на которой были обозначены пути кораблей и места высадки десанта[527].

На заседании кабинета министров 15 августа, Дизраели сказал: «Единственный вопрос, который сейчас стоит – это объявление войны. Вмешаемся ли мы, если русские займут Константинополь?» Военный министр, вместе с министром по делам колоний, Г.Г. граф Канарвоном, предложили ввести флот в Проливы, но только с согласия султана. Несмотря на возражения лорда Дерби об отсутствии союзников у Англии, Дизраели ответил, что это компенсируется преобладанием британских сил на море, целью войны не является отвоевание Болгарии, но желателен десант в Батум, чтобы наличием британских сил в Армении поколебать азиатские позиции России[528]. Те же самые мысли о том, что цель не Болгария, а десант в Батум, числом в 40 000 человек, и

[525] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 158.
[526] РГВИА Ф. 431. Оп. 1. Д. 49. Л. 98.
[527] Там же.
[528] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 172.

без союзников, он повторял в частном письме от 1 сентября. Он ссылался на пример Веллингтона, воевавшего в Испании: «Учитывая то, что турок, как солдат, стоит 20 испанцев»[529].

Если вспомнить те же планы в письме Лаярду, то выходит, что Дизраели в августе 1877 года желал воздействовать на Россию путём удара по её азиатским владениям, и действовать только с опорой на турок, о которых лорд Биконсфильд был высокого мнения. Как было указано выше, подобные планы были вдохновлены запиской генерала Г. Ульслея, о десанте на Проливы и на Кавказ, с целью запереть Средиземное море и Персидский залив от русских.

Из вышеназванных сведений, следует интересный вывод о том, что Англия всё– таки собиралась отправить армию в Турцию, с целью оккупации Галлиполи и Константинополя. Однако, сроки её переброски и подготовки в боевое состояние были слишком большими, и за это время русская армия могла уже занять Константинополь, что делало отправку армии на Балканы бессмысленной. При этом, некоторые английские политики, как лорд Дерби, были готовы удовольствоваться гарантиями России не занимать Галлиполи и Константинополь. Сам Дизраели в частном письме от 1 сентября 1877 года писал: «Наша политика – мир с сохранением в неприкосновенности всех британских интересов. «…» Наши интересы не будут в безопасности, если русские займут Константинополь»[530].

Все военные приготовления в Англии велись, чтобы быть готовыми упредить русских у стен Константинополя и занять его и Галлиполи раньше, дабы защитить свои коммуникации в Средиземноморье, путём гарантии целостности Турции. Вопрос готовили разрешить не только отправкой оккупационных войск в Галлиполи или корпуса в Закавказье, но и появляется вариант военно– морской демонстрации, как способа защиты британских интересов на Проливах.

---

[529] Ibid. P. 178.
[530] Ibid. P. 177–178.

В отношении вероятной посылки этих войск, Горлов писал, что Дизраели, в частном разговоре с Шуваловым, уверял его, что англичане собирались собрать на Востоке армию в 300 000 человек. Из них 100 000 должны были составлять полки англо-индийской армии, 105 000 – войска метрополии, 15 000 части морской пехоты и её артиллерия, 10 000 войска гарнизонов Гибралтара и Мальты и 70 000 милиция из Англии и Канады[531].

Горлов в этом рапорте дал подробный анализ сведениям Дизраели и объяснил, почему посылка 300 000 армии невозможна, а максимум войск мог быть лишь в 2 корпуса общей численностью 70 000 человек при поддержке корпуса англо-индийской армии. Во–первых, из 105 000 регулярных войск, 12 000 составляли необученные рекруты в депо, и если к ним прибавить милицию и волонтёров – всех их невозможно отправить на войну вследствие низкой или никакой подготовки[532]. Боевой состав армии метрополии не превышал, по оценкам Горлова, 87 404 человек, и то часть из них по разным причинам не смогла бы отправиться. Во–вторых, возникли бы трудности с артиллерией и инженерным парком, призывом резерва и тому подобными вещами.[533] Возникла бы трудность при мобилизации корпуса морской пехоты, время прибытия канадцев могло бы дорого обойтись[534].

В отношении англо-индийских войск, Горлов писал, что на войну могли быть отправлены только туземные части, ибо оставлять Индию без белых частей было бы очень неразумно. Несмотря на великолепные качества, которые продемонстрировала англо-индийская армия в войну с Афганистаном 1840–1842 гг. оставался вопрос – как собрать войско в 100 000 человек, при общей численности армии в 190 175 человек? И несмотря на заверения Дизраели о том, что война на стороне Турции вызовет подъём среди британских подданных–мусульман, то Горлов напоминал, что восстание сипаев в Индии началось сразу

[531] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 226.
[532] Там же. Л. 227.
[533] Там же. Л. 228.
[534] Там же. Л. 231 об.

после Крымской войны, где Англия воевала с Турцией. Поэтому, самый максимум, который могла выставить Англия, прислав и войска метрополии, и индийские части, и милицию, и канадцев, и морскую пехоту составит 240 000 человек [535]. Мобилизация таких сил была бы возможна в случае полного спокойствия в Англии, при этом доставка лошадей, транспорта, организация снабжения и госпитальной части была бы затруднена и отняла бы много сил.

Ввиду этого, Горлов видел вероятный сценарий войны с Россией так: Англия высадила бы 30–40 000 человек, которые бы заняли укрепления и были бы не в состоянии сразу выйти в поле, а на подготовку ушло бы не меньше месяца. На место предполагаемой высадки указывались Галлиполи, окрестности Константинополя или местечко Джабрия в устье Дуная, причём последнее было бы нежелательно, так как англичане получили бы возможность действовать в тыл русским коммуникациям[536].

Генерал Горлов, ввиду своего правила: «Обратить также внимание на изучение тех пунктов английских владений, где бы можно было в случае войны нанести Англии чувствительный вред»[537], он в октябре 1877 года, в донесении № 106, описывая положение Англии на Северо–Западной границе Индии, предлагал, что не стоит давать англичанам времени до весны 1878 года, чтобы разобраться с ними, иначе её силы могут быть обрушены на Россию. Поэтому, указывая на осложнения с афганским эмиром Шер–Али– ханом, Горлов считал, что это благоприятный момент, для усиления своего влияния на Востоке[538]. Это донесение немедленно было препровождено к Туркестанскому генерал-губернатору, К.П. фон Кауфману[539].

При этом, Дизраели в письме королеве от 18 октября, писал, что уже поздно и бессмысленно проводить кампанию в Армении, и что всё зависит сейчас от

[535] Там же. Л. 233.
[536] Там же. Л. 234.
[537] РГВИА Ф. 431. Д. 47. Л. 61 об.
[538] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 242.
[539] Там же. Л. 244.

Плевны [540] . В частном письме от 6 ноября, он писал, что Плевна есть единственный шанс Англии в этой войне[541]. В письме королеве от 16 ноября: «Мы должны сделать всё возможное, чтобы предотвратить падение Плевны»[542]. Падение города 29 ноября (9 декабря) 1877 года, произвело большое впечатление в Англии. Политики опасались, что желание победившей армии занять Константинополь будет столь велико, что это не сдержит гарантии императора, что вынудило англичан принять активные меры[543].

1 (13) декабря 1877 года, граф П.А. Шувалов сообщил канцлеру, князю А.М. Горчакову о новых требованиях лорда Дерби не занимать Константинополь и Дарданеллы, ссылаясь на то, что это взбудоражит общественное мнение Англии, иначе они вынуждены будут принять меры для защиты своих интересов[544]. В письме королеве от 17 декабря, Дизраели сообщал, что на заседании правительства решено немедленно созвать парламент и просить у него кредиты на армию[545]. Граф Милютин записывал в дневнике: «Англия затевает что– то против нас, парламент созван ранее обычного срока»[546]. Пользуясь просьбой султана Абдул–Гамида II королеве Виктории, с просьбой о мирном посредничестве [547] , королева прислала императору Александру II личную телеграмму с просьбой о начале мирных переговоров с Турцией[548].

7 (19) декабря, генерал Горлов писал в донесении № 131, что созыв парламента в Англии намечен гораздо раньше, на 5 (17) января для того, чтобы проголосовать за кредит на войну с Россией, а в том, что парламент одобрит эти кредиты, Горлов не сомневался, ибо парламентское большинство одобряло воинственную политику лорда Биконсфильда. Причём сам глава правительства,

---

[540] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 189.
[541] Ibid. P. 192.
[542] Ibid. P. 198
[543] The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 227.
[544] Освобождение Болгарии. Т. 2. С. 349–351.
[545] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 204.
[546] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 351.
[547] The Diplomatic Reminiscences… Vol. II. P. 227.
[548] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 364.

по этому донесению, в декабрьские дни 1877 года впал в нервное настроение[549]. В частном письме Дизраели называет именно эту дату – 17 января[550]. Донесение от 11 (23) декабря № 134 сообщало о том, что в британской прессе стали активно обсуждать вероятные сценарии войны с Россией, и он прилагал перевод 3х самых значимых статей к этому донесению[551]. Однако, эти статьи вызвали интерес в Главном Штабе, и их копии были переправлены начальникам штабов армий на Дунае и на Кавказе[552].

По сообщениям Шувалова, Дизраели начал агитацию за войну с Россией. Для этого он не погнушался использовать заведомо ложное сообщение английского посла в Константинополе Лаярда о том, что русские, якобы выступили в сторону Галлиполи. Опираясь на эти сведения, Дизраели решился требовать у парламента экстраординарный кредит на войну с Россией, и требовал ввести британский флот в пролив Босфор[553]. По сообщению графа Шувалова, парламент одобрил билль на вооружения в размере 6 млн. фунтов стерлингов[554].

Ввиду столь активной деятельности премьера Биконсфильда, направленной на разжигание войны, министр иностранных дел, лорд Дерби и граф Канарвон, принадлежавшие к партии мира, подали в отставку. Дабы развеять все сомнения англичан в намерениях русских, чтобы выбить почву из– под ног Дизраели и обеспечить свободу рук России, граф Шувалов обнародовал в Англии подлинные русские условия мира с Турцией[555]. Сам Александр II смотрел на картину происходящего с пессимизмом, заявив графу Д.А. Милютину и князю А.Д. Горчакову, что следует держаться в готовности для возобновления вооружённой борьбы[556].

---

[549] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 272.
[550] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 207.
[551] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 274.
[552] Там же. Л. 289–290.
[553] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 373.
[554] П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. // Красный архив, 1933. № 59. С. 89.
Милютин Д.А. Дневник 1876–1878. С. 377. The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 227.
[555] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 369.
[556] Там же. С. 375.

Почему не был взят Константинополь?

С 28 декабря 1877 по 2 января 1878 годов, между русскими и турецкими представителями состоялся обмен телеграммами, касаемо начала переговоров о перемирии и заключении мира[557]. Русские условия мира предусматривали: автономию Болгарии, Боснии и Герцеговины, независимость Черногории, Сербии, Румынии и контрибуцию России. Турки в ответ отказались сообщать свои условия, сочтя, что мир на условиях русских приведёт к распаду Османской империи[558]. Для давления на турок, великий князь приказал продолжать наступление на Константинополь.

Затягивание турками переговоров, давало время для приближения русских войск к Константинополю. Однако, этот фактор оказал сильный эффект на Лондон, так как там опасались нарушения Россией гарантий по поводу неприкосновенности Проливов, и возможно, создания пророссийской Болгарии с выходом в Средиземное море[559].

Граф Шувалов, телеграфировал Горчакову из Лондона 12 (24) января, что ввиду неизвестности условий мира России с Турцией, в Англии очень напряженное положение, и что в Лондоне готовятся к разрыву с Россией[560]. Это не были пустые слова – 31 декабря (11 января) королева Виктория прислала гневное письмо Дизраели, в котором требовала вмешаться: «Нельзя терять ни момента, иначе вся наша вековая политика, наша честь как великой европейской державы получит непоправимый удар»[561].

Ввиду британской угрозы, великий князь запросил императора в шифрованной телеграмме, что ему делать если английский или какой другой флот вступят в Босфор или в Константинополе высадится иностранный десант

[557] Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 по 15 апреля 1878 г. СПб., 1900. С. 6.
[558] Там же. С. 9–10.
[559] The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 230.
[560] Освобождение Болгарии. Т. 2. С. 419–420.
[561] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 218.

или в городе начнутся беспорядки и резня христиан которые попросят русских о помощи и что предпринять в отношении Галлиполи [562] ? При этом, сам главнокомандующий, придерживался мнения, что стоит занять Галлиполи ввиду возможности нахождения там турецких войск, угрожавших флангу русской армии, и для воспрепятствования проходу англичан в Проливы[563].

Император ответил великому князю 12 января, что в случае входа иностранной эскадры в Босфор и высадки десанта, нужно завязать дружественные отношения с их командующими по предмету поддержания общими силами порядка в Константинополе. При этом, приказывалось не отступать от обещания данного Англии не занимать Галлиполи, ввиду обещания Англии не занимать самой полуостров, дабы не дать ей предлог для вмешательства[564].

1 (12) января Дизраели отвечал королеве, что кабинет решил послать флот в Дарданеллы, если на то будет согласие султана[565]. 12 числа, эскадре вице–адмирала Дж. Ф. Хорнби поступил приказ войти в проливы[566]. Однако, ввиду оглашений русских условий мира, 14 числа, приказ был отменён[567]. Эта мера, предусматривалась Дизраели ещё в 1876 году, и была принята как возможный вариант действий летом 1877 года. Поэтому, ввод британского флота в Проливы, в случае приближения к ним русских, был предрешен, и в январе–феврале 1878 года англичане решились на эту меру.

Осведомлённость великого князя об этой возможной мере, вполне вытекает из того, что император и военный министр, могли делиться сведениями от генерала Горлова по поводу планов британского десанта. Из этого фактора, вытекало то, что Петербург хотел, но не мог занять город, ввиду угрозы войны со стороны Англии.

---

[562] Особое прибавление… Выпуск. VI. С. 243. *Газенкампф М.* Указ.соч. С. 348.
[563] *Газенкампф М.* Указ.соч.. С. 350, 355.
[564] Особое прибавление… Выпуск IV. С. 249.
[565] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 219.
[566] Ibid. P. 230.
[567] *Газенкампф М.* Указ.соч. С. 393.

18 января, вечером, было подписано перемирие и оглашены предварительные условия мира[568], и в тот же день, великий князь получил новую телеграмму от канцлера, с сообщением, что Британия собирается ввести флот в Проливы[569], основанную на сообщениях Шувалова. В ситуации перемирия, Россия не собиралась занимать Константинополя, так как нужды в этом уже не было – турки согласились на русские условия мира.

Новый виток проблемы начался 27 января, когда граф П.А. Шувалов получил от лорда Дерби точное сообщение о том, что Англия решила ввести в Проливы свой флот, под предлогом охраны жизни и имущества британских подданных, о чём граф немедленно телеграфировал канцлеру Горчакову, прибавив, что подлинные мотивы Британии, это захват фортов Босфора раньше России[570].

Шувалов писал в воспоминаниях, что вопрос войны и мира зависел не от Константинополя, но от Галлиполи. Поэтому его угрозы лорду Дерби, о том, что в случае высадки англичан, русские войдут в Константинополь, был, по его словам, попыткой остановить разрыв с Англией путём противодействия их действиям: «которые, если на них ничем не отвечать, могут продолжаться и далее»[571].

28 числа, британская эскадра вошла в Дарданеллы. Но за неимением у коменданта Дарданелл разрешения Порты на пропуск иностранных военных кораблей, англичане снова вернулись в Безикскую бухту[572].

Великий князь, ввиду перемирия, не решил двигать войска к Константинополю[573]. Однако, Дизраели желал действовать. Как он писал королеве Виктории от 29 января (9 февраля) 1878 года: «После долгих и

[568] Там же. С. 397.
[569] Особое прибавление… Выпуск II. С. 18.
[570] П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. С. 88.
[571] Там же. С. 88, 90.
[572] *Газенкампф М.* Указ.соч. С. 422. Бухта Безик расположена в Эгейском море, на азиатском побережье Турции, у пролива Дарданеллы.
[573] *Газенкампф М.* Указ.соч. С. 425.

оживлённых дискуссий, Кабинет решился послать эскадру к турецкой столице… «…» Страна наконец– то зашевелилась. Если бы в Галлиполи стоял армейский корпус…» [574]. Эта цитата из письма выдаёт его воинственные настроения, которые подкреплялись действием.

30 января (11 февраля), в Дарданеллы вошла эскадра вице-адмирала Джеффри Хорнби из 7 броненосцев[575]. Интересно заметить, что броненосцем «Султан» командовал Альберт– Эрнест, герцог Эдинбургский, один из сыновей королевы Виктории, зять императора Александра II[576].

Формальной целью эскадры было защитить жизнь и имущество британских подданных, в случае, если возмущённые русскими победами мусульманские фанатики начнут резню в городе [577]. При этом, адмирал имел секретные инструкции, что если русские займут Константинополь, то он должен открыть огонь. Это означало бы вступление Великобритании в войну. Решения британских политиков, оказались непоколебимыми – русские не должны были занять Константинополь ни при каких обстоятельствах.

31 января, главнокомандующий получил телеграмму императора, что вступление английской эскадры в Босфор слагает с России все обязательства данные Англии прежде касаемо Проливов и даёт ему свободу рук[578]. 1 февраля, эскадра адмирала Хорнби, встала у Принцевых островов. В Босфор английский флот не вошёл, но демонстрация показывала серьёзность намерений Лондона. 3 февраля, Россия ещё раз пообещала Англии не занимать Галлиполи, если англичане останутся нейтральными[579]. Это должно было успокоить Лондон, и продемонстрировать русское дружелюбие, однако Милютин сомневался в том, что: «эта уступка укротила бы воинственный азарт Биконсфильда»[580].

---

[574] *Buckle G.L.* Op.cit. Vol. VI. P. 244.
[575] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 483.
[576] *Газенкампф М.* Указ.соч. С. 442.
[577] The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 229.
[578] Особое прибавление… Выпуск VI. С. 261.
[579] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 379. Особое прибавление… Выпуск VI. С. 260.
[580] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 379.

11 февраля, в дневнике министра была подробная запись о том, что: «Вступление наших войск в Цареград несомненно послужит сигналом для англичан и турок к возобновлению войны и, таким образом, мы сами отречемся от громадных выгод, которые приобрели заключением предварительных условий мира и перемирия»[581]. В январе 1878 года, в Петербурге стало ясно, что любое занятие Константинополя было равносильно началу новой войны, но уже против коалиции Англии, Австрии и Турции.

Ввиду этой угрозы, 5 февраля, Николаю Николаевичу была отправлена телеграмма с приказом, что в случае входа англичан в Босфор, необходимо занять укрепления его европейского берега, с согласия султана[582]. Сообщение дошло только 14 февраля. Великий князь ответил, что это было бы нежелательно ввиду идущих мирных переговоров[583].

Ситуация складывалась критическая. По словам Газенкампфа, император и великий князь, считали, что английская эскадра ввиду Константинополя, налагает на русских обязательства занять этот город. Но сам Газенкампф и Гурко, считали, что ввиду отсутствия у армии каких– либо средств – снарядов, провизии, инженерных средств, флота, возможности подвоза подкреплений и средств со стороны Черного моря, брать город совершенно невозможно, ибо бороться с британским флотом, не имея своего – немыслимо[584].

С физической невозможностью занять Босфор для упреждения англичан, согласился сам великий князь, о чём телеграфировал императору ещё 4 февраля. Одновременно с этим он подчеркивал – ни русские, ни англичане не перешли демаркационной линии[585]. Константинополь, Галлиполи и Босфор остались неприкосновенными, и обе стороны избежали возникновения casus belli.

Однако, на совещании 5 февраля, вечером у великого князя, в присутствии начальника дипломатической канцелярии Нелидова, бывшего посла в

[581] Там же.
[582] *Газенкампф М.* Указ соч. С. 437.
[583] Там же. С. 461.
[584] Там же. С. 438.
[585] Там же. С. 439.

Константинополе, генерала от инфантерии, графа Н.П. Игнатьева и начальника штаба, генерала А.А. Непокойчицкого, с подачи Игнатьева, было решено предложить султану, что русские займут лишь пригороды Константинополя, вплоть до близлежащих к нему деревень и казарм, о чём император был оповещен в телеграмме[586]. Таким образом, вопрос о занятии города снимался – русские входили только в пригороды, не занимая сам город. 10 числа пришёл ответ из Константинополя, что султан согласен на занятие русскими Сан–Стефано[587].

В связи с этим, появилась докладная записка генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева о занятии Босфора. Обручев считал, что нейтралитет Турции в столкновении России и Англии будет нежелателен, ибо приведёт к дроблению русских сил, и этот нейтралитет закончится, когда прибудут английские войска[588].

Ожидалось, что в случае возобновления военных действий за 5–6 дней могли прибыть британские войска с Мальты, а за 3–4 недели – английская армия из метрополии. Для этого необходимо было очистить Проливы от турецких войск, для защиты их русскими от англичан, тогда русские гарантировали бы султану выполнение обещанных договоренностей[589]. В случае отказа Порты от выполнения русских условий, рекомендовалось воспользоваться в перевесе сил и атаковать турецкие войска, не считаясь с большими потерями. Атака ставила целью уничтожения турецких сил и овладение пунктами на Босфоре, необходимыми для эшелонирования минных заграждений на море[590].

Важно отметить, что данные записки Обручева, покоятся на данных, предоставленных Горловым весной– летом 1877 года. Данные о мальтийском гарнизоне, как о передовом отряде будущей британской армии на Балканах,

---

[586] *Газенкампф М.* Указ соч. С. 441.
[587] Там же. С. 454.
[588] Особое прибавление… Выпуск II. С. 103.
[589] Там же. С. 104.
[590] Там же. С. 106.

сроки переброски войск из метрополии на театр военных действий, снова легли в основу расчётов Обручева.

В свете этой записки, можно предположить, что она оказала влияние на докладную записку Милютина от 19 февраля 1878 года на имя императора. В ней советовалось, что в случае разрыва с Англией необходимо удержать пролив Босфор, и тем обеспечить защиту черноморского побережья. На записке стояла помета императора, что он разделяет взгляд министра[591].

Эти проекты и записки отчётливо продемонстрировали, что ввиду угрозы британского вторжения в Чёрное море, привели к смене приоритетов на Проливах с занятия Константинополя, к занятию азиатского берега Босфора, с целью закрыть вход в Чёрное море.

Однако, данные Петербургом гарантии Лондону, не снимали вопроса об угрозе войны с возможной коалицией Англии, Австрии и Турции. Таким образом, во внешней политике страны с зимы 1878 года начинает чётко фигурировать угроза того, что в любой момент может начаться новая война. Итак, каков был шанс у России занять Константинополь в условиях угроз Англии?

Великий князь Николай Николаевич–старший, полагал, что ввиду опасности действий турецких войск от Галлиполи во фланг и тыл наступающей русской армии, а также угрозы английского флота и десанта, необходимо занять Галлиполи, Константинополь, азиатские берега Проливов Босфор и Дарданеллы, и с этих позиций, диктовать условия мира Турции, а также великим державам[592]. Для сего, он полагал посадить 13 пехотную дивизию на суда и двинуть на азиатский берег Босфора, и занять его вплоть до Скутари, о чём телеграфировал императору 21 января[593]. Ещё раньше, 10 января, он распорядился выслать мины, минную команду гвардейского саперного батальона, и все необходимое для устройства минных лодок[594]. 13 января, великий князь считал желательным

[591] Особое прибавление… Выпуск VI. С. 271.
[592] *Газенкампф М.* Указ.соч. С. 350, 355, 360.
[593] Там же. С. 403.
[594] Там же. С. 351.

отправку из Севастополя одной дивизии с тремя трёхфунтовыми батареями, желая высадить её на азиатский берег Босфора[595].

Как комментировал эти замыслы М. Газенкампф: «План величественный, но неисполнимый. Занять с налёту, конечно, всё можно, пользуясь теперешней паникой, но удержать – нельзя. У нас нет ни флота, ни артиллерии, ни боевых запасов, ни обозов. Артиллерию и боевые запасы ещё можно захватить у турок и подвезти морем из Одессы, но флот – взять неоткуда. «…» На суше мы для англичан неуязвимы, а на морском берегу – беззащитны перед их флотом»[596].

Пессимизм Газенкампфа был более чем оправдан. В отчёте императору от 22 января, великий князь сообщал материальное положение войска: «Вообще все войска, а в особенности, отряд генерал-адъютанта Гурко, были крайнее утомлены форсированными маршами по распустившихся от проливных дождей дорогам. Одежда изношена и истрепана. Вместо фуражек некоторые – в болгарских шапках и даже в чалмах. Обувь в самом жалком виде, у кого сапоги без подошв, у кого опанки, а у многих ноги обёрнуты разным тряпьём. Белья почти нет. Палаток давно уже нет: или сгнили от дождей или пошли на онучи и портянки. Обоз далеко позади: войска западного отряда не видали его с тех пор, как выступили из Орхании. Вследствие этого, даже большинство офицеров имели при себе лишь то, что могли унести на себе сами или увезти в кобурах верховых лошадей. Артиллерия всех колонн наполовину оставлена позади, так как дожидаться спуска её с гор было некогда. О парках и говорить нечего: все отстали на несколько переходов. Запас зарядов ограничивался лишь тем, что помещалось в передках орудий и передках зарядных ящиков: задние ходы ящиков почти всех батарей пришлось оставить за горами, ввиду невозможности их везти. Запас патронов, не менее 100 на ружьё, а в некоторых частях – до 150. Боевая сила слабая: у пехоты – вследствие большого числа отсталых, неизбежного при столь неимоверно– быстром движении, у кавалерии – от

[595] Там же. С. 381.
[596] Там же. С. 360.

усиленной и продолжительной разведывательной и сторожевой службы и от энергичного преследования неприятеля по трудным горным дорогам и тропинкам, при гололедице. Средним числом было по 500 штыков в батальоне и по 80 всадников в эскадроне»[597]. Столь большой отрывок из донесения приведён здесь, чтобы показать обширную картину расстройства войск, и их необеспеченности. Газенкамф в своём дневнике комментировал это: «Нет почти ни одной целой дивизии, не говоря уже о корпусах, всё растрёпано и разбросано. Вместо постоянных соединений – временные; постоянные начальники заменены халифами на час: сегодня – один, завтра – другой. Все перепутано и перемешалось»[598]. Генерал Тотлебен, исследовав позиции под Буюк– Дере, на азиатском берегу Босфора, пришел к выводу, что без минирования Босфора занятие Константинополя есть бессмыслица. Так как минирование пролива возможно при нейтралитете или содействии турок – чего не было в феврале 1878 года, то и занять город при невозможности его удержания было бы бессмысленно[599].

Посему, несмотря на энтузиазм войска, занимать с ним столь огромный город, как Константинополь, и оборонять его от вероятной английской атаки – было очень опасно. Генерал Обручев, в упоминавшийся докладной записке четко обозначил примерные опасности штурма Константинополя: наличие гвардейских частей, фанатизм мусульманского населения города и фланговый огонь британского флота[600].

Таким образом, занимать и оборонять огромный город, наполненный войсками и враждебным населением, без артиллерии, без флота и без инженерных средств, уставшими и немногочисленными войсками, ввиду возможности прибытия, 5 000 британского отряда и угрозы бомбардировки британскими броненосцами было бессмысленно.

---

[597] Сборник материалов… Т. 12. С. 144–145.
[598] *Газенкампф М.* Указ.соч. С. 372.
[599] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 485.
[600] Там же. С. 105.

Сан– Стефано: мир и угроза новой войны. Год 1878.

19 февраля (3 марта) 1878 года между Российской и Османской Империями, в пригороде Константинополя, Сан–Стефано был заключён мирный договор[601]. Согласно 1 и 2 статьям договора, султан был обязан признать независимость княжества Черногория и передать ему некоторые территории[602]. Третья статья устанавливала независимость Сербии и её границу с Турцией[603]. Статья пятая утверждала независимость Румынии, а шестая – автономию и границы Болгарии[604]. Седьмая – болгарское самоуправление, выборы князя, и её отношения с султаном. Восьмая требовала вывода всех турецких войск из Болгарии. Девятая – болгарскую дань туркам, двенадцатая обязывала турок срыть дунайские крепости, четырнадцатая – провести реформы в Армении, семнадцатая – даровала амнистию всем участникам мятежей против султана[605]. По 19 статье на Турцию накладывалась контрибуция в 410 млн. рублей, Россия получала Бессарабию, Карс, Ардаган и Батум[606]. 24 статья устанавливала свободный режим Проливов для всех торговых судов нейтральных стран как во время войны, так и во время мира[607].

Эти основные положения здесь приведены для того, чтобы была ясна ситуация, которая образовалась после победы России. Румыния, Черногория и Сербия стали независимыми странами, Болгария получала большую территорию и самую широкую автономию, а Россия – крупную контрибуцию, небольшие земельные приращения на границах и значительно ослабляла Турцию в военном и политическом отношениях.

Однако, это вызвало ещё большее недовольство великих держав. Граф Милютин описал эти настроения в своём дневнике: «Положение политическое

[601] Сборник договоров России… С. 159.
[602] Там же. С. 160–161.
[603] Там же. С. 161–162.
[604] Там же. С. 163–164.
[605] Там же. С. 164–169.
[606] Там же. С. 169–170.
[607] Там же. С. 172.

всё более и более усложняется; отказ наш на предложенный графом Андраши съезд в Вене усиливает охлаждение между нами и Австрией; в Англии министерство берёт вверх и разжигает страсти, распуская всякие ложные известия и клеветы на наш счёт. Палата, под этим впечатлением, вотировала огромным большинством, просимый министерством кредит в 6 миллионов фунтов стерлингов. На Германию мало надежд, она держится как– то нейтрально и повторяет, что должна щадить Австрию. Даже Франция начинает поддакивать Англии. Таким образом опять вся Европа поднимается против нас, и ради чего? – За то, что нам посчастливилось иметь решительные успехи над Турцией и заставить её подписать очень выгодные для нас условия перемирия»[608]. В этих словах – точная и краткая характеристика внешнеполитической обстановки весны 1878 года, в которой вынуждена была действовать Россия.

Основной угрозой оставалась возможная коалиция из Великобритании, Австрии, Турции, Румынии и Греции, и заставить Россию силой оружия пересмотреть Сан– Стефанский мир. Это подтверждается словами самого Милютина: «Радость парализуется опасениями враждебных действий со стороны Англии и Австрии. Счастливый мир подписанный у ворот Константинополя, и все плоды блестящей кампании могут быть опрокинуты на предстоящих конференциях. Поэтому государь согласился с моим мнением, что следует несколько выждать, прежде чем приступить к возвращению наших войск из Турции. Если б в самом деле Англия серьёзно замышляла войну с нами, то для нас весьма важно удержать в своих руках Босфор, как вход в чёрное море»[609]. Эта цитата отражает не сколько решимость готовиться к обороне в случае возобновления войны, но и окончательное становление цели занятия Босфора, как защита входа в Чёрное море. 7 марта, было получено известие, что англичане

[608] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 377.
[609] Там же. С. 383.

угрожают занятием Босфора,[610] и по словам начальника Главного Штаба, генерала от инфантерии, графа Гейдена, даже была готова к разрыву и войне[611].

12 (24) марта, в Михайловском замке, в Петербурге император принял нового главнокомандующего Дунайской армией, инженер-генерала Э.И. Тотлебена. Результатом аудиенции стала докладная записка о занятии Босфора. Тотлебен в ней, ставил целью недопущение английского военного флота в Чёрное море. Для этого, предлагалось захватить турецкие укрепления на Босфоре – от Буюк– Дере до Чёрного моря атакой с тыла, загородить пролив минами и соорудить батареи на 50 мортир, чтобы было возможно отразить бомбардировку броненосцев.

Также требовалось наладить постоянное сообщение с портами Чёрного моря, дабы можно было дополнительно усилить артиллерийские позиции 11–дюймовыми береговыми орудиями и, по возможности, занять восточный берег Босфора. Для удобства сообщений – занять гавань Килию на черноморском берегу Босфора, проложить железную дорогу до Буюк– Дере на средиземноморском берегу[612]. Стоит отметить, что если записки Обручева и Милютина февраля– месяца предполагали Босфор, то Тотлебен уже оперировал на Босфоре.

С весны 1878 года, положение Дунайской армии под Константинополем становилось ещё труднее. Великий князь телеграфировал императору 2 февраля, что боится весны, ибо неубранные трупы и падаль, оставшиеся после бегства мусульманского населения за Балканы и резни турками болгар, несмотря на меры к их ликвидации, угрожали распространению болезней[613]. Опасения главнокомандующего были не напрасны. С весны, переполненные беженцами и пленными пригороды турецкой столицы охватила эпидемия тифа, перекинувшаяся на русские войска. Одновременно, ввиду плохой питьевой воды

[610] Там же. С. 389.
[611] Там же. С. 392.
[612] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 5.
[613] *Газенкампф М.* Указ.соч. С. 424.

и отсутствия канализации, начались желудочные болезни и малярия у солдат, не считая обычной простуды. В марте, число больных насчитывало 390 человек, в апреле – 1 648, в мае – 5 733, в июне – 19 333. На полк приходилось по 30 – 40 больных[614].

Таким образом, Россия к весне 1878 года не располагала силами для занятия и обороны Константинополя и даже для противоборства с новыми, вероятными противниками. Ввиду этого, военный министр предоставил 27 февраля записку на имя великого князя Николая Николаевича, в которой сообщал план будущих военных действий, на случай разрыва с Англией и Австрией. В записке предлагалось создание трех армий, для действий на Балканах, в Трансильвании и Галиции, оставив заслоны на Кавказе и побережьях Балтийского и Чёрного морей[615].

На Балканах должна была действовать первая или Балканская армия. Одной из её главных целей ставилось занятие Босфора, так как по словам военного министра: «Утверждение наше на Босфоре сделает нас неуязвимыми для Англии и вместе с тем, обеспечив Балканской армии свободный тыл подвозов морем, устранит и главную опасность покушений со стороны Австрии отрезать пути сообщения этой армии с Россией. Эта цель так выдвигается вперёд, что на неё прежде всего вызываются как дипломатические, так и военные ваши заботы»[616]. Милютин предлагал, в случае войны занять Босфор силой, и сосредоточить главные силы в районе Константинополь– Галлиполи– Адрианополь. Для прикрытия этих войск, он предлагал послать корпус в Западную Болгарию, для помощи сербам против Австрии и прикрыться от австрийцев со стороны Дуная несколькими дивизиями, соединяясь с Валахией[617]. Эти силы составляли 18 действующих и 3 резервные дивизии[618].

---

[614] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 497.
[615] РГВИА Ф. 846 (ВУА). Д. 7447. Л. 6 об.
[616] Там же. Л. 2 об.
[617] РГВИА Ф. 846 (ВУА). Д. 7447. Л. 3.
[618] Там же. Л. 7.

В Молдавии и на Нижнем Дунае, министр полагал разместить вторую или Юго–Западную армию, целью которой должна была быть охрана черноморского побережья или вторжение в Трансильванию со стороны Бессарабии. Севернее, со стороны Царства Польского, располагалась 3 армия, защищавшая Волынь путём вторжения в Галицию[619]. Общее число дивизий Юго–Западной и Западной армий, должно было составить 25 дивизий[620]. На Черноморском побережье сосредотачивались 4 дивизии, на Кавказе – 8 дивизий. Черноморским силам надлежало составлять резерв Юго–Западной армии, или же занять Босфор[621].

Смысл всей этой конфигурации войск даёт объяснение генерала Куропаткина, приведённое в его воспоминаниях: «Босфор не оказался в наших руках и потому перевозка войск обратно морем находилась бы под ударами английского флота в случае разрыва с Англией. Движение же наших войск через Румынию угрожалось не только Австрией, но и Румынией. Войскам нашим приходилось двигаться как– бы по дефиле между Чёрным морем и Австрийскими пределами. Против Австрии, на случай разрыва с ней, у нас формировалась армия с большим числом мобилизованных резервных войск. Главнокомандующим этой армией был предназначен Наследник Цесаревич, Александр Александрович. Выбор начальника штаба армии вызвал большие трения. Государь настоял, чтобы наследник согласился взять Обручева, к которому наследник относился недоверчиво, считая его «красным». У Обручева в Главном Штабе велись энергичные работы по формированию армии и составлялись соображения об её сосредоточении и первоначальном плане действий»[622].

В высочайшее утверждённой записке о распределении войск на случай войны с Англией и Австрией, от 20 марта, чётко прописывались цели кампании: овладение Босфором, упрочение освобождения Болгарии, ограждение морских

[619] Там же. Л. 3 об.
[620] Там же. Л. 7.
[621] Там же. Л. 6 об.
[622] *Куропаткин А.Н.* 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 222–223.

границ России от вражеских десантов и концентрация сил для вторжения в Австрию[623].

Помимо мер в Европе, были приняты меры против Англии и в Азии, что свидетельствует о внимании к донесениям Горлова. Как вспоминал Куропаткин: «По отношению к Англии Россия была бессильна со стороны своих европейских владений. Признавалось, что наиболее уязвимое место Англии – Индия. Угрозой Индии со стороны Средней Азии предполагалась возможным заставить англичан уважать интересы России в Европе, уважать её положение среди других великих держав. Близ Бухарской границы со стороны Самарканда, в ур[очище] Джаме, генералом Кауфманом был собран по азиатскому масштабу значительный, а по европейскому ничтожный отряд силою около 8 батальонов пехоты, несколько батарей и казачьих сотен. Предполагалось желательным и возможным привлечь на нашу сторону Афганистан»[624].

4 апреля состоялось Особое совещание по азиатским делам, рассматривавшем проекты военных мер в Туркестане на случай разрыва с Англией. По его итогам, было решено не только сформировать два военных отряда для похода в Индию, а также: «представить Туркестанскому генерал-губернатору заблаговременно войти в сношение с владетелем Афганистана через отправление к нему доверенных лиц или даже официального посольства, которое и должно объяснить, что выдвижение наших отрядов отнюдь не имеет ничего враждебного против Афганистана, а напротив – может быть даже полезно ему, как поддержка независимости против англичан а, при известных обстоятельствах, даже как помощь против них»[625].

С этой целью, 28 мая (9 июня), в Кабул была отправлена миссия генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Г. Столетова, которая прибыла в город 29 июля (10 августа)[626]. Целью миссии, была разведка настроений в

[623] РГВИА Ф. 846 (ВУА). Д. 701. Л. 1.
[624] *Куропаткин А.Н.* 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 223.
[625] РГВИА Ф. 1396. Оп. 2. Д. 103. Л. 27.
[626] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 508.

Афганистане, при дворе эмира, положения англо-индийской армии, её потенциала и Афганистана как театра военных действий[627].

В начале 1878 года, Россия располагала армией в 1 544 432 человека[628], из них на полевые войска приходилось 850 000 человек[629]. Для планируемой войны, требовалось мобилизовать ещё 250 000 человек, что дало бы 12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Для формирования резерва, в тылу уже находилось 52 батальона, на базе которых могли быть развёрнуты новые воинские части. В январе– феврале, из крепостных и местных батальонов были сформированы полки[630].

19 января вышел высочайший приказ о сформировании 44– х новых резервных батальонов, в апреле было приказано создать ещё 36 батальонов. В феврале было сформировано 30 батальонов и 8 батарей, в марте – 12 батальонов и 8 батарей, в апреле – 15 батальонов, в мае – 23 батальона и 8 батарей[631]. Для Кавказской армии, с июня по август было сформировано 7 батальонов[632]. Все эти меры дали России Действующую армию числом в 520 627 человек, Кавказскую армию в 273 954 человека, и войска для обороны Черноморского побережья, числом в 68 000 человек[633].

Эти воинские приготовления требовали больших денежных расходов. По отчёту Государственного контролёра доходы за 1877 год составили 548 830 831 рубль, при расходе на военные нужды в 571 млн. руб., доходы в 1878 году составили 625 972 735 руб., при расходе в 560 млн. руб.[634] Таким образом,

---

627 Там же.

628 *Богданович М.И.* Исторический очерк деятельности военного министерства в первое 25–летие благополучного царствования императора Александра Николаевича. СПб., 1880. Т. V. С. 67.

629 Там же. С. 68.

630 Там же. С. 70–71.

631 Там же. С. 73–74.

632 Там же. С. 75.

633 Там же. С. 78.

634 Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1878 год. СПб., 1879. С. 82–83; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1879 год. СПб., 1880. С. 6, 91.

военные расходы «съедали» почти весь бюджет, что ухудшало положение России.

Это тяжелое положение, вынуждало руководство страны вести дипломатические переговоры с Англией и Австрией, с целью достичь компромисса по послевоенному переустройству Балкан. 23 января (4 февраля) 1878 года, Шувалов телеграфировал Горчакову из Лондона, что лорд Дерби указал, что будущая болгарская автономия будет разделена на две части, чтобы избежать единой и пророссийской Болгарии у ворот Константинополя[635], и чтобы Балканский хребет служил естественной защитой Турции в случае новой войны с Россией[636]. На телеграмме стояла помета императора, что можно согласиться на это[637].

Сам император, выслушивая доклад Шувалова о переговорах в Лондоне, признавал, что: «Мне безразлично будут ли две, или даже три Болгарии, лишь бы все они были обеспечены учреждениями, которые гарантировали бы их от возобновления тех ужасов, каких мы видим»[638]. В дневнике Милютина, от 15 апреля, было записано о совещании по уступкам Австрии с целью оторвать её от союза с Англией[639]. На совещании было решено пожертвовать единством Болгарии, и согласиться на её разделение, с условием сохранения за разделёнными частями одинаковых прав[640]. Итак, совещание 15 апреля сделало важный шаг – решило пойти на уступки по Болгарии, основному пункту Сан–Стефано.

Эти напряжённые месяцы с января по апрель 1878 года, прошли в обстановке молчания со стороны Горлова. Дело в том, что Горлов в конце 1877 года, ввиду переутомления, тяжело заболел и с разрешения Шувалова и Милютина отправился в Париж на лечение. Поддерживая связь со своей

635 Освобождение Болгарии. Т. 2. С. 443–444.
636 П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. С. 95.
637 *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 444.
638 П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. С. 98.
639 *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 412.
640 Там же.

резидентурой в Великобритании, через своего агента, обозначавшегося литерой N, который собирал важную информацию о политике и военных мероприятиях Англии. Он и доставил Горлову очень важные сведения, легшие в основу этого донесения.

Рапорт № 10 от 27 апреля (4 мая) 1878 года из Парижа. содержал в себе столько важной информации о военных действиях Англии и её политике в ситуации весны 1878 года, что стоит привести большую часть этого письма: «По предмету военному: 1) Англо-индийские войска, ныне направленные через Суэц, назначаются для высадки в Александретте [641] где они будут организованы совместно с Курдами в особую армию для действия на нашу Мало– Азиатскую границу, преимущественно в стороне Вана, Муше, Битли и т.п. Это известие признавая неотлагательным, и не будучи в состоянии сам шифровать, я решился просить нашего посла в Париже передать Вашему Высокопревосходительству. 2) Английские пехотные корпуса, 1 и 2 назначены для высадки в Салоники. Для доставления этим войскам провианта и других необходимых припасов, заключены торги с греческими торговыми домами, имеющими конторы в Лондоне. 3) Есть повод полагать что с этими войсками, высаженными в Салоники, будет действовать совокупно и греческая армия. 4) В Барселоне английским консулом подряжено большое количество судом для транспортной службы на Средиземном море. 5) Войска из Мальты и Гибралтара полагается перевести в Турецкий лагерь у г.Тузла, «…» (г.Тузла лежит на азиатском берегу, немного южнее входа в Дарданеллы). 6) Торпедные лодки (одиннадцать) уже высажены на берег у Тузла, для переноски в разобранном состоянии на Азиатский берег Босфора у устья реки Рива, найденного весьма удобным для сосредоточения торпедной эскадры. 7) Эта эскадра, равно как и английский флот вообще, получат полное содействие от турецкого флота в Батуме, суда которого имеют ныне по несколько английских офицеров каждое»[642]. Основные данные

[641] Совр. Искендерун, город-порт на востоке Средиземного моря, расположен на юге совр. Турции, недалеко от границ совр. Сирии.
[642] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 14.

донесения, касаются сведений об организации транспорта и снабжения для экспедиционного корпуса англичан, который должен был проследовать через Средиземное море. Высадка основного отряда войск назначалась в Салониках, а дополнительный контингент с Гибралтара и Мальты – на Босфор. Также, возникала угроза Кавказу от англо-индийского контингента, который мог объединиться с курдами. Несмотря на все это, главным направлением для англичан оставались Проливы.

Далее, в донесении, Горлов писал о том, как предполагают действовать эти войска: «Салоники: Быстрым переходом и при содействии флота – выйти между русской позицией и Константинополем. Тузолских: Идти на Скутари и сделать переход через Босфор у позиции [Румели]Кавак. «…» После занятия некоторых позиций война, кажется, полагается более оккупационного характера. Англичане также опасаются, чтобы мы не возвели вокруг Константинополя таких укреплений, которые бы препятствовали выходу войск из города или которые бы дозволили нам бомбардировать Константинополь. По предмету политическому: 1) Если комендантам Шумлы и Варны будет дано турецким правительством приказание сдать эти крепости нам, то такое приказание будет сопровождаться секретной инструкцией не сдаваться и оказать наивозможнейшее сопротивление. 2) Индийские войска едва ли могут быть отправлены обратно, не побывав в бою хотя немного, так как английские политики опасаются, что этим может быть потерян английский резерв в Индии – престиж, о котором толкуют так много. 3) Нынешний кабинет есть вполне солидный, единомыслящий т.е. мыслящий как лорд Биконсфильд. «…» самый важный из них, маркиз Солсбери, полагает сделаться главой консервативной партии по смерти Дизраэли и быть первым министром. «…» 4) Наконец, мнение тех многих серьёзных лиц в Англии, которые не желают войны есть то, что для уничтожения всех замыслов Биконсфильда и сделания невозможным дальнейшее его действие под маской английских интересов, – наилучшим средством было бы доставление Англии новой и действительной гарантии для защиты Суэцкого канала, т.е. какие–

нибудь выгодные позиции на Мало– Азиатском берегу Турции, острова Кандию или Крит, или оба вместе, нейтрализацию берегов прилежащих к Суэцкому каналу, Сирии и Палестины»[643]. Это подтверждает цели англичан – оккупация Проливов, с целью недопущения туда русских, защиту Суэцкого канала, путём охраны прилежащих к нему территорий. Также, это донесение показывает единство английского правительства во мнении со своим главой – лордом Биконсфильдом, по вопросу о войне с Россией.

Когда известия о британских военных приготовлениях на Балканах и о готовящемся марше в Закавказье, стали известны в Петербурге, то реакция последовала немедленно. Копии с этого письма были в эти же дни разосланы командующему Дунайской армией, инженер-генералу Э.И. Тотлебену [644], начальнику штаба Кавказской армии генерал-лейтенанту П.П. Павлову[645], послу в Лондоне, графу П.А. Шувалову [646]. Таким образом, Британию готовились встретить и на Балканах, и в Закавказье.

Англичанам, благодаря работе своей разведки в Петербурге, стало известно, что русский Главный Штаб в курсе предстоящего десанта в Салониках и Александретте, и было решено все важные сведения держать в более строгом секрете чем раньше. Поэтому, Горлов решил послать своего агента N в поездку по Турции, дабы получить нужную информацию о предстоящих планах Англии. Так как ещё во время войны, этот журналист завязал сеть знакомств с англичанами в Турции и на Балканах, поэтому он мог собрать важную информацию о положении на местах. Военное министерство согласилось спонсировать эту поездку, о ней были предупреждены генерал Тотлебен и новый посол в Константинополе князь А.Б. Лобанов– Ростовский, а донесения английского журналиста– шпиона должны были направляться в Лондон на имя графа Шувалова[647].

[643] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 14–16.
[644] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 27.
[645] Там же. Л. 24.
[646] Там же. Л. 26.
[647] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 28.

Письмо Горлова Милютину от 2 (14) июня № 12, сообщало о том, что лорд Биконсфильд был крайне заинтересован в войне. Английское правительство, по словам Горлова, горело желанием поскорее начать действия против России, выдвинув в качестве casus belle затруднения при проведении новых границ балканских стран. Грецией и Румынией велись переговоры с банковскими домами Лондона, в отношении займа, что указывало на высокое английское влияние в этих странах, и готовности Греции и Румынии выступить против России в случае начала новой войны[648].

Мотивы Румынии объяснялись её обидой на отторжение Бессарабии в пользу России. Поэтому, она готовилась примкнуть к возможной коалиции. Выступление Румынии на стороне Британии в случае войны означало полную изоляцию Дунайской армии, лишения её подкреплений и боеприпасов, и вероятный выход австрийских войск к Чёрному морю[649].

В отношении Греции, генерал Горлов лишь затронул верхушку ведшихся между Афинами и Лондоном переговоров в отношении вероятного военного выступления против России. 10–11 февраля лорд Дерби встречался с греческим посланником И. Генадиосом. Лорд Дерби заявил, что Англия и Австрия занимают сходные с Грецией позиции по Восточному Вопросу и предлагал координировать усилия всех стран, одобряя при этом греческую пропаганду в турецких местностях, населённых греками – Фессалии и Эпире[650]. 23 февраля, министр иностранных дел Греции Т. Делянис, направил Генадиосу циркуляр в котором требовал добиваться внесения обсуждения судьбы греков в Османской Империи на рассмотрение будущего конгресса[651].

В Петербурге, на Особом совещании 17 января решили, что присоединение к Греции Крита, Эпира и Фессалии нарушит равновесие в регионе, поэтому, было решено ограничиться лишь введением на Крите особого устава по управлению

---

[648] Там же. Л. 29.
[649] *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев. С. 250.
[650] *Цейхмистеренко С.П.* Греция, Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг. Страницы истории. М., 2013. С. 116.
[651] Там же. С. 117.

островом, получившем название Органический [652]. Согласно нему, остров превращался в отдельный вилайет в составе Османской империи, при его губернаторе – вали, состояло два советника, мусульманин и христианин, и каждый год на 40 дней созывалась Генеральная ассамблея из жителей Крита[653].

Неучастие Греции в войне против турок стало решающим аргументом в пользу оставления Фессалии, Эпира и Крита за Османской империей. Когда был оглашён Сан–Стефанский договор, это известие вызвало бурю негодования в Греции, которая обратилась к Англии, как к защитнице своих территориальных интересов. Английская пресса начала активно отстаивать позицию, что Фессалия и Эпир есть греческие земли и необходимо передать их грекам, что давало лондонскому кабинету предлог для пересмотра Сан– Стефанского мира[654], и возможность использовать Грецию как своего союзника на Балканах в случае войны с Россией.

Тем временем, 18 (30) мая 1878 года в Лондоне быль заключён англо-русский меморандум о предварительные условия будущего положения Балкан. Согласно этому меморандуму, Болгария лишалась Македонии, выхода к Эгейскому морю, и делилась на две автономии – северную, политическую, с избираемым болгарами князем, и южную, административную, с назначаемым султаном генерал-губернатором из христиан[655].

В дополнение, был заключён второй меморандум, на котором эти вопросы выносились на всеевропейский конгресс, где будет обсуждаться вопрос положения Проливов [656]. Также оговаривались разграничительные комиссии, управление Болгарии, созыв народного представительства в г.Тырново, управление страной русским императорским комиссаром до наведения порядка, создание южной автономной провинции Восточная Румелия, с назначаемым

---

[652] Там же. С. 119.
[653] *Соколовская О.В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М.: Индрик, 2006. С. 13.
[654] *Цейхмистеренко С.П.* Указ.соч. С. 120–122.
[655] Сборник договоров России… С. 176–179.
[656] Там же. С. 180.

султаном генерал-губернатором из христиан и милицией из местного населения, при этом турецкие войска обязаны были покинуть всю Болгарию, но султан сохранял за собой право ввода войск в Восточную Румелию[657]. Также были немного откорректированы границы Сербии, Румынии и Черногории, а Россия должна была заключить с турками новый мирный договор.

Милютин признал сохранение автономного княжества Болгария и очищение дунайских крепостей от турецких войск, и сохранение пребывания русских войск в Болгарии в течении года веским результатом войны[658].

1 (13) июня, в Берлине открылся международный конгресс, на котором были представители Российской, Германской, Австро–Венгерской, Британской и Османской империй, Итальянского королевства и Французской республики, с целью пересмотреть итоги Сан–Стефанского мира[659].

Рапорт № 15 от 21 июня (3 июля), сообщал о новых планах войны против России. Агент Горлова N, получил из английского Генерального Штаба карточку с обозначениями главных участков войны против России. Их было три – европейский театр, азиатский берег Проливов и Закавказье. Также предполагалось, как в Крымскую, действовать на Балтике и Тихом океане. Англия не планировала вести войну одной – в Европе в состав военного союза с Англией должны были войти Греция и Османская Империя, в Азии, со стороны Кавказа, не только османская армия, но и местные племена, называемые Горловым – черкесы, лазы и курды. Великобритания уже заключила с турками оборонительный союз, по которому обещала защищать установленные конгрессом азиатские границы Турции, а взамен получала право на оккупацию острова Кипр[660].

Верховным главнокомандующим назначался Артур, герцог Кембриджский. На должность командующего европейским участком, предполагали утвердить

[657] Сборник договоров России… С. 186–191.
[658] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 440.
[659] История дипломатии… Т. 2. С. 129.
[660] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 505.

лорда Нэпира Макдальского, сторонника идеи войны с Россией, но его возраст становился причиной сомнений в его компетенции[661]. Генерала Арнольда Кэмпбела, как бывшего военного атташе при армии Мухтар– паши на Кавказе, предполагалось сделать командующим на Кавказе, как знатока местности.

На должность начальника европейского участка рассматривались кандидатуры генерала П. Симмонса, военного инженера, который мог быть полезен в случае оборонительного характера войны, и генерала МакДугласа, который находился в Константинополе в 1877 году, при этом, Горлов строил предположения, что командировка генерала в Канаду, суть стремление подготовить канадские части для войны с Россией.

В качестве организаторов курдов и черкесов, англичане собирались использовать генералов Г. Ульслея и Ч. Гордона, по характеристике Горлова: «Гордон есть человек необыкновенно энергичный и умеющий управлять дикими и вместе с Вульслеем, сумеющий составить очень хорошее начальство для англо-диких войск; но в этих странах он ещё новый человек»[662].

Далее, Горлов делал расчёты для прибытия английских контингентов: «Все число войск, которое в настоящую минуту (после сбора войск в Гибралтаре и Мальте) военное министерство заверяет себя готовым перевести в 21 день из Англии. В дальнейшие точки берегов Средиземного моря составляет 50 000 челов. или 40 000 челов. и 8000 лошадей. для 20 000 войска из Канады надо убавить 15 дней перехода океана, для индийских войск из Бомбея можно положить около 26 дней; эти два последние числа выводятся из первого, ныне даваемого (подчёркнуто в тексте – А.Т.) военным министерством в Лондоне и могут быть кроме того ошибочными [нрзб.] данных. Во всяком случае это есть срок: minimum»[663].

Канадские части, предполагал генерал, могли прибыть в Салоники, ввиду того, что уроженцы северных стран не могли бы перенести жаркого

[661] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 32.
[662] Там же. Л. 33.
[663] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 34.

малоазиатского климата. Войска должны были быть свезены к портам: Вулич, Портсмут и Девенпорт. При этом, Горлов указывал, что ввиду молодости и неопытности военного министра – полковника Стэнлея, который не мог организовать грамотное функционирование интендантства и транспорта, в войсках царит хаос, лошадей в войсках не хватало – предполагали реквизировать на месте, посему перевозка армии в 21 день представлялась для Горлова затруднительной[664].

По его словам, Англия столь спешила в подготовке армии, дабы иметь военную силу, на которую можно было опереться во время переговоров. Эта спешка приводила к тому, что количественный рост не переходил в качественный: солдаты слишком молоды, и не могут подолгу работать с лопатой, в войсках мало кавалерии, а это приводило к тому, что армия двигалась вслепую и паника среди солдат могла стать угрожающей[665].

Горлов предлагал воспользоваться проблемами в армии, и когда эти войска высадятся без лошадей и артиллерийских парков, то произвести нападение на десант. Как уверял генерал: «Всякое поражение в начале (подчеркнуто в тексте – А.Т.), сильно подействует на дух английских войск»[666]. Также, в качестве одного из методов ведения войны на Балканах с Великобританией, генерал предлагал вести тактику выжженной земли, заключавшуюся в планомерном уничтожении фуража, транспорта и припасов на территории не занятой русскими войсками, угоном скота за линию русских войск, дабы лишить англичан любой возможности пополнять запасы и комплектовать обозы в местах высадки[667].

Похожая мысль уже появилась в голове генерала от инфантерии М.Д. Скобелева, предлагавшего в частном письме использовать казаков, азиатских

[664] Там же.
[665] Там же. Л. 34.
[666] Там же. Л. 35.
[667] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 36.

кочевников и кавказских горцев для организации разорительных набегов в тыл неприятельским армиям в будущей войне[668].

В рапорте № 17, он писал, что пунктами высадки войск, английские военные называют Константинополь, Галлиполи, Измир, Александретта[669]. Реакция на эти сообщения в Петербурге была тревожная. В дневнике Милютина даже появляется запись следующего содержания: «Я прочёл полученные мною три письма генерал-майора Горлова из Парижа; он сообщает сведения, переданные ему тайным корреспондентом из Лондона, сведения ещё усиливавшие наши мрачные настроения»[670]. Он имел ввиду вышеуказанные рапорты генерала о военных планах Великобритании. Эти планы показывали готовность Лондона к вооруженной борьбе с Россией, что производило на политиков в Петербурге тягостное впечатление, что следует ожидать новой войны – на этот раз с Англией.

Осенью, Горлов доставил рапорт от 28 сентября (8 октября) № 25, в котором излагал общие черты вероятных действий Англии против России, комментируя это так: «Хотя мир и положил конец всем этим предприятиям, тем не менее мне кажется весьма важным знать военные планы Англии – в видах предосторожности против будущего. Поэтому, я счёл нужным предоставить ныне же общий план»[671]. Этот план заключался в отправке трёх десантных отрядов – в Салоники, на Босфор и в Закавказье. Салоникская и Босфорские группировки имели целью оборону Проливов и атак в тыл русским войскам на Балканах[672]. Горлов сообщал подробности действия отряда для Проливов, что для защиты Дарданелл полагалось занять Булаирские укрепления на Галлиполи турецкими войсками с частью английской морской пехоты, под защитой корабельной артиллерии, под общим командованием вице– адмирала Хорнби.

Для защиты Босфора признавалось необходимым занять, во что бы то ни стало, Румели– Кавак, на азиатском берегу Босфора, силами английских и

---

668 Мы не хозяева в своём собственном доме. // Источник, 1993. № 5–6. С. 62.
669 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 48.
670 *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 439.
671 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 77.
672 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 77.

турецких регулярных войск, и части Секерие– Кон и Баче– кон на европейском берегу Босфора, и приготовить к обороне сам Константинополь. На случай, – если бы русские заняли бы Босфор, предполагалось перевести часть английского флота и весь турецкий в Чёрное море в форт Рива, и от него провести шоссейную и железную дорогу к г. Измир на берегу Мраморного моря[673].

Основной удар, предполагалось наносить силами 100 000 армии со стороны Закавказья, где 30 000 англо-индийских солдат, 30 000 турок и 40 000 иррегулярной конницы курдов и арабов должны были занять линию от Трапезунда до озера Ван. Англо-индийские войска должны были высадиться в Александретте (Искандерун), Суадие (близ Антиохии), и в Латташе, оттуда и до Закавказья они должны были добраться за 45 дней после высадки. Командование в Закавказье, как и летом, предполагалось отдать английскому генералу Ульслею и турецкому Мухтар– паше, при помощи генералов Кемпбелла и полковника Гордона.

Горлов прибавлял, что также предполагается в случае войны провести десант на некоторые пункты русских берегов в Чёрном море. Для этого, решено было всему турецкому флоту и с огромным числом транспортных судов войти в Чёрное море и направиться к Батуму; там посадить на суда корпус в 25 000 человек, из которых английских регулярных войск полагалось 5 000 человек и затем сделать высадку этого отряда на Чёрном море. Точные места высадки, узнать Горлову не удалось[674]. Интересно отметить, что на Балканах также предполагалось привлечь иррегулярные части из албанцев и босняков для набегов в тылы русских войск, как курдов и арабов – с той же целью в Закавказье. При этом, тыловую службу должны были нести греческие войска, которым разрешалось оккупировать турецкие провинции до Радопских гор[675]!

Из этой диспозиции британских войск на 1878 год отчётливо видно, что идея Дизраели о посылке английских войск в Закавказье получила своё

[673] Там же. Л. 78.
[674] Там же. Л. 78–79.
[675] Там же. Л. 77.

воплощение в предполагаемом плане войны с русскими. Основной удар должен был прийтись на Закавказье. Войска в Проливах должны были нести сугубо охранную службу, как и задумывалось англичанами изначально. В плане произошли существенные изменения, ибо в нём предполагалась оккупация Босфора, а не Галлиполи, и планировалось привлечь Грецию в качестве союзника на Балканах.

Опасность войны к концу лета 1878 года, постепенно сходила на нет. В рапорте № 17, он писал, что надежды партии войны сходят на нет[676], а в рапорте № 22 писал, что несмотря на возросшие после Берлинского конгресса воинственные настроения, войну с Россией ожидают в ближайшие 10– 20 лет[677]. В рапорте за число № 29, Горлов писал, что: «В настоящее время в Лондоне никого нет, все начальствующие лица разъехались по своим поместьям, и ведут дела оттуда»[678]. Таким образом, Британия и Россия отказались к концу лета 1878 года от войны. 4 августа 1878 года, последовал приказ императора Александра II о выводе войск из Болгарии. Таким образом, война между Россией и Великобританией из– за Восточного вопроса так и не состоялась.

[676] Там же. Л. 48.
[677] Там же. Л. 62.
[678] Там же. Л. 73 об.

§ 3. Туркестан и Афганистан в русско-британской политике в 1878–1880 гг.

Политическая предыстория англо-афганской войны.

Отношения России и Великобритании в Средней Азии, регулировало соглашение Горчакова – Гренвиля от 1873 года, согласно которому, Бухарский эмират оказался в русской сфере, а Афганистан – в британской[679]. Это положение вещей оставалось стабильным до 1874 года, до прихода к власти в Великобритании консервативного кабинета Дизраели.

17 октября 1874 года, Дизраели направил записку министру по делам Индии, лорду Солсбери, в которой он считал недостаток информации из Азии серьёзным вопросом. В результате, лорд Солсбери, 2 января 1875 года, составил докладную записку. По мнению Солсбери, вся информация об Афганистане получалась или из Тегерана или из Петербурга, информация от туземного агента в Кабуле, являлась, по его мнению, пересказом того, что ему говорил эмир. Ввиду этого, он считал необходимым учреждение постов британских агентов в Афганистане в городах Герат, Кандагар и официального посла в Кабуле. 6 января пришел ответ Дизраели, который полностью одобрял планы Солсбери[680].

Планам Солсбери и Дизраели мешал тот фактор, что отношения Великобритании и Афганистана не были нигде чётко оговорены. Солсбери считал дружбу с Афганским эмиром основой политики в Центральной Азии, ввиду чего присутствие британских представителей в Афганистане и англо-индийские войска в пограничных Герате и Кветте виделись ему залогом добрых отношений Англии и Афганистана. Он обосновывал необходимость военного и дипломатического контроля за Афганистаном тем, что: «Мы не можем оставить ключи от ворот в руках охранника сомнительной честности, который настаивает на особых условиях своей службы, которые он не обязан строго соблюдать»[681].

---

[679] Сборник договоров… С. 113–123.
[680] *Хидоятов Г.А.* Указ.соч. С. 218–219.
[681] *Robson B.* Op. cit. P. 40.

Этим он обосновывал необходимость активизации британской политики в Афганистане.

В течении всего 1874 года он заваливал вице– короля Индии, Т.– Г. Беринга, вопросами об Афганистане, становясь всё более нетерпеливым из– за отсутствия информации о деятельности афганского правительства и сопротивляясь нежеланию правительства Индии аккредитовать посла в Кабуле[682]. Вице– король считал, что поводов для беспокойства нет, ибо русский поход в Индию есть технически неосуществимая химера. Солсбери был согласен с ним, что русский поход в Индию есть химера, но опасался возможности того, что русские будут подстрекать эмира Афганского напасть на Индию. Эмир Шер–али– Хан был весьма невысокого мнения об англичанах: «Дружба англичан – слово написанное на льду… «…» Англичане постоянно оставляют своих друзей в их несчастии на произвол судьбы»[683]. Взаимное недоверие двух стран осложняло для Англии достижение нужных ей договоренностей с Афганистаном.

Столь крупная значимость Афганистана, как буферной зоны на пути к Индии выроста в связи с положением самой Индии. Доходы от экспорта хлопка из Индии увеличились с 225 млн ф.с. в 1860-е, до 516 млн ф.с. в 1870-е. Это сохраняло значение Индии, как рынка сырья на экспорт. В 1873– 1874 гг. в Бенгалии разразился крупный голод, который повторился в Мадрасе в 1877 году[684]. Выделить помощь голодающим в должном объёме было трудно, так как вице– король Индии, вёл политику сокращения расходов бюджета индийского правительства[685]. Это увеличивало недовольство местного населения против англичан.

Поэтому, близость русских войск к Афганистану, достигнутая в ходе Хивинского и Кокандского походов 1873 и 1875–1876 гг. вызывало у англичан боязнь за своё положение в Индии. Русское имя пользовалось в Индии большим

---

[682] Ibid. P. 39.
[683] *Соболёв Л.Н.* Англо-афганская распря. С. viii.
[684] *Сидорова С.Е.* Индийский хлопок и британский интерес. Овеществлённая политика в колониальную эпоху. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 313.
[685] Там же. С. 305.

обаянием, индусы считали, что власть «Белого Царя» предпочтительнее британского владычества. Не желая терять столь выгодную для экономики страны колонию, и опасаясь потерять её в результате бунта недовольных своим положением туземцев, англичане стремились укрепить внешнюю защиту Индии. В такой ситуации, Афганистану отводилась роль вооруженного бастиона, защищающего Индию с севера.

Лорд Солсбери, хотел быть уверенным, что Индия сможет в случае вторжения с севера защитить себя. Им на имя вице– короля было выслано письмо с двумя вопросами: готово ли индийское правительство оказать помощь Афганистану, если он подвергнется чьему– либо нападению, и что было предпринято для помощи эмиру в укреплении Герата и модернизации его армии. Это письмо отражало основные опасения англичан в отношении Индии, и возможные варианты действий в случае реальной угрозы России Афганистану и Индии[686].

В 1876 году, афганский эмир отказывался принимать английскую миссию в Кабуле. Бывший в 1862–1867 гг. губернатором Бомбея, вернувшийся в прошлом году из поездки в Индию, Б. Фрей усомнился в эффективности нынешней политики Лондона на Востоке в письме на имя лорда Солсбери[687]. Командующий Бенгальской армией, лорд Робертс, слал письма о военном положении Британии в Индии главнокомандующему Индийской армией, лорду Нэпиру, в которых содержались предложения по обороне Индии от России. Лорд Нэпир передавал копии этих писем премьер– министру Дизраэли[688]. Такая бомбардировка премьер– министра и его сторонника, лорда Солсбери, письмами высокопоставленных служащих индийской администрации, отлично совпадала с планами лорда Биконсфильда. Поэтому, против Т. Беринга, сложилась довольно сильная коалиция «форвардистов», которая ждала удобного момента для того, чтобы убрать мешавшую им фигуру «инактивиста» Нотрбрука.

---

[686] Causes of Afghan war. L., 1879. P. 54.
[687] *Sir Robert of Khandagar.* Op.cit. Vol. 2. P. 86.
[688] *Sir Robert of Khandagar.* Op.cit. Vol. 2. P. 86.

После того, как Совет при вице– короле отверг предложение британского правительства об аккредитации британского посла при дворе афганского эмира[689], было принято решение заменить Нортброка Э. Р. Л. Булвер– Литтоном, графом Литтоном, человеком близким к Дизраели[690], а главнокомандующего армией, лорда Нэпира Макдальского, заменили генералом Ф. Хейнсом[691]. Этот шаг был более чем логичным с точки зрения кабинета Дизраели, когда на освободившееся место, ставилась фигура, которая должна была быть послушной воле премьера. Что из себя представлял новый вице– король Индии, лорд Литтон?

Лорд Литтон до этого служил послом в Потругалии, а об Индии имел преставление из писем, поступавших на имя Дизраели, с которыми премьер– министр его знакомил[692]. Это свидетельствует не сколько о доверии Дизраэли к Литтону, сколько о заинтересованности последнего в индийской политике. Вполне возможно предположить, что Литтон разделял точку зрения своего патрона на Афганистан и русско-британское соперничество в Азии, и выступал проводником политики Дизраэли в Афганистане. Перед отъездом из Англии, Литтон получил аудиенцию у русского посла, графа Шувалова, который напомнил ему договор 1873 года о разделе сфер влияния между двумя державами в Центральной Азии[693].

Ко времени прибытия в Индию, лорд Литтон придерживался желания превратить Афганистан в миролюбивую и сильную страну, которая будет защищать Индию от русского вторжения, фактически – осуществив план Дизраели по превращению Афганистана в буфер против России. В рамках этой политики, он продолжил добиваться у эмира принятия британского посла, чего так добивался Дизраели, но эмир отказывался, называя ряд причин. Во– первых, он не мог гарантировать его безопасность, во– вторых, он спрашивал о

689 Ibid. P. 87.
690 *Robson B.* Op. cit. P. 41.
691 *Sir Robert of Khandagar.* Op. cit. Vol. 2. P. 85.
692 Ibid. P. 86.
693 *Robson B.* Op. cit. P. 42.

возможности принять русского посла, если при его дворе будет посол Великобритании[694].

В январе– марте 1877 года прошла англо-афганская конференция в Пешаваре, в ходе которой лорд Литтон пытался получить у эмира согласие на размещение британского агента в Кабуле, и агентов в пограничных с Британской Индией городах. Но Шер– Али– хан был непреклонен. В марте уме афганский представитель на конференции, что поставило её под угрозу срыва, и британская дипломатия оказалась в тупике[695].

Опасения англичан за Индию были небеспочвенны. Необходимость иметь плацдарм в Средней Азии для вероятного конфликта с Великобританией, зрела давно. Ещё в 1863 году, Милютин считал, что демонстрации в Средней Азии могут отвлечь внимание Лондона от помощи мятежной Польше[696]. Весной 1878 года, это стало насущной необходимостью русской политики, столкнувшейся с угрозой войны с Великобританией.

На Афганистан, как на вероятное место в разрешении будущих англо-русских противоречий, Горлов указал ещё в октябре 1877 года, в донесении № 106, описывая положение Англии на Северо– Западной границе Индии. Так как Англия усмиряла в Индии на Северо–Западной границе мятеж горских племён, то Горлов считал, что не стоит давать англичанам времени до весны 1878 года, чтобы разобраться с ними, иначе её силы могут быть обрушены на Россию. Поэтому, указывая на осложнения с афганским эмиром Шер– Али– ханом, Горлов считал, что это благоприятный момент, для усиления своего влияния на Востоке[697]. Это донесение немедленно было препровождено к Туркестанскому генерал–губернатору, инженер-генералу, К.П. фон Кауфману[698].

---

694 Ibid. P. 43.
695 *Сергеев Е.Ю.* Указ.соч. С. 156.
696 *Киняпина Н.С.* Дипломаты и военные. Генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии. // Киняпина Н.С. Избранные труды по истории России XIX века. М.: СЕМ, 2015. С. 313.
697 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 242.
698 Там же. Л. 244.

Горлов сообщал, что дела на Северо–западной границе идут хуже, так как первый министр княжества Хайдарабад[699], Салар–Юнг, правивший страной ввиду малолетства раджи, получал от вице– короля, лорда Литтона оскорбление за оскорблением, ввиду увеличения требований выплат дани[700]. Поэтому первый министр княжества, стал относиться к Англии весьма плохо, что ухудшало положение англичан, рассчитывавших на поддержку индусов в будущей войне с Россией.

Так как, по замечаниям Горлова, простой народ на Востоке всегда следует за велениями своих князей, то разрыв Хайдарабадского раджи с Англией может всколыхнуть всю Индию[701]. Для Горлова подобная мысль была не нова. Ещё в рапорте от 2 (14) декабря 1875 года, за № 51 он ясно изложил свою мысль: «Вследствие такого хода дел, натуральным кажется кроме изучения всех наших берегов и наблюдения за их охранением, – обратить также внимание на изучение тех пунктов английских владений, где бы можно было в случае войны нанести Англии чувствительный вред.»[702] Ввиду этого, неудивительно, что он обратился к Индии, полагая, что можно воспользоваться недовольством индусов британским владычеством, с целью ослабить Англию восстаниями в Индии.

Ввиду этого, вполне возможно предположить, что почва для обращения взора высокопоставленных военных в сторону Афганистана уже была готова.

Весной 1878 года, в обстановке возможной войны с Англией, в письме Туркестанского генерал-губернатора, К.П. фон Кауфмана на имя Ф.Л. Гейдена, что интересам Англии в Азии можно угрожать выставкой туркестанского отряда к реке Аму–Дарье, и движением к Мервскому оазису, определяя число необходимых для этого войск в 10– 15 тысяч, и всё это зависело от расположения Афганистана[703].

---

[699] Город в центральной части современной Индии.
[700] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 269.
[701] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 269.
[702] РГВИА Ф. 431. Д. 47. Л. 61 об.
[703] Большая игра в Центральной Азии. С. 46–47.

В докладной записке помощника главнокомандующего Кавказской армией, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, князя Д.И. Святополк– Мирского, содержался план вероятной войны с Англией в Афганистане. Главная цель вероятной войны была: «Не в том, чтобы вступить в пределы английских владений и перенести войну за Инд, но в том, чтобы англичане были разбиты в самом Афганистане с двумя узкими проходами и с многолюдным враждебным населением в тылу»[704]. Однако, он предупреждал, что русская армия столкнётся с отсутствием логистики и враждебными племенами туркмен в тылу[705].

Все эти письма и записки были приняты Милютиным к сведению. На уже упоминавшемся совещании по Азии 4 апреля, было решено действовать «более осмотрительно», «сообразно с силами и средствами» [706]. Для того, чтобы осуществить эти планы в жизнь, необходимо было подготовить войска. Чем же располагали Туркестанский округ и Закаспийская область в начале 1878 года?

13 апреля, Милютин, выслал Кауфману секретное предписание, содержащее в себе подробное предписание, касаемо подготовки войск к походу в Индию. В ответ, Кауфман телеграфировал, что в округе для такого числа войск нету достаточного хорошего вооружения, боеприпасов и офицеров. Поэтому, он просил Милютина присылать из Западно–Сибирского военного округа уже сформированные части с офицерами[707].

Несмотря на имевшиеся проблемы, приказом Кауфмана от 14 мая 1878 года, были сформированы Туркестанский, Ферганский, Аму–Дарьинский и Красноводский отряды[708]. Всем войскам было велено иметь сухарный запас на 8 дней, по 2 пары сапог[709]. Однако, по телеграмме военного министра генералу

[704] Там же. С. 51.
[705] Там же. С. 53.
[706] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878 гг. С. 408–409.
[707] Там же. С. 100.
[708] Большая игра в Центральной Азии. С. 106–108.
[709] *Терентьев М.А.* Указ.соч. Т. 2. С. 434–435.

Кауфману, отряд был слишком слаб, и не мог выполнить свою задачу – занять Мерв[710].

Кауфман писал, что в округе сверхкомплектных, было 2 940 человек, а вместе с призывниками осени 1877 года было 8 500 человек и 3 100 приходилось на Западно– сибирский округ. По подсчётам военного министра, общее число войск при мобилизации, достигло бы 12 000 человек с 5 400 запасных Западно–сибирского округа[711]. Итого, по подсчётам Кауфмана, для похода в Афганистан формировались 52 роты, 23 сотни при 46 орудиях, общим числом в 12 500 человек. В качестве резерва формировалось 15 рот и 2 батареи[712].

Для сравнения, в Хивинском походе 1873 года участвовали 21 рота, 7 сотен при 18 орудиях, числом в 4 687 человек. Резерв в Туркестанском округе составил 26 рот и 14 сотен при 3-х крепостных артиллерийских ротах и 10 полевых орудиях[713]. В Кокандском походе 1875 года, участвовали 16 рот, 8 сотен при 4-х батареях[714]. Таким образом, вероятный поход в Афганистан, потребовал от Туркестана наивысшего напряжения мобилизационного потенциала.

В ходе этих военных приготовлений, военный губернатор Ферганской области, генерал-майор Абрамов, писал Милютину, что если отряд числом в 8 рот, 5 сотен, 8 орудий, штабом и прислугой, числом в 2 300 человек при 1 500 лошадях, выйдет на Кашгар, то ему потребуется 6 900 пудов сухарей на человека в день, ячменя (дневная порция в 10 фунтов) – 18 000 пудов, и круп (дневная порция 3/30 гранец) – 1 725. Итого, разного продовольствия потребовалось бы не менее 26 625 пудов. Только на это потребовалось бы 4 437 лошадей, ещё 470 лошадей на лазарет, боеприпасы и хозяйственные принадлежности, итого – 4 900 лошадей.

Таким образом выходило, что отправка отряда в 2 000 человек, требовала двух обозных транспортов, и оба обошлись бы в 101 000 рублей, по расчётам

---

[710] Там же. С. 435.
[711] Большая игра в Центральной Азии. С. 95–96.
[712] Там же. С. 111, 109.
[713] Там же. С. 149–150.
[714] Там же. С. 350.

генерала Абрамова [715]. Это прекрасно показывает правильность опасений Святополк– Мирского, о неорганизованности логистики для таких далёких походов.

К 15 мая, все приготовления, по словам Кауфмана были закончены, но выступление войск, по его словам, зависело от позиции Афганистана и Бухары по отношению к России[716]. О важности положения Афганистана в будущем походе, писал Милютин Кауфману: «Установление с ним (Афганистаном) дружественных отношений, испугает Англию больше, чем всякие движения наших отрядов»[717]. Об этом же писал Кауфману товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс: «Посылка генерал-майора Столетова к эмиру Афганскому должна иметь главной целью поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению попыткам из утвердиться в Афганистане» [718]. Также, в задачи Столетова входит расположить эмира по отношению к России, и показать, что мобилизованные войска в Туркестане есть сила дружественная по отношению к Афганистану. Таким образом, судьба похода ставилась в зависимость от успеха миссии Столетова.

Назначение всех военных сборов в Туркестане, Милютин обозначал: «Вообще, цель действий отрядов, прикрытие наших пределов и демонстрация»[719]. Кауфман, 15 мая телеграфировал Милютину, что он отправит Столетова в Кабул, чтобы: «поставить категорический вопрос кабульскому эмиру, о том, какие ему угодно будет установить отношения с нами» [720]. В случае отказа, Кауфман полагал поддержать собранными войсками Абдур– Рахман– хана, как претендента на престол. Таким образом, целью предписывался сам факт вхождения в сношения с эмиром, что должно было показать угрозу Англии. Кауфман видел возможность достижения этой цели в категоричности действий

[715] Большая игра в Центральной Азии. С. 432–433.
[716] Там же. С. 109.
[717] Там же. С. 435.
[718] Там же. С. 102.
[719] *Терентьев М.А.* Указ.соч. Т. 2. С. 435.
[720] Там же. С. 438.

посольства, и возможно – посадить эмира, который бы пошёл на соглашение с Россией. Столетову, Кауфман дополнительно сообщил, что ещё одна важная задача его отряда – это съёмка маршрута[721]. Это указывает на то, что с будущим театром боевых действий в штабе округа не были вообще знакомы.

24 мая, Кауфман телеграфировал Милютину, что отряды готовы выступить 20 июня. Ферганский отряд начал движение 16 июня и сразу же столкнулся с большими трудностями. Путь войскам преграждала горная цепь, а перевал Кара–Казык, был заметен снегом. На расчистку снега были отправлены туземцы, но метель 17 числа уничтожила всю работу. Ввиду этого, Абрамов, воспользовавшись тем, что два следующих дня были без осадков, переправил через перевал 2 роты и инженерный парк, а сам с главными силами двинулся на Ош. К 20-м числам, все отряды прибыли в Самарканд[722].

Однако, им не суждено было продолжить поход. 9 июля была получена телеграмма Милютина о том, что ввиду изменившихся политических обстоятельств, наступление отрядов будет отменено, и ожидается Высочайший указ о роспуске войска[723].

28 мая (9 июня), в Кабул была отправлена миссия генерал– лейтенанта Столетова, которая прибыла в город 29 июля (10 августа)[724]. Целью миссии, была разведка настроений в Афганистане, при дворе эмира, положения англо-индийской армии, её потенциала и Афганистана как театра военных действий[725]. Успех миссии превзошёл все ожидания – 9 (21) августа, Столетов и эмир Шер–Али– хан составили договор дружбе между Россией и Афганистаном, согласно которому Россия признавала суверенитет Афганистана и была обязана оказывать ему финансовую, дипломатическую и материальную помощь, а в случае вторжения третьей державы на территорию страны – и военную[726].

---

[721] *Терентьев М.А.* Указ.соч. Т. 2. С. 441.
[722] Там же. С. 436–438.
[723] Там же. С. 439.
[724] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 508.
[725] Там же. С. 507.
[726] Там же. С. 438.

По словам Горлова, эта весть вызвала небывалый ажиотаж среди британских политиков: «Занятие Афганистана в принципе решено, – английское правительство узнало с радостью о появлении русской миссии в Кабуле, предлоги для покорения Афганистана был найден»[727].

Для начала, англичане решили всё– таки прислать официального посла в Афганистан, генерала Раблейна. Так как генерала сопровождал большой вооруженный эскорт, Эмир Шер– али заявил, что не позволит этому военному отряду войти в свои владения. При этом, писал Горлов, лорд Биконсфильд участвовал в этом весьма неохотно, опасаясь, что новое обострение Восточного вопроса совпадет с обострением проблем вокруг Афганистана, что в свою очередь, сделало бы Англию в Индии полностью беззащитной перед рисками русской угрозы[728].

Правота Горлова подтверждается перепиской Биконсфильда за август 1878 года, в которой видно, что турецкие дела, и выполнение решений Берлинского конгресса интересовали его в первую очередь[729]. Ввиду отсутствия интереса у лорда Биконсфильда, пресса не сильно усердствовала в Афганском вопросе, а общество было против зимней кампании, памятуя события зимы 1841 года.

По первоначальному плану, составленному генералом Хайенсом, войска должны были оккупировать Курамскую долину и Кандагар. В штабе был сделан расчёт войск, нужных для этой военной операции. Для Курамской долины потребовалось бы 350 индийских и 150 британских всадников, 700 британских и 2 500 индийских солдат, рота сапёр и 12 орудий, всего 4 030 человек. В отношении Кандагара, главнокомандующий решил, что первый эшелон войск составят силы Кветты, 1 808 человек. В итоге, кандагарская колонна составила 2 дивизии. В первую вошли 1 400 британских и 3 000 индийских солдат, 700 индийских всадников, роту сапер, полевой парк с телеграфом и понтонёрами и 27 орудий, всего – 6 314 человек. Вторая дивизия составила 1 400 британских и

[727] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 75.
[728] Там же. Л. 76.
[729] *Bulcke.* Op.cit. Vol. 6. P. 371–376.

3 000 индийских солдат, 700 британских и 700 индийских всадников. Всего, силы двух дивизий насчитывали, примерно 12 000 человек, не считая резерва в 6 000 человек[730].

В Петербурге, ситуация осложнялась тем, что эмир Шер– Али прислал ответное посольство с просьбой принять Афганистан под русское подданство и заявил, что не будет принимать англичан в Кабуле без разрешения Кауфмана. Поэтому, Кауфман вытребовал Столетова из Кабула для того, чтобы тот прибыл в Россию с докладом о местной обстановке[731].

Однако, без посла в Лондоне, графа Шувалова было трудно что– то решать, поэтому совещание в отношении Афганистана состоялось лишь 18 октября, в Ливадийском дворце, на котором присутствовали управляющий министерством иностранных дел Н.К. Гирс, военный министр, граф Милютин, генерал Столетов и сам Шувалов. Было решено, чтобы Кауфман советовал эмиру действовать осторожно и избегать войны, но одновременно решили передать ему партию старых игольчатых ружей из складов Туркестанского округа. Граф Шувалов обещался войти в переговоры с английским правительством, дабы отклонить войну в Афганистане[732].

При том общественное мнение Англии считало, раз Россия занята в Турции, и не желает вмешиваться в военные действия, то это удобный момент для того, чтобы разобраться с Афганистаном, даже возникла странная ситуация – с одной стороны общество было не против войны с Россией, а с другой желало, чтобы Россия не вмешивалась в войну с Афганистаном[733]. Вскоре, в донесении от 28 сентября (10 октября) № 29 Горлов писал, что газета «The Times» начала говорить о необходимости оборонительной войны против Афганистана, так как из Оренбурга начали строить железную дорогу до Герата. При этом правительство в вопросе о войне полностью поддержала оппозиция, и ожидается

730 The Second Afghan War 1878–1880. Abridged Official Account. L., 1908. P. 45.
731 *Милютин Д.А* Дневник 1876–1878. С. 473.
732 Там же. С. 479.
733 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 76.

крупный займ для войны. Горлов в том же донесении писал о дорогах в Афганистане и прилегающих к нему местностях, которые были обозначены на карте составленной британским Генеральным штабом[734].

Уже стали делаться первые назначения – полковник Ч. МакГрегор, известный картограф был назначен начальником штаба экспедиционного отряда. Планы Англии на эту войну пока были: занятие Джалалабада, долины р. Курам вплоть до Кветты.[735] Однако, как сообщалось в следующем донесении № 27, главной целью войны была изоляция Афганистана от России, дабы лишить её путей действия на Индию. В департаменте генерал-квартирмейстера, тем временем, как выяснил Горлов, шла разработка возможных операций к северу от Кабула, а в Индии в земли Кяфирстана были отправлены британские агенты, которые за деньги побуждали местные племена напасть на земли афганского эмира, рассчитывая вызвать смуту в самом Афганистане и тем самым подорвать его силы[736]. Всё это показывало, что англичане готовятся к серьёзной войне, видя своим противником не только сам Афганистан, но и Россию, так как планировалось не только занять основные перевалы, но и воевать в Афганском Туркестане.

В Индии началось развёртывание войск. В Пешаварском округе было мобилизовано 33 000 человек, из них 28 000 туземцев[737]. Донесение от 21 октября (2 ноября) № 33 сообщало, что против Афганистана сосредоточено 3 крупных военных отряда. Армию Пешаварской долины в 16 000 человек при 66 орудиях, армию Курумской долины в 6000 человек при 24 орудиях и отряд в Кветту из 12 000 человек при 60 орудиях, всего 34 000 человек при 150 орудиях,

[734] Там же. Л. 86. Генеральным штабом, Горлов именует департамент британского военного министерства Department of the Quartermaster-General (отделение Генерал-адъютанта), выполнявший функции аналогичные генеральным штабам континентальных армий. Поэтому, в нижеследующем тексте будет употребляться термин «Генеральный штаб».
[735] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 88.
[736] Там же. Л. 83.
[737] Там же.

и они располагали готовым осадным парком, причём треть войска состояла из европейцев[738].

В сравнении с силами, которые планировалось выставить летом – это было существенное увеличение войск на 2/3. Противостоящую им армию Афганистана оценивали в 50 400 человек при 200 орудиях. При этом, цель войны, по подчинению Афганистана, оставалась неизменной. Также учитывался риск быть втянутыми в возможное военное противостояние с Россией и дать ей повод к захвату Бухары. Одновременно, правительство Англии начало раскачку общественного мнения в пользу войны, уверяя, что Россия жаждет заполучить Афганистан, как ключ к богатствам Индии[739].

Донесение № 34 от 26 октября (7 ноября) 1878 года, сообщало, что в Англии решено употребить все усилия для склонения эмира Шер– Али– хана к миру, но в случае неудачи переговоров сделать форменное объявление войны и немедленно занять Хайберский перевал. Миролюбие Англии в Центральной Азии проистекало от того, что письма Индийского правительства были наполнены требованиями денег, оружия, войск, средств на постройку железных и иных дорог, поэтому Лондон предпочитал мир, чем затратную войну, тем более затруднения афганской политики стали угрожающими для положения кабинета лорда Биконсфильда, которому предрекали Афганистан, как Балканы для Горчакова[740]. При этом, Горлов указывал, что положение затруднительно, но не так трагично ввиду того, что в Индии строится масса железных дорог и мостов, более того, готовится отряд из 4-х полков пехоты и 3-х кавалерии при 2-х горных батареях под командованием полковника Кеннеди для похода на Герат. При этом ухудшающаяся ситуация на границах колоний в Южной Африке заставляла Лондон выделять войска и офицеров из метрополии[741].

[738] Там же. Л. 104.
[739] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 104.
[740] Там же. Л. 107.
[741] Там же. Л. 108.

Все эти затруднения англичан Горлов предлагает использовать на пользу России: «Из всего вышеизложенного, Ваше Сиятельство, извольте упомянуть, как важным кажется в видах улучшения наших дел в Турции – недопущения миролюбивого окончания затруднений, какие англичане имеют в Афганистане и употребление, без потери времени, всей усилий, чтобы новые переговоры со стороны англичан остались безуспешными»[742]. В этой фразе – вся суть русской политики с Англией на годы вперёд. В случае ближневосточных затруднений использовать проблемы англичан в Центральной Азии, дабы они были отвлечены туда и не смогли воспрепятствовать каким– либо русским намерениям в Турции или на Балканах. В заключение, агент сообщал новость, что английский военный отряд перешёл границу с Афганистаном, не встречая сопротивления[743]. На докладе стояла помета: «Доложено Его Величеству 7 ноября»[744].

Чтобы понять, мог ли Милютин воспользоваться советом Горлова, стоит обратиться к его дневнику и обратить внимание на разговор 8 ноября, состоявшийся между императорским комиссаром Временного русского управления в Болгарии, генерал-адъютантом, генералом от кавалерии, князем А.М. Дондуковым– Корсаковым, Д.А. Милютиным, Н.К. Гирсом и министром императорского двора и уделов, генералом от инфантерии, графом А.В. Адлебергом, о поводу переговоров о Балканах. Депеши из Вены сообщали, что австрийский канцлер Н. Андраши и британское правительство упрекало Россию в неисполнении статей Берлинского трактата, но не замечало неисполнение его Турцией: «Мы знаем секретными путями, что английский посол в Константинополе имеет инструкции настойчиво склонять Порту от подписания этого отдельного с нами договора, без которого мы со своей стороны не можем считать мир с Турцией окончательно заключённым»[745]. Также англичане

[742] Там же.
[743] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 108.
[744] Там же. Л. 105.
[745] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878 гг. С. 483.

оказывали влияние и на румынское правительство, ввиду передачи Румынии Добруджи[746], а в Константинополе и слышать не хотели о передаче Черногории Подгорицы. Как характеризовал ноябрь– декабрь 1878 года Милютин: «В политике тот же застой как и прежде»[747]. То есть русское правительство не имело средств и возможностей что– то предпринять.

Донесение от 3 (15 ноября) за № 36, содержало в себе более ценные сведения, полученные Горловым от своих агентов – британское правительство стало слишком часто заговаривать об «исправлении границы», что в их устах означало «покорить Афганистан»[748]. Для подготовки общественного мнения Англии к новой войне, лорд Биконсфильд обратился к прессе. Как писал Горлов в донесении № 38 от 7 (19 ноября), что раздражение против России достигло в Англии чрезвычайных размеров, и даже лето 1877 года ему казалось относительно спокойным: «Война в Афганистане, по общему мнению, есть война против России»[749].

Военные имели причины желать этой войны. Как отмечал Горлов, для английского офицерства и аристократии война воспринималась как некая большая охота, ибо энергия физического развития английских джентльменов – охотников, спортсменов, путешественников, требовала своего выхода, и нашла его в войне[750]. Правдивость слов Горлова в этой оценке можно найти в общем представлении о том, каким должен быть английский джентльмен. Это человек, который обладает хорошей физической закалкой, склонностью к спартанскому образу жизни и страстью к игре, как правило – спортивной. Эти качества превращали английских дворян на военной службе в физически крепких, стойких духом и выносливых офицеров[751]. Генеральный Штаб был намерен показать Германии своё мастерство на войне. Поэтому, новая война уже стала

[746] Там же. С. 483–484.
[747] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878 гг. С. 488.
[748] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 112 об.
[749] Там же. Л. 115 об.
[750] Там же.
[751] *Вайнштейн О.Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2017. С. 172–174.

повсеместным желанием в Британии осени 1878 года. Аргументами в её пользу, Горлов указывал на фразу, сказанную лордом Биконсфильдом на обеде у Лондонского лорда– мэра, что Англия должна установить «научную границу»[752].

Поэтому политические затруднения стали представляться лишь досадными препятствиями на пути заветного желания – войны. В этом же донесении, Горлов обобщал эволюцию британских планов войны в Афганистане, которые перешли от занятия некоторых стратегических пунктов на юге, до полного отделения страны от русских коммуникаций в Туркестане, а теперь, было признано необходимым занять Кандагар, который был сочтён ключом ко всему Афганистану. При этом сохранялась необходимость занятия Джелалабада в Хайберском перевале, и Кветты в Болонской долине[753]. Горлов в донесении № 44 писал, что раздражение против России стало всеобщим, в прессе строились планы вовлечения Персии в англо-турецкий оборонительный союз, войны против России на Кавказе. Все эти проекты для Горлова служили доказательствами того, что если пресса начала настраивать общественное мнение против России, то правительство хочет войны[754].

Для этого были выделены большие силы, список которых Горлов прислал в донесении № 39 от 10 (22) ноября, который уточнял предыдущие данные. Армия долины Кветты, под командованием генерал– майора Биддульфа насчитывала 5 260 человек, из них – 850 европейцев, армия Мультанской долины под командованием генерал-лейтенанта Дональда Стюарта насчитывала 6 330 человек из них европейцев – 2 530 человек.[755] Отдельно, Горлов рассматривал амию Пешаверской долины. Передовой пост оценивал в 2 170 человек, подвижную колонну под командованием генерал-майора Росса в 5 680, резервные части генерал-майора Мода в 5 350, резерв в Равал–Пинди – в 1343 человека, итого, армия Пешаверской долины вобрала в себя, по подсчётам

[752] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 115 об.
[753] Там же. Л. 116 об.
[754] Там же. Л. 123.
[755] Там же. Л. 119.

Горлова 15 361 человека. Курамский отряд генерал–майора Ф. Роберста насчитывал 5 776 человек, включая гарнизоны. К таблицам численности дивизий, прилагался комментарий об орудийном составе батарей, список командующих, цели назначения частей[756]. Подводя общий итог, Горлов оценил армию Кветты в 12 590 человек, армию Пешавера в 16 364 человека и Курамскую армию в 5 776 человек, общим числом в 34 730 человек. Именно такая армия должна была вторгнуться в Афганистан в ноябре 1878 года.

4 октября, было решено по указу вице– короля разделить силы на 3 отряда: Курамская колонна генерал-майора, лорда Ф.Робертса, Мультанская дивизия генерал-лейтенанта Д.–М. Стюарта, и армию Кветты под командованием генерал-майора А.С. Биддульфа [757] . Причём по расчётам генерал-квартирмейстера армии вторжения на 19 ноября: армия Курамской долины насчитывала 6 665 человек при 18 орудиях, Мультанская армия – 7 304 человека при 60 орудиях, армию Кветты – 5 560 человек при 18 орудиях. Итого, 35 708 человек, при 144 орудиях.[758] Сам лорд Робертс указывал свои силы в 1345 англичан и 3 990 индусов, общим числом – 5 335 человек при 13 орудиях.[759] В целом, Горлов приблизился к точной цифре оценки войск, с определёнными погрешностями в 100–200 человек.

Эти военные приготовления к войне подействовали на Петербург. Но новом Особом совещании, было решено дать генералу Кауфману дозволение отозвать посольство из Кабула.[760] В Лондоне графу Шувалову были даны инструкции в том, что независимость Афганистана будет сохраняться.[761] Милютин в письме Кауфману сообщал, что: «Поддержание эмира афганского в борьбе с Англией было бы уместно только в том случае, если б разрыв с Англией сделался бы неизбежным. Это и имелось ввиду в начале текущего года, когда мы готовились

[756] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 120 об. – 121.
[757] The Second Afghan War... P. 8.
[758] Ibid. P. 18.
[759] *Sir Robert of Khandagar.* Op. cit. Vol. 2. P. 127.
[760] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 489.
[761] Большая игра в Центральной Азии. С. 248.

к войне. Теперь же не может быть и речи о каких–нибудь активных мерах с нашей стороны, и если эмир, решившись на войну с Англией, рассчитывает на материальную нашу поддержку, то полагаю, что не мы, не посольство наше в Кабуле ввели его в подобное заблуждение»[762]. Так как Россия не достигла своей цели присылкой миссии Столетова в Кабул – оказать давление на английскую политику, дабы получить преимущества на Берлинском конгрессе, война России и Англии не состоялась, то цель миссии оказалась исчерпанной. Ввиду того, что факт её пребывания в Кабуле обострял русско-английские отношения и угрожал новой войной, было решено пожертвовать новоприобретённым союзником, ради сохранения мира.

Подавляющее большинство донесений за декабрь 1878–1880 гг. были посвящены действиям английской армии в Афганистане. Рапорт от 1 (13) декабря № 46 сразу сообщал известия с театра войны в Афганистане[763]. Россия, с зимы 1878–1879 гг. была поставлена в щекотливое положение перед афганским эмиром. С одной стороны, она обещала ему помощь в защите независимости страны, с другой стороны, никак не хотела конфликта с Англией. Поэтому, вторжение Англии в Афганистан вызвало ряд сложностей. Обратимся к дневнику военного министра от 24 декабря 1878 года. Он получил известие, что эмир афганский Шер– Али выехал из Кабула и просит разрешения прибыть в Петербург и просить русского царя о помощи, поэтому пришлось давать Кауфману инструкцию, чтобы тот отклонил Шер– Али от такого поступка[764].

Как записал в дневнике Милютин от 4 января 1879 года, о совещании в присутствии императора, по поводу депеш Кауфмана о Шер–Али: «Генерал Кауфман придаёт особенную важность прибытию эмира афганского в русскую столицу и видит в этом факте знамение русского влияния на Востоке. Канцлер и Гирс не разделяют этого взгляда и настаивают, чтобы не дозволять Шир– Али продолжать путешествие. Я высказал мнение, что можно, конечно, под какими–

[762] Там же. С. 249.
[763] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 131.
[764] *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 490.

нибудь предлогами замедлить его путешествие, пока граф Шувалов не выяснить намерений Англии относительно границ её новых Индийских владений, но что было бы невыгодно для нас теперь же, безусловно, оттолкнуть владетеля Афганистана кинувшегося под крыло России. Если бы мы получили категорическое обязательство от английского кабинета не распространять ост–индийской границы к северу от Гиндукуша и сохранять независимость Афганистана, если б мы могли устранить всякие сомнения насчёт враждебных против нас планов Англии, то, конечно, лучше избегнуть всякого нового повода к раздражению нашей соперницы на Востоке. Если же напротив того, окажется необходимым приготовиться к рано или поздно разрыву с Англией, то было бы нерасчётливо прервать начавшиеся связи с Афганистаном». Было решено задержать эмира до выяснения намерений Англии касаемо Афганистана: «особенно же степень достоверности полученного от генерала Горлова известия о предположенной новой границе Ост– Индийских владений до самой реки Аму»[765].

По итогам совещания, 11 января, одновременно из Петербурга были высланы два письма Кауфману, от Милютина и князя Горчакова, где оба сановника сообщили своё намерение, отказаться от поддержки афганского эмира[766]. Кауфман, несмотря на свою позицию, что Россия должна выполнить свои обязательства по заключенным Столетовым договору, вынужден был подчинится. 9 февраля, эмир Шер– Али умер в пути,[767] и тем самым, его смерть сняла с Петербурга все обязательства по вышеупомянутому договору.

Англо-афганская война: кампания 1878–1879 гг.

Рапорт военного агента из Лондона от 1 (13 января) № 1 1879 г. сообщал первые сведения о начавшихся боевых действиях. Вторжение в Афганистан, началось еще в ноябре 1878 года.

---

[765] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 2223.
[766] Большая игра в Центральной Азии. С. 271–276.
[767] *Терентьев М.А.* Указ.соч. Т. 2. С. 537.

Горлов получал разные сведения от своих корреспондентов в Англии, и на их основе составил краткий очерк кампании до 7 января включительно, сам текст рапорта сопровождался таблицами войск с указаниями мест квартирования, и составами на момент войны. К рапорту прилагалась карта с дислокацией военных частей и направлениями их действий[768]. Карта была важна, так как указанные на ней места квартирования войск, отличались от тех, что были указаны в газетах, в частности, в прессе не упоминалось о некоторых пограничных отрядах, отправленных на фланги действующей армии. Таким образом, Горлов абсолютно не принимал прессу как источник в этой ситуации, сравнивая официальную информацию с конфиденциальной, что приводило к выводу, что информацию о войне требуется добывать только через своих корреспондентов.

Число войск на афганской границе он оценивал, как 38 000 человек, а вместе с остальными отрядами – в 40 000 человек. Далее, он переходил к описанию позиций колонн английских войск. Аванпосты колонны генерала Робертса достигли Пешавара, а Курумская долина и Хост, были объявлены Робертсом присоединёнными к английским владениям[769]. Рапорт от 12 (24) января сообщал, что от агента N, Горлов получил более подробный план войны в Афганистане вместе с картой. Войска должны был наступать на Джелалабад таким образом, чтобы центр и левое крыло вышли к Герри– Руд и заняли Боланский и Гирдшидский перевалы. Левый фланг армии выдвигался на Герат, центр на Майванд и Когастан– Бабу, а правый на Боланский и Гирдшакский перевалы[770].

Для выполнения этого плана, британские войска должны были занять несколько пограничных провинций, дабы обеспечить тыл и фланг левого крыла. Вкупе с предыдущей информацией, это подтверждало первоначальные предположения – англичане стремятся занять господствующие перевалы и контролирующие их пункты в Афганистане. Афганская армия и ряд племён

[768] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 1.
[769] Там же. Л. 2.
[770] Там же. Л. 21.

слабо сопротивлялись, часто их мир покупался золотом у племенных старейшин[771]. Сначала, афганцы легко оставляли свои позиции без боя, бросая орудия[772]. Поэтому англичане без особого труда продвинулись вперёд к Герату и Кандагару, так как англичане полагали, что если Герат есть ключ к Афганистану, то Кандагар – замок от Герата[773].

Исполнение плана зависело от состояния действующей армии. Горлов в своих донесениях обратился к организации тыла войск и пришёл к выводу, что они обращал была поставлена плохо, заведующий интендантской частью, полковник МакГрегор не успел её наладить, поэтому солдаты зачастую не получали пищи в течении 36, а то и 48 часов. По воспоминаниям лорда Робертса, проблема была в большом падеже вьючных животных и плохой организации обоза, ибо правительство забросило какие– либо мероприятия по организации транспорта, поэтому в начале войны во всех управлениях царила путаница. Поэтому, прибывшее громадное количество верблюдов, мулов и быков оставались без надлежащего присмотра, часть из них совершенно не годилась, поэтому начался большой падёж вьючных животных[774]. В справке об англо-афганской войне, составленной в 1885 году, указывалась цифра в 60 000 погибших верблюдов, которых заменяли пони, ослами, мулами и быками породы зебу[775]. Массовость применения верблюдов заключалась в том, что они были самыми доступными вьючными животными, но крутые подъёмы и каменистые горы, где располагались войска, были для них труднопроходимыми[776].

При движении обозов не было принято никаких правил предосторожности, а колонны войск узнавали о близости неприятеля только тогда, когда тот сам открывал по ним огонь[777]. Причём войска без охранения оставались не только на

[771] Там же. Л. 5 об.–6.
[772] *Sir Robert of Khandagar.* Op. cit. Vol. 2. P. 130.
[773] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 6.
[774] *Sir Robert of Khandagar.* Op. cit. Vol. 2. P. 123.
[775] РГВИА Ф. 451. Д. 26. Л. 3.
[776] *Duke J.* Recollection of the Kabul Campaign 1879–1880. London, 1883. P. 2.
[777] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/297 (1879). Д. 1. Л. 3.

марше, но и на биваках, горцы часто делали вылазки, в ходе которых грабили и убивали, в частности слуг – погонщиков и возниц.[778] Артиллерийские батареи в отряде Робертса, имели неисправные механизмы, что затрудняло их использование[779]. Все это указывало на весьма скверную организацию войск, в частности – обеспечения его всем необходимым, от техники до провизии.

Однако, значительные затруднения для продвижения войск и обозов, были вызваны дождями, которые начались в марте. Они размывали дороги и разрушали мосты, чем сильно замедляли движение войска.[780] Этот рапорт Горлова, вместе с картами, был отправлен туркестанскому генерал-губернатору Кауфману, на письме стояла помета – секретно[781]. В целом, сообщения Горлова о текущей войне, касались, в основном, перемещений английских войск, их числа, организации, снабжения, и влиянию их действий на политический расклад в Афганистане. Он мало уделял внимание тактике войск, ходу отдельных сражений, и он не давал оценок общей стратегии англичан, предпочитая критиковать плохую организацию войск, видя в этом подтверждение своих предыдущих наблюдений за армией метрополии, делая вывод, что британская армия – это слабый противник, столкновение с которым русской армии не будет грозить серьезными последствиями.

Все эти сведения Горлов добывал, будучи в Париже на лечении. Своё пребывание в столице Франции он объяснял тем, что в Англии посещение заводов, арсеналов, казарм и складов сделалось совсем невозможным, в прессе перестали публиковать сведения с театра войны, ввиду секретности данных, а ряд его агентов в Англии не могли встречаться с ним лично. Поэтому Париж оказался весьма удобным местом для ведения наблюдения за британской армией[782]. Ввиду этого, Горлов запросил Обручева, чтобы разрешить ему оставаться в Париже как можно дольше. Обручев оповестил об этом Милютина

[778] Duke J. Op.cit. P. 8.
[779] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/297 (1879). Д. 1. Л. 4 об.
[780] Duke J. Op.cit. P. 6.
[781] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/297 (1879). Д. 1. Л. 9.
[782] Там же. Л. 12–15.

в письме, а на полях письма стояла помета Милютина, дозволяющая это[783]. Обручев направил письмо Горлову, в котором сообщал волю министра о разрешении продолжать свою службу находясь в Париже[784].

В следующем рапорте от 24 января (6 февраля), сообщалось, что генерал Робертс едва избежал полного уничтожения, так как вся страна между отрядами генералов Стюарта и Брауна находилась в руках туземцев. Подвоз припасов для кандагарского отряда встречал большие затруднения, ввиду медленного продвижения обозов, и отсутствия подножного корма для обозных верблюдов, поэтому припасы поставлялись крайне медленно. Эти первые трудности вызвали некоторое смятение в Военном совете при вице– короле Индии, лорде Литтоне, так как англо-индийская армия без снабжения и обозов испытывала трудности в стране, где им пришлось столкнуться с партизанской войной в горах[785].

В то же время, Англия столкнулась с проблемами в Капской колонии, на Юге Африки, где была не окончена борьба с племенем зулусов. Британия владела Капской колонией с конца XVIII века, администрация колоний проводила политику покровительства по отношению к чернокожему населению, рассматривая их как относительно полноправных подданных короны. Политика равноправия рас в колониях была вызвана ввиду усиления влияния аболиционистов в метрополии, и желания наладить мирные отношения с местным чернокожим населением, что давало возможность избегать затратных и кровопролитных войн с ними[786].

Такой политикой, англичане вызвали недовольство буров, белых потомков голландских колонистов, которые сочли подобную политику вмешательством в свои внутренние дела. В 1816 году было крупное восстание буров против британского владычества, а с принятием закона 1833 года об отмене рабства на

---

783 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/297 (1879). Д. 1. Л. 20.
784 Там же. Л. 21.
785 Там же. Л. 22.
786 Аболиционисты – сторонники отмены рабства. *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи. 1781-1997. М., 2010., *C. Norris S.L.* The South African War 1899–1900. L., 1900. P. 5.

территории Соединённого Королевства, в июне 1837 года буры начали массовое переселение на северные, ничейные территории – Великий Трек, в ходе которого были заселены земли между реками Оранжевая и Лимпопо, на которых были основаны Оранжевое свободное государство и Трансвааль, в 1848 и 1850 годах, соответственно[787].

Также буры заселили юго– восточное побережье континента между Мозамбиком и Капской колонией, провозгласив там государство Наталь, аннексированное Британией в 1842 году, а после ряда столкновений с северными бурскими республиками, в 1852 году, в Претории, была подписана Сандриверская конвенция, по которой Лондон предоставлял бурам полное самоуправление в их внутренних делах, право буров на свободную эмиграцию в республики, прося взамен лишь соблюдение права свободной торговли и отмену рабства в этих государствах[788].

Так как эти земли издревле были заселены чернокожими племенами, среди которых самым сильным в военном отношении были зулусы, то британцы и буры жили в состоянии перманентной войны с ними. Попытка правительства Трансвааля, присоединить к себе «спорные территории» на левом берегу пограничной с зулусами Блад–ривер, попытавшись 2 августа 1876 года, взять штурмом резиденцию короля зулусов Секукуни, однако штурм окончился провалом[789]. Потери, понесённые бурами, ослабили республику и поставили под угрозу безопасность Наталя и Капской колонии. Поэтому, в апреле 1877 года, республика была аннексирована Британией[790].

Дальнейшие события, приведшие к войне с зулусами, Горлов излагал в рапорте № 11 от 5 (17) февраля. Ввиду того, что между колониями и покорёнными республиками образовалась независимая территория, населённая негритянскими племенами, англичанами было решено занять и эти земли. В

[787] *Norris S.L.* Op.cit. P. 56.
[788] Ibid. P. 7.
[789] Narrative of the Field Operations connected with the Zulu War of 1879. L., 1881. P. 6.
[790] Ibid.

декабре 1877 года, была предпринята попытка покорить земли племени Галека, силами отряда полковника Гриффитса и контингентами из союзного племени финго, которая кончилась неудачей ввиду недостатка сил. Вторая экспедиция полковника Кеннингхэма, силами 6 000 человек, костяк которых составили силы 24 и 88 полков, также началась неудачно – поражение в большом сражении, нехватка сил. Подкрепления из Капской колонии, в виде резервных частей 24 и 90 полков, помогли завершить покорение края. По словам Горлова, этот успех привёл англичан к мысли, что таким же образом можно покорить и племя зулусов[791].

По данным Горлова, комиссар Капской колонии, Б. Фрей, под предлогом улаживания пограничных конфликтов начал переговоры с королём зулусов Кечевайо (у Горлова – Сетевайя), в ходе которых от него было потребовано передать англичанам некоторые земли, в т.ч. гавань Святой Люсии на побережье Индийского океана (с целью получить удобный пункт связи с Наталем), принять при себе британского резидента. Кечевайо, отверг британские условия, сочтя их унизительными и в свою очередь предлагал выплатить денежную компенсацию, но его предложение было отвергнуто. 11 января, в Зулуленде начались боевые действия[792].

По данным комиссара Капской колонии, Б. Фрея, на январь 1879 года, силы колонии Наталь, под командованием генерал-лейтенанта Ф. А. Тезигера, барона Чермсфорда (у Горлова – Кимельфорда) насчитывали 6 600 человек[793]. В начале января 1879 года, 4 колонны войск пересекли границу Наталя и земель зулусов, проходившую по р. Тугела. Горлов оценивал силы лорда Чемсфорда насчитывали 14 000 человек, половина из которых была англичанами, половина – неграми. Белые подразделения включали в себя роты 24 и 90 пехотных полков

[791] РГВИА Ф. 401 Оп. 3/927 (1879). Д. 1. Л. 4243.
[792] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 1. Л. 43 об.
[793] *Free B.* Afghanistan and South Africa. A letter to Right Hon. W.E. Gladstone. L., 1881. P. 13.

и ополчения из местного белого населения, по его словам – людей абсолютно невоенных[794].

При войске был огромный обоз, состоявший из фургонов, запряжённых быками, для которого не было организовано никакой охраны. Лорд Чемсфорд, писал, что контролировать дорогу, с длинной линией фургонов, совершенно невозможно. При этом, гористая местность вокруг дорог, покрытая зарослями алоэ, мимозы и густым кустарником, представляли собой прекрасное укрытие для врага[795]. Ввиду этого, Горлов был прав в своей оценке: «Особенно трудны в этой войне сообщения и снабжения, это также худо организовано и в Индии»[796]. О скверной организации обозов в Индии, можно было видеть выше. Если вспомнить то, что именно тыловая организация и плохое состояние обозов в армии метрополии виделись для Горлова одним из главных недостатков британской армии, то теперь это отражалось на состоянии войск в колониях.

22 января, у местечка Изандлвана, состоялось сражение частей генерала Чермсфельда и зулусского вождя Кетчвайо. По словам зулусских воинов, в этой битве англичан было трудно убивать, а бежавших с поля боя вовсе не было. Несмотря на храбрость британских солдат, сражение было англичанам проиграно[797]. Было убито от 770 до 1000 человек, оружие и весь обоз колонны стали трофеями зулусов[798]. Горлов писал, что зулусы смогли выманить англичан из укреплённого лагеря, негры из отряда Чемсфорда разбежались сразу, белые части были перебиты, трофеями зулусов, по его данным стали около 1000 скорострельных ружей и 240 000 патронов к ним. Остальные части, узнав о поражении центральных сил, сразу отошли в Наталь[799].

[794] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927. (1879). Д. 1. Л. 44.
[795] *Wilmot A.F.* History of Zulu war. L., 1880. P. 48.
[796] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/297 (1879). Д. 4. Л. 44 об.
[797] *Edgerton R.B.* Like Lions they Fought. The Zulu War and the Last Black Empire in South Africa. New-York., 1989. P. 91.
[798] History of Zulu War. P. 60.
[799] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 44.

Поражение под Инзанлваной, вызвало в Англии колоссальный эффект: «Это поражение, давшееся в самое время самохвальства и заносчивых угроз англичан в отношении России, а равно и гибель столь большого числа офицеров, распространили в Англии уныние»[800]. То есть Лондон воспринял это как катастрофу. Поражение одного отряда британских войск от зулусов, поставило под угрозу владычество англичан в Южной Африке, не только потому, что силы на которых держалась оборона колонии понесли серьёзные потери, но и моральный дух оставшихся войск сильно упал: «Дело в том, что в какие– нибудь полгода, в Капской войне бежит с поля сражения второй полк (сначала бежал 88, потом 24) и это явление не есть случайное, оно указывает на дурное качество английской армии вообще»[801]. Поэтому боевые действия в Южной Африке приостановились. Отсутствие помощи со стороны белых и чёрных колонистов, дезертирство и падение морального духа в армии, требовали передышки и ожидания новых, свежих частей, дабы снова нанести удар по зулусам[802]. Главной ошибкой Чемсфорда, сам Горлов и его корреспонденты, считали то, что генерал раздробил свои силы[803].

Сведения о войне на юге Африки в британских газетах, были, по словам Горлова, самыми лживыми, ибо корреспондентов допускали в войска с согласия командующего на условии просмотра их писем в редакции газет. Поэтому неудобные сообщения о поражениях или плохом управлении войсками в британскую прессу не попадали[804]. В Лондоне дошли до того, что обвинили Россию, якобы, в поставках оружия кафрам, однако выяснилось, что ружья зулусов были проданы им бирмингемскими фабрикантами[805].

Горлов передавал совершенно точные сведения, из– за деморализации армии, колония осталась беззащитной, что вызвало панику среди местного

[800] Там же. Л. 44.
[801] Там же. Л. 72.
[802] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 101 об.
[803] Там же. Л. 44.
[804] Там же. Л. 42.
[805] Там же.

населения, в волонтёрских подразделениях и туземных частях началось массовое дезертирство, что в свою очередь, вызвало сокращение боеспособного контингента в Южной Африке[806]. Однако, увлекаясь описанием последствий, Горлов не называл причину поражения. Можно предположить, что генерал не имел информации о состоянии войск в Южной Африке, поэтому он ограничился разбором последствий, о которых он мог получить информацию от своих корреспондентов.

Ввиду малочисленности своих войск и упадка духа среди них, по сведениям Горлова, генерал Чемсфорд запросил подкрепления из метрополии – 3 пехотных полка, 2 полка кавалерии, роту инженеров и 100 артиллеристов [807], ибо продолжать войну с зулусами ему было нечем. Первым подкреплением стали части 88 полка из Капской колонии, 1 700 конных ополченцев и стрелков, при этом среди чёрных племён – данников Британии, пошло шатание, что могло привести к их восстанию[808]. После настойчивых просьб о подкреплениях, совет министров стал слать телеграммы вице– королю Индии, лорду Литтону, требуя выслать солдат в Африку, на что тот ответил отказом. Следующая телеграмма просила его отправить в Наталь только два полка[809]. Это свидетельствовало о серьёзных затруднениях в самой Индии, где требовались почти все войска для ведущейся войны с Афганистаном.

О дальнейших пополнениях в армию Чемсфорда, сообщал рапорт Горлова за № 9. Сведения эти были оформлены в виде списка, содержащего дату отправки подразделения, его названия и численность солдат в нём. Всего, по подсчётам Горлова, с октября 1878 года, на колониальные войны из метрополии, было отправлено 10 000 солдат. Это, по его оценкам, ослабляло армию метрополии, так как хорошие части отправлялись в колонии, а в Англии оставались части из необученных призывников, что в свою очередь, по его

[806] History of Zulu War. P. 68.
[807] History of Zulu War. P. 68.
[808] Ibid. 69.
[809] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 39.

мнению, для Англии невозможным угрожать России войной. Для помощи войскам в Южной Африке был собран отряд в 7 000 человек, который, по расчётам Горлова мог отплыть только в срок от 10 до 14 дней и прибудет на театр войны только к концу марта[810].

Для генерала это была наглядная иллюстрация военного потенциала Англии, что даже несмотря на высочайший уровень готовности, поддерживаемый с 1877 года, собранным войскам требуется много времени для подготовки к отправке, а их резерв составляют молодые и необученные призывники. Поэтому, генерал был самого нелестного мнения о британских войсках, и все их будущие неудачи в Зулуленде и Афганистане воспринимал как следствие столь посредственной организации.

Война с зулусами летом 1879 года велась с переменным успехом, так как в организации британских войск был полный хаос. Как комментировал это Горлов: «Внезапное требование войск на два театра войны обнаружило слабость английской военной организации»[811]. При этом, он писал отдельный рапорт с расчётами войск, которые англичане имели на театре военных действий, с учётом будущих подкреплений По ним выходило, что требуемое число войск составляло 21 960 человек, из них 4 700 белых волонтёров, 2 800 негритянской пехоты, 1 460 негритянской кавалерии[812], и 8 231 человек регулярных войск[813], Учитывая боевые потери, дезертиров (около 8 300 человек), небоеспособный контингент, налицо боевых было лишь 11 249 человек[814].

Стоит отметить, что командующий, генерал Чэльмсфорд, требовал прислать в войска: скорострельные пушки, картечницы Гатлинга, полевой электронный телеграф, ракеты, понтонный парк и оказать поддержку по рекам и с моря присылкой канонерских лодок и крейсера «Тендос». Это показывало растущую роль новой техники в войне. В организации обоза была совершена перемена:

[810] Там же. Л. 39 об.
[811] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 22.
[812] Там же. Л. 52.
[813] Там же. Л. 75 об.
[814] Там же.

перевозка грузов теперь осуществлялась мулами, несшими на себе вьюки, так как повозки с волами были очень медлительны и стесняли передвижение войска. Правительство выделило 21 судно для перевозки подкрепления в Африку, расход на перевозку подкреплений обошёлся британской казне в сумму, которая на русские деньги составила примерно в 2 млн. рублей. Причём первые два парохода, должны были доставить на себе роту инженеров– телеграфистов, 2 картечницы Гатлинга и ракеты[815].

Наращивая силы, англичане пока заняли оборонительные позиции, в ходе которых, отряды полковников Пирса и Вуда, сдерживали вылазки зулу, отряд полковника Буллера предпринимал ответные вылазки, в ходе которых, войска жгли деревни и уничтожали местное население. Задачей войск было удерживать занятые позиции, и контролировать территорию, занимая укреплённые форты, причём войска страдали от болезней. Основные силы зулусов не искали боя, одновременно не давая англичанам поддерживать связь между собой. Горлов считал, что будущая кампания будет заключаться в одновременном движении нескольких колонн войск с севера, чтобы загнать зулусов в море[816].

В Афганистане Британия столкнулась с большими проблемами. Горлов отмечал, что команда в 500 рекрутов отправилась как передовой отряд в Афганистане, не имея опыта стрельбы из ружья, что свидетельствовало о плохой подготовке войск[817]. Эти войска не справлялись со своими обязанностями, что вело к поражениям, и ввиду этого армии генералов Робертса, Стюарда и Биддульфа оказались в опасности быть разгромленными[818]. Поражения в Южной Африке и вызванная этим потребность в войсках заставили Англию ограничиться тем, что целью в войне ставилось проведение англо-афганской границы от Джелалабада до Кветты, через Кандагар[819].

[815] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 52 об.–53.
[816] Там же. Л. 71.
[817] Там же. Л. 23.
[818] Там же. Л. 30 об.
[819] Там же. Л. 51.

Рапорт от 19 (31) марта сообщал о положении дел Великобритании в Афганистане. Британские войска заняли линию Татанг – Бакар – Джалалабад – Джамруд. Англичане выбрали тактику выжидания, ввиду наличия перед ними сильных частей афганцев. Причём, по словам генерала, участок линии от Бакара до Джалалабад была самой опасной, так как там образовывались долины, ведшие к Кабулу, где сосредотачивались основные силы горцев. Поэтому, война на занятых позициях от Джелалабада до Дака и вокруг Кандагара превратилась в бесконечную погоню за партизанскими летучими отрядами афганцев, что выматывало войска и физически и морально. В письмах из армии и в газетной корреспонденции писалось, что эта война войскам уже надоела [820] . Если обратиться к дневнику одного из английских офицеров за март 1879 года, то весной для англичан война в Афганистане представляла собой сидение лагерем на месте, с редкими вылазками в сторону перевала[821].

Любопытны были наблюдения, сделанные Горловым из британской прессы: «Там самая нация, которая в прошлую турецкую войну выдумывала выдумывала про наши войска самые несообразнейшие клеветы о жестокостях против турок и кавказцев и проливала такие лицемерные слёзы, – совершает над горцами нечеловеческие зверства, засвидетельствованные не врагами, – как это было сделано против нас, но их же собственными корреспондентами.» Лорд Робертс выгнал всех корреспондента газеты «Standart», МакФерона, а письма всех остальных подвергались жесточайшей цензуре, дабы в публику не просочились сведения об избиениях афганцев без различия пола и возраста, сопровождаемое грабежами и уничтожениями горных аулов.[822] Вообще, по его свидетельству, воинственные настроения в Англии, после поражений от зулусов и афганцев, значительно утихли[823].

[820] Там же. Л. 73.
[821] *Duke J.* Op.cit. P. 36.
[822] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 79 об.
[823] Там же. Л. 95.

Тем временем, в Афганистане, между эмиром Якуб– Бек– ханом и британским 26 мая командованием в ауле Гандамак был подписан мир. По условиям мирного договора Британия устанавливала свой протекторат над Афганистаном, и обещала защиту от любого внешнего врага. Для связи с англичанами, эмир должен был разместить при своём дворе британского представителя и оказывать всяческую поддержку торговли Афганистана и Индии[824]. По условиям мира, Англия обязалась очистить Афганистан от войск англо-индийской армии, проводила границу по реке Кабул, получая округа Курам, Пишин и Сиби, контролировала важные переходы через горы и караванные пути – Хайбер и Мичин[825]. В Кабул был отправлен политический представитель Великобритании, майор Л. Каваньяри.[826] По словам генерала Соболёва, этот договор ясно указывал на желание Англии установить границу до Аму– Дарьи и Герата, а то и вовсе лишить Афганистана всякой независимости[827]. Формально, Гандамакский договор позволил англичанам достигнуть всех целей – контролировать важные проходы и подступы к ним, получить влияние на афганского эмира через своего посла. В Лондоне царило ликование, лорд Солсбери в личном письме вице– королю выражал свои самые горячие поздравления в завершении этого дела[828].

Горлов, придерживался более скептического взгляда на этот мирный договор. В рапорте от 21 мая (2) июня за № 44, оценил этот мир как вынужденную меру, так как народные волнения в Бомбейском президентстве и Кашмире заставили англичан торопиться с миром, дабы иметь военную силу на случай более серьёзных мятежей[829]. Для него была важна сугубо индийская подоплёка дела, чем внешняя реакция на событие. Поражения англичан в

[824] *Balfour B.* The history of Lord Lytton Indian administration, 1876 to 1880: compiled from letters and official papers. L., 1899. P. 326328.
[825] *Соболёв Л.Н.* Указ.соч. Т. 1. С. 2.
[826] *Balfour B.* Op.cit. P. 332.
[827] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 95.
[828] *Balfour B.* Op.cit. P. 329.
[829] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 101. об.

Афганистане, привели к тому, что в самой Индии начались массовые волнения и выступления против британского владычества. Горлов сообщал, что сильные волнения вспыхнули в Мадрасском президентстве и против мятежников приходилось отряжать отряды в 3 000 человек с артиллерией[830]. Агент N связался с Горловым, и предложил воспользоваться своими знакомствам с одним индийским брахманом из знатной княжеской семьи, и через него выйти на недовольных британским владычеством раджей, и поднять их на мятеж. Горлов, однако, счёл, что этот брахман преувеличивает силу индийских князей, и воздержался от всяких обязательств по отношению к нему[831].

О положении в Индии, вызванным недовольством раджей английскими властями, Горловым был написан отдельный рапорт № 19, в котором излагались сведения о желаниях англичан решить эти проблемы введением либеральной конституции для Индии, что вызывало недовольство среди самих индийцев и желание подготовки вооружённого сопротивления. К рапорту прилагалась копия письма доверенного лица Горлова, сообщавшая об этом[832]. На рапорте № 12 от 7 (19) февраля Горлов излагал схему этапа переброски армейского корпуса, на примере постановления английского военного министерства о переброске 2-х корпусов в колонии[833].

Здесь, в освещении войны в Афганистане, для Горлова выделились три темы – политические цели Англии, организация войска и внутренне положение в Индии. По его рапортам выходило, что, желая контролировать пути из Туркестана в Индию, пролегающие через Афганистан, англичане стремились к политическому контролю над страной. Однако, слабость организации войска, привела к достижению целей только ввиду ещё большей слабости самих афганцев. Эти неудачи, вызвали недовольство индусов, что генерал предлагал использовать в интересах России, для ослабления могущества англичан в Индии.

---

[830] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/927 (1879). Д. 4. Л. 166 об.
[831] Там же. Л. 31, 54 об.
[832] Там же. Л. 54.
[833] Там же. Л. 45.

Война в Африке, и попытка англичан справиться одновременно с двумя противниками, позволила Горлову подробно затронуть проблему английской военной организации как таковой. Вышло так, что новая война не оправдала своих ожиданий, а наоборот – стала непосильным бременем, не только не обезопасив Англию в Афганистане, но и поставив под угрозу положение Лондона в Индии, и подорвав престиж британской армии, который следовало оберегать путём недопущений в прессу сведений о поражениях, неуспехах и пороках военной системы. Сообщения из Африки наглядно показывали, что трудности, с которыми Англия столкнулась в Афганистане не есть частный случай – но обнажила в целом проблемы английской военной системы. Эти войны требовали в первую очередь, людей, и людей обученных.

Поэтому свой рапорт от 16 (28) июля № 60, Горлов посвятил системе призыва и резерва в Англии. Введение в 1872 году краткосрочной и добровольной службы позволило сократить войска и расходы на них, но состояние рекрут ухудшилось, на службу приходила молодёжь с плохой физической подготовкой, страдавшая разными пороками, в частности, алкоголизмом. Попытка разбавить этот контингент солдат путём повышения жалования в 1876 году, для привлечения людей, не удалась. Ввиду этого, солдатам было разрешено уходить в запас после 3– х летней службы, вместо прежних шести лет строевой службы[834]. В частности, ввиду наплыва рекрутов в армию в последние годы, их число возросло до 15 000 в год, пришлось увеличить и число офицеров, способных воспитывать и обучать солдат, а из обученных рекрутов стал комплектоваться унтер-офицерский состав, отчего помолодел сержантский состав[835]. Но количество солдат так и не перерастало в качество.

Молодость солдат, их плохая подготовка, по его мнению, оборачивалась конкретными недостатками: неумением жить полевой жизнью, недостатком дисциплины, вследствие чего она будет медленно продвигаться в походе, сильно

[834] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 144.
[835] Там же. Л. 145.

зависеть от поставок и обоза, малое число плохо обученной кавалерии сделает войско открытым для нападения, поэтому необученная армия будет подвержена панике и первое поражение будет способно рассеять войско[836]. Ярким примером тому может служить замечание генерала Робертса о европейских частях в Индии во время афганской кампании 1878–1879 гг. По его словам, большинство из них были призывники молодого возраста, непривычные к местному климату, отчего солдаты массово болели[837].

Наглядным примером умозаключений генерала Горлова, служили поражения армии в Афганистане и Южной Африке, где необученные войска из молодых рекрут, с огромным обозом медленно двигались и легко подвергались нападению туземцев, что часто оканчивалось не в пользу англичан. Из всего этого, Горлов, делал выводы, что корень бед кроется в английской системе комплектации войск, предусматривающая короткий срок службы, что ввиду плохого физического качества рекрут, лишало армию возможности создания прослойки старослужащих солдат и комплектации армии из них, вместо этого, войска наполнялись молодыми и физически слабыми призывниками. Эту особенность, генерал отмечал ещё в 1877 году, и увязывал низкие боевые качества английского солдата и нынешние поражения англичан[838].

Туркестан и Афганистан в русской и британской политике в 1878–1881 гг.

Возвращаясь к политике Петербурга в Афганистане, стоит вспомнить, что одной из целью военного похода 1878 года, Кауфман называл рекогносцировку самого Афганистана.

С отменой похода 1878 года, эта задача была возложена на двух офицеров – генерального штаба полковник П. П. Матвеева и Генерального штаба полковник Н. И. Гродекова. Целями экспедиции, Кауфман в рапорте военному министру называл исследование путей, ведущих от Ферганской области к границам Индии

836 Там же. Л. 163. Например, Горлов писал, что в лагере английских войск в Южной Африке, случилась ложная тревога, которая произвела такой большой переполох в войсках, что он делал вывод – будь тревога настоящей, войска были бы рассеяны. Там же. Л. 173.
837 Ibid. P. 123.
838 Там же. Л. 60.

и Афганского Кафирстана,[839] как малоизвестных путей[840]. В другом рапорте на имя военного министра, генерал Кауфман повторял, что целью поездки полковника Гродекова является ознакомление с путями, ведущими в Афганистан, но Гродеков в своём рапорте просил дать ему возможность проехать назад через Персию, чтобы ознакомиться и с этой страной[841]. Сам Гродеков в своей книге «Через Афганистан» писал, что он намеревался совершить это путешествие за 50 дней[842]. По результатам поездки, был опубликован его доклад, где он писал о своей миссии, как об исследовании путей от Аму– Дарьи к Герату[843].

Полковник Матвеев в своём рапорте по итогам экспедиции более подробно перечислял её цели: изучить дороги от русской границы до Индии, собрать точные сведения о местности (продовольствие, настроение населения) восточной Бухары и северного Афганистана, а также географическое описание местности (барометрическое измерение высот, магнитные наблюдения, описание флоры и фауны)[844].

По словам Гродекова, основной целью сбора этих сведений послужило то, что штабе Туркестанского округа не был решён вопрос о выборе основного направления для будущего похода войск в случае войны с Англией – Герат или Кабул? Эта дилемма появилась из опасений, что в случае движения на Кабул, англичане займут его раньше, а от Кабула они смогут выдвинуться к перевалам через Гиндукуш, занять их, и обороняться от русских. Герат же казался быстрым и коротким путём в Индию, появление русской армии там могло стать серьёзной угрозой англичанам, ввиду ожидаемых восстаний местного населения против английского господства. Однако сведения о Герате состояли из слухов и сбивчивых рассказов, а попытки обследовать его были остановлены афганскими

[839] Область на Северо-Востоке современного Афганистана.
[840] РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 578. Л. 1.
[841] РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 577. Л. 1.
[842] *Гродеков Н.И.* Через Афганистан. Путевые записки. СПб., 1880. С. 1.
[843] Поездка ген.-шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан. (в 1878 году). // Сборник статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Т. 5. С. 58.
[844] Поездка генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и афганским владениям в феврале 1877. // Сборник статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Т. 5. С. 2.

властями [845] . Поэтому, было необходимо получить сведения о севере Афганистана и о Герате, дабы чётко выбрать направление будущего движения войск.

Таким образом, две экспедиции преследовали цель изучить Афганистан и пути, ведущие к нему, дабы иметь хотя бы общую информацию о будущем театре боевых действий, и о том, как возможно будет его обеспечить, причем Матвееву вверялась восточная часть страны, а Гродекову – западная.

21 сентября, экспедиция Матвеева двинулась в Бухару[846]. После ряда долгих проволочек, связанных с нежеланием афганце пускать русских 30 числа экспедиция вошла в пределы страны [847] . Несмотря на любезный приём со стороны властей, полковник Матвеев отмечал, что те стараются изолировать русских от местных таджиков и узбеков, содержа гостей под большой охраной, мотивируя её наличие дикостью и нелюбовью местного населения к иностранцам. При этом, переводчик подслушал разговор начальников конвоя, и доложил Матвееву, что афганцы видят в русских агитаторов за Абдур– Рахман–хана, и хотят: «провести этих проклятых кяфиров по такой дороге, чтобы они в другой раз к нам не показывались»[848].

Ввиду выпадения снега, горы Кафирстана и Бадахшана стали непроходимы, и цель экспедиции оказалась невыполнимой. Ввиду этого, решено возвращаться назад по левому берегу Аму–Дарьи[849]. Экспедиция вернулась на территорию Бухары с 23 на 24 ноября[850].

В путь Гродеков отправился из Самарканда 27 сентября, в сопровождении переводчика и двух конюхов. Гродеков, по его словам, путешествовал в

[845] Поездка ген.-шт. полковника Гродекова… С. 58–59.

[846] Там же. С. 3.
[847] Там же. С. 6.
[848] Поездка генерального штаба полковника Матвеева… С. 7.
[849] Там же. С. 11.
[850] Там же. С. 1314.

форменном мундире, считая, что путешествие в азиатском костюме могло бы только повредить делу, так как он не знал всех тонкостей и обычаев[851].

6 октября, Гродеков переправился через Аму–Дарью, где был встречен конвоем афганской кавалерии[852]. Также, как и с Матвеевым, к нему были приставлены двое часовых: «назначение которых состояло в том, чтобы не выпускать меня из виду и неотступно следовать за мною, куда бы я ни пошел»[853]. Ответы конвоиров Гродекова, были абсолютно идентичны ответам Матвееву – под предлогом дикости местного населения, русского гостя не пускали никуда[854], и точно также конвоиры выражали желание разрубить «этого кяфира» на куски[855].

Несмотря на постоянную слежку и недоступности ряда целей, увиденного для Матвеева, оказалось достаточным, чтобы сделать определенные выводы. Северный Афганистан он в своём отчёте характеризовал как степную страну, за исключением гористого Бадахшана[856]. Горные пути были труднодоступны, тяжести можно было перевозить только на вьючных животных, но перевалы Гинбукуша, по словам Матвеева, были проходимы для повозок и арб, из чего следовал вывод об их проходимости для обоза и горной артиллерии, но обычная артиллерия следовать по ним не могла.

На этих путях, встречалось достаточно источников пресной воды, население занималось земледелием и скотоводством, посему Матвеев рекомендовал ограничиваться на дороге от Самарканда до Пянджа только колёсным обозом. Дорога от Аму–Дарьи до главного города Афганского Туркестана – Мазар–и–Шерифа, была вполне проходима для повозок[857]. Причём население, состоявшее из таджиков, узбеков и жителей Кафирстана, должно было оказать поддержку

[851] Гродеков Н.И. Через Афганистан. С. 23.
[852] Там же. С. 56.
[853] Там же. С. 13.
[854] Гродеков Н.И. Через Афганистан. С. 15.
[855] Там же. С. 1314.
[856] Там же. С. 12.
[857] Там же. С. 28–29.

русским, так как ввиду непомерных поборов и грабежей смотрели на афганцев как на угнетателей[858].

В описании местности Гродеков вторит Матвееву, что северный Афганистан есть местность степная, с глинистым грунтом и песками[859]. Также местность была сочтена удобной для проезда арб, несмотря на то, что местные не пользовались арбой.[860] Если Матвеев просто писал, что узбеки видели в афганцах угнетателей, то Гродеков дополняет это: афганцы считают узбеков женоподобными и вообще людьми низшей породы, при этом афганские солдаты развлекались побоями узбеков на улицах городов[861]. Ввиду этого, пользовалось популярностью имя Абдур–Рахман–хана, на которого возлагались надежды избавления от гнета[862], а также на приход русских в этот край. Афганцы ввиду того, что русские покорили целый ряд северных ханств, и желанием таджиков и узбеков перейти к русским относились к любым русским с большим недоверием и подозрением[863].

Особое внимание Гродеков уделил внимание пути, лежащему вдоль реки Мургаб, протекавшей через Туркмению в Афганистан. Это был хороший, грунтовый путь, пусть и требующий расширения. На этом пути было всё необходимое войскам – подножный корм, топливо и вода[864]. Однако сама река Мургаб представляла собой серьёзное препятствие для войск, ввиду ширины её разлива. Даже брод был настолько глубок, что вода была выше брюха лошади. На другом берегу, войска бы ждали скалистые ущелья, безводные пространства и узкие дороги в скалистом грунте, непригодные для прохода артиллерии. Для

[858] Гродеков Н.И. Через Афганистан. С. 35–36.
[859] Там же. С. 9.
[860] Там же. С. 63.
[861] *Гродеков Н.И.* Через Афганистан. С. 30. Поездка ген.-шт. полковника Гродекова… С. 63–64.
[862] *Гродеков Н.И.* Через Афганистан. С. 31.
[863] Там же. С. 32.
[864] Поездка ген.-шт. полковника Гродекова… С. 71.

прокладки проходимых дорог потребовалось бы время, которое бы очень сильно задержало бы войска в пути[865].

Поэтому, Гродеков предлагал сделать главным отрядом в походе на Герат, кавказский, движущийся от Красноводска на Герат. Отряд из Туркестана должен был представлять собой или лёгкий кавалерийский отряд, или компактный, снабжённый достаточным числом водоподъёмных средств[866]. В этом, он совпадал с Матвеевым, также предлагавший Герат как одну из главных точек операционной линии.

В самом Герате, Гродеков насчитал сорок медных орудий, которые содержались в глинобитных сараях справа от дороги, там же располагались казармы для пехоты[867]. Сам город он считал непригодным для обороны против европейской армии, так как город был окружен стеной в четыре сажени вышиной, отдельных укреплений вокруг города не было, а к северу от города располагалась высота, с которой было возможно обстрелять город из артиллерии. При этом, город защищало 25 батальонов пехоты, и располагалась ставка главнокомандующего войсками[868]. Это наводило на мысль об относительной легкости взятия Герата в случае конфликта.

В отношении афганского войска, оба офицера также проявили единодушие. Афганцев, Матвеев отличал как людей с весьма высоким воинственным духом. Так как, по его словам, афганцы предпочитали кавалерию, то особое внимание было обращено именно на неё. Конница была вооружена карабинами (марку оружия он не уточнил), револьверами и саблями, вся оружейная амуниция всадников – патронташи, револьверные получехлы, портупеи, а также сёдла и конская сбруя были кожаные, английской выделки, что указывает на снабжение англичанами афганской армии.

---

[865] Там же. С. 72.
[866] Там же. С. 76.
[867] Поездка ген.-шт. полковника Гродекова… С. 118.
[868] Там же. С. 125.

Всадники, одетые в чёрные суконные бешметы и высокие папахи, оценивались Матвеевым как отличные наездники, дрессировщики лошадей и стрелки, внешний вид их был оценен как бравый, и Матвеев отмечал, что для афганского всадника первая забота есть его конь, а второе – оружие. Пехота тоже удостоилась его похвалы, снаряжение и вооружение, как и у кавалерии тоже были английского образца. Однако, Матвеев замечал, что афганец весьма неохотно подчиняется дисциплине, и только суровые меры поддерживают порядок в войсках[869].

В разговоре с официальным афганским лицом, когда Гродеков его спросил, пустят ли афганцы британское посольство, тот ответил, что они не сделают этого ни за что на свете, а на случай войны выражал уверенность: «Мы справимся с ними, как справлялись уже не раз»[870]. О боевых качествах афганцев, Гродеков выражал мнение, что свободолюбивого горца влили в строй и тем самым лишили его ловкости и возможности одиночных действий[871]. Для этого, афганцы обладали по Гродекову, всеми нужными качествами – бодрые, крепкие и неизбалованные[872]. При этом отношения между командирами и солдатами Гродеков считал такими же, как в турецкой армии – товарищеские и даже панибратские, когда командир делил еду, питьё и табак с солдатами[873]. Исключение составляли сеиды – потомки пророка Магомета, которым даже офицеры целовали руки[874].

Таким образом, оба офицера одинаково оценили афганцев как великолепных бойцов, но все их качества могли быть раскрыты только как бойцов иррегулярных подразделений и партизан.

В военно–политическом отношении, на основании своей поездки, Матвеев пришел к следующим выводам. Хребты Тянь–Шань и Гиндукуш, вместе с

---

[869] Там же. С. 39–42.
[870] Поездка ген.-шт. полковника Гродекова… С. 11.
[871] Там же. С. 40.
[872] Там же. С. 99.
[873] Там же. С. 52.
[874] Там же. С. 80.

туркменскими пустынями служат прекрасной естественной защитой Туркестана. Однако: «Мнимые опасения за Индию были и будут постоянной коренной причиною враждебной к нам политики Англии в Европе и эта политика приведет, конечно, рано или поздно к боевым столкновениям между нами и англичанами в Азии…» Однако горные хребты восточной части Афганистана служат не менее прекрасной защитой Индии с севера, отчего Матвеев выделял в качестве будущих театров войны Кабульскую равнину, Герат, полагая, что через Персию и Герат пройдет главная операционная линия русских, в случае вторжения в Индию.

Однако, он точно отмечал, что Туркестан не может выставить более 10 – 12 тыс.войска, и как театр – изолирован от России, при этом англичане не стеснены ни в людях, ни в подвозе средств. Поэтому, главной операционной линией он предлагал делать путь с Кавказа через Персию и Каспий, на Герат, чтобы оттуда можно было перенести боевые действия на Северо–западную границу Индии. Но предпочтительным, он считал пассивную оборону по реке Аму– Дарья, от возможного наступления англо-афганских сил[875].

Положение Афганистана в Азии, Гродеков сравнивал с положением Австрии в Европе – страна, без содействия которой ни Англия, ни Россия не могут что– либо предпринять друг против друга, ибо в случае вторжения в Индию или в Туркестан нападающей стороне необходимо заручиться поддержкой Афганистана[876]. Ввиду активной политики англичан, которые решили сделать из Афганистана буфер на пути к Индии, Гродеков счёл, что России необходимо сохранить независимое положение Афганистана между Туркестаном и Индией, дабы избежать соприкосновения русской и английской границ[877]

Для этого, он предлагал отделить Афганский Туркестан от самого Афганистана, проведя между ними границу по горам Памир и Гиндукуш,

[875] Поездка генерального штаба полковника Матвеева. С. 50–56.
[876] Поездка ген.-шт. полковника Гродекова… С. 59.
[877] Там же. С. 61.

разделив его на вассальный России Север и пробританский Юг[878], и посадить на трон популярного среди узбеков и таджиков афганского принца Абдур–Рахман–хана, которого счел «хорошим азиатским генералом»[879]. Тем самым, Россия получит надёжный барьер в лице этой страны, и будет избавлена от расходов на армию и крепости в Туркестане[880]. В случае отказа от помощи Абдур–Рахман–хану, Гродеков предупреждал, что он воспользуется услугами англичан, и Россия получит опасного врага в его лице на своей границе[881].

Идею Гродекова озвучил в своей телеграмме Кауфману от 19 марта граф Гейден, но ответ генерал-губернатора был отрицательным: «Мне непонятно какие обстоятельства в Афганистане могут побуждать желать, чтобы Абдур–Рахман с братьями отправился туда. «…», Казалось бы, Абдуррахмана не пускать туда и холить до могущей быть в нём надобности»[882].

Особое внимание стоит уделить описанию Гродековым пограничных с Афганистаном племен туркмен– текинцев и сарыков. Он характеризовал их трусливыми как шакалы, ввиду привычки грабить путников по ночам, отмечая страшную бедность туркмен у Мургаба[883] и их зверский обычай при набегах вырезать грудных детей и стариков, при этом женщин брали в наложницы, а детей постарше – продавали в Бухару и Хиву[884] Дошло до того, что в Персии была специальная молитва на избавление от набегов туркмен– текинцев[885] В противоположность текинцам, Гродеков расписывал Мервский оазис, населённый туркменами–сарыками. Он характеризовался как отличная местность, с массой воды из р. Мургаб, отличные почвы, что позволяло жителям оазиса не знать голода[886] При этом сарыки просили полковника, довести до

[878] Там же. С 68.
[879] Там же. С. 66.
[880] Там же. С. 69.
[881] Там же. С. 67.
[882] *Терентьев М.А.* Указ.соч. Т. 2. С. 521.
[883] Поездка ген.-шт. полковника Гродекова... С. 90.
[884] Там же. С. 93.
[885] Там же. С. 97.
[886] Там же. С. 94.

сведения «Белого Царя», чтобы тот разобрался с грабителями– текинцами, ибо ни персидскому шаху, ни афганскому эмиру нет до этого дела[887]

В итоговом отчёте о своей поездке, Гродеков высказал мысль, что Мерв не является ключом к Герату. Ибо если англичане займут Герат, то русским нечем будет уравновесить этот шаг. Мерв ведёт лишь на персидскую крепость Гери–Руд, и от него есть три безводных перехода в 60 верст каждый, и занять Герат, опираясь на Мерв, по мнению полковника Гродекова было невозможно[888]. Поэтому, вероятным театром войны между Россией и Англией, Гродеков видел именно Персию, ибо путь на Герат лежал через Хорасан[889].

Важность поездок Матвеева и Гродекова была отмечена Милютиным в письме Кауфману 11 января 1879 года: «Смелые поездки их значительно пополнили наши географические сведения о соседних странах»[890]. В этом же письме, Милютин просил приехать Кауфмана в Петербург, чтобы обсудить вопросы действий в Туркмении на лето 1879 года, и вопрос «переформирования войск отдаленных азиатских округов с той целью, чтобы иметь возможность их впредь усиливать в короткое время»[891]. В этих словах можно найти отголоски не только 1878 года, но и докладов Матвеева и Гродекова. Тезис о недостаточности сил и отсутствия логистики был проговорен.

На рубеже 1878–1879 гг., начальник Азиатской части Главного Штаба, Генерального штаба генерал-лейтенант Л.Н. Соболёв составил докладную записку о будущем походе в Туркмению, в которой указывал, что: «Правильное устройство нашего среднеазиатского театра военных действий необходимо особливо в настоящее время, когда Великобританское правительство напрягает все свои силы к созданию могущественного военно–стратегического положения в Южной Азии, начиная от западной части Малой Азии и до восточных пределов Ост– Индии, для чего, между прочим, оно и ведет современную нам афганскую

[887] Там же. С. 97.
[888] Поездка ген.-шт. полковника Гродекова… С. 114.
[889] Там же. С. 91.
[890] Большая игра… С. 271.
[891] Там же. С. 272.

войну»[892]. Это вполне совпадает с докладом Матвеева и мыслью Милютина. Малочисленность войска ввиду усиления возможного противника становилась опасной для защиты Туркестана, при слабости связи края с центром страны.

Мысли Милютина и Соболева проистекали не сколько из сведений, доставленных Горловым, Матвеевым и Гродековым, но и ввиду других факторов, которые усиливали вес слов военных разведчиков. Успехи англичан в Афганистане, произвели на персов больше впечатление, что производило брожение в умах персов и туркмен, сообщал посол из Тегерана Зиновьев[893]. Также, стоит учесть тот факт, что в конце 1876 года, туркмены отправляли своё посольство в Тегеран, где просили персидского шаха о взятии их под своё покровительство. Никакого соглашения между шахом и туркменскими вождями подписано не было, но туркменам была обещана защита и помощь со стороны Персии.

В конце 1877 года, состоялись переговоры персов с мервскими туркменами, на которых те признали себя вассалами персидского шаха.[894] Русские ввиду успехов Англии в Афганистане должны были продемонстрировать силу, поэтому назревшие в конце 1878 года проблемы, в виде отсутствия логистики и наличия враждебных туркменских племён, требовали безотлагательных решений.

Эти сообщения Зиновьева послужили поводом к созыву Особого совещания по Туркмении, которое состоялось, 21 января 1879 года, в присутствии Великого князя Михаила Николаевича, военного министра, министра иностранных дел, начальника Главного Штаба и некоторых офицеров–туркестанцев, среди которых был Генерального штаба полковник А.Н. Куропаткин. Предметом Совещания стало обеспечение южной границы Закаспийского края и водворение

---

[892] Сергеев Е.Ю. Большая игра. Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 168.

[893] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. СПб., 1883–1884. Т. 1. С. 133. *Терентьев М.А.* Указ.соч. Т. 3. С. 5.

[894] *Хидоятов Г.А.* Указ.соч. С. 205.

в нём спокойствия. В результате было принято решение: «в пользу решительных действий с целью занятия пункта среди самого оазиса Текинского»[895], а именно: сформировать отряд для подчинения Текинского оазиса и занять линию по рекам Атерк и Узгой, для обеспечения границы[896]. Так как ещё в начале 1878 года, в докладных записках о возможном походе в Афганистан и Индию поднималась тема обустройства тыла армии путём контроля нейтральных территорий Туркмении, то теперь занятие её представлялось важным мероприятием для упрочения русских позиций в Туркестане.

Для этого был приготовлен отряд под командованием генерал-адъютанта И.Д. Лазарева. Отряд составлял из 8 с половиной батальонов пехоты, 10 эскадронов и сотен[897], общим числом в 10 200 человек при 34 орудиях[898]. При этом в обоз вошли всего 6700 верблюдов – то есть груз отряда был очень малым, на каждую винтовку было 80 патронов, а на орудие – 1– 2 боекомплекта[899]. В частности, для связи Кавказского наместничества с Закаспийской областью, было решено провести телеграф по южному побережью Каспийского моря, через Персию, о чём 28 мая 1879 года была заключена русско-персидская конвенция, в том числе шах взял на себя обязательство в оказании помощи отряду снабжением его всем необходимым[900]. Отряд Лазарева был сосредоточен в местечке Чекишляр, откуда выступил в поход 30 июля. Весьма важно отметить, что Лазареву была дана инструкция, запрещающая занимать Мерв[901].

Теперь, одной из задач Горлова, становилось отслеживание мнения политиков и общественности Великобритании, относительно военной экспедиции русских войск в Теке. Рапорт от 26 мая (7 июня) № 47 сообщал, что к русским войскам в Красноводске выехал британский корреспондент газеты

---

[895] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 25.
[896] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 1. С. 134–135.
[897] Там же. С. 143.
[898] *Терентьев М.А.* Указ.соч. Т. 3. С. 7.
[899] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 1. С. 143.
[900] Там же. С. 137.
[901] Там же. С. 144.

«Daily News». Так как этот журналист имел обыкновение не писать статьи постфактум, но сообщать о них немедленно телеграфом, его телеграммы из Красноводска уже попали в печать синхронно с движением отряда, то Горлов, придерживавшийся мысли, что британский журналист равен шпиону, и что любое поражение России в Туркестане радостно воспринимается в Лондоне, советовал обратить внимание на его деятельность. Ссылаясь на то, что британское правительство оповещало своих военных советников в Турции о состоянии русской армии, то он предполагал, что эти корреспонденции о передвижении русских войск, будут передаваться сразу вице– королю Индии[902].

В следующем рапорте № 49 Горлов изложил доказательства в пользу своих подозрений. По его словам, том же номере Daily News, где была опубликованы свежие телеграммы из Туркмении, появилась странная телеграмма из Симлы, летней резиденции вице– короля Индии, о том, что между туркменами и афганцами произошло сражение. Так как после недавней войны с англичанами афганская армия не могла предпринимать самостоятельных действий, Горлов предположил, что эта телеграмма лишь обозначает осведомлённость вице– короля Индии о движении русских в Туркмении и обозначает нечто весьма важное, происходящее в Афганистане в связи с туркменским походом Лазарева [903] . Наконец, в рапорте от 13 (25) августа, он сообщал имя корреспондента – О,Доннорван, и утверждал, что О,Доннорван есть платный агент британской разведки, и в данный момент его курируют британские офицеры полковник Вильсон и майор Троттер, которые входят в состав делимитационной комиссии в Закавказье. Этот факт Горлов основывал на сведении агента N, который видел рапорт майора Троттера об экспедиции Лазараева, основанный на телеграммах О.Доннорвана[904].

Также, генерал сообщал, что в Баку из Персии прибыл английский капитан Нэпир, который был замечен в продаже оружия туркменам– текинцам, который

[902] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 110–112.
[903] Там же. Л. 113.
[904] Там же. Л. 174.

внимательно осмотрел войска и говорил с русскими офицерами. Прибытие капитана в Баку состоялось не по его инициативе, но по приказанию из Лондона. Всё это, он рассказал Горлову лично, при встрече, по возвращении в Англию[905]. Речь шла о поездке капитанов Нэпира и Батлера в Туркмению. Батлер направлялся в Мерв, а Нэпир – в Ахал–Теке, о чём Зиновьев сообщал Горчакову из Тегерана. По мнению Зиновьева, цель поездок англичан заключалась в попытке не дать туркменам возможности перейти под власть России[906]. Это совпадает с данными Горлова о поставках Нэпиром оружия туркменам–текинцам. Учитывая то, что Нэпир посещал Туркмению в 1874 и 1876 гг., в ходе которых он завязал ряд знакомств среди текинских туркмен, диверсионный характер его поездки 1878–1879 гг., не подлежит сомнению. Виду этого, Зиновьеву пришлось послать в пограничную с Туркменией персидскую провинцию Мешед, астрабадского консула, который, используя свои связи среди местных чиновников, добился ареста лиц близких к капитану Нэпиру, чем лишил его возможности развивать своё мероприятие[907]. Ввиду этого, возвращение Нэпира в Англию через Кавказ, должно было компенсировать неудачу в Туркмении сбором важных сведений о состоянии русских войск, отправлявшихся из Баку в Красноводск. Донесение Горлова № 62 сообщало, что генерал узнал через агента N об осведомлённости британского военного министерства в деталях подготовки экспедиции Лазарева[908].

Горлов в донесении 29 мая (10 июня) № 50, сообщал, что английский посол в Тегеране очень обеспокоен тем, что 20 000 человек русских войск идёт от Каспия вдоль персидских границ, тем самым покушаясь на персидские владения в оазисе Теке. Одновременно с этим, в газете «Standart» появилась статья о том, что следует ужесточить британскую политику в Персии, дабы вырвать эту страну из– под русского влияния. По словам Горлова, эта статья была показателем того,

---

905 Там же. Л. 110 об.
906 *Хидоятов Г.А.* Указ.соч. С. 204.
907 Там же. С. 212.
908 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 173.

как остро Англия реагирует на движение русских в Туркестане[909]. Также, он обращал внимание на новый труд британского специалиста по Востоку Г. Роулинсона, в котором тот считал целью похода Лазарева подрыв британского престижа в Средней Азии. Для того, чтобы предотвратить это, Роулинсон предлагал Персии объявить войну России, англичанам занять Кандагар, чтобы быть готовыми встретить русских, и поддерживать туркмен золотом и оружием[910]. Все эти сведения, по мнению Горлова, указывали на чрезвычайно высокий интерес англичан к туркменскому походу русских войск и генерал был обеспокоен, что имеющиеся сведения, англичане могут использовать во вред русским.

28 августа, Милютин в письме Великому князю Михаилу Николаевичу немедленно сообщил об этом, с просьбой оказать какое– нибудь воздействие. Вскоре, вышло высочайшее повеление о том, чтобы при войсках Красноводского отряда не было никаких иностранных корреспондентов, а при случае неудобства их удаления – подвергать всю его корреспонденцию тщательной цензуре. Милютин счёл нужным, чтобы генералу Кауфману это повеление было передано вместе с письмом Горлова[911]. Это повеление было также передано министру внутренних дел Л.С. Макову, и помощнику главнокомандующего Кавказской армией, князю Святополк– Мирскому дабы со стороны министерства и штаба армии были приняты меры для перлюстрации корреспонденции О,Доннорвана[912].

14 августа, генерал Лазарев умер от гнойного воспаления кожи на спине и шее, и его место занял генерал-майор Ломакин[913]. Сам факт экспедиции в Ахал–Теке, по мнению Горлова, мог иметь для России положительное значение в том плане, что он должен был приковать все англо-индийские силы к Средней Азии, и ввиду непрекращающихся волнений в Индии, вынудить англичан усилить

[909] Там же. Л. 111.
[910] Там же. Л. 161 об.
[911] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 120–121.
[912] Там же. Л. 122.
[913] *Тереньев М.А.* Указ.соч. Т. 3. С. 20.

свою армию в Индии за счёт присылки европейских частей, что ослабило бы армию метрополии[914].

Эта ремарка Горлова имела своё значение в контексте русско-британских затруднений по вопросу послеберлинского устройства Балкан и Турции в 1879 году. Если посмотреть на дневник военного министра, то основная проблема 1879 года для него – это проблема устройства княжества Болгарского и Восточной Румелии, после вывода русских войск. На Особом совещании 6 марта, был поднят вопрос об оккупации Восточной Румелии контингентами нескольких стран, в число которых должны были войти войска России и Великобритании, при недопущении турецких войск[915], чтобы генерал-губернатор Румелии смог вступить в должность к концу русской оккупации, и чтобы русские офицеры могли остаться при румелийском ополчении[916]. Несмотря на формальное согласие британского посла, Ф. Темпла маркиза Дафферина, на русские условия, британское правительство тормозило работы разграничительных комиссий, затягивая переговоры по будущей оккупации и одновременно оказывая давление на султана, чтобы тот не соглашался на условия России[917]. Ввиду вывода русских войск в мае– июне, Милютин опасался, что в результате подстрекательств англичан и австрийцев, султан введёт войска в Румелию, в результате может начаться новая резня,[918] в отместку за резню турок болгарами в 1878 году[919].

При этом Милютина очень беспокоило то, что: «Англия уже владеет фактически и Константинополем и проливами. Настоящий хозяин в столице Турции уже не султан, а представитель Англии…» Из этого следовал вывод, что при таком положении, прежние дипломатические соглашения уже не имеют силы и британскому флоту ничего не помешает войти из Средиземного моря

[914] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1879). Д. 4. Л. 126.
[915] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 39.
[916] Там же. С. 48–49.
[917] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 49, 54.
[918] Там же. С. 73.
[919] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 521.

через Дарданеллы в Босфор[920]. Ввиду этого, сообщение Горлова от 28 июля (9 августа) в донесении № 66, что по полученным от его агента N сведениям, адмиралу Хорнби, была прислана инструкция, разрешающая действовать по своему усмотрению, без согласия посла, что англичане рассчитывают использовать его эскадру как средство давления на султана в вопросе о Болгарии[921], подтверждало худшие опасения военного министра. Одновременно, Горлов сообщал, что Беккер– паша назначен командующим Аравийским и Евфратским округом [922] , что, по мнению Горлова, превращало Сирию и Месопотамию в плацдарм для британской деятельности, в случае войны с Россией[923]. Учитывая планы 1878 года о высадке войск в Сирии для удара по русскому Закавказью, его предположения звучали вполне весомо, тем более, что по его расчётам, количество войск на Средиземном море, на Гибралтаре, Мальте и Кипре, доходило до 10 000 человек[924]. Однако, Горлов успокаивал Милютина тем, что войны в Южной Африке и волнения в Индии оттянули на себя такую массу войск, что метрополия может выставить войска, где на батальон придётся максимум 80 человек, и ввиду малого числа войск и весьма скверного состояния, как он писал раньше, Англия не может объявить войну России[925].

Тем не менее, все известия о назначении Беккера, стали для Милютина поводом поговорить с Тотлебеном о тех мерах, которые стоит предпринять на случай ограждения Чёрного моря от британского вторжения.[926] Учитывая то, что накануне, Лаярд угрожал султану вводом британского флота в Босфор[927], эта проблема становилась одним из приоритетов во внешней политике.

---

[920] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 41.
[921] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/928 (1879). Д. 4. Л. 163 об.
[922] Там же. Л. 164.
[923] Там же. Л. 168.
[924] Там же. Л. 106.
[925] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/928 (1879). Д. 4. Л. 173 об.
[926] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 107.
[927] Там же. С. 103.

Тем временем, отряд Ломакина продолжал своё движение к Геок– Тепе[928]. После отдыха в оазисе Бендесене, отряд вышел в путь 22 августа, методично занимая туркменские аулы, откуда уходила масса беженцев[929]. К 28 августа, он оказался у стен Геок– Тепе. Первая колонна войск быстро овладела предместными укреплениями, но ввиду плотного огня туркмен отошедших за стены, отряд залёг, и вынужден был ждать второй колонны. Войска второй колонны подошли поздно, войска устали от жары и долгого перехода. Но генерал Ломакин решил начать штурм и из 8 орудий начал обстрел цитадели[930]. Туркмены послали парламентёров, с целью затянуть время для того, чтобы накопившиеся в цитадели беженцы могли уйти. В 5 часов, Ломакин отдал приказ о начале штурма, который был туркменами отбит. Русские войска в беспорядке бежали, преследуемые туркменами, от полного разгрома их спасли действия артиллерии и резервного батальона.

Из 3 024 человек штурмующих, войска потеряли убитыми, раненными и пропавшими без вести 453 человека. Бегство отряда продолжалось до 6 сентября, когда на совещании у Ломакина было решено окончательно отступить к оазису Бендесене, ввиду большого падежа верблюдов и нехватки продовольствия в отряде[931].

Полковник Куропаткин потом писал, что вся экспедиция имела вид неудачного набега[932]. Поражение Ломакина вызвала тревожное настроение Милютина, опасавшегося, что эта неудача уронит престиж России среди местных жителей, поднимет боевой дух туркмен и обрадует европейских недоброжелателей России. Он, негодуя писал в дневнике, что Ломакин своим отступлением «перед этой сволочью» окончательно уронил обаяние русского

928 Совр. Гёкдебе, Туркменский город на границе с современным Ираном.
929 *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 1. С. 147.
930 Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении: (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): С очерком воен. действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899. С. 100.
931 *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Т. 1. С. 150–151.
932 *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении. С. 101.

престижа в Средней Азии[933]. И его опасения подтвердились – имя текинцев в Туркестане покрылось ореолом славы могучих воинов, которую они подтвердили успешными набегами на Закаспийскую область осенью того же года[934].

Тем временем мир в Афганистане был нарушен – 3 сентября 1879 года, солдаты кабульского гарнизона и толпа, подстрекаемая фанатиками, напала на английское посольство и перебила всех, кто в нём находился[935]. Об этом Горлов писал в рапорте от 29 августа (10 сентября) № 75, что, когда о бойне в Кабуле доложили лорду Литтону, тот немедленно приказал двинуть войска в поход. Лорду Робертсу было приказано идти на Кабул, а генералу Стюарту – занять Кандагар. Это показывало цели англичан – необходимость прямой карательной акции афганцам в Кабуле и защита подступов к Индии со стороны Кандагара.

Горлов сообщал, что в Индию из Наталя отправлено 2 полка кавалерии (17 уланский, 1 гвардейский драгунский), 2 батальона пехоты (88 и 90 полки) и 3 батареи артиллерии, причём стоит отметить, что это были части, которые были в начале года присланы из метрополии[936]. Последнее сообщение особенно важно, так как это свидетельствовало об облегчении положения англичан в Южной Африке, и их успехах над зулусами, которые позволяли им высвободить силы для Афганистана. Из самой метрополии собирались отправить в Афганистан новые подкрепления, в лице волонтёров и 2-х полков пехоты[937]. Перспективы нового похода, Горлов оценивал скептически, так как в войсках на Северо–Западной границе свирепствовала холера, максимальная численность батальона достигала 500 человек, кавалерийского полка – 300 всадников. Из всех пограничных войск, самым боеспособным отрядом Горлов признавал войска

933 *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 92, 96.
934 *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении. С. 101.
935 *Sir Roberts of Knadahar*. Op.cit. Vol. 2. P. 181.
936 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/927 (1879). Д. 4. Л. 185.
937 Там же. Л. 188.

генерала Робертса – 4 батальона европейцев, 6 полков туземцев, 2 индийских кавалерийских полка, общим числом в 3 700 человек при 26 орудиях[938].

30 сентября (12 октября), англичане заняли Кабул силами 4– х батальонов, 3 кав.полков, 1 скорострельной батареи и 3– х обычных батарей и роте сапёр, лорд Робертс объявил его на осадном положении, и потребовал от всех старшин сдать оружие, имеющееся у местного населения[939]. Успешное занятие Кабула англичанами, на фоне неудач русских войск в Туркмении, было очень невыгодно для России. 4 (16) октября была взорвана цитадель города, и после взрыва, крепость представляла из себя развалины, непригодные для обороны[940]. Потом начались атаки на отряды охранявшие подступы к Кабулу. Тем самым, положение лорда Робертса сильно ухудшилось. Эмир Якуб– хан отрёкся от престола, несмотря на возражения генерала Робертса[941].

Осенью 1879 года, Горлов исправно поставлял рапорты с подробным изложением военных действий, движениями англичан, устройством их тылов и действиям перед лицом афганцев, становясь осведомителем военного министерства в деле афганской войны, на театр которой не допускались посторонние. В декабре, Кабул перешёл в руки повстанцев, которые смогли соединиться в одну армию и выбить англичан из столицы своей страны[942]. Оставление Кабула, стало серьёзным поражением для английских войск, и эти неудачи, не могли не отразиться на русской политике в отношении Средней Азии.

Как уже было сказано выше, начальные успехи англичан и поражение Ломакина, серьёзно обеспокоили Милютина в отношении положения России в Средней Азии. В Петербурге 11 и 25 февраля состоялись Особые совещания, по вопросу о дальнейшем продвижении в Туркмению. Начальник Главного штаба, генерал Гейден выступал категорически против какого– либо движения вперёд, предлагая даже очистить Закаспийскую область. Генерал Обручев, настаивал на

[938] Там же. Л. 189
[939] Там же. Л. 220.
[940] Там же. Л. 221.
[941] *Соболёв Л.Н.* Указ.соч. С. 100.
[942] *Ромодин В.А.* Указ.соч. С. 71.

том, что ввиду активной политики Великобритании в Средней Азии, подобный шаг будет весьма неразумным[943]. По итогу было решено продолжить движение к Геок– Тепе. Начальником новой экспедиции был назначен генерал от инфантерии М.Д. Скобелев[944]. Примечательно появление в этом свете записки генерал-майора Борха «Экспедиция в Ахал–Теке», где он четко отмечал суть всех этих военных перемещений: «Рождается вопрос о том, русское или английское влияние должно первенствовать в Персии»[945].

В такой ситуации, требовалось иметь точные данные о ведущейся англичанами кампании в Афганистане. В донесении от 15 (27) мая 1880 года за № 46, Горлов писал, что Англия желает закончить войну с Афганистаном, вывести войска из Кабула и ищет для этого любой предлог. Политики Лондона и Калькутты решили, что Великобритания достигнет своих целей в Афганистане, если возведёт на престол эмира Абдур–Рахман–Хана, и сделает провинцию Кандагар полузависимой от англо-индийского правительства[946]. О важности Кандагара, как передового пункта на пути к Герату, свидетельствуют массово выходившие брошюры о его политическом значении[947], частые обсуждения кандагарского вопроса в парламенте летом 1880 года. Основными аргументами сторонников удержания Кандагара под британским владычеством было то, что с Северо–Западной границы, Индии угрожают афганцы, и русские или вероятный союз русских и афганцев[948], поэтому, Британии будет проще удерживать Кандагар, как ключевой пункт на пути в Индию, чем весь Афганистан[949]. Лорд Робертс получил отставку с поста главнокомандующего, что вызвало ликование среди туземцев Индии и Афганистана ввиду жестокостей, которые он себе позволял на своём высоком посту, и к вице– королю, лорду Литтону, были

---

943 *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 159–160, 166–167.
944 Там же. С. 170.
945 *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 45.
946 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1880). Д. 4. Л. 27.
947 Смотри к примеру: *Boulgher D.G.* Ought we to hold Candahar? L., 1879. *D.B.* Our Afghan policy and occupation of Candahar. L., 1880.
948 D.B. Op.cit. P. 3.
949 Ibid. P. 10–11.

посланы делегации с просьбами вернуть им право ношения оружия[950]. Это показывало, что по сути, Англия не справилась с ведением войны в Афганистане, и достижение её целей в этой войне – превращения Афганистана в новую колонию и контроль за горными проходами, ведущими из Туркестана в Индию было под большим вопросом.

Лето 1880 года резко отличалось от лета 1877 года, как говорилось в депеше от 10 (22) июля № 71: «Крики против России почти совсем стихли, небольшое ворчание, конечно продолжается, но оно всегда существовало, и общее всей Европе; таким образом выходит, что Англия – судя по выражению её через прессу – почти совсем вошла по отношению к России в среднее, нормальное, русло». Скорее, это было вызвано тем, что было решено оставить Кабул, если туда прибудет Абдур– Рахман– хан, а Кандагару даже хотели вернуть его положение status– quo ante bellum, а вот покорение войсками генерала Скобелева Туркмении воспринималось британской прессой как нечто неизбежное, несмотря на желание отдельных политиков устроить из текинского оазиса нечто вроде британской базы в Центральной Азии, при этом настроение части общества оставалось настороженным, опасаясь выхода Скобелева в Герат[951].

На заседании британского парламента от 28 июля (10 августа) 1880 года, министерству по делам Индии был сделан запрос – **движется ли армия генерала Скобелева на Герат (выделено мной – А.Т.),** как относится эмир Абдур– Рахман– хан к России, есть ли русские офицеры в армии Агаб– Хана под Кандагаром и по поводу отзыва войск из Афганистана. Все вопросы тесно связаны с Россией и её движением в Туркмению, но в Лондоне были уверены, что след за Туркменией последует Афганистан, что создавало угрозу Индии. Ответ министра по делам Индии, С. Кавендиша, маркиза Гартингтона был таков, что о движении русских войск в Туркмении трудно получить надёжные сведения. Известно лишь то, что малый отряд под командованием генерала Скобелева

[950] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1880). Д. 4. Л. 27.
[951] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1880). Д. 4. Л. 28 об.

движется по Туркмении, но Герат не стоит его целью, и при афганской армии нет русских офицеров[952].

Этот ответ Горлов воспроизвёл в своём донесении, прибавив ответ по поводу вывода войск из Кабула – что это не окажет влияние на действия войск генерала Робертса, но окажет дурное моральное влияние на войска, которые не желают поражения, а оно было только в Кандагаре.

Тут же Горлов делал выводы, что Англия не склонна не доверять экспедиции Скобелева, что даёт ему возможность достичь всех поставленных целей в Туркмении, более того, необходимо дальше сохранять секретность вокруг неё, так как это не даёт Англии каких– либо сведений для антирусской агитации.[953] Это не удерживало газетчиков от распространения ложных слухов – что, якобы, на Скобелевский отряд напали туркмены, сам генерал был пленён, а ему отрезали голову: «Такая депеша, очевидно сочинённая в самом Лондоне, напоминает собой депеши во время последней нашей войны с Турцией, где постоянно сообщались сведения о поражениях русских войск; она есть как бы отголосок отживающей системы – война с Россией через газеты»[954]. Про войну через газеты – меткое замечание, которое характеризует британскую прессу и «заказ» властных кругов королевства во внешней политике, причём Горлов называл заказчиков – Ротшильды[955]. Тем не менее – правительство было совершенно уверено, что после Текинского оазиса[956], Скобелев не двинется на Герат и Кабул, что развязывало России руки в Туркмении.

20 июля 1880 года, Абдур–Рахман–хан, родственник Дост– Мухаммеда, провозгласил себя эмиром Афганистана, а на дурбаре племенных старейшин в Кабуле 22 июня, было объявлено, что Великобритания признаёт Абдур–Рахмана как законного эмира Афганистана[957]. Он смог договориться с англичанами о том,

---

952 Там же. 25 об.
953 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1880). Д. 4. Л. 26.
954 Там же. Л. 26.
955 Там же. Л. 28 об.
956 Hansard's Parliamentary debates. Third series. L., 1881. Vol. 258. P. 342.
957 *Ромодин В.А.* Указ.соч. С. 75.

что британский агент в Кабуле не будет присутствовать, а поддерживать связь Кабула с Калькуттой будет британский представитель при эмире из местных мусульман. При этом, эмир лишался права вести самостоятельную внешнюю политику, которая должна была вся идти через Лондон[958]. Однако война не закончилась – английские войска теперь выступали как полицейская сила, расправлявшаяся с врагами молодого эмира, ибо против него выступил правитель Герата, Аюб–Хан со своей армией.

В донесении № 84 от 30 августа (11 сентября) на имя военного министра, Горлов сообщал о том, что лорд Робертс разбил Аюб– Хана 1 сентября 1880 года. Признавая военный талант лорда Робертса, Горлов заявлял, что в этом нет ничего особо выдающегося. Он писал, что переход из Кабула в Кандагар в 474 версты был сделан за 28 дней, что уступало броску русских войск из Ташкента в Кульджу. Причём эта дорога была самой ровной в Афганистане, обоз перемещался на мулах и лошадях, продовольствие имелось на всём пути, а местные жители настроены дружественно – не было сделано ни одного выстрела в сторону отряда, погода была сухая и жаркая, поэтому Горлов не считал этот марш– бросок выдающимся достижением[959].

Далее, он перешёл к разбору сил сторон, участвовавших в сражении у Куш– и– Находе. Афганская армия была сильна только первым натиском, в который влагала всю свою храбрость, но в случае его неудачи, воины начинали дезертировать. Впрочем, и военная победа не гарантировала афганцам удержания армии – дезертирство было и после победы в декабре 1879 года, когда лорд Робертс был выбит из Кабула. В июле 1880 года, до того, британские войска потерпели поражение при Майванде, армия Аюб– Хана была при своём вожде, а после победы, из войска началось дезертирство, в результате чего к 1 сентября Аюб– Хан остался без конницы, с разложенной пехотой, без артиллеристов, поэтому лорд Робертс без особого труда разбил это войско[960].

---

[958] Там же. С. 76.
[959] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1880). Д. 4. Л. 30.
[960] Там же. Л. 31.

Однако, Горлов немного ошибался в своих данных в отношении войска Айюб– Хана, по данным самого Робертса, армия хана у Кандагара насчитывала 4000 регулярных войск, шесть 12– фунтовых и два 9– фунтовых нарезных орудия, четыре 6– фунтовые гладкоствольные батареи, одна 4– фунтовая батарея, 2000 всадников и примерно вдвое больше гази, треть которых имеет огнестрельное оружие, а также накануне битвы к нему присоединились отряды вождей Мусы Джана и Хашим– Хана[961].

Причину тактического успеха Робертса, Горлов видел в том, что тот успел заранее занять ключевые позиции, и опираясь на них, нанести удар по плохо охраняемому ополченцами, лагерю хана. Но никто из афганских командующих не попал в плен, не было взято ни одного знамени, не было взято пленных и оружия. Поэтому разгрома афганской армии не вышло – войска почти свободно сумели уйти[962]. Робертс, после сражения, в своей телеграмме вице– королю, сообщал, что им было захвачено несколько орудий[963]. Моральный эффект от такой победы был высоким – основной противник был разгромлен, и этот успех укрепил престиж либерального правительства[964].

Однако поражение Айюб– Хана и снятие осады с Кандагара, так и не решило вопросов о статусе города. Если предыдущее правительство было готово сделать из него вассальное княжество, то нынешнее видело антианглийское настроение жителей этой провинции и колебалось[965]. Все ответы спикера парламента на запросы о судьбе Кандагара звучали так, что правительство озабочено этим, и внимательно всё взвешивает, что обозначало отсутствие точного решения по этому вопросу.

Горлов точно оценивал, что споры вокруг судьбы Кандагара, это почти вопрос о положении англичан в Афганистане и, следовательно, о престиже в Индии. Горлов писал, что уход оттуда в 1879 году, показал слабость англичан и

---

961 Hansard’s Parliamentary debates. Third series. Vol. 256. L., 1881. P. 10–18.
962 РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880) Д. 4. Л. 31-32.
963 Hansard’s Parliamentary debates. Vol. 256. P. 1277.
964 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1880). Д. 4. Л. 32 об.
965 Там же.

спровоцировал беспорядки и волнения среди местного населения на Северо–Западе Британской Индии, в результате чего пришлось привлекать войска для их подавления: «На эти обстоятельства, мне кажется, следует обратить особое внимание, так как они дают верное преставление о характере положения английской власти в Индии. Небольшого поражения в Афганистане было достаточно, чтобы потрясти всю страну от Кандагара до Бомбея включительно, а между тем, эта Западная часть Индии всегда считалась гораздо более прочною и преданною Англии, нежели кишащая недовольством и враждебностью долина Ганга и вообще Бенгальское президентство». Из этого следовал прогноз на случай войны Англии с Россией: достаточно двух поражений британской армии со стороны Гиндукуша или Сулеймановых гор, чтобы в Индии немедленно вспыхнуло восстание, которое если не опрокинет британское владычество в этой стране, то во всяком случае очень сильно его поколеблет. При этом, Англия будет сильно затруднена в ведении войны по части снабжения, так как уже лето–осень 1880 года показали, что содержание 10 000 армии в Кандагаре для Англии невозможно[966].

К донесению был приложен отчёт о движении лорда Робертса из Кабула в Кандагар, с подробным перечислением полков, входивших в состав отряда, и соотношение англичан и индусов в полках – оно было примерно одинаковым, на 300– 700 англичан в полку приходилось столько же индусов. В отчёте были расписаны способы движения колонны, обозы, количество людей, лошадей, названы командующие, было подробное описание самой дороги[967]. Последнее особенно интересно, так как это могло представлять ценность для русского командования в Туркестане, на случай планирования вторжения в Афганистан. Также прилагался отчёт с подробным описанием сражения с войсками Айюб–Хана[968].

[966] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1880). Д. 4. Л. 33.
[967] Там же Л. 34–35.
[968] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1880). Д. 4. Л. 38–41.

Позже, вдогонку, Горлов выслал ещё одно письмо на имя военного министра, в котором содержалось подробнейшее изложение описания дорог в Кандагаре[969]. Ввиду отсутствия в России подробных карт Афганистана, равно как и возможности посылки исследовательских экспедиций для составления таковых, подобные сведения становились весьма важными. Анализ марша Робертса из Кабула в Кандагар и разбор битвы при Куш– и– Находе, должны были продемонстрировать русскому генералитету возможности театра военных действий и потенциальных неприятелей, афганцев и англо-индийских войск. На этом материале русское командование должно было извлекать уроки о войне в Афганистане, и делать выводы для себя, ибо вторжение в 1878 году не состоялось, поэтому представилась прекрасная возможность учиться на чужом опыте.

Письмо от 19 сентября (1 октября) было срочным, так как Горлов сообщал о решении британского правительства вывести войска из Кандагара после того, как там восстановится порядок, и желательно, в скором времени. По его словам, это решение вызвало большое недовольство в британском военном ведомстве, которое было направленно против правительства[970]. На этом фоне довольно интересным был рапорт от 13 (25) ноября за № 97, в котором Горлов сообщал о визите нового вице– короля Индии, лорда Райпона в Кашмир и его конфликт с местным магараджей. Донесение было подробным, излагало ход конфликта, но для Горлова это событие имело значение лишь потому, что ухудшение отношений Кашмирского магараджи с Англией, могла быть полезной для России[971]. Других рапортов за 1880 год, не сохранилось, поэтому о содержании рапортов за декабрь 1880 года, можно только догадываться.

Одновременно, Индию в 1880 году посетили два русских офицера – генерал-лейтенант Д.Г. Столетов и генерального штаба подполковник Н.Я. Шнеур. С декабря 1879 по февраль 1880 гг., генерал Столетов пробыл в Индии, в Пенджабе,

969 Там же. Л. 42–47.
970 Там же. Л. 48.
971 Там же. Л. 52.

выдавая себя за путешествующего профессора из Швейцарии[972]. Столетов свёл дружбу с туземцами мусульманами, от которых узнавал настроения местного населения. В январе 1880 года, он прибыл в Калькутту, где пробыл две недели, с целью познакомиться с высокопоставленными чинами английской администрации, но потерпел неудачу – вице– король, лорд Литтон, бенгальский губернатор и командующий войсками Бенгальской армии уклонились от встречи с Столетовым. Знакомые со Столетовым американские и французские коммерсанты в Калькутте, передавали ему, что за ним учинён полицейский надзор. Ввиду бесполезности дальнейшего пребывания в Индии, генерал отбыл в Россию[973].

Отчёт его на имя военного министра был очень краток, но содержателен. Сообщалось, что англичане в Индии ненавидят русских, но очень высоко оценивают русские войска. Перспективы войны в Афганистане ими виделись весьма плачевными, англо-индийская армия оценивалась колониальными властями очень низко, доказательством чему служило частое и массовое дезертирство солдат в Афганистане, надежда возлагалась на гуркхские части. Индусы и сами англичане были уверены, что русские прекрасно ведут свою политику в Афганистане, зная местные обычаи, а англо-индийская администрация и вице– король, лорд Литтон, подвергалась порицаниям, ввиду некомпетентности[974].

Путь Генерального штаба подполковника Н.Я. Шнеура в Индию, был вызван не англо-афганскими затруднениями, а русско-китайскими. С мая 1871 года, китайская территория – Илийский край с центром в г. Кульджа был занят русскими войсками, дабы обезопасить Туркестан от последствий антикитайского восстания Якуб– Бека в Сицзяне. В 1878 году, ввиду победы китайцев над повстанцами, встал вопрос об эвакуации войск из Илийского края, и на Особом совещании 4 (16) марта 1879 года, было решено вывести войска,

[972] Русско-индийские отношения в XIX веке. М., 1997. С. 245.
[973] Там же. С. 246.
[974] Там же. С. 245.

предварительно добившись от китайцев уступок по торговым делам и уступки территории по Тянь– Шаню.

2 октября 1879 года, был подписан Ливадийский договор между русским посланником в Китае Е.К. Бюцовым и китайским посланником Чун Хоу, по которому Китай соглашался на все русские требования и уплачивал контрибуцию в 5 млн. рублей [975] . Однако китайское правительство не ратифицировало договор и начало готовиться к войне.

Как сообщал генерал Горлов из Лондона в донесении № 46 от 15 (27) мая 1880 года, что вероятная война России и Китая очень обеспокоило английское торговое сообщество, которое было уверено, что Россия установит блокаду китайских портов. В случае установления оной, англичане собирались активно действовать в обход неё, так как у России нету достаточного числа кораблей для установления блокады, или не признавать её и де– юре и де– факто. Более того, по словам Горлова, в Англии царило убеждение, что китайские затруднения есть результат интриг Бисмарка, поэтому Англия не будет ввязываться в русско-китайские разборки, так как война с Китаем повредит её торговле[976].

Донесение генерала Горлова № 57 от 17 июня (29 июня) 1880 года, сообщало, что английский полковник Ч. Гордон, получив некий пост при вице–короле Индии, вскоре отказался от него и отбыл в Китай. Индийские газеты объясняют это тем, что Гордон должен стать главнокомандующим китайскими войсками в случае войны с Россией, и намекали, что от этого назначения зависит судьба вероятной войны России с Китаем. Горлов уточнял, что Гордон уже был главнокомандующим китайскими войсками во время восстания тайпинов в 1863–1864 гг. и был военным инструктором в Египте в 1870-х годах[977]. Поэтому, опыт работы Гордона с китайскими войсками и его навыки не вызывали сомнения в цели его новой миссии. Горлов характеризовал Гордона в 1878 году

[975] *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015. С. 40–41.
[976] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 31. Л. 22 об.–23.
[977] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 31. Л. 17.

как «полуанглийского» офицера: «сорта Retour d,Egypte or de Chiene»[978]. При этом, он хорошо оценил его: «Гордон есть человек необыкновенно энергичный и умеющий управлять дикими и вместе с Вульслеем, сумеющий составить очень хорошее начальство для англо-диких войск»[979]. Поэтому, прибытие энергичного и опытного человека в Китай, знакомого с его военными особенностями, выглядело весьма опасно.

По поводу его командировки в Китай, Горлов сообщал сведения, что Гордон просил сначала назначение в Китай у правительства, но ввиду того, что он получил отказ от либерального министерства Гладстона, не желавшего вести агрессивную политику кабинета лорда Биконсфильда, Гордон уехал в Китай по своей инициативе. При этом, он опубликовал письмо, что ввиду знакомства с ужасами войны, он едет туда, чтобы войну предотвратить. Горлов назвал это выступление Гордона в печати ложью[980]. Горлов ссылался на статью из Daily News, в которой писалось о законе 1867 года, согласно которому английскому офицеру, под страхом строгого наказания запрещалось поступать на службу в Китай или Японию, или принимать участие в боевых действиях, ведущимися этими странами против правительства, с которым Англия состоит в мире, кроме особого разрешения монарха. Гордон же такого разрешения не имел, посему автор статьи рекомендовал арестовать Гордона и предать его суду. Горлов, рекомендовал сообщить русскому послу в Китае этот факт, и на основании сего следить за английскими офицерами на китайской службе и сообщать о них английскому посольству[981]. Можно предположить, что Горлова интересовала возможность лишить китайские войска инструкторов– европейцев на основании этого английского закона.

Поездка полковника Шнеура и капитана Бодиско в Китай и Индию.

---

[978] Возвращенное в Египет собачье золото. – фр. Собачьим золотом именовали метал пирит, который из-за своей схожести с золотом получил название «золота дураков» или «собачьего золота». Здесь подразумевается ложная драгоценность, переоценённый человек.
[979] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1878). Д. 4. Л. 159.
[980] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 31. Л. 17 об.
[981] РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1880). Д. 31. Л. 17 об.

На оборонительные меры против китайцев, Россия с 1879 по 1880 годы истратила около 7 млн. рублей[982]. В 1880 году, при доходах в 615 016 653 руб., расходы составили 694 505 313 руб., что привело к дефициту в 43 488 630 руб[983]. Из них, как было указано в отчёте Государственного контролёра на 1881 год, сверхсметные расходы военного министерства на приготовления к войне с Китаем и организацию экспедиции Скобелева в Ахал– Теке 50 730 982 млн. рублей[984].

По сравнению с этими суммами, финансы военных расходов на Дальнем Востоке в 7 миллионов выглядят скромно. Если морское министерство располагало точными сведениями о закупке китайцами кораблей в Германии[985], то военное министерство нуждалось в проверке сведений о закупке китайцами оружия в Англии и Германии.

Для проверки этих сведений, начальником Азиатской части Главного штаба, генерал-лейтенантом Л.Н. Соболёвым предполагалось отрядить двух офицеров генерального штаба по маршруту – Германия – Великобритания – САСШ – Китай, после чего один бы остался в качестве секретаря миссии для дальнейшего сбора сведений, а другой поехал бы через Сибирь в Петербург, дабы принять участие в обработке полученных сведений[986].

Для этой миссии, Соболёв рекомендовал делопроизводителя ВУК, Генерального штаба полковника Шнеура и старшего делопроизводителя 24 пехотной дивизии, Генерального штаба капитана Бодиско, так как оба владели иностранными языками, а Бодиско: «говорит на английском языке, как природный англичанин»[987].

---

[982] РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 1 об.
[983] *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. История-статистика. СПб., 1882. Т. 2. С. 281
[984] Всеподданнейший отчёт государственного контролёра. 1881 год. С. 8.
[985] Морская хроника. Китайский броненосец Ting-Yuen. // Морской сборник. 1882. №2. С. 27–29; *Якимович А.* Броненосец «Тинг-Юен». // Артиллерийский журнал. 1883. №10. С. 144–146.
[986] РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 2 об.–3.
[987] Там же. Л. 3.

В докладе по военному министерству на имя императора от 27 июня, предлагалось, что по собиранию сведений в Китае, полковник Шнеур мог бы вернуться в Петербург морем, чтобы собирать сведения в английских портах о мерах, предпринимаемых ввиду русско-китайского столкновения[988]. Соболёв, составляя инструкцию для офицеров, указывал, что им стоит связаться с помощником морского агента в Лондоне, капитан– лейтенантом Линденом[989], по вопросу о закупке китайцами кораблей в Англии. В ответном письме Соболёву, о просьбе содействовать офицерам, военный губернатор Приморской области, генерал-майор М.П. Тихменёв, наметил несколько пунктов для работы офицеров и шестым пунктом шел вопрос о местонахождении Гордона[990]. Его волновало то, где находится этот английский генерал, и вероятно, он был оповещён о его возможном местонахождении в Китае.

Из этого следует, что британский фактор в осложнениях с Китаем играл решающую роль, посему рассмотрение результатов поездки Шнеура и Бодиско в Англию и выявление ими британской помощи Китаю в его военных приготовлениях, должно рассмотреть отдельно.

Посему, в инструкции полковнику Шнеуру и капитану Бодиско, прописывалось – узнать, не вошел ли Китай в переговоры с какой– либо европейской державой с целью уступки судов и вооружения или разрешения офицерам этой державы поступать на китайскую службу, узнать о военных заказах Китая в Европе – количество заказа, завод– исполнитель, сроки изготовления заказа, цена и условия соглашения и место сдачи заказа. При этом, Капитану Бодиско предписывалось собрать сведения об этом в странах Северной Европы – Германия, Бельгия, Голландия, Англия, причём по пути следования они могли воспользоваться помощью военных и морских агентов, а также сотрудников посольств[991]. Военным агентам, в частности, генерал– майору А.П.

[988] Там же. Л. 5.
[989] Там же. Л. 12.
[990] Там же. Л. 15.
[991] РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 21–22.

Горлову в Лондон, были разосланы письма, с просьбой оказать этим офицерам всевозможное содействие во время их командировки[992].

По собиранию сведений в Европе и САСШ, офицерам, помимо осмотра арсеналов, складов, крепостей, собирания сведений о вооружении и устройстве армии Китая, отдельным пунктом проговаривалось узнать положение подполковника Гордона в китайской армии, а также собрать сведения об иностранных офицерах, поступающих в китайскую армию[993].

Полковнику Шнеуру рекомендовалось, после отчёта русским военным властям во Владивостоке, возвращаться в Петербург морским путём через Суэцкий канал и собрать сведения о военных приготовлениях англичан.[994] То есть, в окончательной инструкции офицерам нашли отражение все советы и рекомендации, данные в ходе её составления. Итак, после Китая, второе место в списке приоритетов в поездке Шнеура и Бодиско, занимала Великобритания.

В письме на имя генерала Соболёва из Лондона, Шнеур сообщал, что Горлов указал ему на человека, через которого можно установить наблюдение за отправкой оружия и боеприпасов из Англии – некто г.Харлей, служащий некоего торгового дома, который торговал оружием по всему миру, и 15 лет состоял представителем оного при артиллерийском ведомстве военного министерства Англии. Тот представил полковнику Шнеуру данные, что в Китай прибыло около 100 000 винтовок Маузера, к ним 5 млн. патронов, и руководил процессом передачи Китаю германский офицер. При этом, было поставлено 10 000 винтовок Шнейдера, 10 000 винтовок Энфильда (английских), 5 000 винтовок Ремингтона, а также в Берлине китайским послом было закуплено 1 000 торпед Уайтхеда.

Торпеды изготовлялись в Англии, и на материалы для них ушло около 500 000 долларов. Из Англии же, в октябре, через Суэцкий канал отбыла партия в 1 260 винтовок Ремингтона, и готовилась к отправке партия в 6 000 карабинов

[992] Там же. Л. 32.
[993] Там же. Л. 24.
[994] Там же. Л. 25.

Винчестера с патронами к ним[995]. Все это явно указывало на военную помощь англичан и немцев Китаю.

Выехав из Китая в Японию, полковник Шнеур получил предписание: «вернуться в Россию через Индию, собрав осторожно проездом сведения о состоянии английских колоний и о впечатлении, произведенном нашими успехами в Средней Азии»[996]. Сам Шнеур писал в своём отчёте, что он собирался сначала проехаться от Мадраса до Бомбея и выяснить возможность сбора сведений в Индии, и в случае успеха, продолжить путь на север страны[997].

Во время пребывания в Бомбее, полковник Шнеур невольно выдал себя, как «русского офицера». По его словам, русское имя обладало почти магическим действием на туземцев – те живо интересовались, скоро ли придёт генерал Скобелев, и даже уличный торговец пытался уговорить его взять что– нибудь даром. Во время пути на север, он познакомился с двумя английскими офицерами, входившими в состав комиссии, расследовавшей причины поражения англичан при Майванде. Из разговоров с ними, полковник сделал «некоторые выводы» о боеспособности англо-индийской армии, которые, впрочем, не были озвучены в докладе. Жители севера Индии, не только не знали о Скобелеве, но и высказывали полную антипатию к возможному приходу русских, что было приписано действию цензуры и контролю английских властей[998].

В его донесении стоит выделить аспект отношения англичан к туземцам и причины ненависти последних. Проводник полковника принадлежал к касте брахманов[999]: «Из предшествовавших его рассказов можно было заключить, что он ненавидит англичан, несмотря на то, что они дали ему высшее образование, за стремление нивелировать все касты, но вместе с тем ни одну из них не

[995] РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 86 об.
[996] Русско-индийские отношения в XIX веке. М., 1997. С. 252.
[997] Русско-индийские отношения... С. 252.
[998] Там же. С. 253.
[999] Жреческая каста, занимавшая высшую ступень социальной иерархии индийского общества.

поставить наравне с собою. «…» Более образованные ненавидят англичан, потому что более живо чувствуют унижение, как свое личное, так и своей родины» [1000] . Отмеченная им политика отмены местных обычаев с целью введения европейских порядков возбуждала в индусах нелюбовь к англичанам, как к разрушителям местных устоев.

Одновременно, индусы обязаны были терпеть насмешки и презрение колонизаторов, относясь к ним с почтением – солдат-индус обязан был отдавать честь каждому европейцу, но англичане не пускали индусов в вагоны первого класса, а на станциях висели объявления с просьбами не кидать в туземцев из окна вагонов бутылки и камни.

Помимо покушения на старые обычаи и унижений на расовой почве, на индусов, по словам Шнеура, давил материальный фактор – средний поземельный налог равнялся 5,6% валового урожая, а местами он доходит до 7,5%, причём при сборах налога происходили значительные злоупотребления, а косвенные налоги достигали значительных размеров [1001] . Согласно отчёту Палаты Общин, кампания 1878–1879 гг. обошлась казне в 676,380 ф.с., кампания 1879–1880 до мая– месяца, обошлась в 3,207,880 ф.с., из них 3,033,400 ф.с. пришлись на индийскую казну и 2,500,000 – на 1880 год. Таким образом, война обошлась британской казне в 6,404,260 ф.с[1002]. Однако, указанные цифры за 1879–1880, включали военные расходы без учета военных операций в Афганистане. По официальным данным, доходы индийского правительства на 1879–1880 были 67 615 205 ф.с., при расходах в 67 285 690 ф.с[1003], из которых 17 092 144 ф.с. за весь 1880 год, было потрачено на армию, включая расходы на войну[1004].

Из этих цифр следует, что основной груз войны несла на себе Индия. Это не было обременительно для её бюджета при общих доходах, однако учитывая

[1000] Русско-индийские отношения... С. 25.
[1001] Русско-индийские отношения... С. 253. Эти данные – налог в виде 5–7% от урожая, подтверждаются официальным изданием *Temple R.* India in 1880. L., 1881. P. 245.
[1002] Hansard's Parliamentary debates. Third series. L., 1880. Vol. 252. P. 233.
[1003] *Temple R.* Op.cit. P. 442.
[1004] Ibid. P. 445.

налоговый гнет на населении и общее превышение расходов над доходами, война ложилась дополнительным бременем на население.

Эти наблюдения подполковника вполне подтверждаются теми заметками, которые делал художник В.В. Верещагин, бывший в Индии в середине 1870-х. Он писал, что англичане в Индии организовали прекрасные школы, дороги, прекрасная администрация, суд, и хвалил их успехи в «развитии гражданственности и распространении знаний», однако отмечал, что население бедно, содержание администрации обходится туземцам дорого и индусы ненавидят англичан за их надменность.

Судья в Индии получал суммы, в переводе на русские деньги, от 20 000 до 40 000 рублей, начальник уезда получат такое же жалование, а губернатору полагалось 300 000 рублей в год. После двадцати лет службы, годовая пенсия индийского чиновника составляла, в пересчёте на русские деньги, 10 000 рублей[1005]. Для сравнения, на содержание администрации в 1880 году, было индийским бюджетом истрачено 1 487 852 ф.с., на содержание судей – 3 297 063 ф.с., а на образование было выделено 978 254 ф.с[1006]. Ввиду высоких налогов, можно понять, что методом содержания администрации были большие поборы с местного населения.

Верещагин также отмечал нелюбовь бедных индусов к англичанам за пренебрежение к местным обычаям, как например, сплав трупов по реке Ганг, так как индусы веровали, что тело по реке уплывёт в рай, а англичане запретили этот обычай ввиду санитарных мер[1007], и тенденции к уравнивания каст в правах[1008].

Наблюдения Шнеура подтверждали мнение генерала Горлова о большом недовольстве индусов английским правлением, и сам подполковник пришел к выводу, что Индия находится: «Под чрезмерным гнетом, нравственным и

[1005] *Верещагин В.В.* Указ.соч. С. 236.
[1006] *Temple R.* Op.cit. P. 445.
[1007] Верещагин В.В. Указ.соч. С. 236–237.
[1008] Там же. С. 239.

материальным, и вполне сознает этот гнет. Вследствие этого ненависть населения к англичанам до того сильна, что легко может перейти в открытое восстание по сравнительно говоря ничтожному поводу.»

В качестве будущего избавителя рассматривалась Россия, как исконный враг англичан, по мнению индусов. Это ожидание русских войск генерала Скобелева, было вызвано движением русских к Ахал– Теке. Как оценивал это Шнеур: «При появлении же наших войск в пределах Индии можно рассчитывать как на общее восстание, так и на содействие полунезависимых владетелей и, может быть, даже на измену туземных английских войск»[1009].

В результате, подполковник Шнеур приходил к выводам, что это положение дел: «Превращает «индийский вопрос», который может быть вызван Россией во всякое время и висит над англичанами как Дамоклов меч, в тот рычаг, который позволяет нам, при некотором желании, заставить англичан быть уступчивыми относительно нас по всем вопросам международной политики»[1010]. Фактически, Шнеур точно сформулировал то, о чём писал и Горлов – неустойчивость английского положения в Индии превращает русское присутствие в Средней Азии в фактор давления на Англию, которым следует пользоваться России для решения англо-русских противоречий. Причём Шнеур, как и Горлов, предлагал поддерживать антибританские восстания в Индии, в случае выдвижения к ней русских войск.

Эта большая поездка двух офицеров– генштабистов в Китай и Индию, имела большое значение в том плане, что она не только подтверждала и дополняла все те сведения, которые военное министерство получало от военного агента в Лондоне, но и показывало необходимость увеличения накоплений знаний о Китае и Индии, так как имевшиеся сведения не удовлетворяли русских военных, не давая точной и нужной картины, что ставило на повестку дня вопрос об организации разведки непосредственно в этих странах. Поэтому, по её итогам

[1009] Русско-индийские отношения... С. 254.
[1010] Там же. С. 255.

было решено сформировать пост военного агента в Пекине, который бы смог оценивать всю обстановку в Китае на месте[1011], и ставило на повестку дня вопрос об увеличении сбора сведений об Индии и Китае.

Выводы.

С 1874 по 1882 год, Горлов, будучи на посту агента в Лондоне, смог исправно снабжать военное ведомство подробной информацией о военных планах Англии, анализировать потенциал сил Британии, уже имея опыт пребывания военным агентом в САСШ. Источниками его сведений становились, как и личные наблюдения – посещения арсеналов, заводов, беседы с высокопоставленными политиками и людьми, имевшими доступ к секретной информации, так и аналитика прессы, организация агентурной сети, которая поставляла ему секретные сведения.

Благодаря деятельности генерала Горлова, стало известно, что Лондон активно поддерживает турок поставками оружия, присылкой офицеров–инструкторов и ведением шпионажа в пользу Турции.

Горлов смог еще на рубеже 1876–1877 гг. добыть сведения о том, что Британия готовит 20 000 военный отряд для посылки его на в Галлиполи и Константинополь, дабы не допустить русских на Проливы. Эти данные, совпадают с аналогичными сведениями из англоязычных источников. На основании сравнения данных из донесений Горлова и военных планов, составленных в русском Главном штабе, можно сказать, что донесения разведки легли в основу плана войны с Турцией, повлияв на постановку целей и методы, а именно: занятие Константинополя в кратчайшие сроки, дабы успеть раньше предполагаемого десантного отряда англичан.

Летом 1877 года, эта угроза сохраняла свою актуальность, и Горлов периодически сообщал о всех мероприятиях Великобритании для подготовки войны с русскими. Вполне можно предположить, что эти данные способствовали

[1011] *Фалько С.А.* Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894). // Клио, № 2(98)., 2015. С. 137.

русским гарантиям британскому правительству не занимать Константинополь и Проливы.

Обозрение контекста русско-британских отношений за 1877–1878 гг., показывают, что отказу России от занятия Константинополя послужили два фактора.

Первый – согласие турок на русские условия мира, что лишало необходимости занятия города с целью давления, второй – мнение военного министра об опасности русско-английской войны в случае занятия города. В треугольнике император – министр иностранных дел – военный министр, последний имел как минимум три источника информации: сообщения посла из Лондона, сообщения от военного агента из Лондона (прямо или через начальника канцелярии ВУК) и депеши главнокомандующего Дунайской армией.

Таким образом, складывалась картина, при которой занятие Константинополя угрожало новой войной, в случае которой армия была бы разгромлена англо-турецкими силами. В итоге, император, опираясь на мнение военного министра, принимает решение не занимать Константинополь. Таким образом, эти источники, вполне складывались в достоверную картину сложившейся ситуации, обрисовывая которую, министр смог влиять на принятие важных политических решений, и одним из важных компонентов которых становились донесения военной разведки.

Ввиду отказа от занятия Константинополя, на первое место выходит оборона входа в Черное море от британского флота, путём занятия Босфора. Эта мысль впервые озвучена Обручевым в докладной записке, начала 1878 года, её основные положения отразились на докладе Милютина императору, который одобрил мнение министра.

Военные начинают видеть больше пользы в занятии этого пролива или его азиатского берега, с целью создания оборонительных позиций для артиллерии и минирования Пролива, чтобы поставить заслон английскому флоту. Ввиду этого, Дунайской армии зимой– летом 1878 года, предписывалось, в случае начала

войны – занять Босфор, и вести оборону в районе Константинополь– Галлиполи– Адрианополь, против вероятного десанта англичан. Последние, готовясь заручиться поддержкой Австрии и Греции, планировали высадить войска в Салониках и на Босфоре, дабы оккупировать Проливы и не дать русским занять их.

Россия же, приняла меры для имитации подготовки военного похода в Афганистан и Индию. Стоит отметить здесь роль военного агента Горлова, указывавшего на желательность угрозы Индии, как на средство давления на англичан в Восточном вопросе.

Вся эта борьба выявила взаимосвязь Восточного и Среднеазиатского вопросов в русской политике. Средняя Азия превращалась в восточный фланг англо-русской борьбы, от которого зависел исход дел в Турции. События 1878 года показали, что серьёзного воздействия на политику англичан на Берлинском конгрессе это не оказало, но для Великобритании и России, Афганистан приобретает значение, как поле разрешения противоречий по Восточному вопросу.

Ввиду переноса центра тяжести русско-британской борьбы на Среднюю Азию, внимание Голова концентрируется на этом регионе. Все рапорты Горлова за период конца 1878–1880 гг., можно разделить на два больших блока: первый – донесения о политике Лондона в отношении Индии, Афганистана и Туркестана, второй – донесения о ходе боевых действий и состоянии британской армии.

В первом блоке, он сообщал о реакции на миссию Столетова, которая дала Англии повод для силового воздействия на Афганистан, и меры, предпринятые для этого, а именно – составление плана войны, определение её целей, действия политиков и общественное мнение. Особое внимание он придавал положению англичан в Индии, считая его шатким из– за угрозы восстания местного населения. Из этого можно сделать вывод, что трудности в Индии, делали положение Англии в регионе уязвимым, и выдвижение России становилось непосредственной угрозой британской Индии. На эти рапорты в Петербурге

отреагировали отзывом миссии Столетова и сворачиванием отношений с Афганистаном.

Второй блок сообщал о боевых действиях британской армии в Афганистане, и показывал, какое влияние на афганскую кампанию оказала кампания в Южной Африке зимы– лета 1879 года. Однако, он был необъективен в оценке британской армии, был склонен к преувеличению недостатков, перенося их на всю армию, и был весьма скептически настроен к успехам Англии, объясняя всё удачным стечением обстоятельств. Также, он пытался заинтересовать военное министерство возможностью организации антибританского мятежа в Индии, пользуясь ослаблением Англии как в Индии, так и в метрополии. Однако, этим донесениям не было придано в Петербурге никакого значения.

Обозначенная военным агентом активность англичан в Афганистане, стал одним из факторов, который вынудил Петербург решиться на покорение Туркмении.

Этот процесс растянулся с 1879 по 1881 годы, за которые донесения Горлова позволяли в Петербурге следить за действиями своих противников в Турции, Афганистане и Китае. В отношении последнего, можно наблюдать точно такую же картину, как и в отношении поездок Гродекова и Матвеева в Афганистан, когда известия постоянных резидентов заграничной разведки, становятся основанием для организации разведывательных мероприятий на местах. Была организована поездка офицеров Генерального штаба полковника Шнеура и капитана Бодиско, с целью сбора информации о поставках вооружений Китаю и его боеспособности. Параллельно, была собрана информация о положении Британской Индии, что позволило оценить происходящие события на местах, а не из Лондона. Отчасти, донесения Горлова способствовали организации поездки Шнеура и Бодиско, в результате которых с 1881 года был учреждён пост военного агента в Пекине.

Таким образом, к 1880-м годам, у Петербургского кабинета сформировался ряд приоритетов: захват Босфора, подготовка к вероятному вторжению в

Афганистан с целью обороны Туркестана и организация разведки в Китае и Туркестане.

Глава 3. Русская разведка в 1881–1885 гг.

§ 1. Реорганизация военного руководства.

1 марта 1881 года, на престол взошел император, Александр III. Д.А. Милютин записал в мартовские дни 1881 года, что: «Государь выразил твёрдое намерение ни в чём не отступать от политики своего почившего родителя, что и должно быть положительно заявлено как Сабурову, так и князю Бисмарку»[1012]. Эту политику император выразил в резолюции на донесении посла в Берлине, П.А. Сабурова: «Я понимаю только одну политику: извлекать из всего всё, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас. Как чисто русская, национальная; никакой другой политики быть не может и не должно»[1013]. Таким образом, император не собирался менять внешнеполитический курс своего отца.

На становление внешнеполитических приоритетов в сознании молодого императора, серьёзно повлияли события 1878 года. К примеру, Милютин отмечал, что цесаревич Александр настроен против каких– либо договорённостей с Великобританией, а частые обсуждения проекта создания Добровольного флота, на случай крейсерской войны на море, свидетельствовали о большой англофобии будущего императора[1014]. Также, цесаревич был сторонником идеи занятия Босфора. В целом, это была политика отказа от уступок и компромиссов, с твердым отстаиванием интересов страны.

На Особом совещании 21 августа 1881 года, в присутствии императора, была принята крупная судостроительная программа для Балтийского и Чёрного морей, призванная увеличить морские силы России, ввиду будущего десанта на

[1012] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 273.
[1013] Цит. по.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974. С. 206.
[1014] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 133.

Босфор. Этот десант готовили ввиду ожидаемого распада Османской Империи[1015], и для прегражденния входа британских сил в Чёрное море[1016]. Как указывал в 1878 году Д.А. Милютин: «Утверждение наше на берегах Босфора сделает нас неуязвимыми для Англии» [1017] . Россия собиралась захватить азиатский берег Босфора, для обустройства там военно–морской базы, защищающей вход в Чёрное море от вероятного неприятеля, под которым подразумевалась Великобритания.

Для этой цели, новый император решил начать военные преобразования с перестановки лиц, управлявших военным министерством. Д.А. Милютин, был отправлен в отставку, а его место пришёл генерал-адъютант, генерал от инфантерии, Пётр Семёнович Ванновский, бывший начальником штаба Рущукского отряда под командованием цесаревича Александра. Начальником Главного Штаба, вместо Гейдена, стал управляющий канцелярией ВУК, Н.Н. Обручев, произведенный в чин генерала от кавалерии, и получивший должность генерал- адъютанта.

Милютин характеризовал Обручева, как одного из самых полезных и даровитых для него сотрудников[1018], а о Ванновском отзывался, как о дельном и умном генерале [1019] . Место Обручева, занял генерального штаба генерал-лейтенант Федор Александрович Фельдман, служивший до того военным агентом в Вене. Ввиду назначения бывшего начальника канцелярии ВУК Обручева на пост начальника Главного штаба, подразумевавшего пост председателя ВУК, и полного доверия к нему генерала Фельдмана [1020] , сменившего его на посту начальника канцелярии ВУК, де– факто, разведка сосредотачивалась в руках Обручева.

[1015] *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 76.
[1016] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 5.
[1017] РГВИА Ф. 846 (ВУА). Д. 7447. Л. 2 об.
[1018] *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. С. 329.
[1019] Там же. С. 333.
[1020] *Куропаткин А.Н.* 70 лет моей жизни. Т. 2. С. 559.

В организационной структуре военной разведки, никаких существенных перемен не произошло, военные агенты по– прежнему адресовали свои рапорты в канцелярию ВУК или военному министру напрямую.

Россия и Британия в 1881 году.

Летом 1880 года, в Великобритании прошли парламентские выборы, на которых враждебное России, консервативное министерство лорда Биконсфильда сменил либеральный кабинет во главе с премьер–министром У. Гладстоном. Сообщая об этом, А.П. Горлов отмечал, что новый кабинет отозвал всех британских офицеров с границы России с Персией и Афганистаном[1021]. Однако, эти действия, носили, скорее, демонстративный характер, нежели отражали реальные настроения британских политиков.

Начало 1881 года, было тревожным для британских парламентариев. Вывод войск из Афганистана на фоне продвижения войск Скобелева к Геок– Тепе, сильно беспокоил англичан. На все запросы, касаемо угрозы Мерву, министр по делам Индии, маркиз Гартингтон отвечал, что нет никаких оснований опасаться этого[1022]. Вопрос о выводе войск из Кандагара, с февраля по март, обсуждался 18 раз. На все запросы, давался ответ отсылавший к министерству по делам Индии, и что все уже решено в совете вице-короля[1023].

Одной из причин, по которой правительство желало вывода войск, была дороговизна их содержания, за все время оккупации Кандагара, на них было выделено около 1 400 000 ф.с., то есть по 950 000 ф.с. в год, и в будущем грозило увеличиться до 2 000 000 ф.с[1024], что почти равнялось суммам, выделяемым на всю англо–индийскую армию в 1880 году (около 3 млн. ф.с.). В эту сумму входило содержание 16 104 человек при 56 орудиях в одном Кандагаре, не считая расходов на гарнизоны по линии Пишин, Келат, Кветта[1025].

[1021] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 4. Л. 40.
[1022] Hansard’s Parliamentary debates. Vol. 258. P. 167, 342, 1860. Vol. 259. P. 333.
[1023] Ibid. P. 342б, 1382.
[1024] Hansard’s Parliamentary debates. Vol. 259. P. 762–763.
[1025] Города на границе современных Пакистана и Афганистана, служившие опорными пунктами для обороны путей из Афганистана к Индии.

Однако, парламентарии сомневались в необходимости вывода войск, ввиду опасений за безопасность Мерва, запросы о котором продолжались на заседаниях парламента до марта 1881 года. Это показывало их опасения о том, что русские от Геок– Тепе двинутся на Мерв и Герат, и оставленный без британских войск Кандагар не станет преградой для неприятеля. Еще в 1878 году, лорд Солсбери, в беседе с послом Персии, Малькольм– ханом, заявлял, что политика России направленна на аннексию Мерва[1026]. Несмотря на то, что после занятия Скобелевым Геок– тепе, Гирс и Милютин уверяли лорда Дафферина, что дальнейшее продвижение, в частности, на Мерв не входит в планы русского правительства[1027], тревога в британском обществе продолжала сохраняться.

А.П. Горлов, доносил летом 1881 года, об этих настроениях: «Нет сомнения, что предчувствие, и даже можно сказать, убеждение, о неизбежности военного столкновения между Россией и Англией где– нибудь в Афганистане, живёт не только в консервативном лагере, но также среди либералов и никакой попытки разубедить их не предоставляется ни малейшего впечатления, так как они принимаются только за желание усыпить бдительность англичан. Вообще, все военные того мнения, что борьба Россией в Азии будет длится непрерывно, улучшая с одной стороны организацию и качество войск, а с другой – подготовляя выгодные условия на месте, изучая страну так и с русской так и с их стороны, занимая войсками стратегические пункты, проводя железные дороги вдоль афганской границы далеко во внутрь Афганистана, заводя связи с полунезависимыми народностями, обитающими в том месте а именно: начиная с северной границы Кашмира и оканчивая всей северной окраиной Персии до Каспийского моря»[1028].

В марте 1882 года, Горлов был отозван со своего поста по состоянию здоровья, и на его место был назначен генерал-майор Карл Карлович Ланц. Первый рапорт К.К. Ланца, от 21 марта 1882 года только сообщал о прибытии

[1026] *Сергеев Е.Ю.* Указ.соч. С. 161.
[1027] Афганское разграничение… С. 31.
[1028] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 4. Л. 7.

генерала в Лондон[1029]. Следующий рапорт за № 2 был посвящён проблемам Афганистана, и Ланц видел в событиях, происходящих в этой стране предвестия близких смут[1030].

Интерес нового военного агента к Афганистану, был продиктован тем фактором, что изменения в политической жизни Афганистана могли стать поводом для британского вмешательства в судьбы этой страны, и вероятным поводом к войне с Россией.

По словам исследователя Р. Брейтвейта, перед любым правителем Афганистана стояло четыре задачи: первое – сохранить хотя бы видимость национального единства, перед лицом этнических распрей и сепаратизма наместников, второе – сохранить независимость Афганистана перед лицом угрозы внешнего завоевателя. Для этого, он должен был решить третью задачу – модернизацию страны по всем направлениям: правительственный аппарат, армия, экономика, пути сообщения, система образования. Наконец, четвёртая задача эмира заключалась в том, чтобы остаться в живых, ввиду угрозы переворотов и восстаний со стороны недовольных политикой эмира[1031].

Пришедший к власти летом 1880 года эмир Абдур– Рахман– хан, очень непрочно держался на престоле. Во– первых, власти Абдур– Рахмана, угрожали многочисленные потомки эмира Дост– Мухаммеда, претендовавшие на трон эмира. Во– вторых, страна, после войны с англичанами была наводнена вооружёнными отрядами разных племен, чьи старейшины и вожди ещё не признавали власти Абдур– Рахман– хана. Эмир, будучи связанным с англичанами, и не имея опоры в стране, должен был укреплять свою власть в огнём и мечом[1032]. Удержать единство страны, остаться живым и не допустить новой войны с внешним врагом – эти задачи диктовали Абдур– Рахман– хану логику его политики в первые годы царствования.

[1029] Там же. Л. 8.
[1030] Там же. Л. 9.
[1031] *Брейтвейт Р.* Афган. Русские на войне. М., 2013. С. 30.
[1032] *Ромодин В.А.* Указ.соч. С. 84–85.

Это объясняет то, почему генерал Ланц, очень подобно сообщал обо всех сепаратистских движениях в провинциях Афганистана со стороны иных потомков Дост– Магомета. Поэтому, для знания всех этих запутанных связей, Ланц, прислал Фельдману письмо от 5 (17) июля 1884 года, с подробным родословным древом эмиров Афганистана[1033].

В рамках этого, он сообщал, что область Лалпур объявила о своей независимости от эмира, а правитель одного из племён, Акбар– Хан отказывался явиться в Кабул. Важность Лалпура заключалась в том, что на его территории, располагался город Джалалабад, о важности которого для англичан не раз писал еще генерал Горлов, а правители Лалпура, давно пользовались самой широкой автономией от эмира в Кабуле, с правом чеканки своей монеты, содержания своего войска и установления своих налогов. Поэтому, сепаратизм даже столь малых племен и окраин, мог повлечь за собой самые труднопредсказуемые последствия для состояния Афганистана, следовательно – для отношений Великобритании и России.

Самые напряжённые отношения у эмира возникли с правителями Чар– Вилайета (Афганского Туркестана) и Герата, самых важных областей страны. По сообщению Ланца, Абдул– Кудус– хан, завоевал Герат, очистив его от сторонников мятежного Аюб– Хана, но губернатором Герата был назначен другой человек – Магомет– Юсуф– хан, родственник эмира. Абдул– Кудус, счёл себя обиженным, и не признал это решение эмира. Глава Чар– Вилайета, двоюродный брат эмира, Магомет– Исхак– хан счёл себя обойдённым назначением в эту местность, ибо считался ближайшим законным наследником престола, следовательно, бóльшим претендентом на более значимые должности[1034].

Поэтому, по мнению генерала, все предполагали, что оба хана в скором времени начнут войну с Абдур–Рахман–ханом. Успех эмира гарантировался при

[1033] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 138.
[1034] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 138.

наличии большой армии и удержании контроля над Кабулом и Кандагаром. Однако, несмотря на то, что смута в Афганистане дала бы Англии новый повод для вмешательства, она не смогла бы им воспользоваться в полной мере. Шаткое положение нового министерства, отказывавшегося на словах от экспансионистской политики кабинета Б. Дизраели, осложнялось положением в Ирландии, куда постоянно присылались свежие войска, доведённые до 72-х батальонов, при этом в Индии находилось 69 английских батальонов[1035].

Ввиду этого, стоит вкратце упомянуть о положении в Ирландии. Движение за самоуправление (Homerule), возникшее с 1870 года, вело с 1874 по 1880 гг. через ирландских представителей в Палате Общин, активную, но безуспешную борьбу с консервативным кабинетом Дизраели о праве Ирландии на самоуправление. После парламентских выборов 1880 года, избранные 60 «самоуправленцев» и 44 националиста не были допущены до заседаний, что обострило антибританские настроения.

Вдобавок, плохие урожаи 1878–1879 гг., поставившие население на грань голода, сравнимую с «Великим голодом» 1842–1852 гг. вызвали к жизни действия «Земельной лиги» требовавшей пересмотра аграрного законодательства Ирландии в пользу крестьян. В ее тактику, входил бойкот выплаты ренты лендлордам, и террор против уклоняющихся от бойкота, вплоть до убийства целых семей.

В результате, к весне 1881 года, остров был охвачен террором ирландских повстанцев–феньянов «Земельной лиги». Согласно Habeas Corpus Act[1036], для защиты жизни и имущества остальных подданных, в Ирландию были введены войска. Пропорции были доведены до того, что в некоторых местностях на 47

[1035] Там же. Л. 10.

[1036] «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного» - закон о правах и свободах британских подданных, согласно которому, власти обязались предоставлять защиту своим подданным силой оружия.

взрослых мужских душ насчитывалось 97 солдат [1037] ! Этот фактор, сдерживавший силовой протест во время борьбы вокруг законопроекта о самоуправлении, не позволял сосредоточить максимально желаемые силы для отправки из в Индию, на случай осложнений с Афганистаном.

В донесении № 4 от 5 (18) апреля 1882 года, Ланц сообщал, что Кудус–хан стал готовить свои войска, насаждать в них жесткую дисциплину, возможно, вступил в переговоры с Исхак–ханом, с целью заключения союза. Эмир ныне слаб и не в состоянии выйти из Кабула[1038]. Это грозило новой междоусобицей в Афганистане, нестабильностью для всего региона, а значит и для русских и английских границ.

В том же рапорте, он писал, что один из раджей Северо–Западной Индии, потеряв возможность обратиться за помощью к афганцам против Англии, готов обратиться за защитой к России[1039]. Несмотря на спокойствие в Северо–Западной Индии, по сообщению «Army and Navy Gasette», Пенджабский пограничный отряд будет расформирован на полки ввиду неблагонадёжности некоторых подразделений[1040]. Это указывало на то, что волнения в Афганистане, грозили также волнениями и в Индии, что только усиливало роль Афганистана в индийской политике Великобритании.

В связи с нестабильным положением Афганистана, генерал оценивал значение Среднеазиатского вопроса в политике так: «С тех пор, как Средне–азиатский вопрос стал будоражить всеобщий интерес, Европа поняла настоящие намерения России относительно Индии. Груды бумаги были исписаны по этому вопросу в Англии, в России, напротив, относительно Средне–азиатского вопроса появились каких–нибудь два–три сочинения». При этом англичане были уверены насчёт колониальной русской политики в Туркестане, что: «В России

[1037] *O'Brien R.B.* A hundred years of Irish history. L., 1902. P. 124–131; *O'Connor W.M.* Ireland, 1798–1898. L., P. 238–254; *Russel T.* Ireland and the empire; a revive, 1800–1900. L., 1901. P. 77–89.

[1038] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 23.

[1039] Там же. Л. 24.

[1040] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 24.

все согласны, что с дикими и полудикими племенами нельзя поступать иначе как завоевать и потом присоединить к себе их земли. Англичане завидуют такой политике и желали бы провести её в Индии»[1041].

Поэтому английский интерес к Средней Азии вызывался не только чужим опытом, но и опасением, что, следуя такой политике, русские выйдут к Афганистану. Как было сказано в предыдущей главе, представления англичан о жестокости русских в Туркестане были преувеличены, но это ложное представление и рождало во многом опасения за то, что в случае выхода русских в Афганистан и Индию, они смогут подчинить себе эти территории с помощью террора против непокорного населения. После присоединения Ахал– Текинского оазиса, когда Россия выдвинулась ещё южнее, эти опасения стали более явными.

Также, в обеспечении безопасности Индии, роль играли и другие пограничные с ней регионы. В донесении № 10, Ланц сообщал, что британское общество с одобрением восприняло договор России и Персии о границах, связывая с этим надежды, строившиеся на предположении: если русские, смогли остановиться в Персии, то почему им не сделать это и в Афганистане[1042]?

Для этого, 20 января 1882 года, министр иностранных дел, Дж. Лессон–Лоуер, 2 граф Гренвиль, пригласил русского посла, князя А.Б. Лобанова–Ростовского, и предложил провести совместные англо-русско-персидские переговоры для определения русско-персидско-афганской границы. По словам лорда, выдвижение русских в Туркмению, вызвало беспокойство нового эмира и, следовательно, Лондона. Для этого, предполагалось провести границу так, чтобы гарантом безопасности оных от туркменских набегов, служила Персия. Однако, как показывали вышеупомянутые данные Н.И. Гродекова, персы не могли защищать и свои собственные владения от набегов мервских туркмен. Поэтому, предложение было отклонено[1043].

[1041] Там же. Л. 25.
[1042] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 28.
[1043] Афганское разграничение. С. 16–18.

Эта надежда была связана с проблемой обеспечения безопасности путей, ведущих через Оманский и Персидский заливы, Аден, Суэцкий канал, Кипр, Мальту, Гибралтар и далее в Англию. Как показали еще события второй половины 1870-х, обеспечение безопасности подступов к этой коммуникации, считалось сильным средством остановить русскую экспансию на Востоке.

Как было подробно сказано выше, русская разведка в этом регионе сосредотачивалась у военных агентов в Константинополе и Афинах. Главным здесь был военный агент в Афинах, Генерального штаба подполковник А.П. Протопопов, в чьи обязанности входило наблюдение за островом Мальтой – главной базой британских сил в Средиземном море[1044]. Так как это было прописано в докладе по Главному штабу, то можно увидеть здесь влияние Обручева. Он в 1877–1878 гг. получал от военного агента в Лондоне сведения, что британцы для войны с Россией сосредотачивают все силы именно на Мальте. Логично, что Мальта, как главный опорный пункт англичан в восточном средиземноморье, была признана приоритетом для русской разведки в регионе.

Военный агент в Лондоне точно указал на эту взаимную связь двух внешнеполитических проблем, и ввиду военного приготовления решения Восточного вопроса, на военную разведку в Средиземноморье ложились технические задачи сбора материала о Босфоре и о вероятных противниках – турках и англичанах. Ввиду гипотетической возможности военного конфликта между Россией и Великобританией и превращения Афганистана и Туркестана в театр военных действий, он записал в донесении следующую фразу, характеризующую выжидательную политику Лондона: «Сипаи должны двигаться навстречу казакам или казаки двинутся навстречу сипаям»[1045].

Это обращало внимание генерала на состояние англо-индийской армии. Согласно донесениям, число полков в Индии уменьшалось. Было расформировано 4 конных полка, числом в 18 100 человек и 12 пехотных полков

[1044] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 71.
[1045] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 2. Л. 26.

числом в 12 864 человека. Однако бойцы расформированных частей были распределены по имеющимся соединениям – кавалерийский полк увеличивался на 550 всадников, пехотный – на 832 человека. Таким образом, за счет сокращения числа подразделений, было увеличено число человек в других, и соответственно их боевая сила.

Проблема заключалась в том, что многие солдаты расформированных полков предпочли выйти в отставку, а набор крупного числа людей в Индии был затруднителен по причинам недоверия к туземцам. Костяк англо-индийской армии, составляли белые части, приславшиеся из метрополии. Их личный состав комплектовался из людей 2–4 годов службы, или служащих 10 лет вместо 6, или из людей старше 20, или из служащих 1 год, но прошедших курс стрельбы. Все солдаты отправляющегося в Индию батальона, не удовлетворяющие этим требованиям, исключались из этого батальона и приписывались к вернувшемуся из колоний батальону. Исключение составляли унтер-офицеры, музыканты и саперы. В случае некомплекта людей в отправляющемся батальоне, к нему приписывали людей из возвращающегося, причём только добровольцев[1046]. Таким образом, в Индию допускались только опытные служащие, что повышало боевые качества белых частей англо-индийской армии.

Столь строгий отбор возникал не только ввиду важности службы в Индии, сколько из–за низкого качества армии метрополии. Главной проблемой полков, стоящих в Англии, Ланц называл слабую боевую выучку личного состава. Офицеры в мирное время не могли получить надлежащий навык командования частями в поле.

Упор делался на обучение одиночного бойца, чем на действие строем: выправка, верховая езда и стрельба на которую отпускали неограниченное число патронов[1047]. В кавалерии, практиковались поединки между всадниками, как на саблях, так и на пиках, отрабатывая, как и рубку, так и уколы, тренировались

[1046] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 58.
[1047] Там же. Л. 56 об.

нанизывать кольца на пики и рубить лимоны на скаку[1048]. При этом, он писал, что ввиду дороговизны на лошадей, уменьшением количества свободной земли, годной для учений, строевая кавалерия начинает уничтожаться[1049].

Все успехи обучения одиночного бойца, сводились на нет действиями строя. Ланца поразило, что на манёврах под Альдершотом в июне 1882 года, пехота: «продолжает держаться тактики XVIII столетия»[1050]. Ни о построении в цепи, ни о резервах, ни о фланговых маневрах в наступающих рядах пехоты речи не шло – наступление велось шеренгами в 200–300 шагов длинны в два ряда, и их не волновал огонь вероятного противника. Все приказы по пехоте и по кавалерии передавались сигнальными флагами.

Живучесть подобной тактики объясняется тем, что после успехов кампании 1809–1814 гг. в Испании и в Бельгии в 1815 году, в британской армии не видели необходимость серьёзных тактических изменений [1051] . Возглавлявший британскую армию в вышеназванных походах, фельдмаршал, герцог А.–У. Веллингтон, улучшил линейную тактику, используя линии для ведения более массированного огня и благодаря этому, войско могло обороняться до нужного момента, позволявшего атаковать врага[1052]. Её эффективность подтвердилась в сражениях Крымской войны[1053], и в результате тактика XVIII века, продолжала существовать в британской армии и в 1880-х годах.

Основной ударной силой полков Северо– Западной границы, составляла иррегулярная кавалерия. В Индии она применялась ввиду её дешевизны. Английские офицеры занимали вакансии высшего командования в туземном кавалерийском полку. Эти офицеры, как правило не заботились о состоянии

[1048] Там же. Л. 57 об.
[1049] Там же. Л. 57.
[1050] Там же. Л. 65 об.
[1051] *McEelwee.* The art of war: Waterloo to Mons. London. 1975. P. 16.
[1052] Ibid. P. 23.
[1053] *Дельбрюк Г.* История военного искусства. СПб., 2015. Т. V. С. 55. *Кривопалов А.А.* Указ.соч. С. 218.

своих частей, только наблюдая за несением службы в них и управляя ими только на полковых манёврах и учениях.

Остальные вакансии в полку, ввиду нехватки офицеров–англичан, замещались туземцами, вплоть до командиров эскадронов и батальонов. Таким образом, вся ответственность за состояние кавалерийских частей перекладывалась на офицеров–туземцев [1054] . Такое отношение к службе происходило, по мнению Ланца от общих английских представлений о службе, как о спорте, которому надо отдаваться душой и телом, как, например, скачкам, спортивной гребле, боксу.

Поэтому, английский офицер и солдат, по его мнению, всегда действовал исключительно по приказанию, ибо находит удовольствие в таком образе действия[1055]. Если вспомнить оценку офицерского корпуса английской армии генералом А.П. Горловым, то в таком случае можно вполне согласиться с генералом К.К. Ланцем.

Офицеры–индусы, которые выполняли всю основную работу по обучению войск и несению службы, никогда не поднимались выше должности командира эскадрона или батальона, и по выходе в отставку, не имея никаких навыков кроме военных, ввиду недостаточности образования, не могли устроиться на гражданской службе, которая, впрочем, не могла давать туземцу особых выгод, пополняли собой ряды недовольных британским правительством[1056].

Ввиду такого положения, по сообщению К.К. Ланца, служивший в Индии долгое время, генерал Кэвондер предложил замещать большинство вакансий в полках англо-индийской кавалерии офицерами англичанами. Однако, ввиду отсутствия офицерского резерва, система замещения большинства вакансии в полках туземцами осталась неизменной.

Как комментировал это К.К. Ланц, что Британия в Индии: «нуждается в армии, которая всегда была бы на военном положении, но резерв имела бы не

[1054] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 44 об.
[1055] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 55 об.
[1056] Там же. Л. 44 об.

более как необходимый для защиты на местах частей войск выставленных за границу»[1057]. Из этих потребностей, Кэвондер делал выводы о военной доктрине англо-индийской армии: основные боеспособные силы сосредотачиваются на Северо– Западной границе, и в случае войны, их целью становится занятие Кандагара отрядом в 50 000 человек, ибо по расчётам Кэвондера, вероятный противник, наступающий со стороны Герата не мог быть численно выше этих сил[1058].

Таким образом, сильной стороной англо-индийской армии являлись её европейские части, состоявшие из старослужащих солдат, с отличной стрелковой подготовкой в пехоте. Туземные части, несмотря на свою хорошую боевую выучку и сильный личный состав, особенно среди унтер– и обер–офицеров из туземцев, внушали опасения ввиду возможной неблагонадёжности солдат.

[1057] Там же. Л. 45.
[1058] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 45.

§ 2. Русская разведка о египетском кризисе 1882 г.

В 1875 году, египетский хедив Исмаил–паша обратился к Англии с просьбой прислать ему двух советников по финансовым делам. Из Лондона выехала комиссия С. Кейва, которая после обследования пришла к выводу, что финансовое состояние Египта находится в ужасном состоянии[1059]. Французы были обеспокоены этой британской попыткой взять под свой финансовый контроль и Египет, и предложили хедиву Исмаилу свою помощь. Англия никак не была в этом заинтересована, и пригрозила опубликовать доклад Комиссии, на что хедив не был согласен, ибо это было бы разглашением государственной тайны. Лорд Биконсфильд воспользовался этим, и заявил, раз хедив не даёт согласия, значит ему есть что скрывать[1060].

В 1876 году Египет был объявлен банкротом, и была установлена «Касса египетского долга», где представители от Англии и Франции контролировали доходы и расходы египетской казны. Английский председатель кассы, Р. Вильсон заставил хедива учредить «ответственное министерство», в котором председателем был английский ставленник Нубар–паша, а сам Вильсон сделался его негласным советником[1061].

Летом 1879 года в Египте произошёл переворот, хедив Исмаил был смещён, министерство Нубара–паши пало, трон занял хедив Тефик–паша. В 1881 году он столкнулся с волной выступлений под руководством полковника Ахмеда Араби, требовавших увеличения армии, дарования конституции и нового правительства. Неподчинение армии хедиву, произвело сильное впечатление на местное население, склонившееся на сторону мятежников, и лишенный какой–либо поддержки, хедив уступил, что вызвало негодование в Англии, ибо выводило Египет из– под контроля Лондона[1062].

[1059] История дипломатии… Т. 2. С. 168.
[1060] Там же. С. 169.
[1061] Там же. С. 170.
[1062] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 571–572.

Еще в 1877 году, У. Гладстон, высказал в прессе, что Египет является одной из важнейших частей Британии в Африке, которая будет расти и расширяться и при иных британских монархах[1063]. Нота лорда Дерби к А.М. Горчакову в том же году, четко обозначила Египет и Суэцкий канал в зоне интересов Великобритании. Значимость Египта для политиков в Лондоне не вызывала сомнений. К.К. Ланц писал об этом в рапорте от 27 апреля (9 мая) 1882 года за № 10: «Многие находят, что обеспечение морских путей связывающих колонию с метрополией, в особенности того пути, который ведёт через Оманский и Персидский заливы, Аден, Суэцкий канал, Кипр, Мальту, Гибралтар и далее в Англию составляет лучшее средство, чтобы парализовать завоевательные стремления России к стороне Индии»[1064].

Одним из важнейших стратегических пунктов в этой цепи, он указывал Аден, именуя его «Восточным Гибралтаром», контролирующим проход из Красного моря в Средиземное, дающее контроль за Меккой и Мединой. Для этого англичане усиливали крепости в Адене, Гибралтаре, британский флот получил от Тегерана право якорной стоянки в Барсе и Шат–и–Арабе. В результате Персидский залив превращался в британское озеро[1065].

Здесь, Ланц обозначил, охрана этих коммуникаций, была приоритетом во внешней политике Британской империи. Данные Ланца, обрисовавшие основной морской путь из Индии в Европу сходятся со словами Горлова о том, что забота англичан есть обеспечение своих морских путей.

Это было обобщено на страницах «Военного сборника» в № 6 за 1883 год, где обозначенные коммуникации были названы «великой этапной линией» соединяющие Англию с Индией, и автор статьи счёл, что организация отправки войск из метрополии и из Индии в Египет, послужило завершению организации

1063 *Morley J.* The life of William Ewart Gladstone. L., 1903. Vol. 3. P. 72.
1064 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. Л. 11.
1065 Там же. Л. 30.

этой линии: Портсмут – Гибралтар – Мальта – Кипр – Суэцкий канал – Аден – Бомбей[1066].

Если вспомнить записку Г. Ульслея на имя Б. Дизраели, то размышления К.К. Ланца получают твердое обоснование в образе мысли британских политиков. Таким образом, выход Египта из–под контроля Великобритании, создавало серьёзный разрыв в этой цепи коммуникаций. Ввиду усиления военных во главе с Араби–пашой, англичанам ничего не оставалось делать, как начать подготовку к военной экспедиции, для возвращения Египта под своё влияние.

Подготовка к боевым действиям в Египте.

О том, что Англия готовилась к боевым действиям, ясно свидетельствует донесение военного агента в Афинах от 20 января. В нем сообщалось, что на Мальте было сосредоточено 6 броненосцев под командованием вице-адмирала Ф.Б.П. Сеймура – «Инфлексибл», Девистейшен», «Александра», «Темфер», «Монарх» и «Инвенсибл». На этих шести броненосцах имеется 45 орудий калибром от 16 до 6 дюймов. Вес этой артиллерии составлял в целом 1097 тонн или 65 820 пудов. При эскадре состояло вестовое судно «Геликон» и минное судно «Гекла», причём последнее несло на себе 6 миноносок и мастерскую для починок действующей эскадры, на ней же имеются огромные склады мин. Общая численность экипажей всех упомянутых судов доходила до 2 500 человек[1067].

Эти данные совпадают с официальными английскими данными об эскадре адмирала Сеймура, которые приводились в официальной английской истории «Война в Судане». Самые маленькие орудия имели калибр 6–8 дюймов, средний – 8–12 дюймов, и наибольший – 16 и 24, как на судне «Инфлексибл»[1068].

Протопопов, получив эти сведения от командира клипера «Забияка», капитан-лейтенанта Л.Н. Ломена, писал: «Для нас это важно потому, что силы

[1066] Иностранное военное обозрение. // Военный сборник, 1883. № 5–6. С. 83.
[1067] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 7. Л. 13.
[1068] *Grant J.* Cassels History of the war in the Soudan. London, 1885–1886. Vol. I. P. 27.

эти в 3,4 дня могут быть у Дарданелл, укрепления коих не в состоянии с успехом бороться с такою эскадрою. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить силу артиллерии Дарданелл выразив её в тоннах. «…» Можно сказать, почти наверное, что эскадра, стоящая на Мальте в состоянии форсировать Дарданеллы во всякое данное время. И при том с успехом. Таким образом, английское правительство на Мальте, располагает даже в минуту самого глубокого мира силами достаточными для форсирования Дарданелл. Для нас это обстоятельство очень важно, в особенности теперь, когда, судя по газетам, идут обсуждения вопроса о черноморском флоте. Потому что если английский флот прошёл Дарданеллы, то появления его в черном море дело лишь нескольких часов. Таковы наступательные морские силы Англии на Мальте»[1069]. Протопопов оценил их с точки зрения угрозы черноморскому побережью России, однако, он упустил их непосредственное назначение.

В мае, 8 (20) числа, корабли Великобритании и Франции появились на рейде Александрии. 3 мая (11) июня, в городе произошёл погром, устроенный арабами грекам и жителям Мальты.

Тем временем, в Англии, готовились к организации военной экспедиции против Египта. Рапорты Ланца показывают, как происходила подготовка армии и флота. В донесении от 25 мая (6 июня) № 20, он писал, что эскадра контр-адмирала Альфреда–Эрнеста, герцога Эдинбургского из 8 броненосцев старого типа отправилась в Гибралтар, чтобы быть ближе к месту событий[1070]. В рапорте от 31 мая (12 июня), он сообщал более подробные данные о морских силах Англии на Мальте. Общим числом, она насчитывала 18 судов при 103 орудиях. Также, гарнизон Мальты насчитывал 3600 человек, столько же располагалось в Гибралтаре и 900 человек находилось на Кипре[1071]. В рапорте от 10 (22) июня, № 29, он приводил данные о численности команд судов эскадры адмирала Сеймура, общим числом в 6 762 человека, треть из которых назначена в десант в случае

[1069] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 7. Л. 1314.
[1070] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 73.
[1071] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 45 об.

войны[1072]. Собственно, после бомбардировки Александрии, часть моряков с британской эскадры была высажена на берег для охраны города[1073].

Таким образом, Англия обеспечила морское господство в Средиземноморье, однако только флота было недостаточно для полномасштабной военной экспедиции. Поэтому, следующие донесения сосредоточились на освещении подготовки британской армии для похода в Египет.

Донесение из Лондона от 14 (26) июня сообщало, что полки были доведены до штатного состава, резервистам было запрещено покидать страну без разрешения начальника своего окружного участка, также все они были обязаны пройти курс стрельбы. О войсках, посылаемых в Египет, строились разные версии – считали, что первыми пошлют войска с Гибралтара, другие предполагали, что это будут индийские войска. Учитывая тот фактор, что средиземноморских войск было мало, а индийским войскам англичане не доверяли, то Ланц делал вывод, что только европейские войска могли годиться для большой внешней войны[1074].

Следующее донесение за № 38 сообщало, что парламентские группировки либералов и консерваторов решили объединиться и поддержать правительство в деле подготовки войны в Египте. Газеты сообщали, что правительство отдало приказ о подготовке 20 000 солдат для службы в Средиземном море, в качестве резерва армии, что отправится в Египет[1075]. Что же касается индийских войск, в этом возникли затруднения, ибо индусы-мусульмане вряд ли бы пошли воевать против своих единоверцев, поэтому в Англии полгали, что если и посылать индийские полки, то только не мусульманские[1076].

Примерный план боевых действий, как сообщал К.К. Ланц, заключался в следующем: основные силы метрополии в 20 000 человек высаживались бы со

[1072] Там же. Л. 59.
[1073] *Goodrish C.F.* of the British naval and military operations in Egypt, 1882. Washington, 1885. P. 87.
[1074] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 69.
[1075] Там же. Л. 70.
[1076] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 70.

стороны Средиземного моря, со стороны Красного моря произошла бы высадка индийских частей. Для снабжения индийского корпуса, были приготовлены запасы в крепости Аден, контролировавшей вход в Красное море[1077]. Этот факт удачно подтверждал мысли генерала о жизненной важности для англичан «великой операционной линии» через Средиземное и Красное море.

В июне, была начата погрузка передовых сил в составе: 3-х рот артиллерии при 11 офицерах и 346 нижних чинах, 5 рот морской пехоты при 25 офицерах и 569 нижних чинах. О назначении войск явственно свидетельствовало то, что солдат снабдили летними головными уборами и картами Суэцкого канала. Суда в Вуличе начали погрузку боеприпасов, инженерного инструмента, госпитальной части, конской упряжи и материалов для артиллерийских порохов и картузов. К.К. Ланц писал, что он не пишет о политике и ограничился только военными сведениями, так как газеты и телеграф в освещении политических событий опережают его донесения [1078] . Из этих донесений следует, что материальная часть войска уже готова, войска собраны и сосредоточены. Однако в донесении не говорилось о наличии обозной части, или строевой подготовке призывников.

Наконец, в донесении № 42, К.К. Ланц написал, что 25 000 человек готово в 49 часов отплыть из Англии в Египет. Целью армии ставились захват и оборона Суэцкого канала, а также контроль над Александрией и Каиром[1079]. При этом у английского правительства были опасения, что есть риск столкнуться с Турцией [1080] , и это столкновение могло сильно сказаться на верности мусульманских полков Индии. Однако, британские власти в Индии охотно стали снаряжать экспедиционный корпус в Египет, так как закрытие Суэцкого канала приносило убытки экономике колонии[1081].

[1077] Там же. Л. 71.
[1078] Там же. Л. 72.
[1079] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 79.
[1080] Там же. Л. 84.
[1081] Там же. Л. 83.

Что касается опасений англичан о разногласиях с Турцией, о позиции турок и их политике, сообщал из Константинополя, В.Н. Филиппов. В рапорте № 29 от 13 мая, он сообщал, что ввиду военных приготовлений англичан, турки решили довести численность V корпуса, расположенного в Сирии с 11 100 до 15 000 человек. 7 (19) мая, транспорты «Тариф» и «Меджидже» получили приказ быть готовыми к погрузке войск, броненосные корветы «Фехти–Бухленд» и «Муслим–Зафор» стали загружаться углём и провизией. Ввиду подозрений французского посла, эти приготовления были остановлены[1082].

Филиппов излагал в рапорте № 34 от 20 июня соображения, относительно невмешательства Турции в египетские дела: в случае отправки турецких войск в Египет, получилась бы война между мусульманами, что противоречило политике Порты об освобождении мусульманских стран от европейского влияния. Экспедиционный корпус мог взять войска только в Сирии, и не более 7000 человек зараз. Если бы их высадка состоялась бы – войска могли бы занять только береговую полосу Египта, что не дало бы никаких результатов. Ввиду отсутствия средств для их снабжения, войска были бы зависимы от морских сообщений, и в случае активных враждебных действий британский эскадры в египетских водах – могли бы быть легко отрезаны от сообщения с Турцией. Поэтому, Филиппов полагал, что турецкое правительство откажется от затеи послать войска в Египет[1083].

Тем временем, англичане перешли к активной переброске войск в Египет. О военных и морских силах Англии, приготовленных для египетской экспедиции докладывал подполковник Протопопов из Афин в рапорте от 27 июня. Эскадра вице-адмирала Ф. Сеймура состояла из 7 броненосцев, 5 канонерских лодок и двух вестовых судов, общим числом – 14 кораблей, с 5000 экипажа и 75 орудиями. На Мальте же, располагалась пришедшая из Ла–Манша эскадра вице-адмирала У. М. Доуэля из 5 броненосцев и большого количества вестовых и

[1082] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 10. Л. 67.
[1083] Там же. Л. 94.

транспортных судов. К Гибралтару подошла эскадра Северного моря под командованием контр-адмирала, герцога Эдинбургского, состоящая из 6 броненосцев. В самой Англии, завершались вооружения резервной эскадры из 6 броненосцев[1084]. Это донесение подтверждало данные Ланца о перемещениях эскадры герцога Эдинбургского, что показывает компетентность Протопопова.

Далее, Протопопов сообщал о контингенте британских войск. Из его рапорта следовало, что индийские войска числом в 20 000 готовы к отправке. В первом эшелоне следовали 4 батальона, 2 роты Бенгальских сапёр и 13 уланский Бенгальский полк. В Индии уже были сосредоточены резервы, в Бомбее были сосредоточены 3 полка и 1 батарея, в Мадрасе – 3 полка пехоты и 2 роты сапёр. Целью индийский войск, Протопопов называл охрану Суэцкого канала, а ближайшим операционным базисом средиземноморских войск, считался остров Кипр, куда уже были отправлены 2 батальона[1085].

Активная переброска британских морских сил в Средиземное море, вынудили турок решиться на подготовку посылки своих войск в Египет. По сообщению Филиппова из Константинополя от 23 июня за № 39, турки планировали отправить 16 батальонов, 1 кавалерийский полк и 4 батареи, общим числом в 7 000 человек. Эти войска должны были прибыть из разных частей Балкан – кавалерия из Скутари, пехота из Косово, верхней Албании, Фракии, артиллерия – из Константинополя. То есть, вопреки первоначальным планам, войска брались не из Сирии, а с Балкан. Для организации военной экспедиции, Оттоманский банк выделил ссуду на 100 000 ф.с., из которых наличными было выдано 80 000, а остальные 20 000 упавшими в цене бумагами, общая реальная стоимость которых оценивалась в 8 000 ф.с.! Эти деньги предназначались, главным образом, на закупку угля и снабжение судов[1086].

Ввиду разбросанности войск и несобранности запасов для них, Филиппов полагал, что они отправятся не раньше, чем через 10–12 дней. От английского

[1084] Там же. Л. 100.
[1085] Там же. Л. 101.
[1086] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 10. Л. 102.

военного атташе в Константинополе, майора Тройтена, Филиппов узнал, что полиция Египта перехватила письма, с компроматом, уличающим связи Порты с Араби–Пашой, посему английское правительство будет согласно на высадку турецкого отряда в Египте, если те согласятся рассматривать себя как залог благонадёжности Турции[1087].

Рапорт от 25 июля № 40, сообщал, что турки решили уменьшить десантный отряд до 8 батальонов, 2 эскадронов и 4 батарей, общим числом 5 400 человек, которых было решено сосредоточить на острове Родос. Для этого, в Албанию был отправлен транспорт «Кесария», и из Константинополя в Салоники отошли два транспорта, а в самом Константинополе была начата погрузка кавалерии и артиллерии[1088]. В рапорте № 42 сообщалось, что 27 и 29 июля, на Крит в г. Суду, прибыли войска турецкого экспедиционного отряда[1089]. Однако, его отправка в Египет, так и не состоялась.

Тем временем, эскадра вице-адмирала Сеймура, силами 8 броненосцев и 5 канонерских лодок [1090] , стоя на рейде Александрии, готовилась начать бомбардировку города, ввиду активных работ египтян по укреплению прибрежных фортов. 27 июня, русскому генеральному консулу И.М. Лексу, британский генеральный консул передал предупреждение о готовящейся бомбардировке Александрии[1091].

Одновременно с этим, англичане стягивали войска на базы в Средиземном море, Ланц из Лондона, писал в рапорте от 30 июня (12 июля), что в Гибралтар прибыло первое транспортное судно с двумя батальонами пехоты, а в Плимут из Альдершота стянуто 4 батальона пехоты, два полка кавалерии и три артиллерийские батареи и готовятся к погрузке. Всего в состав экспедиционного корпуса, отправляющегося в Египет, входило 3 гвардейских, 12 пехотных и один стрелковый батальоны, сведённых в 3 бригады, конной бригады из 3-х

[1087] Там же. Л. 103.
[1088] Там же. Л. 104105.
[1089] Там же. Л. 106.
[1090] Grant J. Op.cit. Vol. I. P. 27.
[1091] Кондратенко Р.В. Указ.соч. С. 112.

эскадронов гвардейской кавалерии, 2-х полков тяжёлых драгун, 2х гусарских эскадронов при конно–артиллерийской батарее [1092] . По данным Ланца, противостоять им должны были войска Араби–паши числом в 6 000 пехоты, 800 кавалерии при 36 крупповских орудиях и 12 картечницах[1093].

В рапорте № 57 от 11 (23) июля Ланц сообщал биографии генералов, назначенных командовать в Египет экспедиционным корпусом[1094]. Командовать корпусом был назначен генерал-лейтенант Гарнет Ульслей. Главнокомандующего, Ланц характеризовал как человека весьма честолюбивого, но не пользующегося популярностью в армии, ввиду своих попыток её реформирования. Если посмотреть на предоставленный Ланцем послужной список генерала Г. Ульслея, вне его оценок русскими военными агентами, то можно увидеть военного, который участвовал в бирманской, крымской войнах, подавлении восстания сипаев 1857–1859 гг. множестве экспедиций в Африку, и по итогу вырисовывался портрет боевого генерала, с опытом успешных и быстрых компаний. В сравнении с характеристикой А.П. Горлова от 1878 года, Ланц не делал каких–то выводов из представленного им послужного списка, и не давал столь обширной характеристики его личности.

Сначала, начальником штаба к генералу Ульслею назначили, Артура, герцога Кембриджского. Однако, он был заменен на генерал-лейтенанта Дж. Айда [1095], которого Ланц называл Эди и считал сторонником правительства Гладстона, что, по мнению Ланца и послужило причиной его назначения. Ланц характеризовал Айда, артиллериста по специальности, как достойного и почтенного человека, который относился к России и русским с симпатией[1096]. Послужной список генерала Айда открывался его участием в походах в Крыму и Индии и завершался недавними назначениями начальником всей армейской

[1092] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 95.
[1093] Там же. Л. 97 об.
[1094] Там же. Л. 102.
[1095] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 59.
[1096] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 105 об.

артиллерии и начальником военно– хозяйственной части армии[1097]. Таким образом, генерал Айд являлся опытным штабным работником, который мог организовать хозяйственную часть армии.

Артиллерию возглавил бригадный генерал Гуденау, ветерана войн в Индии, накануне занимавшего пост военного агента Великобритании в Вене. Командиром кавалерийской бригады, был назначен генерал-майор Друри Лоу, уланский офицер, также ветеран войн в Индии, и соратник Ульслея по походу против Зулу. 1 и 2 дивизиями пехоты, командовали генерал-лейтенанты Уиллс и Брюс Хамлей, начавшие свою карьеру на полях Крымской войны. Генерал Дж. Ханбери возглавил медицинскую часть в войсках, Дж.Д. Мейрик – ветеринарную часть. За разведку отвечал майор Дж.С. Арчибальд[1098]. Таким образом, в войсках оказалось много «индийских генералов».

Следующее донесение № 58 сообщало порядок переброски войск через Средиземное море. К примеру – 2 (14) июля в Гибралтар прибыло из Британии 2 батальона, 26 июня (8 июля) один ушёл в Египет, а 2 (14) июля – другой батальон отправился на Мальту. 26 июня (8 июля) из Мальты ушло 2 батальона, рота и осадная батарея из 20 орудий, за ними того же числа – 1 батальон с батареей о 6 орудиях[1099].

Таким образом, англичане перебрасывали войска побатальонно так, чтобы за одним батальоном шёл следующий. Рапорт имел приложение, в котором Ланц сделал расписание войскам, отбывшим в Египет[1100]. Таким образом, англичане перебрасывали войска побатальонно так, чтобы за одним батальоном шёл следующий, что показыает, как Ланц очень точно смог оценить систему переброски войск в Египет.

Воспоминания британского офицера, служившего адъютантом в штабе войск в Египте, показывают, что система пополнения армии была именно такой:

[1097] Там же. Л. 109.
[1098] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 60.
[1099] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 110.
[1100] Там же. Л. 111113.

отправлять основную часть подразделения, числом в 900–1000 человек на Кипр, а оттуда – в Египет. Остаток прибывал с Мальты в Александрию, где разбивался по батальонам, шедших на укомплектование разных частей [1101] . Суть заключалась в том, что войска отправлялись пакетами, которые постепенно сливались в целые части, что позволяло поддерживать баланс сил по всему Средиземноморью, оставлять сильные резервы для экспедиционной армии и отладить тыловую часть.

Посещения Вулического арсенала, навели Ланца на мысль, что Англия готовится к продолжительной кампании, судя по количеству заготовленного, и вышедший номер газеты «The Times» со статьёй, в которой говорилось о том, что Англия решила отправить армию в Египет, подтвердил его мысли [1102] . Фактически, отправка экспедиционного корпуса, одновременно с бомбардировкой Александрии, показывала решимость англичан добиться силового решения египетского вопроса.

Рапорты Ланца примерно совпадают с перемещениями британских войск на Средиземном море. Через два дня, после бомбардировки Александрии, 1 июля, с Мальты на Кипр отбыл транспорт с 1 батальоном Южно– Стаффордширдского и батальоном Королевских стрелков[1103]. 8 июля, из Англии в Гибралтар отплыло судно с 2-мя батальонами Эссекского и Беркширского полков[1104], что совпадает с вышецитированным рапортом Ланца от 30 июня (12 июля) о прибытии судна в Гибралтар.

В следующем донесении, он уделил внимание амуниции и снаряжению войск. В войска выдавались мясные консервы из Америки и Австралии, в жестяных и глиняных банках, гороховая колбаса делалась в Англии. Особенно К.К. Ланца восхитила упаковка вещей – упаковочный материал доставлялся сразу и позволял настолько плотно пригнать вещи в ящиках, что те выдерживали

[1101] *Haggard A.* Under Cresent and Star. L., 1895. P. 3.
[1102] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 115.
[1103] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 48.
[1104] Ibid. P. 50.

бы трудности перевозки. Сено для лошадей заготавливалось тюками по 5 – 6 пудов штука[1105]. По словам упомянутого британского офицера, солдатской порции, состоящей из овощей и мяса, хватило бы голодающей семье на неделю[1106]!

Так как для перевозки всех войск и их грузов военных транспортов было недостаточно, то правительство зафрахтовало 100 торговых пароходов, водоизмещением от 5 000 тонн, по 15–16 шиллингов за тонну. Ланц смог даже лично присутствовать при погрузке солдат на суда, что позволило ему оценить организацию отправки войска[1107]. Для переоборудования парохода к перевозке людей, лошадей и военных грузов было достаточно 6 дней, что проводилось силами экипажа судна.

Солдаты содержались на двух нижних палубах, а лошади – на верхней, ибо лошадь на нижней палубе могла удариться головой о потолок. Каждому офицеру полагалась отдельная каюта, а обедали они за общим столом. Люди спали в гамаках, а лошади – в вертикальных стойках на 4 коней, призванных удержать лошадь на палубе во время качки[1108]. Донесение от 13 августа, сообщало о том, как генерал наблюдал за погрузкой англичан на военные суда, причём он был официально приглашён на церемонию проводов войск[1109]. Он писал, что погрузка лошадей и орудий на суда велась при помощи кранов.

Для снабжения войск, на Мальте и Кипре было учреждено депо[1110]. Как вспоминал тот же британский офицер, в этих депо солдаты не знали своих командиров, а те – друг друга, ибо офицеры были добровольцами из разных воинских частей, а половина солдат в запасных батальонах на Кипре состояла из ирландцев, которых он считал самыми недисциплинированными солдатами. Собственно, задача этих депо и состояла в том, чтобы дать время резервистам

[1105] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 115.
[1106] *Haggard A.* Op.cit. P. 4.
[1107] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 116.
[1108] Там же. Л. 117.
[1109] Там же. Л. 132.
[1110] Там же. Л. 148.

привыкнуть к военной службе и спаять части в единый организм, чтобы создать из них полноценные батальоны[1111].

К каждому донесению о походе в Египет прилагалось расписание войск, их численность, количество прибывших в тот или иной пункт солдат, войска в депо, чтобы можно было иметь представление о силе англичан в Египте. Общий состав экспедиционных войск оценивался К.К. Ланцем в 23 987 человек[1112], что примерно совпадает с официальными данными в 23 108 человек[1113]. Погрешность в 800 человек, в данном случае не критична, общая численность войск была определена достаточно верно. Численность индийского контингента, по официальным данным, должна была составить 7 270 человек, при 3 500 нестроевых, причём многие солдаты в белых частях индийского контингента, являлись ветеранами войны в Афганистане 1878– 1881 гг[1114].

Из индийских войск было решено отправить в Египет пехотную и кавалерийскую бригады, пехота должна была состоять из европейского батальона и двух туземных полков. Кавалерия же, состояла из 3х туземных полков, всего 2 500 пехоты и 2 150 кавалерии[1115], итого – 4 650 человек Причиной для отправки индийских войск послужило то, что туземная кавалерия демонстрировала лучшие качества, чем кавалерия метрополии, а именно: солдаты и лошади лучше переносили жаркий климат, лошадям было проще перейти на непривычный подножный корм[1116]. Как отмечал генерал Г. Ульслей, британские части после одного дневного перехода очень сильно изматывались, и вечером должны были становиться на бивак, чтобы передохнуть[1117].

С началом боевых действий британской армии в Египте, в России заинтересовались возможностью понаблюдать британскую армию в бою. В

[1111] Haggard A. Op.cit. P. 34.
[1112] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 149.
[1113] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 50.
[1114] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 50.
[1115] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 121.
[1116] Там же. Л. 126.
[1117] Letters… P. 77.

своём докладе по главному Штабу от 5 июля, Обручев, излагал свои соображения: «В случае, если Англия и Франция развили свои военные действия в Египте, было бы весьма полезно иметь при их экспедиционных войсках кого–либо из наших офицеров. Удобнее было бы возложить это поручение на состоящего в распоряжении нашего посла в Константинополе, Генерального штаба полковника Соллогуба»[1118]. Эти же аргументы повторял Ванновский в своём письме министру иностранных дел Гирсу, и прибавлял, что по всеподданнейшему докладу от 6 июля, император утвердил кандидатуру Генерального штаба полковника Василия Устиновича Соллогуба, состоявшего при после в Константинополе[1119].

После этого, Обручев уведомил полковника В.У. Соллогуба частным письмом о возложенном на него поручении, дав возможность самому обсудить с послом время отправления [1120]. Однако, вскоре Соллогубу пришло новое поручение. Ванновский получил письмо от Гирса, в котором тот сообщил о своём разговоре с императором, в котором самодержец высказал мысль, что посылка русского офицера к британским войскам продемонстрирует сочувствие России к Британии, что император считал неприемлемым. Гирс предложил назначить Соллогуба временно исполняющим обязанности генерального консула в Каире: «Дабы дать ему возможность больше «…» следить за военными действиями англичан» [1121]. На письме была помета Ванновского, которая свидетельствовала о полном согласии военного министра с мнениями царя и министра иностранных дел. Следом, была отправлено письмо, оповестившее полковника о его новой, официальной должности[1122], и 17 августа В.У. Соллогуб отбыл в Египет[1123].

[1118] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 8.
[1119] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 9.
[1120] Там же. Л. 10.
[1121] Там же. Л. 12 об.
[1122] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 16.
[1123] Там же. Л. 21.

Одновременно с этим, адмирала Шестакова беспокоила судьба Суэцкого канала. Он предлагал Гирсу, в письме от 6 июля послать клипер «Забияка» для его охраны: «Таким образом, с услугою, будет фактически заявленное воззрение на то, что мы считаем канал общею собственностью»[1124], – записал адмирал в своём дневнике. Однако, ввиду готовящейся Константинопольской конференции, на которой должна была решиться судьба Египта, министерство иностранных дел не решилось на такую меру. Клипер «Забияка» был сменён 8 августа посыльным судном Черноморского флота «Эреклик» под командованием капитана 1 ранга О.В. Гора, который избрал местом пребывания город Порт–Саид, в Красном море[1125].

К 25 июлю, в Александрии высадились 4 000 человек, под командованием генерал-майора, А. Алисона [1126] . Однако, эти малые силы могли только контролировать побережье, обороняя город, залив Абукир, где были оборудованы склады, и поселок Рамельх с насосной станцией, дававшей большое количество пресной воды. Ввиду отсутствия кавалерии, и необходимости активной обороны занятой территории, в войсках приступили к созданию частей конной пехоты [1127] . Это показывает то, что предположения полковника Филиппова о неэффективности малых сил в Египте, были правильными. Малые силы могли только контролировать побережье, без особого ущерба для неприятельской армии в стране.

К концу июля, Араби– паша провозгласил священную войну против неверных – джихад, и собрал силы в 30 000 человек[1128]. Однако, 1 августа, турецкий султан объявил Араби– пашу мятежником[1129], что давало для англичан санкцию на проведение карательной экспедиции против войск Араби– паши, как

[1124] *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 112.
[1125] Там же. С. 113.
[1126] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 50.
[1127] Ibid. P. 51–52.
[1128] Ibid. P. 57.
[1129] Ibid. P. 58.

мятежника против своего сюзерена – египетского хедива, вассала турецкого султана.

Боевые действия в Египте, в освещении русской разведки.

29 июня (11 июля), в 7 утра, броненосец «Александра», флагман эскадры вице-адмирала Сеймура, начал бомбардировку Александрии [1130] . Согласно приказу от 10 июля, «Александра», «Султан» и «Суперб» сосредоточили огонь на форте Фараон, «Инфлексибл» – на форте Мекс, «Темперайр» и канонерские лодки должны были выдвинуться для поддержки по мере успеха бомбардировки [1131] . Несмотря на то, что поднявшийся от канонады дым затруднял стрельбу англичанам, форт Мекс был полностью разрушен. Канонерские лодки «Кондор» и «Бекон» своим огнём вывели из строя форт Марабу, и остальные форы – Фараон и Ада, скоро были выведены из строя. В час дня, адмирал Сеймур отдал приказ о высадке десанта[1132].

Ланц писал в рапорте от 30 июня (12 июля), что в Лондоне царило всеобщее ликование по поводу состоявшейся бомбардировки Александрии, а в правительстве опасались, что это событие приведёт к разрыву отношений с Турцией и падению престижа Англии в мусульманском мире[1133]. Параллельно, об этом событии сообщал Протопопов из Афин[1134]. Эта бомбардировка, по его словам, произвела сильное впечатление на турок, которые отправили в Дарданеллы транспортное судно с большим числом тяжелых орудий для укрепления прибрежных фортов, и заключили контракт с американским генералом Хайрамом Берданом на поставку 200 мин его изобретения, и одновременно с этим начали постройку укреплений Чалтаджинской позиции, где было решено возвести 8 больших фортов[1135].

[1130] Ibid. P. 34.
[1131] *Goodrish C.F.* Op.cit. P. 31–32.
[1132] Ibid. P. 36.
[1133] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 94.
[1134] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 10. Л. 100.
[1135] Там же. Л. 101 об.

Контракт турок с Берданом на поставку мин подтверждается и словами Филиппова, который 11 апреля сего года сообщал, что турки рассматривали вариант закупки мины Бердана[1136]. Усиление англичан в Средиземноморье, и успешная бомбардировка Александрии, вынудила турок усилить оборону Дарданелл, как подступов к столице. Также, сообщение Протопопова подтверждало более ранее сообщение генерала Ланца об опасениях английских политиков о разрыве с Турцией, так как, факт бомбардировки Александрии сказался на ухудшении англо- турецких отношений.

Позже, Ланц отправил рапорт № 68, в котором подробно описал бомбардировку города, действия британской эскадры и пришёл к заключению, что ввиду паритета египтян и англичан в артиллерии, только бездействие тяжёлых орудий дало англичанам возможность эффектно действовать против береговых батарей. Привести их в молчание удалось потому, что на открытых батареях прислуга не могла находиться из–за осколков от разрыва снарядов. Поэтому, генерал пришёл к выводу, что в борьбе флота против берега, единственное преимущество корабля – его подвижность, бронирование не может служить надёжной гарантией защиты от огня артиллерии[1137].

Когда в Египет прибыл назначеный туда полковник Соллогуб, то после посещения форта Мец, он сообщал, что орудия не имели никаких подъёмных механизмов, кроме деревянных клиньев, содержались плохо, отчего деревянные лафеты начали гнить, а сами орудия – ржаветь. Также на арабов из орудийной прислуги действовали осколки от разрывов бомб, поэтому, в условиях отсутствия какой–либо защиты от артиллерии неприятеля, и плохом качестве орудий, египтяне быстро прекратили сопротивление.

Соллогуб отметил, что английские бомбы ложились весьма кучно, что говорит о меткой стрельбе и выучке экипажей, но не разрывались, а британский флот не получил серьёзных повреждений от орудий неприятеля[1138]. Из этого

[1136] Там же. Л. 42.
[1137] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 178.
[1138] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 26–28.

следует вывод, что ввиду недостаточной информации о египтянах, Ланц не смог более точно оценить силы сторон. Наблюдения Соллогуба показали, что паритет в силе орудий сводился на нет качеством подготовки артиллеристов и эксплуатации орудий, что позволило англичанам успешно сломить сопротивление неприятеля.

Доведя численность экспедиционных войск до полного числа, в начала августа, англичане, приступили к боевым действиям. Генерал Г. Ульслей делился в письме жене первоначальным планом – высадить войска в заливе Абукир, атаковать позиции Араби–паши, чтобы пробиться к Измаили, и тем самым защитить Суэцкий канал с суши на линии Александрия– Измаилия[1139].

В рапорте Соллогуб сообщал свои впечатления от египетских властей и британской армии в Египте. Город Александрия, он описывал как груду развалин с немногими уцелевшими домами, где вообще не было заметно присутствие английского гарнизона: «Кроме этих солдат, одетых в довольно грязные красные мундиры, в городе почти не заметно никаких других признаков присутствия английского отряда.» Однако, больше половины оставшегося гарнизона, была выведена за город, и встала лагерем на дорогах контролирующих подступы к Александрии, соорудив там полевые укрепления[1140]. Тем самым, англичане обеспечивали себе надёжную защиту тыловых баз.

О действиях англичан в Египте, ему пришлось судить в основном из личных наблюдений и устных сведений. В письме Обручеву от 30 октября 1882 года, Соллогуб писал, что эти трудности исходят от отсутствия содействия со стороны генерала Ульслея, непопулярного среди офицеров и недоброжелательно относившегося к русским виду ранений, полученных под Севастополем и интригам британского посла в Константинополе, лорда Дафферина[1141].

Г. Ульслей, в отчёте от 16 сентября писал, что между его лагерем и позициями Араби– паши, на протяжении 3-х миль, не существовало ни единого

[1139] Letters of… P. 72.
[1140] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 24.
[1141] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 58.

укрытия. Попытки удара были обречены на большие потери от неприятельского огня. Ввиду этого, он решился на ночную атаку позиций неприятеля в лоб[1142]. Также, он писал жене в письме от 10 сентября, что он возлагает весь успех своего удара на резкую ночную атаку своей пехоты, что должно привести к деморализации и панике среди врагов, и уменьшить возможные потери англичан. Сам генерал был настроен весьма решительно – он писал, что не позволит себе вернуться в Англию будучи разбитым[1143]. Поэтому, Соллогуб располагал точными сведениями о планах Г. Ульслея.

Г. Ульслей расположил свои войска следующим образом. На правом фланге находилась конная бригада с 2мя конными батареями, слева от них, бригада генерала Грэхема в 5 батальонов, центр составила гвардейская бригада герцога Коннаутского. Левый фланг составила хайлендерская бригада генерала Алисона, при поддержке бронепоезда с командой моряков и 42– х орудий генерала Гуденау[1144].

Как писал в своём рапорте В.У. Соллогуб – английские колонны прошли передовой редут перед правым флангом позиции арабистов и не заметили его. Лишь потом арабские артиллеристы, которые были прикованы цепями к своим орудиям, попытались открыть огонь в тыл англичанам, который не оказал никакого результата. Пехотинцы–арабы обратились в бегство или сразу, или выстрелив по несколько патронов через головы, до штыковой схватки остались лишь полки, набранные из суданских негров – количество их разнилось от одного до двух[1145].

На деле, всё произошло следующим образом. Генерал Г. Ульслей в 1.30 ночи 13 сентября отдал приказ 1 и 2 дивизиям начать движение к неприятельским позициям[1146]. Бой начался с атаки хайлендерской бригады на левом фланге в 4. 55. Шотландцы почти незаметно подошли к самому редуту, и только тогда

[1142] *Goodrish C.F.* Op.cit. P. 150.
[1143] Letters… P. 78.
[1144] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 162.
[1145] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 61.
[1146] *Goodrish C.F.* Op.cit. P. 150.

египтяне заметили их и открыли огонь. Шотландцы с криками «Scotland forever»[1147]! и под аккомпанемент волынок, бросились в штыки. По словам генерала Алисона, египтяне оказали упорное сопротивление, и овладение редутами далось шотландцам нелегко[1148]. Однако, помощь со стороны легкой пехоты и стрелков полковника Эшбирхема, довершила атаку шотландской бригады[1149]. Правому флангу генерала Грэхема задачу облегчила артиллерия. Её огонь был настолько силён, что египтяне не смогли организовать какого– нибудь сопротивления[1150], и сразу же ей на помощь явилась гвардейская бригада герцога Коннаутского[1151]. По сути, совместная атака левого и правого флангов и решила исход битвы.

3 батальона индусов, Морская бригада и батальон Сифордских хайлендеров под командованием генерел–майора МакФирсона, взяли штурмом батарею, преграждавшую путь к Тель–уль–Кебиру, и дальше, отступающие египтяне преследовались эскадроном 6 Бенгальского конного полка, гнавшего их через деревню и дальше[1152]. При этом, моряки пользовались картечницами Гатлинга, чтобы проложить себе дорогу через строй египтян[1153], их огонь привёл к большим потерям среди оборонявшихся египтян, и произвёл на них шоковое впечатление. С правого фланга, конная бригада при 2х конных батареях, окружила египтян с севера и тем самым, отрезала им путь к отступлению[1154]. Пленение остатков армии Араби– паши произошло в 6 часов утра, и закончило битву[1155].

При этом важно отметить, что среди бойцов шотландской бригады, не было ни одного солдата моложе 24-х лет, многие из них служили в строю 6 лет, и

[1147] Шотландия навсегда!
[1148] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 163.
[1149] *Goodrish C.F.* Op.cit. P. 151.
[1150] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 164.
[1151] *Goodrish C.F.* Op.cit. P. 151.
[1152] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 166. *Goodrish C.F.* Op.cit. P. 151.
[1153] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 167.
[1154] *Goodrish C.F.* Op.cit. P. 151.
[1155] Ibid. P. 152.

являлись ветеранами Афганской войны[1156]. Это отлично показывает то, что долгий срок службы давал армии хороших бойцов. Г. Ульслей, в своём отчёте писал, что молодость солдат и недостаток обучения строю и маневрированию, создавало то положение, при котором войска не годились для современной войны[1157].

Как видно, В.У. Соллогуб, имея возможность знать только устные сведения, узнал лишь общую и довольно неточную картину, отчего в донесении он дал почти неверную картину о движении британских войск. Однако, он мог точно оценить причины слабой сопротивляемости войск Араби– паши: «Недостатки организации борьбы и малое сопротивление со стороны арабов представили собою данность, подготовленное общим расстройством страны и хорошо изученное непосредственно перед Тель–эль–Кебиром.»[1158]

О действиях Г. Ульслея после битвы В.У. Соллогуб писал: «Вскоре же после дела, английские офицеры говорили, что оно было бы невозможна против европейского противника. Принятие ген.Ульслеем титула «лорда Каирского» объясняется тем, что он сам не придавал значения тактической стороне битвы и доказывал, что главная заслуга войск заключается не в легком разгоне неприятеля при Тель–эль–Кебире, а в последующем быстром наступлении к Каиру, для спасения последнего от разорения арабами.» [1159] В связи с предыдущими фактами о том, что Г. Ульслей возлагал всю надежду на внезапность атаки, плохую боеспособность египтян и считал свои войска недостаточно подготовленными для войны, с оценкой В.У. Соллогуба вполне можно согласиться.

В рапорте от 13 (25) сентября 1882 года, он излагал свое видение египетской кампании. Первое, на чём строили англичане свои действия – была вероятная низкая сопротивляемость войск арабистов, о чем ему приходилось писать и

[1156] *Grant J.* Op.cit. Vol. I. P. 169.
[1157] *Goodrish C.F.* Op.cit. P. 152.
[1158] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 60.
[1159] Там же. Л. 61.

раньше: «Основываясь на действиях дивизии принца Хасана в последней русско-турецкой войне и подручных местных наблюдениях, англичане не представляли себе египетской экспедиции иначе, как военной прогулкой в Каир. В период остановки под Тель–эль–Кебиром, мнения несколько изменились в армии, но генерал Ульслей не переставал верить в нравственное ничтожество своего неприятеля и основал на этой данной весь расчёт успеха»[1160].

Недостаточность военных сил и опасения, что отдаление от Суэцкого канала могла вызвать нужду в увеличении транспортных средств для доставки воды к войскам, что, по словам В.У. Соллогуба вынудили англичан к лобовому удару на арабскую позицию. Собственно, для снабжения действующей армии, англичанам пришлось двигаться вдоль большого пресноводного канала[1161].

Укрепления лагеря Араби– паши он оценивал невысоко: «Если бы эта последняя действительно укреплена, как о том говорили, с расчётом на прочное сопротивление, то прибег на 2– 3 фунтов в глубине рвов обеспечила бы бруствер от возможности эскапады, в волчьи ямы, колья с проволокою и т.п. препятствия впереди не позволили бы англичанам беспрепятственно перебежать «…» 500 ядров (около 650 шагов) непосредственно перед укреплениями. Арабы убрали свои аванпосты (посты) за 2– 3 часа до рассвета, что также было известно англичанам, которые с умыслом распускали слух о своем намерении произвести атаку ночью»[1162]. Плохо укреплённая позиция, и намеренная дезинформация со стороны англичан о времени атаки, позволили последним удачно взять позиции неприятеля.

В конце кампании, британские силы в Египте насчитывали: пехота – 361 офицер и 7 790 человек, кавалерия – 142 офицера и 2 254 рядовых, артиллерия – 79 офицеров и 1 802 человека, итого, метрополия выставила армию в 16 416 человек. Индийские части насчитывали: 199 офицеров, 1 740 белых солдат и 5 497 индусов, при 6 613 нестроевых. Итого, общее число войск насчитывало

[1160] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 78.
[1161] Letters… P. 74.
[1162] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 7879.

23 979 человек. Также, обоз и частей метрополии и индийского контингента, в общей сумме, составил 7 280 лошадей, 5 087 мулов и пони[1163]. Таким образом, эта цифра показывает, что метрополия в случае войны, могла выставить контингент силами 15–16 000 человек, как это рассчитывали ещё с середины 1870-х годов. Египет показал верность этих расчётов, как и для британского Генерального штаба, так и для русской разведки.

Немаловажно обратить внимание на рапорт Соллогуба о параде британских войск в Александрии по случаю победы над арабистами, где присутствовали индийские части. Общий вид индийских частей, Соллогуб мог увидеть на параде в Александрии, по случаю возвращения хедива. Он писал об этом в рапорте от 30 сентября (12 октября) 1882 года. Первой прошла индийская кавалерия: «Равнение в рядах почти не соблюдалось вовсе»[1164]. О пехоте, Соллогуб был весьма хорошего мнения: «Вид людей во всей пехоте бодрый и здоровый»[1165]. В рапорте Соллогуб уделил внимание больше обмундированию солдат– индусов, подробно описывая цвета тюрбанов и кушаков, их внешнему виду и амуниции кавалерии, а о вооружении пехоты и кавалерии он не говорит ни слова.

Более подробно он остановился на горной артиллерии англо-индийской армии: «Горная артиллерия (на мулах) с прислугою из индийцев, отличалась своими орудиями, состоящими из двух частей: короткой, казённой и длинной дульной. Для действия части свинчиваются. Приспособление под цапфенной частью этих орудий позволяет класть из на лафет и снимать в продолжение всего одной минуте времени. По слышанным мной отзывам эти орудия принесли большую пользу в афганской войне и в настоящей экспедиции»[1166]. Важно отметить реакцию на эти факты со стороны военного министерства, когда из канцелярии ВУК было послано письмо в ГАУ от 28 октября: «Военный министр приказал исполнить: 1., сообщить главному артиллерийскому управлению из

[1163] *Grant J.* Op.cit. Vol. II. P. 31.
[1164] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 43.
[1165] Там же. Л. 45.
[1166] Там же. Л. 44.

донесения генерального штаба полковника Соллогуба приложенное извлечение об английской горной артиллерии и 2., доложить ему имеются ли у нас подробные сведения об английских горных орудиях»[1167]. Это показывает интерес военного ведомства к английскому вооружению, как к оружию вероятного противника и как к средствам ведения горной войны.

В качестве итога, можно привести слова Соллогуба о важности факта участия индийских войск в параде: «В летописях английской армии упомянутый смотр имеет значение первого военного торжества, на котором индийские войска были соединены с Гвардией и с войсками вообще. В среде офицеров ходил даже слух, что. В ознаменовании этого события, часть индийских войск будет отправлена в Англию для представления императрице»[1168]. Передавая мнение английского командования о боеспособности индийских частей Соллогуб писал, что англичане имели противоречивые сведения о боеспособности индийских войск и колебались в размышлениях о необходимости их использования в боях. Были мнения, что весь индийский контингент будет оставлен в оккупации.

Однако, были и мнения, что всю задачу по разгрому войск Араби– паши можно выполнить только англо-индийскими войсками, однако сомнения в дисциплине индийских частей заставили отказаться от этого проекта. Также отмечалось, что: «Индийская кавалерия, действиями которой англичане остались весьма довольны, навлекла на себя однако, в упрёк в неисполнении неоднократно даваемых ей приказаний щадить бросающих оружие и бегущих»[1169]. Чрезмерное рвение индийских солдат в бою, позволило сломать недоверие британского командования к ним.

Соллогуб передаёт те сомнения в надёжности индийских войск для военной кампании, что одолевали англичан и ранее – достаточно вспомнить донесения генерала Горлова в 1870-х годах. Эти сомнения по поводу лояльности солдат–мусульман передавал и Ланц, сообщая, что индийские мусульмане не могут

[1167] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 50.
[1168] Там же. Л. 42.
[1169] Там же. Л. 57.

простить афганцам то, что в войну Турции и России те не откликнулись на призыв султана, как своего халифа, и не выступили против России[1170].

Однако, несмотря на все сомнения, индийские части зарекомендовали себя с лучшей стороны, проявив излишнюю жестокость по отношению к неприятелю. Как Соллогуб писал ещё ранее об индийских войсках: «Невысокого роста и чрезвычайно худые люди с весьма темною, почти чёрною кожей, иногда почти без платья, но зато с огромными тюрбанами на головах. Эти люди служат наглядным выражением идеи, сравнительно недавно возникшей, об увеличении могущества Англии на континенте Европы посредством соединения обоих главных частей Империи в Индии и королевства в Европе»[1171].

Официальная «История войны в Судане» отмечала, что на египтян и индусов– мусульман, победа в египетской кампании произвела хороший эффект, так как способствовала восстановлению законной власти мусульманского монарха[1172]. Поэтому, египетская кампания послужила для индийской армии, своеобразным «экзаменом на лояльность», который она в глазах англичан, выдержала.

Последствия египетской кампании 1882 года.

Одним из непосредственных выводов для русских военных из египетского похода англичан, стало предписание судам эскадры в греческих водах, совершать плавание вдоль берегов Египта, дабы узнавать: «все способы транспортирования английских войск и вообще разные технические вопросы, возбужденные в военно– морском отношении Египетской экспедицией»[1173].

Для этого, в Александрию был послан клипер «Наездник» под командованием капитана 2– ранга Л.К. Кологерасс, который наблюдал за выгрузкой войск с 31 августа по 30 сентября и движением военного и транспортного флотов англичан. Результатом пребывания «Наездника» в

[1170] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 83.
[1171] Там же. Л. 28.
[1172] *Grant J.* Op.cit. Vol. II. P. 30.
[1173] *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 122.

Александрии, стал отчёт Л.К. Кологерасса на имя командующего эскадрой П.А. Чебышева, об организации военных перевозок[1174].

После этого, в России начали уделять активное внимание обучению войск десантированию с моря. 28 ноября 1882 года, Ванновский, написал письмо адмиралу Шестакову с просьбой устроить совместные учения военных и моряков, когда 23 и 24 пехотные дивизии в Финляндском и Петербургском военном округах будут взаимно сменять друг друга. При участии начальника Главного штаба, генерала Обручева, управляющего канцелярией морского министерства контр– адмирал Н.И. Казнакова и начальника Практической шхерной эскадры контр– адмирала В.П. Шмидта был разработан подробный план учений.

16 июля, эскадра адмирала Шмидта организовала учебную высадку войск у форта Красна Горка, который прикрывал подступы к Петербургу. Эти манёвры показали, что высадка на неизвестный морской берег, охраняемый с суши, обречена на неудачу[1175].

Также, учения проводились непосредственно на Черноморском флоте. Весной 1883 года, командующий Одесским военным округом, генерал от инфантерии И.В. Гурко, задумал осуществить морскую поездку вдоль берегов Крыма с целью узнать разные способы высадки войска на берег и упражнений в оных. Поездка состоялась 3–15 июля 1883 года.

Одним из непосредственных её итогов, стала выработка списка пригодных для перевозки войск военных судов, пароходов РОПиТ и Доброфлота, расписание погрузки, транспортировки и высадки войска. Среди них можно упомянуть манёвры по десантированию, в ходе которых 14 рот 52 Виленского пехотного полка, вышли в море на пароходе, и по сходням перешли на шхуну «Ястреб», и после подхода её к берегу, высадились туда[1176].

[1174] Там же.
[1175] *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 122–123.
[1176] Там же. С. 127.

Победа англичан в Египте, отозвалась эхом и в Турции. Как писал из Александрии Соллогуб: «Полная неопределенность ближайшего будущего Египта не позволяет ещё установить достаточно твердо последствий для России настоящей английской политики. «…» Видя в Египте реакцию действий англичан выразилась в полном перевесе народных симпатий к России; недавно мне случилось узнать, что тоже явление замечается и в Сирии. Покамест из Константинополя сообщают о небольших любезностях султана к представителям России. Около двух лет тому назад со стороны султана была сделана конфиденциально такая же попытка: из Порты ответили, что Турция слишком слаба для пользы от союза с нею. Немедленно после этого пришлось удивляться присутствию германского влияния в Константинополе»[1177]. Из этих строк следует один четкий вывод – победив в Египте, англичане потеряли симпатии Турции и арабского населения к себе.

Как уже писалось выше, бомбардировка Александрии произвела впечатление на Турцию, которая не замедлила приступить к укреплению обороны Проливов. Уже 23 апреля 1882 года, Обручев направил в Лондон Ланцу письмо за № 4, где сообщал, что в газетах появились сведения о заказе Турцией 200 орудий Норденфельта для вооружения Чалтаджинской позиции, и прибавлял: «покорнейшее прошу справки и данные относительно одного такого заказа»[1178]. В ответном письме от 25 мая (6 июня) 1882 года, Ланц отвечал Обручеву, со ссылкой на константинопольскую корреспонденцию военно– научного английского ежемесячного журнала «Journal of the Royal United Service Institution», что со времени последней войны Турция пополнила вооружила свою артиллерию орудиями немецкой фирмы Круппа, в придачу к которым ожидались 200 картечниц Норденфельта, за которые уже было уплачено вперёд[1179].

Чтобы поддерживать орудия в боеспособном состоянии, английские мастера– оружейники в Константинополе получили турецкие должности и

[1177] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 41. Л. 61.
[1178] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 10. Л. 39.
[1179] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 77 об.

мундиры, что дало им право работать в местных мастерских[1180]. В рапорте В.Н. Филиппова из Константинополя № 26 от 29 апреля, сообщались подробности о закупке орудий Норденфельдта. Шведский подданный г–н Русе, агент фирмы Норденфельд, вернулся в Константинополь из Англии, где на его имя был сделан заказ от турецкого правительства на 200 картечниц Норденфельдта, из них 150 предназначались для флота, а 50 – для укреплений Босфора, в Англию, для наблюдения за исполнением заказа был направлен адъютант султана, полковник Хакки–бей. Также рапорт сообщал, что за картечницы было уплачено 74 850 турецких лир или 1 721 550 франков, из них 6% Оттоманский банк уплачивал Русе, как посреднику. Напротив этих слов на рапорте значится помета: «Сообщить для сведений Артиллерийскому комитету»[1181].

На сообщение Ланца о закупке картечниц турками у Англии, в Главном Штабе отреагировали немедленно. В канцелярию Главного артиллерийского управления было направленно письмо военного министра, сообщавшее об орудиях Норденфельта в турецкой армии, с требованием доложить об этом начальнику ГАУ, и просьбой сообщить ему (министру) подробности, касаемо этих орудий[1182]. В ГАУ, 11 мая, была направленна из ВУК выписка из рапорта Филиппова о заказе Турцией картечниц Норденфельдта[1183].

Филиппов из Константинополя сообщал в рапорте № 25 от 28 апреля 1882 года, что на заседании Комиссии по обороне государства, было решено возвести по всей стране ряд укреплений и фортов, а именно: усилить Чалтаджинскую позцию, укрепить крепости Эрзерум и Синоп, создать укреплённые лагеря, где в настоящий момент проходили службу турецкие новобранцы [1184], увеличить численность войска на Балканах, о чём военный агент непрестанно писал в течении всего года. Из этого логично вытекала необходимость закупки орудий для оборудования военных позиций.

[1180] Там же. Л. 79.
[1181] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 10. Л. 57.
[1182] РВГИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 88.
[1183] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882) Д. 10. Л. 59.
[1184] Там же. Л. 53.

Рапорт Протопопова из Греции за № 16 от 22 июля 1885 года сообщал о сделанном турками у фирмы Круппа заказа на орудия и снаряды к ним на сумму 580 000 турецких лир, причём среди них были не только полевые, но и береговые орудия, предназначавшиеся для укрепления Босфора, Дарданелл, Салоник и Смирны [1185]. При том на рапорте стояла помета, предположительно, П.С. Ванновского: «Нехороши наши дела в Турции». Копия рапорта, 5 августа была переправлена в Азиатский департамент Министерства иностранных дел [1186]. Также, был рапорт, отправленный в первых числах августа, (в ВУК он был доставлен 16 числа) о заказе 5 тяжёлых орудий 16–дюймового калибра, каждое из которых стоило 40 000 ф.с. а лафет с гидравлической машиной к ним – 12 000 ф.с. каждый, для укрепления Босфора. Заказ должен был быть готов через 2 года, как указывал Протопопов – к окончанию строительства черноморских броненосцев в России [1187]. При этом, заложенные в 1881–1883 годах на черноморских верфях броненосцы к 1885 году еще не были построены.

Донесение Филиппова от № 20 от 20 июня 1885 года, сообщало о том, что флот султана пополнился 2– мя миноносцами изготовленными на верфях Марселя, французским обществом «Forges et chantiers» [1188]. Турцией было заказано во Франции 12 миноносцев, и два готовых корабля, были приведены в Константинополь французским экипажем [1189]. Это подтверждает и рапорт Протопопова от 8 августа 1885 года, ибо по окончании строительства ещё двоих миноносцев в морском арсенале Тери–Хане, Турция обладала бы 16 миноносцами, а также в Англии морским министерством было заказано 45 мин системы Уайтхеда[1190]. Этот же рапорт сообщал о заказе в САСШ стволов и металлических деталей для винтовок Пибоди– Мартини, стоявших на

[1185] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 7. Л. 71.
[1186] Там же. Л. 73.
[1187] Там же. Л. 74.
[1188] Forges et chantiers de la Méditerranée – Французская судостроительная фирма «Кузницы и верфи Средиземноморья». Основные верфи, заводы и мастерские располагались в Гавре.
[1189] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 10. Л. 25.
[1190] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 7. Л. 72.

вооружении в турецкой армии, которые были бы доставлены в Турцию и там собраны в столичном арсенале[1191]. Из рапорта делался вывод, что поставка дальнобойных орудий Круппа и миноносцев на Босфор предназначены исключительно для обороны этого пролива. На рапорте стояла помета военного министра: «Это прискорбно.»[1192] Помета отражала настроения командования. Ввиду необходимости захвата азиатского берега Босфора, с целью создать заградительную позицию на входе в Чёрное море, усиление турок на Босфоре затрудняло эту задачу для России.

Для сравнения, стоит посмотреть на те силы, которыми располагал Черноморский флот в первую половину 1880-х годов. 12 апреля 1882 года, управляющий Морским министерством, И.А. Шестаков, представил императору Александру III доклад об увеличении сил флота, император ответил, что это было бы желательно, но советовал узнать мнение министра финансов. 15 апреля, адмирал подписал отношение к министру финансов Н.Х. Бунге, где испрашивал 374 860 160 млн. рублей на флот, в частности, для Черноморского флота планировалось построить 8 броненосцев, 2 крейсера и 19 миноносцев[1193]. 13 мая, состоялось Особое совещание по делам флота. Об его итогах, адмирал Шестаков записал в дневнике: «Знаменательный для меня день ... Хотели связать нас Черным морем только, но ни Алексей[1194], ни я на это не согласились. Дали тотчас 3 миллиона «…» и обещались выполнить всю нашу программу»[1195]. 14 июня, адмирал Шестаков, подписал новое представление о кредите морскому министерству в размере 3 миллиона рублей на имя министра финансов, которое было утверждено Государственным советом 12 июня и императором – 7 сентября[1196].

[1191] Там же.
[1192] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 7. Л. 72.
[1193] *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 101–102. *Моисеев С.П.* Указ.соч. С. 16.
[1194] Великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал флота в 1881–1905 гг.
[1195] Цит.по: *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 103.
[1196] Там же. С. 142.

Однако, на черноморских верфях было заложено всего 2 броненосца. Шестаков писал в дневнике, что дипломаты придерживаются мнения, что флот надо строить как можно скорее[1197]. По его словам, британская экспедиция в Египет, продемонстрировавшая силу броненосного флота, и вынуждала Россию торопиться с морской программой для Чёрного моря. Согласно отчёту Государственного контролёра, за 1883 год, в 1882 году, морскому министерству был открыт чрезвычайный кредит на 17 628 000 рублей на 1883 и 1884 годы. Это позволило приступить к постройке 3х броненосцев, 1 броненосного крейсера, 2х крейсеров и 4х миноносцев для Чёрного моря. Все броненосцы – «Екатерина Великая», «Чесма» и «Синоп» были заложены для Черноморского флота в 1883 году[1198].

Поход англичан в Египет, не только продемонстрировал решимость Лондона, не считаясь с средствами, защищать свои интересы силой оружия, но также послужил причиной для двух больших сдвигов. Британия потеряла свой престиж и влияние в Турции, которая начала более явно дрейфовать в сторону Германии. Усиление Турции немецкими руками негативно оценивалось в военном ведомстве России. Для последней, египетский поход стал толчком к ускорению процесса подготовки босфорской экспедиции, которая должна была решить важный для России вопрос о закрытии Черного моря от флота потенциально враждебной державы, которой все еще оставалась Великобритания.

[1197] Там же. С. 119.
[1198] Всеподданнейший отчёт Государственного контролера за 1883. СПб., 1884. С. 41.

§ 3. Русская разведка о Мервском кризисе 1884–1885 гг.

Присоединение Мерва и вопрос о границе с Афганистаном.

В 1881 году, генерал Скобелев взяв крепость Ахал–Теке. Однако, туркмены из Мервского оазиса оставались недовольны новой границей. Они оказались между Афганистаном, Российской Империей и Персией, что вызывало вопросы относительно их подданства и становилось фактором нестабильности в этом регионе[1199]. Этим попытались воспользоваться англичане, дабы создать из туркмен буфер, не дающий России подойти к Афганистану. Как сообщал А.П. Горлов из Лондона, в 1881 году состоялись поездки полковника Стюарта и майора Джима в Закаспийскую область с целью сбора сведений о Мерве[1200]. Однако, Горлов ошибся в одном, второй офицер был не майором, а капитаном, и звали его Гиль, а не Джим. В заявлении по этому поводу, сделанном Гирсом британскому послу, было сказано, что: «английский интриги в Мерве лишь усложняют ситуацию», ибо означенные офицеры имели целью взбудоражить туркмен против России[1201].

Эти поездки, для британских военных, были не исключением, но правилом. Горлов писал на имя Ванновского о том, что в Staff College, как тогда называли британскую Академию Генерального штаба, при окончании одного курса, офицеры отправлялись в поездки по другим странам за свой счёт, в ходе которой собирали сведения о других армиях, которые могли бы пригодиться британскому правительству[1202]. Такую практику, Горлов признавал безусловно полезной, и считал нужным ввести её и в русской армии, приводя в пример то, что накануне Крымской войны пограничные с турками кавказские крепости были уже подробно изучены английскими разведчиками.

[1199] *Чарыков Н.В.* Указ.соч. С. 110.
[1200] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 4. Л. 6.
[1201] Афганское разграничение… С. 45. Hansard's Parliamentary debates. Third series. L., 1881. Vol. 260. P. 560–561.
[1202] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 4. Л. 6.

Особый интерес Горлова вызвала поездка корреспондента газеты «Daily News» О,Доннорвана в Мервский оазис[1203]. В другом донесении, с пометой «секретно», Горлов сообщал о том, что письма О,Доннорвана сразу печатаются в газете, и так как они касались Туркестана, неведомого английской публике, то они стали пользоваться популярностью. Горлов выделил в его письмах то, что О.Доннорван сообщал о настроениях среди туркменских старейшин, которые колебались между Персией и Россией, ввиду чего для него покорение Мерва одной из этих стран было вопросом времени.

Поэтому, Горлов считал нужным сделать русский перевод писем, так как из них Главный Штаб мог бы извлечь много полезного, касаемо этой спорной территории. На донесении стояла резолюция министра: «Надо добыть корреспонденцию Доннорвана для Военно– учётного комитета»[1204]. Такая помета свидетельствует о высоком интересе к тому, что Горлов сообщал о британской разведке в Центральной Азии. Обручев, вероятно, по просьбе Ванновского, прислал Горлову письмо, в котором просил его составить подборку корреспонденции О,Доннорвана из Мерва. Следующее донесение военного агента, сообщало об исполнении этого требования[1205]. Таким образом, ещё Горлов начал отмечать важность Мервского вопроса в будущей политике России и Англии. Однако, перевод этих писем так и не был осуществлен.

Другие подробности о поездке О,Доннорвана по Мерву, сообщал начальник Закаспийской области генерал– лейтенант П.Ф. Рерберг. Он писал, что журналист возбуждает жителей против русских, обещает покровительство Англии, помощь деньгами и оружием[1206]. В рапорте начальника штаба войск Закаспийской области, Генерального штаба полковника Г.А. Аминова, сообщалось, что О,Доннорван действует так, выдавая себя за полномочного агента английского правительства, но ввиду своего алкоголизма, он набрал

[1203] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1881). Д. 4. Л. 6 об.
[1204] Там же. Л. 9–10.
[1205] Там же. Л. 1415.
[1206] Халфин Н.А. Присоединение средней Азии. С. 355.

огромные долги, за которые был посажен туркменами под стражу и освобождён по ходатайству О,Донорвана к русскому послу в Тегеране[1207].

Сам О,Доннорван, на меджлисе туркменских старейшин, обещал, что англичане не будут брать с них дань и окажут всяческое покровительство. На вопрос старейшин о том, будут ли они вассалами или подданными англичан, журналист не дал ответа, обещав уточнить этот вопрос[1208]. Он распространял мифы о том, что в Мерв едут английские оружейники с целью налаживания оружейного дела в Мерве, но это обещание так и осталось обещанием[1209]. По мнению Рерберга в докладе на имя Главноначальствующего кавказской администрацией А.М. Дондукова–Корсакова от 19 октября 1881 года, отъезд О,Доннорвана из Мерва, с угрозами, долгами и незавидной репутацией, положило конец английскому влиянию в Мерве[1210].

Как было сказано выше, положение туркмен усугублялось неопределенностью их подданства. Кочевья племен затрагивали как русские, так и персидские территории, что приводило к ситуации двойного подданства. Попытки персидских властей утвердиться среди туркмен, (отвод вод из каналов, увеличенные поборы денег и хлеба, реквизиции стад скота) вызвали недовольство[1211].

Посол в Тегеране, в августе 1881 года, сделал заявление персидскому шаху, чтобы Персия прекратила вмешательства в дела туркмен, однако, персидские сборщики податей продолжали появляться среди туркмен, ввиду чего, Рерберг, телеграфировал Зиновьеву в Тегеран, с просьбой снова принять меры для прекращения подобных действий со стороны Персии[1212].

[1207] *Халфин Н.А.* Присоединение средней Азии. С. 365.
[1208] *O,Donnorvan.* The Merv Oasis: Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81 including five months' residence among the Tekkés of Merv: In 2 vol. Vol. II. P. 206-207, 220.
[1209] Ibid. P. 212.
[1210] Присоединение Туркмении… С. 573574.
[1211] Там же. С. 552–553, 568. *Тихомиров М.Н.* Указ.соч. С. 6569.
[1212] Присоединение Туркмении… С. 556, 563.

21 декабря 1881 года, между Россией и Персией была подписана конвенция, установившая туркестанскую границу между двумя странами по реке Атерк, и Тегеран объявлял о своём невмешательстве в дела туркменских племён и предоставлял России право прохода войск Закаспийской области через территорию Персии[1213]. Это развязывало руки Петербургу в решении вопросов о Мерве. Расположившийся между Геок–Тепе и Афганистаном, Мервский оазис являлся прямым выходом к Герату, афганской провинцией, являвшейся проходом через горы в Индию.

Поэтому окружение Б. Дизраэли называло этот оазис «ключом к Индии», а вышедшая в 1881 году книга географа Ч. Марвина называлась – «Мерв, королева мира и туркменское бедствие.» Название красноречиво отражало положение Мерва в британской политике. Выдвижение М.Д. Скобелева в Туркмению довело британских политиков до такой истерики, что Дж.Д. Кемпбел, 8-ой герцог Аргаил, назвал это настроение «мервозностью»[1214].

Положение Мерва, как вероятной важной стратегической позиции в будущем противостоянии с Англией, вызвало снова вопрос о его роли в будущем конфликте. К.К. Ланц, обрисовывал общее положение в регионе, считая договор России с Персией, достаточно угрожающим английскому владычеству в Индии. Он считал, что этот договор даёт возможность наносить по Англии удар из Красноводска, через Асхабад и на Герат, а Мерв становиться при таком раскладе вовсе не нужным для России[1215].

В ноябре 1881 года, М.Д. Скобелевым вместе с Н.И. Гродековым была составлена записка о присоединении Мерва, в которой оба генерала, хорошо знавшие туркмен, высказывали мысль, что в случае письменного соглашения о принятии в подданство, это ни к чему не обязывает туземцев, что ввиду их воинственного характера и любви к грабежам, втягивало бы Россию в большие военные расходы, и снова ставило бы вопрос крайней её южной границы. Ввиду

[1213] Там же. С. 602605.
[1214] *Чарыков Н.В.* Указ.соч. С. 110111.
[1215] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 1. Л. 78 об.

этого: «*Включение Мерва в состав наших владений нежелательно ни в коем случае.*»[1216] В 1882 году, была подана докладная записка Гродекова, посетившего туркменские земли и Герат в 1878 году. В ней он повторял свои тезисы, изложенные в отчётах за 1878 год – Мерв не есть ключ к Герату[1217].

Ланц и Гродеков заняли единодушную позицию в отношении ненужности Мерва для России в стратегическом отношении. Однако, пристальное внимание англичан к оазису, вынуждало руководство Туркестанского округа вплотную заняться изучением этой местности. В Туркестанском военном округе, в те годы, необходимость знания местностей, лежащих к югу от Закаспийской области, составляло одну из насущных проблем.

16 ноября 1881 года, в Ашхабаде, после переговоров с генералом Рербергом, старейшины мервских родов приняли на себя обязательства не поднимать оружия против России, прекратить все набеги и грабежи, работорговлю, защищать русские торговые караваны, не вступать в отношения с чьими– либо представителями кроме представителей России и слушаться русских начальников. Рерберг, со стороны России обещался не трогать веру и обычаи туркмен, оказывать им покровительство и не взимать подати[1218]. Этот договор стал первым шагом на пути сближения России и мервских туркмен, справедливо видевших в русских свою защиту от персов.

В июне– июле 1882 года, состоялось несколько заседаний Особых совещаний по Мерву, на которых присутствовали министр иностранных дел Н.К. Гирс, начальник Главного штаба, генерал-адъютант Н.Н. Обручев, посол в Тегеране А. Зиновьев, министр финансов Н.Х. Бунге. Вопрос на совещаниях стоял о важности Мерва для России – на нём подчеркивалось, что Мервский оазис соединяет Туркестан с Закаспийской областью, и мирное решение этого вопроса избавит Россию от военной экспедиции в этот край. По итогам

[1216] Присоединение Туркмении… С. 591596.
[1217] Записка Ген. шт. генерал-майора Гродекова о путях из Закаспийского края в Герат. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 5. СПб., 1883. С. 108109.
[1218] Афганское разграничение. С. 1214.

совещания, было решено развивать торговые отношения с мервскими туркменами[1219].

В 1883 году, новый начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант А.В. Комаров, пригласил старейшин Мерва на коронацию императора Александра III. Русская техника – пароход, паровоз, лампы Яблочкова, а также огромное количество вымуштрованных русских войск на парадах, произвели на старейшин такое сильное впечатление, что те решили отдаться под власть русского царя[1220]. 25 августа 1883 года, состоялось ещё одно Особое Совещание по Мерву, на котором, помимо упомянутых лиц, участвовали управляющий Морским министерством, вице– адмирал И.А. Шестаков, генерал-губернаторы Степного края Г.А. Колпаковский и Туркестана М.Г. Черняев, начальник Закаспийской области, генерал А.В. Комаров, и помощник начальника Главного штаба, генерал-майор А.Н. Куропаткин. Совещание, пришло к выводу о необходимости воздействия силой на Мерв, ввиду отсутствия там твёрдой власти.

В ноябре 1883 года, из Ахал–Теке, вышел отряд А. Муратова, который остановился у близлежащего к Мерву Тенженского оазиса, который отправил в Мерв штабс– капитана М. Алиханова–Аварского. На собрании старейшин, Масалхате, 1 января 1884 года, Алиханов–Аварский выступил с речью, в которой призвал их прекратить набеги и работогровлю, и обещал внимательное отношение русских властей к нуждам туркмен. Посовещавшись, старейшины приняли окончательное решение о переходе под власть русских, оформив оное в виде прошения на имя русского императора. В Петербурге, на Особом совещании января 1884 года, было решено удовлетворить просьбу туркмен, и 31 января мервская делегация в Ашхабаде поклялась в верности России[1221].

В донесении Ланца из Лондона от 12 (24) февраля 1884 года № 14 сообщалось, что и министерство и оппозиция в парламенте пришли к единодушному мнению, что ввиду нынешнего положения в Средней Азии из– за

[1219] *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. С. 361.
[1220] *Чарыков Н.В.* Указ.соч. С. 111.
[1221] *Чарыков Н.В.* Указ.соч. С. 361363.

Мерва, Афганистан, как передовой пост на пути в Индию, должен оставаться под влиянием Англии, поэтому Англия будет защищать афганского эмира, как своего надежного союзника[1222].

Для этого, необходимо было держать под контролем Кветту и вооружать северную границу Афганистана. В качестве дополнительной меры, предлагалось выделить Мерв в качестве буферной зоны, между сферами влияния Англии и России. Для решения этой проблемы и снятия с России возможных обвинений в агрессии против Герата, Ланц предлагал провести разведку местности, с целью четкого установления русско– афганской границы, и очерчивания сферы интересов России. К этому, он прибавлял: «Собственно, против приобретения Россией Мерва Россией, англичане не протестуют, но они желают иметь гарантии, что дальше к югу русские не пойдут»[1223].

В одном из писем Фельдману, Ланц сообщал о выходе новой книги о Мерве и Герате, принадлежащей перу географа Ч. Марвина «The Russians at Merv and Herat.»[1224] Ввиду того, что Ч. Марвин часто посещал Россию, и был автором многих книг о Средней Азии, то его мнение считалось весомым. (чуть расширить это). По его мнению, самым большой проблемой в отношениях Англии и России, являются их скудные познания друг о друге, ввиду этого, большинство англичан, пишущих о Средней Азии судили о ней с точки зрения безопасности Индии, но не имеют понятия о точке зрения русских[1225]. В своей новой книге, он, сравнивая управление в британской Индии и русском Туркестане, хвалил русских за умелое управление покоренными землями, и укорял англичан за «тираническое» правление в Индии, считая, что именно шаткое положение Индии и дает почву английским страхам перед русской экспансией[1226].

[1222] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 4. Л. 12.
[1223] Там же. Л. 13 об.
[1224] Там же. Л. 33.
[1225] *Сергеев Е.Ю.* Указ.соч. С. 176.
[1226] *Marvin C.* The Merv and the Russians on the Gates of Great. L., 1885.

25 февраля 1884 года, в Мерв выдвинулся отряд А.В. Комарова, в составе 1 батальона, 2-х казачьих сотен и 2-х орудий[1227]. Ввиду этого, один из племенных вождей мервских туркмен, Каджар– хан поднял мятеж и собирался встретиться с русскими в открытом бою[1228]. Генерал отразил атаку войска Каджар–хана на свой отряд, и ввиду общей благосклонности мервских старейшин, занял цитадель оазиса без единого выстрела[1229]. В начале марта 1884 года, мервские старейшины присягнули на верность Александру III, что означало окончательное утверждение России в Мервском и Пендинском оазисах.

22 февраля (12 марта), посол Великобритании в России, Э. Тронтон послал Н.К. Гирсу ноту, в которой, излагая последовательные уверения России в отсутствии намерений брать Мерв, просил от русского правительства ответа, почему несмотря на предыдущие уверения, Мерв был все–таки присоединен к России[1230]? Н.К. Гирс дал ответ 17 марта, что решение мервских старейшин о принятии подданства России, было неожиданно для Петербурга[1231], Причем в приложении к ноте, в котором обосновывались исторические права России на аннексию Мерва, содержалась весьма интересная фраза: «Не говоря об исключительных обстоятельствах, бывших следствием минувшей восточной войны совершенно тождественные причины вынудили Россию расширить свои владения и привели наконец, к подчинению ей населения Мерва»[1232]. Во многом, она показывала те последствия русско-турецкой войны, которые вынудили Россию искать противоборства с Англией в Средней Азии, и что присоединение Мерва было логичным шагом активизации России в Туркестане с конца 1870–х годов.

Этот шаг русской внешней политики, совпал с активизацией действий Абдур–Рахман–хана в войне со своими противниками. Срочное донесение Ланца

[1227] История русской армии и флота. Вып. XII. СПб., 1912. С. 165.
[1228] *Чарыков Н.В.* Указ.соч. С. 116.
[1229] Там же. С. 119120.
[1230] Афганское разграничение… С. 3147.
[1231] Там же. С. 4851.
[1232] Афганское разграничение… С. 55.

от 3 (15) марта 1884 года из Лондона сообщало, что племя дарвазов напало на княжество Рошан, и ввиду угрозы продолжения похода дарвазов, близлежащее княжество Шунган послало за помощью в Кабул, ибо ханы Рошана и Шунгана платили дань эмиру[1233].

Это нападение стало поводом для оккупации обеих княжеств Абдур–Рахманом, при одобрении англичан.[1234] Донесение от 13 (25) июня сообщало, что из секретного политического отдела министерства по делам Индии получено сообщение, что эмиром Абдур–Рахманом возлагаются большие надежды на укреплении в Афганском Туркестане (Чар– Вилайете). Наместник Чар–Вилайета, Исхак–хан, держал свои отряды вдали от своей столицы, города Маймены, то войска эмира смогли подойти и спокойно занять город, жители которого пали духом и не думали о сопротивлении[1235].

Важность этих сообщений, генерал Ланц объяснял в донесении от 4/16 апреля тем, что Абдур–Рахман–хан стремится к распространению своей власти на те регионы, которые до сих пор признавали кабульского эмира лишь формальным главой, чем и объясняется его захват Шунгана, и подготовка военного похода в Вазирстан, что делается с одобрения англичан[1236]. Также, проводивший топографические съемки на Юго–Западе Туркмении, инженер П. М. Лессар, сообщал, что жители пограничного с Афганистаном Пендинского оазиса желали перейти в подданство России, но боялись, что в таком случае сюда явятся афганцы и перебьют их всех, вплоть до женщин и детей[1237].

Уже осенью 1884 года, в Пенде явился афганский сборщик податей, потребовавший дань в виде десятины со всего урожая[1238]. Тем самым, Афганистан заявлял свои претензии на власть в Пенде и Мерве. Поэтому, Мерву

[1233] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 4. Л. 52.
[1234] *Сергеев Е.Ю.* Указ.соч. С. 179.
[1235] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 4. Л. 125.
[1236] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 4. Л. 165 об.
[1237] *Лессар П.М.* Юго-западная Туркмения. (Земли сарыков и салоров) // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XXI. 1885. СПб, 1886. С. 2021.
[1238] Там же. С. 6364.

и прилегающим к нему оазисам, который раньше платил дань афганскому эмиру, угрожала опасность прихода туда афганских войск.

Ввиду присоединения Мерва, и выхода России к границам Афганистана, было необходимо чётко определить границу между Россией и Афганистаном. В нотах, которые обменялись Э. Тронтон и Гирс 15, 24 апреля и 3 мая, была высказана мысль о необходимости совместных договоренностей в отношении разграничений сфер интересов двух держав в спорной зоне, путем образования совместной комиссии, работы которой могли бы начаться осенью того же, 1884 года[1239].

9 июня, Гирс направил ноту Тонтону, с протестом против выдвижения афганцев к Пенджинскому оазису, указав, что в качестве предварительного соглашения, были приняты границы Афганистана по договору 1873 года[1240]. Ланц сообщил, что даже при проведении границы, кочевые племена подвластные афганскому эмиру могут тревожить русские окраины, и Россия будет требовать удовлетворения от правительства Афганистана, что будет ухудшать отношения между Россией и Англией, как державой, покровительствующей Афганистана[1241].

В этом же письме на имя Фельдмана, Ланц просил предоставить ему сведения об идее проведения границы с Афганистаном, которое полагает русское правительство, чтобы он мог сравнить её с британским проектом[1242]. Параллельно, он внимательно следил за реакцией британских политиков и общественности на вопрос о русско-афганском разграничении. Донесение от 22 февраля (5 марта) № 16 сообщало о разных мнениях в Англии по поводу принадлежности Мерва и Герата. В газете «The Morning Post» от 20 февраля 1884 года, в статье, «Кому Герат?» английское положение в Индии сравнивали со стеклянным домом которому угрожает каждый брошенный в него камень, и

[1239] Афганское разграничение… С. 5963.
[1240] Там же. С. 67.
[1241] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 4. Л. 14.
[1242] Там же. Л. 16.

захват Мерва Россией сравнивали с таким камнем, опасаясь, что следующим шагом русских, будет захват Герата[1243].

В донесении от 28 февраля (11 марта), он сообщал о заседании в Парламенте, которое было целиком посвящено делам Афганистана и Мерва: «Лорды говорили много, но нового сказали мало»[1244]. Суть Мервского вопроса осталась той же: северная граница Афганистана и вопрос о территориальной принадлежности Мерва. К.К. Ланц, ссылаясь на публикацию в Times, писал, что когда прошло персидско– афганское разграничение, то Лондон признал местность Бадхис, за Персией, в то время как его жители считали себя данниками афганского эмира. Из этого следовал вывод, что прецедент отдачи афганских данников под власть иного государя уже был, и вполне возможен в случае урегулирования вопроса о Мерве.

С одной стороны, Ланц сомневался в том, что разграничение решит все англо– русские противоречия в Афганистане, но в то же время, придерживался мнения, что для России и Англии будет весьма выгодно устроить совместные съемки границы. Показывая, что подобный шаг будет благосклонно воспринят и в Англии, он ссылался на письмо своего знакомого, генерала Уолкера от 20 июня 1884 года, что было бы выгодно соединить съёмки русских геодезистов на Памире с английскими, так как английские геодезисты засняли склоны хребта Гиндукуша с южной стороны, а русские могли бы их снять с севера, таким образом исчезли бы погрешности и ошибки, указываемые на картах[1245].

Фельдман немедленно отправил письмо в военно– топографический комитет с просьбой вынести заключение относительно соединения русской и английской съёмок на Памире[1246]. 14 августа пришёл ответ, что Туркестанский округ пока довольствуется уже добытыми в результате памирской экспедиции капитана Д.В. Путяты сведениями, но к идее русско-британской комиссии

[1243] Там же. Л. 28.
[1244] Там же. Л. 19.
[1245] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 4. Л. 57.
[1246] Там же. Л. 119.

отнеслись благосклонно, отметив, что совместная комиссия разрешит вопрос о принадлежности Герата, даст его точные географические координаты и исправит неточности в координатах некоторых гор Гиндукуша[1247]. К письму прилагалась историческая справка о географических экспедициях в данный регион и сведениях, составленных о Гиндукуше и Памире[1248]. Копия с письма была отправлена Фельдманом Ланцу в Лондон 25 августа[1249].

Рапорт от 8 (24) июля сообщал, что главным комиссаром по проведению Северо– Западной границы Афганистана назначен генерал-майор Питер Лумсден, что вызвало удивление в британском обществе, которое считало, что он пойдёт на все требования русских[1250]. В качестве доказательства подобной реакции, Ланц приводил статью географа Л. Гриффина, который разразился статьёй антирусского характера в The Times, хотя военный агент усматривал характер личной обиды, так как на пост комиссара комиссии, рассматривалась кандидатура самого Гриффина.

Ланц сообщал, что генерал Лумсден – это приятный в общении человек без предвзятых идей и сговорчивый по натуре. Далее, генерал привел список офицеров– помощников, назначенных правительством Индии в комиссию: А.К. Стефен, состоящий при английской миссии в Тегеране, полковник Дж.В. Риджуей, товарищ секретаря по иностранным делам правительства Индии, полковник Стюарт, английский агент на персидской границе, и инженер– майор Хольдион, офицер– геодезист. Стэфен и Стюарт были известны как знающие русский язык, имевшие опыт работы с русскими властями в Персии, а полковник Стюарт – своими публичными лекциями о положении в Закаспийском крае, по отзыву Ланца, весьма сочувственными к России[1251]. При этом в письме

[1247] Там же. Л. 146.
[1248] Там же. Л. 147.
[1249] Там же. Л. 149.
[1250] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 4. Л. 143. О британском составе комиссии по разграничению на основании донесений Бутурлина писалось в статье: *Лисицына Н.Н.* Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX-начале XX века: взгляд на Восток. С. 163. Лисицына Н.Н. Английская пресса и русские военные агенты в Лондоне… С. 195–196.
[1251] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1884). Д. 4. Л. 123.

Фельдману от 12 (24) июля сообщалось, что комиссия проследует в сопровождении одного полка пехоты и одного – кавалерии, при батарее в 6 горных орудий, и ей потребуется 6 месяцев пути через Белуджистан[1252].

В итоге, в июле 1884 года была сформирована русско-британская комиссия по разграничению[1253]. Со стороны России её главой выступил генерал– майор А.С. Зеленой, который 1 октября 1884 года должен был встретить комиссию П. Лемсдауна, в состав которой, помимо указанных членов, вошли ещё 30 офицеров и специалистов, в сопровождении 465 солдат 11 Бенгальского уланского и 20 Пенджабского пехотного полков, 900 человек лагерной прислуги[1254]. Причем в письмах членов комиссии, этот отряд был округлен до 500 сабель этого же полка и 240 штыков 20 пенджабского полка и около 1000 человек лагерной прислуги[1255].

Этот отряд не прибыл в спорный район границы между Гератом и Пендинским оазисом, куда были посланы английские военные советники, и местный командир афганцев получил приказ от эмира ничего не предпринимать без их совета[1256]. Так как земли Пендинского оазиса не были заняты русскими войсками, и после появления там афганских постов, которые пользовались поощрением со стороны англичан, русские заявили, что комиссия не начнёт работу, если афганцы не уйдут с занятых ими русских земель. Англичане, должны были признать земли оазиса Пенде за Россией, и разграничить владения пендинских туркмен– сарыков с Афганистаном[1257].

9 октября 1884 года Министерство иностранных дел передало в Лондон меморандум с предложением заранее определить пределы подлежащей обследованию зоны. Такое условие совершенно не устраивало англичан, стремившихся отодвинуть границу Афганистана как можно севернее и

[1252] Там же. Л. 144.
[1253] *Сергеев Е.Ю.* Указ.соч. С. 179.
[1254] *Ромодин А.В.* Указ.соч. С. 88.
[1255] *Yate A.C.* England and Russia Face to Face in Asia; Travels with the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, 1887. P. 4, 6.
[1256] *Айрапетов О.Р.* До и после Кушки. 18811885: контекст внешней политики России. // Родина. 2015. № 2. С. 55.
[1257] История русской армии и флота. С. 171.

утверждавших поэтому, что решение данного вопроса целесообразнее предоставить самой комиссии.

19 октября в Петербурге состоялось Особое совещание, постановившее усилить войска в Мерве, Серахсе и Йолотани, чтобы воспрепятствовать движению афганцев или англичан из Пенде по направлению к этим пунктам, для этого необходимо было выставить передовые посты у Зульфагар–Дербенда и ТашКепри, считавшихся северным пределом зоны разграничения. Соответствующее распоряжение было сделано через А.М. Дондукова–Корсакова его подчиненному, начальнику Закаспийской области, генерал-лейтенанту А.В. Комарову. К тому времени глава английской делегации генерал Лемсдаун успел убедить афганцев выдвинуть отряд из Пенде к Сары– Язы, о чем он 29 октября донес лорду Гренвилю из Тегерана[1258].

31 августа 1884 года Ланц, находившийся на лечении во Франкфуте– на–Майне, умер. На его место заступил Генерального штаба подполковник Сергей Сергеевич Бутурлин. Его первое донесение от 23 ноября (5 декабря) 1884 года, сообщало суждение по границе с Афганистаном, сообщённое Бутурлину, как он его сам назвал, компетентным лицом. Этот человек, счёл удобной для договора о разграничении, именно это время, так как у Англии начались осложнения в Египте, а положение правительства Гладстона стало очень шатким. При этом было важно оговорить участок разграничения заранее, иначе англичане, прибыв первыми, могли бы все свои уступки взять назад, пользуясь полученными данными[1259].

Известие о болезни главы русской комиссии, генерала Зеленого, англичане восприняли как наглость, и задержка русской комиссии увеличивала их расходы на содержание своей со всем обозом и конвоем. Это всё подвергалось нападкам оппозиции, и расшатывало положение правительства[1260].

[1258] *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 182.
[1259] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 18.
[1260] Там же. Л. 19–22.

При этом настроение в Англии было довольно спокойным, готовым на уступки русской комиссии, несмотря на то, что министр по делам Индии выражал желание разрыва с Россией[1261]. В отношении общественного мнения Бутурлин делал замечание: «Иногда они говорят, что Россия хочет занять Герат, но едва ли верят этому серьёзно»[1262]. При этом он сообщал, что по мнению другого лица, нынешнее время наихудшее для уступок, так как это ударило бы по престижу России в глазах народов Средней Азии, особенно ввиду присутствия английского военного конвоя на границе[1263].

С осени 1884 года, стало увеличиваться число афганских войск в оазисе Пенде[1264]. Россия имела в Закаспийской области 7 пехотных батальонов, 14 казачьих сотен, одну железнодорожную команду, команду местной милиции и 16 орудий[1265]. При этом у п5ереправу через реку Кушка, Таш–Кепри, афганцы выставили отряд в 4 000 человек при 8 орудиях и 300 человек у Зюльфарата, не считая военного отряда англо-индийской армии на юге, в Зюрлене[1266].

Ввиду этого, Россия начала наращивать свои силы в Закаспийской области. В феврале ожидалось прибытие 4-х стрелковых батальонов, казачьего полка и артиллерийской батареи с Кавказа в придачу к имеющимся 7 045 войска, что дало бы увеличение численности войск области до 11 950 человек[1267]. Несмотря на военные приготовления, Россия была готова пойти на уступки Англии, провести границу по реке Аму–Дарья вдоль северных афганских оазисов, включая гератские горы[1268].

24 декабря, состоялось Особое совещание, в присутствии Н.К. Гирса, Н.Н. Обручева, А.М. Дондукова– Корсакова, советника министерства иностранных дел, барона А.Г. Жомини, начальника Азиатской части И.А. Зиновьева и

[1261] Там же. Л. 28.
[1262] Там же. Л. 28.
[1263] Там же. Л. 36.
[1264] История русской армии и флота. С. 172.
[1265] Там же. С. 173.
[1266] Там же. С 172–173
[1267] РГВИА Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 63. Л. 2.
[1268] История русской армии и флота. С. 172.

советник директора по гражданской части на Кавказе генерал–майора А.А. Шепелева, по поводу дальнейших переговоров с Англией о русско-афганской границе.

Ввиду отклонения англичанами южной границы, предлагаемой русским, было признано невозможным дальнейшее ведение переговоров в случае упорства Лондона, но и разрыв переговоров был признан нежелательным. Поэтому, было решено быть готовыми уступить Афганистану Пенджденский оазис, но при условии перехода его жителей в пределы России, по примеру уступки Сыцзяня Китаю. Совещание решило: «*Принять меры по обеспечению прав наших и безопасности закаспийской области.*», которые должны были быть обеспечены усилением войск Закаспийской области и занятием пунктов на р. Мургаб и Гери–Руд, на случай, если бы переговоры с британским правительством остались бы безуспешными[1269].

В донесении от 31 декабря (12 января) Бутурлин в письме Фельдману передавал, что английское общественное мнение до того спокойно, что, если бы русские захватили Герат, оно бы восприняло бы эту новость с равнодушием, даже сам премьер– министр Гладстон был равнодушен к вопросу о Герате. В вопросе о границе, пресса сходилась на том, что Англию не устроила бы граница по хребту Гиндукуш, так как проходы оказались бы в руках России[1270]. По мнению английских министров, даже если бы русские посты отодвинулись на 100 вёрст назад, это вызвало бы неудовольствие англичан, так как слухи о русском владычестве доходят до туземцев Индии, что англичанам было совсем не с руки[1271].

Донесение от 12 (24) января № 9 сообщало о мобилизационном потенциале самой Англии. Например, один Северный округ Англии, одних только волонтёров мог выставить 75 000 человек, что служило хорошим резервом для квартировавших там войск. Для сравнения, оборону Индии, на начало 1885 года,

[1269] ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 90. Л. 56.
[1270] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 40 41.
[1271] Там же. Л. 47.

держали 45 батальонов, 10 кавалерийских полков, 77 батарей и 3 инженерные роты, общим числом в 60 000 человек[1272].

Всего, в Англии, численность внесённых в списки войск достигла 209 365 человек, 17 928 офицеров и сержантов прошли удачно испытания при аттестации, и 179 739 человек было налицо правительственных инспекциях в войсках[1273].

Эти цифры принимали угрожающее значение, когда Бтурлин докладывал, что британский военный министр, заявил в парламенте, что Англия должна быть готова на случай возможных обстоятельств. Была проведена частичная мобилизация флота, а Плимутская и Портсмутская эскадры были внезапно отправлены в море по тревоге[1274].

Донесение № 10 от 14 (26) января сообщало, что англичане намеренны укреплять Герат. Однако, это будет трудновыполнимо, так как для этого английской армии нужно будет его занять, а афганский эмир этого не допустит. В настоящее время если русские и смогут войти в Герат, то только посеяв раздор между эмиром и англичанами[1275]. Но если Россия решится его занять – то Англия пойдёт из– за этого на войну. На донесении стояло примечание Азиатской части: «Для России Герат не нужен, а если его займут англичане, то они только ухудшат своё положение»[1276].

Бутурлин был уверен, что нынешний момент как можно лучше подходит для занятий Герата, ибо Англия ни за что не оставит Египет, несмотря на текущие осложнения в Азии[1277]. В донесении № 12 сообщалось, что войска из Индии могут быть отправлены в Судан, и в связи с тамошними событиями, английское общественное мнение сделалось очень неуступчивым по среднеазиатским вопросам. Также ожидалось падение либерального кабинета Гладстона[1278].

[1272] Там же. Л. 6465.
[1273] Там же. Л. 68.
[1274] Там же. Л. 69.
[1275] Там же. 7273.
[1276] Там же. Л. 73.
[1277] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 74.
[1278] Там же. Л. 77.

В отношении Гладстона, его, в начале 1885 года, больше всего беспокоили дела в Судане и предстоящие выборы[1279].

20 февраля Торнтон передал Н.К. Гирсу меморандум, в котором предлагалось взаимно воздерживаться от каких– либо передвижений войск до заключения соглашения о разграничении. Британское правительство просило снабдить российских офицеров соответствующими инструкциями и предупредило, что любое движение к югу будет считать недружественным актом[1280]. В донесении от 19 февраля (3 марта) № 17, Бутурлин прилагал вырезки из газет с парламентской речью графа Гренвиля в отношении запросов по Афганистану[1281].

Несмотря на то, что кабинет Гладстона удержался у власти, уступки и поражения в вопросе об афганской границе могли бы привести его к падению[1282]. Как писал Бутурлин: «В настоящее время всех одолевает убеждение, что Россия никогда не будет спокойное за свою среднеазиатскую границу, пока не будет владеть бассейном Аму–Дарьи, и чем ближе будет висеть над Англией дамоклов меч нашего вторжения в Индию, тем безопаснее мы будем от неприязненных действий Англии, где бы то ни было»[1283]. Из этого, он снова делал вывод об удобном моменте для захвата Герата Россией.

Тем временем, были сформированы Мугабский, под командованием генерал-лейтенанта Комарова и Серахский, под командованием полковника Флейшера, отряды для похода в Пенде. С 5 февраля по 3 марта, полковник Алиханов с казачьей сотней оттеснил афганские посты в долине Мургаба до самой Кушки, а подполковник Татарионв из Серахского отряда сделал это в Пулихатуне.[1284] Английский полковник Риджвей, состоявший советником при передовом афганском отряде прислал Алиханову письмо с пожеланиями не

[1279] *Morley.* Gladstone. Vol. II. P. 177.
[1280] *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 183.
[1281] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 94.
[1282] Там же. Л. 97.
[1283] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 98 об.
[1284] История русской армии и флота. С. 174.

двигаться дальше, дабы избежать столкновения с афганцами. Однако, командир афганского отряда предпочёл уйти сам, угрожая остановить русских «силой сабли, ружья и пушки.»

Полковник Алиханов и поручик Лопатинский, остановились у Зюльфарата, и выслав разведку, узнали, что что гарнизон Герата малочисленный, а при афганцах находятся английские офицеры, о чем было сразу сообщено в штаб Комарова. При этом лазутчиками служили туркмены Мерва и Иолтани. Они донесли, что основное укрепление афганцев – холм Ак–тепе, и у Таш– Кепри сосредоточено 1 500 пехоты, 2 500 конницы и 8 орудий, из которых английскими было 4. Отряд выдвинулся в поход и 13 марта, русские стали лагерем в 5 верстах от Кушки[1285].

В донесении от 1 (13) марта № 18, Бутурлин писал, что английское общественное мнение признаёт правду в пограничном вопросе за Россией, но Гладстон ввиду слабости позиций своего кабинета не будет противиться войне. В английской прессе уже пошли рассуждения на тему – будет ли война в ближайшем будущем[1286]? Бутурлин снова предлагал занять Герат, но при этом он считал, что если русские очистят Пендинский оазис от афганцев, то это будет означать мир. Однако, как это будет достигнуто – путём ли переговоров или силой оружия – он не предполагал[1287].

При этом в рапорте содержалось предложение узнать мнение Англии относительно войны, и если та хотела бы войны во что бы то ни стало, то занять Герат и объявить Англии войну. В парламенте Гладстон произнёс речь, в которой он дал понять, что Англия не пойдёт на уступки России. Тем временем, эмир Афганистана дал согласие на вход английских войск в Герат, но англичане послали туда офицеров, дабы построить укрепления для местных гарнизонов[1288], а инженеры комиссии Лемсдауна имели при себе ещё и деньги для подкупа

[1285] Там же. С. 173–175.
[1286] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/938 (1885). Д. 4. Л. 108.
[1287] Там же. Л. 109 об.
[1288] Там же. Л. 110 об–111.

местных жителей, дабы иметь лояльных к себе разведчиков на спорной территории[1289].

В британской прессе появилось сообщение некоего «австралийца» с выражением опасений, что в случае войны русские крейсера нанесут ощутимый вред торговле Австралии [1290] . Однако, его опасения были напрасны – управляющий морским министерством, адмирал Шестаков писал в своём дневнике, что крейсерство ненадёжно: «эффективность крейсерства, так как «Во– первых, у нас нет обеспеченных убежищ для пополнения запасов и исправлений; а между тем они необходимы, и блестящий успех "Алабамы" объясняется в значительной степени именно тем, что вследствие дружественного расположения Англии и Франции, она легко находила такие убежища. Мы же ни в ком не встретим сочувствия, потому что крейсерская война с Англией косвенно отзовется на всех морских державах ... Снабжение же в океане — слишком ненадежно. Во– вторых, самые крейсеры наши не таковы, как бы следовало. Для успеха в крейсерской войне качество важнее количества, а у нас хороший крейсер только один, «Владимир Мономах», и может быть удастся выслать другой, «Дмитрий Донской», все же остальные слабы и годятся более для действия против парусников, нежели против быстроходных грузовых пароходов и тем более против почтовых, захват которых всего более важен»[1291].

В письме Фельдману, Бутурлин передавал мнение Лессара, что уступка Англии в разграничении с Афганистаном невозможна, так как она только отсрочила бы войну на 6–9 месяцев, а русские лишились бы своего обаяния в глазах туземцев[1292]. Также он передавал сообщения консула в Египте, Хитрово о том, что индийские офицеры на египетской службе получили приказ быть готовыми в любой момент отбыть к своим частям[1293]. В Англии общественное настроение вполне миролюбиво и парламентская речь г–на Морлея выражала

[1289] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 112.
[1290] Там же. Л. 112.
[1291] *Кондратенко Р.В.* Указ.соч. С. 188.
[1292] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 5 об.
[1293] Там же. Л. 6.

сомнение в необходимости расширять владения Афганистана, и он не гарантировал эмиру безопасности его трона. При этом, Бутурлин писал: «Необходимо помнить, что пресса в Англии далеко не всегда выражает мнение страны и некоторый воинственный задор прессы имеет второстепенное значение.» Морские агенты в Лондоне не усматривали никакого признака будущей войны в приготовлениях на английском флоте[1294].

18 марта, после долгих переговоров с афганским командиром Наиб–Саларом и его английскими советниками, Комаров решился дать бой. В 4 часа утра, 1660 человек при 4-х орудиях выдвинулись к афганским позициям. Против них было 2600 всадников и 1900 пехотинцев неприятеля при 8 орудиях. Попытка атаковать русские ряды окончилась неудачей – русские контратаковали и отбросили афганцев за р. Кушка, овладев мостом Таш– Кепри[1295].

В рапорте от 19 (31) марта, Бутурлин сообщал, что по данным речи военного министра в парламенте, с января по март 1885 года, на военную службу поступило 43 075 человек[1296]. При этом, в Англии не было ни одного полка лёгкой кавалерии, который можно было бы отправить заграницу в полном составе, так как они находились в Египте. Туда, с января–месяца было отправлено 7 750 человек, 4 орудия, из Индии отбыло 3211 строевых, 1880 нестроевых. При этом, Бутурлин обращал внимание на слова военного министра, что Англия была бы в состоянии собрать в 24 часа 20 000 человек, и позже прибавить к ним ещё 40 000, но вся эта армия не имела бы достаточных перевозочных средств[1297].

Бутурлин, ссылаясь на беседу своего знакомого в придворных кругах, с супругой лорда Рэя, сообщал, что в Лондоне хотят достигнуть мира с Махди в Судане, и заключения союзов с разными полунезависимыми раджами в Индии. Эти действия, должны были упрочить положение Англии, перед лицом

[1294] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 7.
[1295] *Айрапетов О.Р.* До и после Кушки. С. 56.
[1296] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 115.
[1297] Там же. Л. 118.

возможной войны. На это, по словам Бутурлина, указывало то, что вице– король Индии, лорд Дафферин прекратил разоружение полунезависимых княжеств, а эмир Афганистана согласился на переговоры с вице– королём[1298].

В письме от 19 марта, со ссылкой на индийскую газету «Pioneer Mail» сообщал о расположении индийских войск. Он указывал, что полки насчитывали в своем составе один батальон, числом от 700 до 750 человек, общее число батальонов было 20, итого получалось от 14 до 15 000 человек пехоты[1299]. Индийские газеты при этом указывали разные цифры, от 18 400 человек при 60 орудиях, до 16 000 человек при 54 орудиях. Для сравнения с войной 1878–1881 гг. это была скромная цифра. Эти полки были стянуты в военный лагерь Raval Pindi, индийский аналог Альдершота, что могло указывать на решимость отправить их в поход.

В ответном письме, Фельдман просил Бутурлина выслать ему свежие издания The Monthly Army List., в котором публиковались все приказы по английской армии, в том числе за август– декабрь 1884 года[1300], а на имя Обручева из Азиатского департамента МИД, были присланы таблицы от Лесара с расположением английских сухопутных сил[1301]. Эти вопросы в переписке показывают, насколько было важно следить за перемещениями, дислокацией и численностью англо-индийской армии, когда возрос риск прямого вмешательства Британии в русско-афганский конфликт.

В рапорте от 19 (31) марта, Бутурлин писал о возможных последствиях сражения на Кушке. Он считал, что столкновение как увеличивает шансы на начало войны, но одновременно, так и может остудить горячие головы в Лондоне, если Россия проявит надлежащую твёрдость, так как победа генерала Комарова подняла престиж России. Позиции Лондона, по его мнению, ослабляло то, что афганский эмир отклонил предложение англичан ввести войска в Герат[1302]. В

[1298] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 119–120.
[1299] Там же. Л. 9 об.
[1300] Там же. Л. 12.
[1301] Там же. Л. 13.
[1302] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 120.

донесении от 3 (15) апреля, на основании публикации газетой «Pall Mall» телеграмм Комарова, объясняющих обстоятельства предшествовавших сражению, он счёл, что «вклад в дело мира сделан»[1303].

Этот вывод, он подкрепил своим впечатлением, вынесенным из личной беседы с военно– морскими офицерами, которые считали не нужным отправку флота на Балтику. Почерпнутые Бутурлиным в высшем свете слухи гласили, что англичане захотят сделать крайними в конфликте афганцев, тем самым, не давая повода для своего вмешательства[1304]. «Одно из двух – писал Бутурлин – или Англия ещё желает мира, или показывает только вид миролюбия для выигрыша времени, с целью приготовится в военном отношении»[1305].

Окончательно в версии миролюбия Лондона, его убедило то, что последовавший отказ России отодвинуть войска назад, были восприняты в Англии как признаки силы, и общественное мнение смирилось с произошедшим[1306]. Попытки возбудить афганского эмира к реваншу за жертвы дела 18 марта, ничем не удались – эмир сам предпочитал не обострять ситуацию[1307]. Надежды на постройку укреплений на русско-афганской границе в Герате не оправдались – по сведениям английских офицеров, возведённые укрепления не выдержали бы обстрела из орудий того калибра, который имелся в отряде генерала Комарова. В рапорте от 23 апреля (5 мая) № 27 он писал, что в Кветтском округе, по сравнению с мартом, прибавилось 5 батальонов. 6 эскадронов и 2 батареи[1308].

К рапорту, он прилагал сравнительные таблицы дислокации англо-индийской армии по военным округам. Бутурлин пришёл к выводу, что европейских подразделений в Индии всего 61 591 человек, а индусов – 137 885 человек, при общей численности войск в Индии в 187 115 человек, из которых

[1303] Там же. Л. 125.
[1304] Там же. Л. 128.
[1305] Там же. Л. 130.
[1306] Там же. Л. 130 об.
[1307] Там же. Л. 131.
[1308] Там же. Л. 133.

3 211 были отправлены в Египет[1309]. Опираясь на индийские газеты, он видел, что для англо-индийской армии, склады с припасами на 3 месяца уже готовы, шло активное заготовление транспорта, вьючных материалов и животных для обозов, и назначено количество английских и туземных батальонов для каждого из 3– х корпусов. Часть из них уже собрана в лагере Raval Pindi, и прилагал таблицы дислокации войск по округам и отмечал те части, которые могут быть посланы в Афганистан против России[1310].

При готовности армии к войне в Азии, Бутурлин сообщал, что предполагается в случае объявления России войны, сформировать в метрополии 2 боевых корпуса и один резервный. Однако штабы не были сформированы, не было известно кто будет командующим, части, предполагавшиеся в состав корпусов, не были сосредоточены в нужных местах. Он объяснял это тем, что командование не желает раньше времени расходовать продовольственные запасы со складов в метрополии[1311].

Миролюбвые намерения Гладстона, Бутурлин также подтверждал другими путями. Когда Гладстон обвинил Россию в агрессии против Афганистана, и парламент вотировал на экстраординарные расходы правительства 1 млн. ф. с.[1312], Бутурлин сообщал, ссылаясь на перлюстрацию секретной корреспонденции из Лондона, что Гладстон тянет ситуацию до выборов осенью, поэтому крупная часть кредита уйдёт на войну в Судане. При этом мысль об экспедиции в Хартум для спасения генерала Гордона, англичанами оставлена совершенно, железнодорожное строительство приостановлено. В самой метрополии увеличивают количество волонтёров, которым выданы ружья Генри–Мартини[1313].

В связи с этим, он писал в донесении 30 января (11 февраля) 1885 г. в донесении № 13: «В статьях журналов между строк проглядывает, и даже иногда

[1309] Там же. Л. 134135.
[1310] Там же. Л. 137140.
[1311] Там же. Л. 136.
[1312] *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. С. 46.
[1313] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 143.

в разговорах прорывается — надежда соотечественников его на то, что он умер»[1314]. Из этого делался вывод о том, что подобный исход развязал бы руки Лондону и упростил его политику в регионе. Таким образом, Бутурлин показывал, что Лондон больше интересовала Африка, чем Туркестан.

Однако, готовность англичан к войне в Азии, вызывал определенную реакцию Петербурга. 1 апреля, в Комитете по мобилизации войск, был составлен доклад по Главному штабу «О мобилизации войск на случай разрыва с Англией», в котором предусматривалась частичная мобилизация Виленского, Петербургского, Финляндского, Одесского, Казанского и Омского округов[1315]. Эта мера должна была дать армию числом 176 421 строевых и 67 005 резерва. В рамках исполнения плана, к концу марта, в Закаспийской области было сосредоточено 8 батальонов, 20 сотен при 16 орудиях, которые предполагалось довести до 12 батальонов и 38 орудий[1316].

При этом, в докладе отмечалось, что желательно: «не втягивать в Азию, без самой крайней необходимости, полевых войск европейской России, стараясь удовлетворить потребности резервными войсками, дабы сохранить нашу европейскую армию для отражения всех случайностей, которые могут возникнуть в Европе»[1317]. На первый взгляд может показаться, что это попытка перестраховки на случай повторения ситуации 1878 года. Однако, если обратиться к данным от военных агентов из Афин и Константинополя, можно убедиться в оправданности опасений Обручева.

Британский десант против России: замыслы и возможности.

Несмотря на неготовность армии метрополии, Лондон имел возможности для защиты Проливов в случае обострения отношений с Россией. Ввиду того, что на Чёрном море Россия располагала двумя броненосцами, четырьмя лёгкими

[1314] РГВИА Ф. 401, Оп. 4/928 (1885), Д. 4, Л. 2 об.
[1315] РГВИА Ф. 402. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–9 об.
[1316] *Алпеев О.Е.* «Священный огонь» русского генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России в 1885–1914. // Русский сборник. 2019. № 26. С. 325–326.
[1317] РГВИА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 291. Л. 2 об. Цит. по ст. Алпеева О.Е.: Указ.соч. С. 327.

крейсерами, 12 минными катерами, 2 транспортными судами, а укрепления Севастополя и Батума не считались опасным препятствием, то 16 апреля 1885 года, британское Адмиралтейство приняло решение об оккупации Проливов, с целью вовлечения Турции в войну с Россией. Пока Средиземноморской эскадре была поставлена задача наблюдения за Проливами [1318]. Однако, судя по сообщениям разведки, одним форсированием Проливов дело не должно было ограничиться.

Военный агент в Афинах, полковник А.П. Протопопов сообщал в рапорте от 3 июня за № 7, что английская армия в Египте числом в 16–17 000 человек, сосредотачивает свои силы в Нижнем Египте, т.е. в городах Каир и Александрия. В городах на Средиземном море, по подсчетам Протопопова, находилось около 52– х батальонов пехоты и 3 батареи, а ближе к Судану – 19 батальонов, полк кавалерии, 7 рот сапёр, 6 батарей. Далее, он чётко писал: «Около половины мая месяца, ввиду возможного разрыва с нами получено было приказание очистить Судан (т.е. Суаким и Донголу) и сосредоточиться в Нижнем Египте». 10 мая, в Каир прибыл генерал Ульслей со своим штабом, а вслед в Александрию – гвардейская бригада, одновременно начался вывод войск из Судана в Каир, оставив вдоль Нила лишь 4 батальона, в остальном Египте – индийский контингент, 1 белый батальон, сапёрную роту и батарею.

Протопопов делал вывод, что в результате этих передвижений, в распоряжении англичан будет целый корпус из 17 батальонов, 8 эскадронов, 7 батарей, 6 сапёрных рот общей численностью в 12–13 000 человек: «Принимая во внимание, что корпус этот будет сосредоточен на линии Александрия– Каир, а также громадные транспортные средства Англии в Средиземном море, надо полагать, что через 5– 6 дней по получении приказания из Лондона, корпус этот может быть доставлен к Дарданеллам или даже Константинополю».

Также, он прибавлял сведения о Египте и действиях англичан на этой территории: «Ко всему изложенному выше необходимо прибавить, что в Египте

[1318] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 3. С. 590.

теперь вводится обще–обязательная воинская повинность и разрабатывается новая военная организация, введение которой отдаёт в распоряжение Англии новые силы. Введение новой организации даёт возможность Англии употребить против нас войска»[1319].

Из этого чётко следовал вывод – Англия собирается использовать свой египетский контингент в качестве десантной армии в случае войны с Россией. Ситуация изменилась с 1882 года – если для возможного десанта требовалось организовать сложную систему отправки войск из Метрополии по Средиземному морю, усиливать постепенно гарнизоны Гибралтара, Мальты, то ближайшим тылом становился Египет, опираясь на который англичане получали возможность действовать против России.

Рассматривая возможные будущие боевые действия, Протопопов оценивал возможность прорыва англичан у Дарданелл. Оценивая слабость артиллерии и гарнизона пролива, как ничтожных сил, для реорганизации и укрепления которых турками не было сделано ничего, Протопопов предполагал, что у Турции и Англии может существовать соглашение, предусматривающее проход британского флота с войсками в Чёрное море[1320]. Более подробные оценки сил турок в Проливах, содержались в рапорте № 9 от 1 апреля 1885 года, военного агента в Константинополе, полковника В.Н. Филиппова.

Он сообщал, что военные силы Турции слишком малы. Налицо присутствовало 130 000 человек при 721 орудии, для формирования резерва (редифа) требовалось около 447 000 человек, однако, из числящихся в редифе 512 000 человек, годными было около 40%, остальные представляли, по словам агента, сырой материал. Для этой армии особенно остро ощущался недостаток лошадей и мулов, предназначенных для формирования кавалерии, артиллерии и обоза, причём Филиппов отмечал слабую упряжь в артиллерии, отчего

[1319] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 7. Л. 5758 об.
[1320] Там же. Л. 58.

недостаток в лошадях не позволял многим частям турецкой армии выступить в поход, ибо в V а.к. было от 25 до 15 годных лошадей на эскадрон!

Для обороны Босфора, Турция могла мобилизовать лишь гарнизон Константинополя, т.е. 21 батальон пехоты, 8 батарей крепостного Чалтаджинского полка, и 4 батарей Босфорского крепостного полка, 2 полевые батареи, 23 эскадрона кавалерии, и число войск составило бы 21 750 человек из которых налицо было лишь 19 575 человек! Для обороны Дарданелл султан мог выставить и того меньше – всего 1400 человек Дарданельского крепостного полка. Из этого следовал вывод, что британская эскадра в Проливах не встретит серьёзного сопротивления[1321].

Проведя анализ обороноспособности Турции, Филиппов делал вывод о влиянии слабости армии на политику империи: «Султан пока в колебании между желанием извлечь выгоду от столкновения России и Англии, но опасением потерь от этого столкновения. Нельзя утверждать, что Турция уступит теперешнему давлению Англии и выступит с ней в союзе. «…» При всей вероятности, Порта ограничится вялыми мерами и даже одним протестом, если английский флот предпримет форсирование проливов» [1322] . Следовательно, Турция оказывалась в том положении, что реальных сил на отпор Британии или России у неё не было.

Протопопов, в рапорте от 15 августа 1885 года, сообщал о передвижениях британских кораблей в Средиземном море, что эскадра адмирала Хея в составе 4– х броненосцев 1 класса, 1 броненосца 2 класса и канонерской лодки оставила Корфу и перешла в греческий архипелаг, а в Дарданеллах находятся крейсер «Арес» и канонерская лодка «Кокетт», под предлогом того, что они находятся в распоряжении Д. Вольера, ведущего переговоры с Портой[1323]. В течении июля, средиземноморская эскадра Британии была усилена 2– мя кораблями – броненосцем 1 класса и корветом, итого, британский Средиземноморский флот

[1321] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 10. Л. 1719.
[1322] Там же. Л. 19.
[1323] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 10. Л. 75.

увеличился до 23 судов. Одновременно, Турция начала минирование пролива Дарданеллы. Рапорт об этом был немедленно отправлен в штаб Одесского военного округа в 20– х числах августа, и в Главный Морской штаб 2 сентября[1324].

4 сентября, Протопопов докладывал, что из Египта англичане собираются отослать 4 батальона пехоты, 1 роту сапёр и 1 артиллерийскую батарею на Мальту, а гвардейскую бригаду с острова Кипр отправить в Англию. Несмотря на полную готовность транспортных средств, их отправка откладывалась[1325]. При сём прилагался список расположения британских частей в Египте: 8 пех.бат., 3 арт.батареи 1 саперная рота и 1 кав.полк в Александрии, 10 пех.бат., 2 арт.батареи 2 сапёрные роты и 1 кав.полк в Каире, 2 пех.бат. в Ансуане и 1 пех.бат в Вади– Хамире. Всего в Египте он насчитал 15 батальонов, 10 эскадронов, 5 батарей и 3 саперные роты, причём это были части из метрополии, ибо в городе Суакиме, что на берегу Красного моря, насчитывалось 1 белый полубатальон, 2 индийских батальона, 3 эскадрона Бенгальского уланского полка, 2 батареи и 2 саперные роты. На Кипре: 4 батальона и 1 рота сапер[1326].

Из этого следовало, что подавляющее большинство войск находилось в Александрии и Каире, что подтверждало его донесения за лето о стягивании английских войск к побережью Средиземного моря, дабы быть готовыми выступить против России, а если понадобится – и против Турции, чтобы принудить её силой участвовать на своей стороне.

Это положение Турции отражала американская карикатура из журнала «Puck» от 22 апреля 1885 года. На ней был изображён перепуганный индюк в турецкой феске, шароварах и жилетке, а ему на плечи клали лапы лев в английском мундире и медведь в русской форме, и подпись под рисунком гласила: «Россия и Англия, вместе: будь моим союзником, или я задам тебе самую большую взбучку за всю твою жизнь»[1327]!

[1324] Там же. Л. 77, 79.
[1325] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 7. Л. 80.
[1326] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 7. Л. 81.
[1327] Puck, 1885. № 424.

В целом, рапорты военной разведки объективно показывали планы Британии в отношении России и Турции весной– летом 1885 года, показывая стремление с помощью флота и войск, опираясь на Египет, форсировать Проливы, сделав Турцию промежуточной базой на случай войны с русскими. Однако, эти планы так и остались на бумаге. Султан Абдул– Гамид II сам не горел желанием помогать Англии, отнявшей у него в 1878 году Кипр, а в 1882 – Египет. Султан выставил англичанам условия, что откроет проливы для военного флота только в случае уступок в Египте, на что Великобритания не согласилась. Для войны с Россией на Чёрном море требовалось опираться на Турцию, как на тыловую базу, иначе война не имела никакого смысла. Также, неудача англичан в попытке сформировать антирусскую коалицию на континенте [1328] , стала поводом для отказа от черноморской экспедиции британских войск.

Мервский кризис и Дальний Восток.

Ещё в июне, когда военные настроения были ещё свежи, а попытка европейского похода против России провалилась, Великобританией была предпринята попытка угрожать России на Дальнем Востоке. Для этого требовалась база, откуда могли быть отправлены корабли и десант, угольная станция, и снабжение провиантом и боеприпасами. Гонконг для подготовки удара по Дальнему Востоку не подходил совершенно, так как был слишком далеко, поэтому было решено занять пункт поближе.

2 (14) апреля 1885 г. командующему английской эскадрой в Китае, вице– адмиралу У. Доуэллу, был дан приказ занять остров Гамильтон и подготовить на нём военно– морскую базу. На следующий день адмирал телеграфировал: «Agamemnon, Pegasus и Firebrand немедленно отправлены в Порт Гамильтон для занятия бухты. Флаг до получения дальнейших приказаний не поднимать, если не зайдут российские военные корабли» [1329] . 30 апреля (12 мая) он

[1328] *Айрапетов О.Р.* До и после Кушки. С. 57.

[1329] *Авилов Р.В.* Внешнеполитический фактор создания Приамурского военного округа. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3, 2011. С. 51.

телеграфировал, что флаг Великобритании поднят на острове, бухта минируется и проводятся другие мероприятия по приведению острова в обороноспособное состояние[1330]. Британские стратеги полагали, что совместный удар британского флота и китайской армии с востока на Владивосток, Николаевск, Посьет, Хабаровск и Петропавловск– Камчатский будут достаточно болезненным ударом по России[1331].

23 апреля (5 мая) Бутурлин сообщал о том, что английский флот занял остров Гамильтон в Корейском проливе, и, если верить газетам, цель его занятия не оставляет сомнений[1332]. Так как ещё в феврале ему довелось писатьчто в английских газетах были тревоги по поводу возможной русской попытки занять Корею и острова в Жёлтом море, то шаг с занятием островов британской эскадрой, становится логичным.[1333]

В другом рапорте от 1 (13) мая, он писал, что на днях встретился с секретарём японской миссии, и тот в частной беседе высказывал, что пребывание англичан на Гамильтоне невыгодно и России, и Японии, а Китай не имел никакого права соглашаться с англичанами, так как Корея есть страна независимая[1334]. Попытки добиться от правительства каких– либо справок в отношении острова не имели успеха, так как ответ был один: у России с Англией нет договорённостей касаемо острова Гамильтон. При этом в газетах появлялись сообщения, что оттуда и до ближайшей якорной стоянки проложен телеграфный кабель, а сам остров укреплён[1335].

Силы русских на Дальнем Востоке в 1885году были слабы. Англичанам противостояли бы 2-я Восточно– Сибирская стрелковая бригада, 2– я

1330 Там же.

1331 *Сергеев Е.Ю.* Указ.соч. С. 241.

1332 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 141. Интерес японского секретаря к вопросу о Гамильтоне мог быть вызван ещё и тем, что Россия использовала японский порт Нагасаки в качестве зимней базы для кораблей Тихоокеанского флота, поэтому возможно было действовать совместно с Россией по вопросу о Гамильтоне, который, как и вся Корея был предметом японского интереса. См.: *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. С. 54.

1333 Там же. Л. 69.

1334 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 145.

1335 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 146.

Уссурийская конная сотня, 3-я горная и 4-я батареи Восточно– Сибирской артиллерийской бригады. Во Владивостоке же находились 1-й Восточно– Сибирский линейный батальон, Владивостокская крепостная артиллерийская рота и Восточно– Сибирская саперная рота.

Однако, Россия и Китай смогли договориться о том, чтобы англичане ушли с Гамильтона, и 15 (27) февраля 1887 года англичане вывели свои корабли с острова[1336].

Россия сделала выводы из этой угрозы в дни Мервского кризиса. Непосредственными действиями стало увеличение войск в Приамурском военном округе, с 14 489 чел. в 1885 году, до 21 687 чел. в 1886 г., а в 1888 войска округа насчитывали 24 760 человек[1337]. 8 мая 1888 года, Особое совещание, созванное Александром III, приняло решение о противодействиях попыткам любой другой державе превратить Корею в орудие антирусской политики[1338].

10 мая 1888 года, во Владивостоке начала работу комиссия по рассмотрению сценария совместного действия британского и китайского флотов, под руководством капитана 1 ранга С.О. Макарова. Для противостояния Англии на Тихом Океане, считалось нужным развязать крейсерскую войну от Австралии до Канады[1339], но возможностей это сделать у России не было, ввиду отсутствия крейсерского флота и его баз на Тихом Океане. Мервский кризис показал беззащитное состояние тихоокеанского побережья России, и необходимость держать там сильные сухопутные и военно– морские силы, а также контролировать политику дальневосточных стран.

Как показывают донесения разведки за 1885 год, Британия собиралась действовать со всех сторон – ударить со стороны Средиземного моря через Проливы, готовила к походу англо-индийскую армию и также готовила

[1336] *Авилов Р.В.* Указ.соч. С. 51.

[1337] *Айрапетов О.Р.* Русский флот на Тихом океане с конца XVIII века и до 1904 года. // Ostkraft. 2018. № 5. С. 76.

[1338] Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903). // Красный архив. 1932. № 52. С. 59.

[1339] *Сергеев Е.Ю.* Указ.соч. С. 242.

демонстрацию на Тихом океане. То есть южные и дальневосточные границы России находились под угрозой британского вторжения весной – осенью 1885 года. Эти нападения диктовались якобы существовавшей «русской угрозой», воплотившейся в аннексии Мерва, и дабы защитить свои коммуникации и колонии (торговые пути через средиземноморье, Индию и Австралию), англичане были готовы ударить по России первыми. Непосредственными выводами стали меры по усилению тихоокеанских и среднеазиатских окраин, и более активная подготовка к босфорской экспедиции, дабы было возможно в случае войны эффективно обороняться против Великобритании.

§ 4. Русская разведка о Болгарском кризисе 1885 г.

Османская империя в начале 1880–х годов.

В 1881 году вышел Муххаремский фирман султана, по которому Османская империя, вторично объявила себя банкротом. Внешний долг Турции составил на 1880 год – 165 048 351 лир[1340], та же цифра значится на 1881 год[1341], на 1883 год – 209 647 961 лир[1342]. Таким образом, долг постоянно увеличивался, что расстраивало турецкие финансы.

Для контроля над турецкими финансами, было создано Управление османского долга. Оно состояло из представителей кредиторов разных наций, но руководящую роль играли англичане и французы. Управление оттоманского долга контролировало поступления от табачной и соляной монополий, часть таможенных сборов, налоги с шелководства и рыболовства, гербовый сбор и пр. Эти доходы были весьма неплохи. За один 1883 год, доходы составили: с таможенных сборов – 180 000 000 лир, с солеварен – 72 309 000 лир, с табака – 100 000 000 лир[1343]. Поэтому, европейцы стремились заполучить контроль за доходом с данных, весьма прибыльных, отраслей.

Несмотря на то, что господствующее место в Оттоманском банке и в управлении табачной монополией заняли французы, политическое преобладание в Турции после Берлинского конгресса принадлежало Англии. Ее политическое влияние подкреплялось силой британского военно–морского и торгового флотов, английская торговля с Турцией была весьма значительной и превосходила французскую[1344].

Для сравнения, в 1878 году, в Константинопольский порт зашло парусных и паровых британских судов общим тоннажем в 3 039 119 тонн, французских –

[1340] Almanach de Gotta. 1880. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1880. 117 annee. Gotha, 1880. P. 1001.
[1341] Almanach de Gotta. 1881. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1881. 118 annee. Gotha, 1881. P. 1031.
[1342] Almanach de Gotta. 1883. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1883. 120 annee. Gotha, 1883. P. 1048.
[1343] Ibid. P. 1048.
[1344] История дипломатии. Т. 2. С. 190.

123 132 тонн[1345], в 1878–1879 гг. тоннаж британского флота составил 3 090 629 тонн, а французского – 386 312 тонн[1346], в 1880 году, тоннаж англичан составил 1 727 500 тонн, а французов – 372 000 тонн[1347]. 1882 год показывал цифру в 3 163 362 тонны у англичан и 433 960 у французов[1348]. На 1881 год, только в Смирне, англичанам принадлежало около сотни торговых причалов в порту[1349].

Таким образом, Великобритания получала большой доход от торговли в Турции. При отсутствии более точных данных от дохода англичан от торговли с Турцией, логично предположить, что объём тоннажа флота, заходившего только в Константинополь, отражает величину размеров получаемой прибыли. Однако, спокойствие этого региона было под большим вопросом, после получения балканскими народами политической независимости.

Берлинский конгресс отчасти переписал Сан–Стефанские соглашения. Сербия, Румыния и Черногория получили независимость, Болгария была поделена на 2 автономные части – Княжество Болгарское, во главе с избираемым князем и конституционным режимом, и Восточную Румелию, во главе с христианским генерал-губернатором[1350].

Однако, эти государства не устраивали их границы. Каждая из балканских стран стремилась создать свою «Великую державу». Чересполосица народов порождала жёсткие территориальные споры, которые накладывались на шовинизм того или иного балканского народа. Кроме того, некоторые христианские области Балкан, на которые претендовали Сербия, Греция и Болгария (например – Македония) остались под властью османского султана[1351].

[1345] Almanach de Gotta. 1880. P. 1005.
[1346] Almanach de Gotta. 1881. P. 1016.
[1347] Almanach de Gotta. 1883. P. 1052.
[1348] Almanach de Gotta. 1884. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1884. 121 annee. Gotha, 1884. P. 1058.
[1349] Hansard's Parliamentary debates. Vol. 560. P. 762.
[1350] *Charles and Barbara Jelavich.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Wachington, 1977. P. 158.
[1351] *Charles and Barbara Jelavich.* Op.cit. P. 142.

Желания балканских стран пересмотреть положения Берлинского конгресса угрожали спокойствию и целостности Османской Империи, следовательно, её падение могло вызвать нестабильное положение в регионе. Россия была заинтересована в наличии Болгарии, как кратчайшего выхода к Константинополю и Проливам[1352]. В такой ситуации, Турции требовалась поддержка великих держав.

Как характеризовал эту политику Н.В. Чарыков, бывший в 1891–1893 гг. секретарём посольства в Константинополе, что политика султана Абдул– Гамида II была «очень хитроумной». Армию обучали германские генералы, флотом командовали британские адмиралы[1353]. Однако, с 1880– х годов, среди них преобладающим становится влияние Германии. Об этом сообщал в своих рапортах полковник Филиппов, что султан Абдул– Гамид II подчиняется влиянию Германии, и её представитель действует на впечатлительность самого султана, что обеспечивало немцам влияние в Турции, несмотря на то, что Порта неохотно подчинялась этому влиянию. Однако, по словам Филиппова, султан подчинялся влиянию Германии настолько, насколько это давало ему защиту от иных влияний[1354].

Отказ от опоры на Англию, был вызван не сколько неудачными для Турции последствиями войны 1877–1878 гг. сколько заявлениями английских политиков. В своей речи в палате общин 23 июля 1880 г. премьер–министр Британии У. Гладстон заявил: «Как бы мы ни желали избежать осложнений, которые будут порождены распадом турецкой державы, тем не менее исполнение турецким правительством своих обязательств по отношению к его подданным не является больше второстепенным вопросом; это вопрос первейшей важности, это цель наших усилий. Если Турция не решится на выполнение своих обязательств, она должна будет сама, как сможет, спасать свою целостность и независимость»[1355].

[1352] Ibid. P. 158.
[1353] *Чарыков Н.В.* Указ.соч. С. 157.
[1354] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 10. Л. 24.
[1355] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2. С. 245.

Султан Абдул–Гамид II признался, что в 1876 году совершил ошибку, пытаясь пойти по пути либеральных реформ, поэтому он пойдёт по пути правления силой[1356]. Эта политика получила в историографии название «зулюм» – что по–турецки означает «гнёт».

Для укрепления режима единовластия султана, требовалась сильная армия. Война 1877– 1878 годов показала целый ряд недостатков в организации турецкой армии, которая не справилась со своей основной задачей – подавление внутренних мятежей (главным образом на Балканах) и война против внешнего врага (России), поэтому на повестке дня встала военная реформа. В 1880 году, был назначен новый военный министр, которым стал мушир (фельдмаршал) Гази Осман–Нури паша возглавил комиссию по выработке нового устава для армии. Также, в задачу комиссии, входила реорганизация войска, дабы привести армию к требованиям современных вооруженных сил.

В апреле 1880 года, была издана новая инструкция по организации армии, согласно которой, главной задачей становилось привлечение как можно большего числа подданных к военной службе, чтобы получить большое количество людей обученного резерва. Срок действительной службы сокращался, что позволяло пропустить через войска как можно большее количество человек. Высшие учреждения по управлению армии реорганизовывались, и в войсках должны были быть созданы новые части специального рода оружия и вспомогательных войск. Система низама (регулярной армии) и ихтиата (резерва), редифа (ополчения) 1 и 2 классов, и мюстахфиза (внутренней милиции), сохранялась [1357] . Так как для призыва наибольшего числа солдат на службу, требовалось управление на местах, то империя была разделена на 7 территориальных корпусных округов, которые были поделены на 8 полковых округов, а каждый полковой округ был разделён на батальонные округа. Также планировалось создать ротные округа и округа

[1356] *Айрапетов О.Р.* На пути к краху... С. 99.
[1357] Сборник новейших сведений вооруженным силам европейских государств. СПб., 1881. С. 250.

для редифа. Итого, каждый полковой округ давал три полка низама, и два полка редифа 1 и 2 классов[1358]. Также, в турецкой армии стали появляться новые части – телеграфные, обозные и учебные роты. Деление пехоты на линейные части и стрелков осталось прежним.

Все эти военные мероприятия требовали больших финансовых расходов. Если в 1879 году, экстраординарный военный бюджет составил 16 232 785 лир, то на 1880 год эта цифра выросла до 350 000 000 лир[1359]. Если рост военного бюджета в 1880 году можно объяснить подготовкой к войне с Грецией, то о серьёзности намерений воплотить военную программу свидетельствует та же цифра военного бюджета на 1881 год[1360], и по состоянию на 1883 год, военный бюджет Турции насчитывал 536 304 944 лир[1361], что показывает устойчивый рост. Эта тенденция четко показывает, что усиление армии становилось одной из первоочередных задач для Турции.

С весны 1880 года, султан Абдул– Гамид II обратился к германскому послу, графу Хатцфельду с предложением о командировке немецких офицеров для турецкой армии, и специалистов для реорганизации различных управлений империи. Тот же самый запрос сделал османский посол в Берлине, Садуллах– Бей. Бисмарк, сделал специальный доклад на имя императора Вильгельма I, в котором обосновывал желательность положительного ответа на просьбу султана, дабы немецкие офицеры не только могли улучшить свой опыт, но и было бы возможно завести разведывательную сеть в Константинополе. Император, в письме к кронпринцу Фридриху– Вильгельму, считал, что если на Турцию двинулись русские панслависты, то обороноспособность Османской империи была бы не безразлична Германии, ибо враги Турции могли стать врагами Германии[1362].

[1358] Там же. С. 252253.
[1359] Almanach de Gotta. 1880. P. 1001.
[1360] Almanach de Gotta. 1881. P. 1031.
[1361] Almanach de Gotta. 1883. P. 1049.
[1362] *Силин А.С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971. С. 47.

Однако, дабы не возбуждать подозрений Петербурга, Бисмарк решил, что чиновники и офицеры, отправляемые в Турцию, должны быть уволены со службы, и отправиться на службу султану только как частные лица[1363]. Ввиду тревог дипломатов, нежелания немецких офицеров ехать в Турцию и активного обсуждения этой миссии журналистами, Бисмарк стал тянуть с присылкой миссии.

Тогда султан, послал в декабре 1881 года в Берлин миссию во главе с муширом (фельдмаршалом) Али–Низам пашой и личным секретарём султана, Рашид беем, под предлогом вручения германскому императору ордена Нишани–Имитаз. Однако, реальной целью миссии, было достичь соглашения по поводу присылки немецких офицеров в турцию. Султана интересовала поддержка Германии против Франции, захватившей Тунис, против Англии, претендовавшей на Египет и для ревизии положений Берлинского конгресса о Боснии– Герцеговине, оккупированной Австрией[1364].

Глава русской делимитационной комиссии, Генерального штаба генерал-лейтенант Г.И. Бобриков, в своём донесении на имя Обручева из Константинополя указывал, что Турцию беспокоят вопросы Фессалии и Эпира (провинций, населённых греками) и Боснии– Герцеговины[1365]. Таким образом, вектор внешней политики Турции, сменился с пробританской на прогерманскую ориентацию, ибо Константинополь видел в Берлине гаранта поддержки своих внешнеполитических устремлений.

Воссоединение Болгарии.

Другой проблемой внешней политики России в 1885 году, явился кризис в Болгарии. Как было сказано выше, Болгария была разделена на автономные княжество Болгарское и генерал-губернаторство Восточная Румелия. В Софии, ставшей столицей княжества болгарского, наблюдалось недовольство нынешними границами. В княжестве и в Восточной Румелии наблюдалось

[1363] Там же. С. 49.
[1364] Там же. С. 54.
[1365] РГВИА Ф. 450. Оп. 1. Д. 96. Л. 96.

взаимное тяготение к объединению в единую Болгарию. В Петербурге, одновременно и поддерживали, и сдерживали эти интересы. По мнению историков, в Петербурге желали самостоятельно выбрать момент для воссоединения обеих частей Болгарии.

В начале сентября 1885 года, в Восточной Румелии произошло восстание в пользу воссоединения с Болгарией, которое оказалось удачным и 6 (18) сентября было провозглашено воссоединение Румелии и Болгарии [1366] . Полковник Филиппов из Константинополя в рапорте № 21 от 11 сентября 1885 года сообщал: «Известия о событиях в В.[осточной] Румелии были так неожиданны для всех посольств и для турецкого правительства, что вызвали здесь всеобщий переполох. Суетливостью дипломатии обнаружено желание скрыть растерянность. Больше всех было поражено, конечно, турецкое правительство» [1367] . Первая реакция на воссоединение Болгарии в Константинополе была шоковой. Турецкие политики не знали, что именно следует предпринять в такой ситуации.

Князь Болгарии, Александр Баттенберг знал о подготовке восстания, но он не информировал Петербург, несмотря на обещания не нарушать положения Берлинского конгресса на Балканах, так как в случае информирования России, в Болгарии его бы обвинили в предательстве интересов нации[1368]. Однако, весть о восстании, настигла Баттенберга неожиданно – на отдыхе в Варне. Князь был растерян, но президент Народного собрания, Стефан Стамболов поставил князя перед выбором – или ехать в Пловдив и возглавить мятеж, или снять с себя всю ответственность и уехать на родину в Дармштадт. Князь выбрал возвращение в Болгарию, и на народном собрании в Великом Тыртово, был провозглашён князем Северной и Южной Болгарии. Делая смотр войскам, он произнёс

[1366] *Айрапетов О.Р.* Россия между Болгарией и Сербией в 1885 г. Первая межславянская война Нового времени. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX-XXI веков. М., 2017. С. 92.
[1367] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 10. Л. 38.
[1368] *Косик В.В* Софии всё неспокойно. Из истории разрыва России с Болгарией // Родина № 2, 2015. С. 62.

провокационную речь: «Доблестные воины! Мы не в ссоре с турками, но если турки станут противодействовать нашим стремлениям, то мы будем сражаться до последней капли крови. Меня вы всегда найдете в самом пылу битвы»[1369]. Это означало угрозу войны между Болгарией и Турцией.

На собравшемся вскоре после восстания совета министров в присутствии султана, было принято решение ввести войска в Румелию, причём султан был обязан это делать по статьям Берлинского конгресса[1370]. Отчасти, помимо политических соображений, к ним примешивались и финансовые. Доходы от налогообложения в Восточной Румелии составили за 1883 год – 24 000 000 лир[1371]. Восстание поставило Петербург в самое неудобное положение – к войне Россия была не готова, а допустить ввода турецких войск в Румелию было нельзя. Посол в Константинополе, А.И. Нелидов, официально угрожал султану Абдул–Гамиду II, что, если хоть один турецкий солдат войдёт в Восточную Румелию, последствия этого шага будут для Турции катастрофичными.[1372] Таким образом, Петербург решился пойти на блеф, угрожая Турции войной. Поэтому на предложение немецкого командующего турецкой армией К. Гольц– паши о вводе двух дивизий в Румелию, султан ответил, что этот шаг вызовет негативную реакцию России и Англии.

Британии ввод турецких войск в Восточную Румелию был невыгоден потому, что в Лондоне решили поддержать князя Баттенберга, убедившись в его желании разрыва с Россией, и нежелании повторений событий резни 1876 года, когда критика британского правительства была чрезвычайно сильной. Это открывало для Англии возможность сделать из Болгарии буфер на пути русских к Константинополю, а когда британский агент в Константинополе доложил, что движение действительно носит антирусский характер, а болгары не планируют

[1369] *Айрапетов О.Р.* Россия между Болгарией и Сербией в 1885 г. С. 94.
[1370] Там же. С. 95.
[1371] Almanach de Gotta. 1883. P. 1049.
[1372] *Косик В.* Указ.соч. С. 62.

вторгаться в турецкую Македонию – настроения в поддержку Баттенберга в Лондоне только усилились[1373].

В Болгарии прошла мобилизация и все военные силы были стянуты к турецко-румелийской границе, обнажив границу с Сербией, чем король Милан Обренович решил воспользоваться, дабы отнять у Болгарии те территории, которые сербы считали своими[1374].

Так как сведения о балканском кризисе освещались в британской прессе, то военный агент в Лондоне, Бурутлин, информировал Главный Штаб об этих настроениях. Рапорт от 18 (28) сентября сообщал, что Сербия вооружается, дабы увеличить свою территорию за счёт Болгарии и Восточной Румелии, а речи сербского посланника в Лондоне, г–на Миянтовича становятся подтверждением тому[1375]. Греция тоже стала собираться на войну, желая присоединить себе турецкие территории, населённые греками. Бутурлин сообщал, что корреспондент газеты «Standart», принёс шифрованную телеграмму о том, что намерение Сербии захватить округ Видин – Валца не удалось, ввиду того, что болгары выдвинули туда 4 батальона ополченцев. Сербский король и его правительство тут же стали уверять великие державы в том, что они выжидали действий Европы, и ожидание стало для них слишком нестерпимым[1376].

Донесение от 18 сентября (1 октября), сообщало, что Сербия и Греция собираются захватить пограничные с ними области Турции, так как в молчании и нерешительности великих держав они видят залог безнаказанности возможной войны с Турцией. Со ссылкой на газеты, Бутурлин сообщал, что в адрианопольском корпусе едва насчитывалось 8000 строевых, из которых половину нельзя было тронуть, дабы не оставить страну без защиты на случай внутренних волнений. Также, прилагались вырезки из британской прессы, в которой публиковались сведения, будто бы Россия готовила переворот против

[1373] *Айрапетов О.Р.* Россия между Сербией и Болгарией в 1885 г. С. 99–100.
[1374] Там же. С. 106.
[1375] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1885). Д. 4. Л. 268.
[1376] Там же. Л. 271.

князя Баттенберга. Однако, в другой статье высказывалось мнение, что России не обязательно идти на Константинополь[1377].

В октябре он писал, что газеты продолжают сообщать западноевропейской публике о росте вооружений в Сербии и Греции, а Англия и Франция заключили договор на случай, если в дела балканских стран вмешается третья держава[1378].

События осени 1885 года стали для Англии предлогом для того, чтобы попытаться договориться с Портой об открытии Проливов на случай войны с Россией[1379]. Гирс, писал послу в Константинополе А.И. Нелидову, что Англия этими действиями пытается взять реванш за неудачу в Афганистане. Нелидов советовал султану заявить, что он будет согласовывать вопросы по Проливам с Россией[1380]. Англо-турецкие переговоры по Проливам ни к чему не привели, что обозначило снижение британского влияния в Турции.

Как было сказано выше, султан Абдул–Гамид II был разочарован в англичанах после Берлинского конгресса, но Германия пока не стала постоянным патроном Турции, поэтому султан, путём лавирования между державами, пытался сохранить хорошие отношения с Россией[1381]. В 1886 году, был свергнут князь Александр Баттенберг, и в Софии установился Регентской совет, который в 1887 году начал переговоры в Константинополе с турками по поводу положения Болгарии. Англия стала убеждать султана в том, что необходимо сохранить в Болгарии враждебный России режим, но султан, не желая идти на поводу у Англии, но и не желая ссориться с ней, обратился за советом к русскому послу, А.И. Нелидову, который посоветовал султану более жёстко держать себя по отношению к регентскому совету Стамболова.

Россия предложила в качестве нового болгарского монарха, князя Николая Мингрельского. Пока султан отверг эту кандидатуру, в Софии, Народное

1377 Там же. Л. 273274

1378 РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1886). Д. 4. Л. 1.

1379 *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России конца XIX века. М., 1994. С. 178.

1380 Там же. С. 179.

1381 Там же. С. 95.

Собрание провозгласило князем 26–летнего принца Фердинанда Кобурга. Эту кандидатуру поддержали в Лондоне и на Порту стало оказываться сильное давление с целью утвердить князя Фердинанда Кобурга. Однако, султан снова не согласился на требования англичан [1382] . Таким образом, избрание князем Болгарским Фердинанда, знаменовало конец безграничного влияния Лондона на турецкую политику.

Интересен комментарий генерал-майора Ланца по поводу ослабления роли англичан в турецкой внешней и внутренней политике и вытеснение англичан немцами: «*Князь Бисмарк хорошо распознал дремлющую силу Турции, которую он считает пробудить когда потребуется угрожать России во фланг при войне с нею. Англия сделала большую ошибку, позволив Германии заменить её в дружеских отношения с магометанскими державами*»[1383].

Если сравнить его мысли с воспоминаниями самого Бисмарка, то он выступал с позиции подталкивания России на юг: «Я думаю, что для Германии было бы полезно, если бы русские тем или иным путем, физически или дипломатически, утвердились в Константинополе и должны были бы защищать его. Это избавило бы нас от положения гончей собаки, которую Англия, а при случае и Австрия, натравливают против русских вожделений на Босфоре… «…» По отношению к Англии позиция нынешней России может улучшиться, если Россия займет Константинополь»[1384]. Так как выше было сказано, что в записке на имя императора Вильгельма I Бисмарк демонстрировал заинтересованность в германо-турецком союзе, то можно сказать, что в своих мемуарах, Бисмарк показывал одну сторону турецкой политики Германии. В процитированном фрагменте мемуаров, Бисмарк демонстрировал свою заинтересованность в обострении конфликта России не только с Англией, но и с средиземноморскими

[1382] Там же. С. 96–97.
[1383] РГВИА Ф. 401. Оп. 4/928 (1882). Д. 4. Л. 78.
[1384] *Бисмарк О.* Воспоминания. С. 239240.

странами, в частности с Италией[1385], которая 20 мая 1882 года примкнула к австро-германскому союзу.

Таким образом, Бисмарк одной рукой поощрял стремления России к захвату Проливов, что поддерживало недовольство Англии, другой – усиливал Турцию, дабы ослабить Англию в этом регионе и сохранять текущее положение дел, когда Россия хотела бы захватить Босфор, но ввиду силы турок и угрозы со стороны англичан ей осуществить это было бы затруднительно. В итоге, достигалось увеличение роли Германии в турецкой внешней политике, и как следствие – установление прогерманской ориентации Турции.

Болгарский кризис, продемонстрировал окончательную перемену внешнеполитического расклада между европейскими державами на Востоке. Англия теряла остатки влияния и престижа на Балканах и в Турции, а Германия все больше утверждалась вместо неё, что усиливало не только англо-русские, но и русско-германские противоречия.

[1385] Там же. С. 240.

Заключение.

Целью данной работы было установить, какую роль сыграла русская военная разведка в формировании политики России по отношению к Великобритании в 1877–1885 гг. Для достижения этой цели, требовалось решить несколько задач, а именно: показать организацию разведки, кадровый отбор разведчиков и методы их работы. Рассмотреть основные внешнеполитические события периода 1877–1885 гг. в освещении военной разведки, и в контексте международной ситуации и военного потенциала России и Великобритании, показать влияние разведки на внешнюю политику России.

На постановку целей и задач работы военной разведки, влиял фактор организации военного дела в России, второй половины XIX века. Создание структур, выполнявших службу генерального штаба требовали накопления статистики о вооруженных силах неприятеля, что отразилось на инструкциях 1856 и 1880 гг. расписывавших обязанности военных агентов.

В целом, стоит признать, что при кадровом отборе на должности военного агента, предпочтение отдавалось офицерам Генерального штаба, людям владеющим языком страны пребывания, и имевшим опыт разведывательной деятельности ранее, или хорошо знающим субъект своих действий. Академическое образование, как правило, давало представление о предмете изучения, навыки его анализа, и практику в полевых съемках.

Для того, чтобы получать информацию о британских вооружённых силах, существовало несколько способов её добычи. Первый – явный и легальный, который осуществлялся путём посещения арсеналов, военных училищ, военных парадов. Они могли узнавать интересующие их сведения из разговоров с высокопоставленными лицами и сведущими специалистами, но часто, для добычи секретной информации они прибегали к шпионажу. Шпионаж — это был второй способ, тайный и зачастую, нелегальный. Агенты вербовали сочувствующих к России лиц или просто пользовались «по-дружески» предоставляемой информацией от знакомых, и их всех в переписке агент

именовал или просто буквами, как английский журналист N, работавший на Горлова, или просто «корреспондентами». Эти лица сообщали секретную информацию военным агентам, а эту информацию они получали, пользуясь своими связями или служебным положением, или организовывали сеть информаторов, передавая все сведения, стекавшиеся к ним непосредственно агенту, за определённое вознаграждение, которое пересылал агенту Главный Штаб. В качестве примера можно привести шпионскую сеть, организованную журналистом N в Турции в годы войны 1877–1878 гг. через которую Горлов получал полезную информацию о действиях Англии по поддержке турок. Второй способ оказался очень эффективным, позволив получать массу конфиденциальной информации, содержавшей полезные сведения о планах британских политиков. Третий способ заключался в аналитике прессы страны пребывания, так как огромный массив информации о происходящих событиях и политике Англии содержался именно там, что позволяло агенту понимать суть происходящего и делать определённые выводы, предсказывая политические события, которые могли привести к использованию армии, как Бутурлин точно понял цель военного бюджета Англии на 1885 год, к примеру.

Донесения военного агента из Лондона за 1877–1878 годы, показали, что Британия более чем решительно готова отстаивать свои интересы силой оружия. Сведения о подготовке военных действий, стали одним из факторов, сформировавших идею Обручева о войне, как о быстром броске через Балканы на Константинополь. Британская армия, по оценкам генерала Горлова, была слабым противником, что вселяло в него оптимизм на случай возможной войны. Однако слабость англичан компенсировалась слабостью России в вероятных зонах конфликта, о которых сообщал военный агент – Проливы и Средняя Азия. Это позволяло Петербургу адекватно оценивать риски столкновения, и идти на компромиссы (Берлинский конгресс) или отказываться от рискованных авантюр (соглашение Столетова и Шер–Али–хана).

Во многом, благодаря данным разведки, в Петербурге сделали вывод из событий 1878 года. В случае новых столкновений с Англией, необходимо было, во–первых, занять азиатский берег Босфора, дабы запереть вход англичанам в Черное море, во–вторых иметь максимально подробные сведения об Афганистане и Северной Индии, как о возможном театре военных действий, иметь возможность быстро сосредоточить войска на южной границе, покончить с независимостью туркменских племен. Однако, 1878 год и Кульджинский кризис 1880–1881 гг. отчетливо показали, что в Петербурге не имели отчетливого представления о театрах военных действий, что ставило на повестку дня расширение сведений об этих регионах. Непосредственным шагом для устранения этой проблемы было учреждение постов военных агентов в Афинах и Пекине.

Для успешного решения вышеназванных задач, требовалось решение выявленных в 1878 году проблем военного характера: усиление системы коммуникаций внутри страны и более надежная связь окраин с центром, в частности с другими внутренними округами, переход с гужевого на железнодорожный транспорт (в Туркестане), создание эффективной системы окружной разведки, вооруженной знанием местных языков.

Если посмотреть на военные мероприятия нового царствования императора Александра III, сделанные в этом направлении, то можно четко сказать, что подобные задачи были выполнены. Организация Курсов восточных языком при министерстве иностранных дел (их выпускники принимались наравне с выпускниками военных академий) [1386], позволило положить начало школе изучения языков и страноведения. Благодаря этому, округ к 1900 году, имел разветвленную сеть агентурной разведки, поставлявшей в Ташкент достаточное количество информации как и о противнике, так и о театре войны. Создание железнодорожных линий (Оренбург– Ташкент и Транскаспийская), позволили

[1386] *Басханов М.К.* Изучение восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. С. 71.

увеличить скорость и объемы переброски войск и грузов, что по записке главнокомандующего войсками округа, генерала Духовского, в 1899 году, довело мобилизационную способность округа до 72 000 человек, что давало возможность успешно вести оборонительные бои против возможного англо-афганского вторжения[1387].

Обе стороны прекрасно понимали возможность давления на одном из театров, для решения проблем на другом. Берлинский конгресс и англо-афганская война дали Лондону тактическую победу, в виде сохранения «запоров» к Средиземному морю со стороны Болгарии и Проливов, и вассальный буфер Афганистан. Задачи, бывшие актуальными для министерства Дизраели с 1874 года, на рубеже 1870-х–1880-х были выполнены. Однако, этот тактический успех вел к стратегическому проигрышу. Турция стала отдаляться в сторону Германии, а Афганистан стал усиливаться для защиты собственной независимости. В перспективе это привело к выступлению Турции на стороне противников Британии в 1914 году, и полным выходом Афганистана из-под влияния Лондона в 1919 году. Россия была в курсе этих изменений, благодаря данным военной разведки.

Для России это означало необходимость срочного решения вышеуказанных проблем, в случае нового столкновения с Британией, что выводило на первый план данные военной разведки о Проливах и Афганистане, которыми Главный штаб обеспечивали военные агенты в Лондоне и Константинополе. Мервский кризис 1885 года, де-факто, вызвал к жизни события 1878 года, когда возникла угроза нападения Британии и на черноморское побережье России, и в Туркестане, к этому, отчетливо прибавилась угроза на Дальнем Востоке, контуры которой только обозначились еще в 1880 году. Разведка помогла отчасти решить стоявшие с 1878 году задачи, благодаря чему у руководства страны было больше решимости в случае конфликта, и Россия смогла уверенно продемонстрировать силу в Средней Азии и добиться пересмотра спорных вопросов в свою пользу,

[1387] РГВИА Ф. 400. Оп. 4. Д. 26. Л. 2–10.

что показало прогресс в изменениях в военной системе страны. Однако, этот прогресс был слишком медленным и недостаточным, что требовало новых, более энергичных усилий по укреплению обороны.

Вкупе с Болгарским кризисом, Мервский показал первые колебания выстроенной англичанами в 1878–1881 гг. системы обороны – уход Турции и Болгарии из-под влияния Лондона и поражение Афганистана. Однако, к 1885 году, Британия получила более сильную армию, чем она имела в 1878 году. Египетский поход не только вывел Турцию из британской зоны влияния, но и доказал возможность успешных боевых действий в случае десанта на Проливы против русских. Также, он послужил не только толчком для России к ускорению подготовки босфорской экспедиции, но и вывел англ-индийскую армию из положения неблагонадежных на уровень вполне крепкой и боеспособной армии, что определяло её возможную роль ведущего фактора силы в англо-русских отношениях, учитывая растущую роль Средней Азии в противостоянии держав.

В целом, можно сказать, что с задачей информирования военно–политической верхушки России, военная разведка справлялась более чем успешно, оказывая существенное влияние на формирование внешней политики страны. Благодаря регулярной и подробной информации, полученной из разных источников, особенно – из первых уст, руководство страны смогло принимать адекватные меры реагирования в случае осложнений с Великобританией. Во многом, это показало Лондону, что с Россией возможен компромисс по спорным вопросам, что позволило двум странам, несмотря на новые кризисы 1890-х–1900-х годов прийти к заключению соглашения о разделе сфер влияния в 1907 году и к военному союзу 1914 года.

Библиография.

Источники.

Архивные фонды.

Российский Государственный военно–исторический архив (РГВИА)

1Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1. Д. 646., Оп. 4. Д. 26, 577, 578, 580, 581, 587. Оп. 12. Д. 2765, Д. 14 111.

Ф. 401. Военно– учёный комитет. Оп. 3/927. 1877 г. Д. 4. 1878 г. Д. 15. 1879 г. Д. 1. 1880 г. Д. 4, 60, 66. Оп. 4/928. 1881 г. Д. 2, 4. 1882 г. Д. 4, 7, 10, 36, 41, 44. 1883 г. Д. 2. 1884 г. Д. 2, 4, 36, 39. 1885 г. Д. 4, 7, 10.

Ф. 409. Послужные списки. Оп. 1. Д. 32645. Оп. 9. Д. 29227, Д. 129072.

Ф. 435. Коллекция «Англия» Оп. 1. Д. 46, 48, 49.

Ф. 445. Коллекция «Афганистан» Оп. 1. Д. 26.

Ф. 450. Коллекция «Турция». Оп. 1. Д. 96.

Ф. 544. Николаевская военная академия. Оп. 1. Д. 730, 752, 753, 758.

Ф. 846. Военно–учёный архив. Оп. 1. Д. 7447, 701. Оп. 3. Д. 63.

Ф. 1396. Штаб Туркестанского военного округа. Оп. 1. Д. 126. Оп. 2. Д. 103.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 568. Ламздорф, Владимир Николаевич. Оп. 1. Д. 90.

Archives du Service Historique de la Défense — Département de l’Armée de Terre (SHD-DAT)

GR 7 — Etat– major de l’Armee, 2e bureau, avant 1914.

Нормативные акты

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VII (1832)., СПб., 1833. 1014 с. Т. XX. Отделение 1. (1845) СПб., 1846. 10–45 с.

2. Приказы по военному ведомству, 1867. СПб., 1867. 21–32 с.

3. Свод военных постановлений 1869 г. СПб.: Государственная типография, 1890. 157 с.

4. Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917. / под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 464 с.

5. Собрание трактатов и конвенций заключённых Россией с иностранными державами. Трактаты с Англией (1832-1895). СПб.: Типография А. Бенке, 1898. Т. XII. 504 с.

Делопроизводство.

1. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, 1872–1885. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. 381 с.
2. Большая игра в Центральной Азии. Индийский поход русской армии. Сборник архивных документов. Сост., автор предисл. и примеч. Т.Н. Загородникова. М.: Новый хронограф, 2010. 358 с.
3. Материалы для описания русско-турецкой войны на Кавказско-малоазиатском театре. Тифлис, 1908. В 9 томах.
4. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Под ред. д-ра ист. наук проф. С.А. Никитина и др. М.: Издательство академии наук СССР, 1960. В 3-х томах. Т. 1. 715 с; Т. 2. 646 с.
5. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Под ред. г.-л. Домонтовича. Выпуск II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 по 15 апреля 1878 г. СПб.: Военная типография, 1900. 116 с.
6. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск VI. Документы из секретных бумаг г.-ад. Милютина. СПб.: Военная типография, 1911. 370 с.
7. Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). / Под ред. А. Ильясова. - Ашхабад, 1960. 823 с.
8. Русско-индийские отношения в XIX веке. Сборник архивных документов и материалов. М.: «Восточная литература» РАН, 1997. 374 с.

9. Сборник материалов по истории русско-турецкой войны на Балканском полуострове. СПб.: Военная типография, 1898¬1911. В 111 томах. Т. 10 а. 94 с.
10. Hansard’s Parliamentary debates. Third series. L., 1880. Vol., 252, 256; L., -1881. Vol., 258, 259, 260.
11. Foundation of British Foreign Policy: from Pitt (1792) to Salisbury (1902). Cambrige, University Press, 1938. 573 p.

Источники личного происхождения.

Дневники.

1. *Газенкампф М.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 594 с.
2. *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2009. 704 с.
3. *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2011. 600 с.
4. War in Afghanistan 1879-1880. The Personal Diary of Major General Sir Charles Metcalfe MacGregor./ ed. by W. Trousdale. Deitroit: Wayne University Press, 1985. 266 p.

Переписка

1. The letters of lord and lady Wolsley. / ed. by sir G. Arthur – L.: William Heineman 1922. 440 p.
2. Мы не хозяева в своём собственном доме // Источник. 1993. № 5–6. С. 38–68.

Воспоминания.

1. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. / перевод с немецкого под ред. Проф. С.Л. Ерусалимского. М.: ОГИЗ, 1940. В 2 томах. Т. 2.
2. *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М.: Кучково поле, 2015. 320 с.
3. *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. В 2х томах. Париж, 1964. Т. 1. 276 с.

4. *Гродеков Н.И.* Через Афганистан. Путевые записки. СПб.: книж.маг. «Нового времени», 1880. 130 с.
5. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. В 2 томах. Т. 1. 591 с.
6. *Игнатьев Н.П.* Записки 1875–1877 // Граф Игнатьев и православный восток: документы, переписка, воспоминания. М.: Индрик, 2015. 840 с.
7. *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879-1886: Воспоминания политические и личные. СПб., 1906.
8. *Куропаткин А.Н.* 70 лет моей жизни. Челябинск: Автограф, 2023. В 3 томах. Т. 2. 588 с.
9. П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. // Красный архив, 1933. № 59. С. 89–109.
10. *Чарыков Н.В.* Беглый взгляд на высокую политику. М.: ВИКМО-М: Русский путь, 2016. 416 с.
11. Поездка ген.-шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан. (в 1878 году). // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1883. Т. 5. С. 58 –107.
12. Поездка генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и афганским владениям в феврале 1877. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1883. Т. 5. С. 1–57.
13. *Cookson F.* With the armies of Balkans and Gallipoli 1877-1878. L.: Cassel, Peter, Calpin & Co, 1880. 196 p.
14. *Duke J.* Recollection of the Kabul Campaign 1879 & 1880. L.: H.W. Allen & Co, 1883. 424 p.
15. *Haggard A.* Under Cresent and Star. L.: William Blackwood and sons, 1895. 406 p.
16. *Norman C.B.* Armenia at the Campaign of 1877. L., 1878. 484 p.

17. *Sir Robert of Khandagar.* Forty one years in India, from subaltern to commander-in-chief. L.: Richard Bently and Sons, 1897. In 2 volumes. Vol. 2. 522 p.
18. The Diplomatic Reminiscences of lord August Lotfus. 1862-1879. L.: Cassell and Company, 1894. In 2 volumes. Vol. II. 353 p.
19. The Queens ambassador to Sultan. Memoirs of sir Henry A. Layard Constantinople embassay. Istanbul: The Isis Press, 2009. 721 p.
20. *Yate A.C.* England and Russia Face to Face in Asia; Travels with the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, William Blackwood and sons, 1887. 481 p.

Историография.

1. *Авилов Р.В.* Внешнеполитический фактор создания Приамурского военного округа. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 48–52.
2. *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830-1904). Портрет на фоне эпохи. М.: Русская книга, 2017. 496 с.
3. *Айрапетов О.Р.* До и после Кушки. 1881-1885: контекст внешней политики России. // Родина. 2015. № 2. С. 5557.
4. *Айрапетов О.Р.* Испытание войной: реформы и вооружённые силы России и Турции в 1860-1870х. // Российская история. 2016. № 6. С. 1527.
5. *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Царствование императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018. 904 с.
6. *Алексеев М.* Военная разведка в Российской Империи. От Александра I до Александра II. М.: Вече, 2010. 480 с.
7. *Алпеев О.Е.* «Священный огонь» русского генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России в 1885–1914. // Русский сборник. 2019. № 26. С. 320–387.
8. *Арбеков А.Б.* Роль военных агентов (атташе, в англо-российском соперничестве на Востоке в конце 70-х годов XIX века на примере

деятельности А.П. Горлова. // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Десятой международной научно-практической конференции. Ч. I. СПб., 2021. С. 85–100.

9. *Асиновская М.Ю.* Военно-морская разведка на Балканах в период царствования Александра III, подготовка Босфорской экспедиции. Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 2004. № 3. С. 4354.
10. *Асиновская М.Ю.* Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века. // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 142155.
11. *Басханов М.К.* Изучение восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-История, 2018. 632 с.
12. *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М.: РОССПЭН, 2005. 288 с.
13. *Богданович М.И.* Исторический очерк деятельности военного управления в первое 25-летие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг). СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1879-1881 гг. В 6 томах. Т. V. 326 с.
14. *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. М.: Наука, 1991. 160 с.
15. *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., Наука, 1985. 336 с.
16. *Газенкампф М.А.* Очерк современного состояния вооруженных сил Турции. СПб., 1876.
17. *Газенкампф П.Н.* Служба и устройство русского генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1888. 44 с.
18. *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., типография Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 793 с.
19. *Горлов А.П.* Вооруженные силы Англии. СПб.: Военно-ученый комитет Главного штаба, 1881. 168 с.

20.*Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. СПб.: Типография В.С. Балашёва, 1883—1884. В 3-х томах. Т. 1. 281 с.

21.*Дубровин Н.С.* Описание военного похода Лейб-гвардии Драгунского полка в Турецкую кампанию 1877-1878 гг. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншкеля, 1880. 183 с.

22.*Звонарёв К.К.* Агентурная разведка. Русская агентурная разведка до и во время Мировой войны 1914-1918 гг. М., 1929. В 2 томах.

23.*Ильина Т.Н.* А. П. Горлов и винтовки Х. Бердана. // Архивы и время: Сборник материалов Всероссийской научно- практической конференции, (посвященной 135-летию образования архива музея). СПб., 2002. С. 2637.

24.*Ильина Т.Н.* Военные агенты и русское оружие. СПб., Атлант, 2008. 381 с.

25.*Ильина Т.Н.* Военный агент А.П. Горлов. Биография. // Victoria. Gloria. Fama: Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 9-11 сентября 2003 г.: В 4 ч. Ч 4. Секция "История оружия и военной техники". СПб., 2003. С. 33–41.

26.*Ильина Т.Н.* Деятельность военных агентов по перевооружению русской армии в период военной реформы 60-х – 70-х годов XIX века. дисс. на соискание степени канд.ист.наук. СПб., 2010. 545 с.

27.*Калнин Э.Х.* Генеральный штаб и его специальность. Одесса: Типолитография штаба Одеского военного округа, 1909. 147 с.

28.*Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014. 632 с.

29.*Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М.: Издательство МГУ, 1994. 207 с.

30.*Клембовский В.Н.* Тайные разведки (военное шпионство). СПб.: В. Березовский, 1892. 140 с.

31. *Кондратенко Р.В.* Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: Издательство «ЛеКо», 2006. 344 с.
32. *Кривопалов А.А.* Фельдмаршал Ф.И. Паскевич и русская военная стратегия в 1848–1856 гг. М.: Русский фонд содействию образованию и науке, 2019. 288 с.
33. *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении: (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): С очерком воен. действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: В. Березовский, 1899. 224 с.
34. *Лисицына Н.Н.* Английская пресса и русские военные агенты в Лондоне о подготовке Пендинского кризиса 1885 г. // Vitaleus: сборник статей, посвященный 70-летию В. И. Шеремета. М.: Институт востоковедения (ИВ) РАН. 2010. С. 192–214.
35. *Лисицына Н.Н.* Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е - 1907 гг. дисс. на соискание степени канд.ист.наук. М., 2006. 268 с.
36. *Лисицына Н.Н.* Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX-начале XX века: взгляд на Восток. // Клио. 2005. № 1(28). С. 161–166.
37. *Меннинг Б.У.* Штык и пуля. Армия Российской империи. М.: Модест Колеров, 2016. 424 с.
38. *Нересов Г.А.* Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг. (В свете русских архивных документов). М.: Наука, 1979. 320 с.
39. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М.-Ленинград., 1928. В 2-х томах. Т. II. 589 с.
40. *Сергеев Е. Ю. Улунян Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской Империи в Европе и на Балканах 1900–1914. М.: ИВИ РАН, 1999. 419 с.
41. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.

42. *Сидорова С.Е.* Индийский хлопок и британский интерес. Овеществлённая политика в колониальную эпоху. СПб.: Нестор-История, 2016. 350 с.
43. *Силин А.С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М.: Наука, 1971. 258 с.
44. *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. 173 с.
45. *Терентьев М.А.* Завоевание Средней Азии. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. В 3-х томах. Т. 2. 547 с. Т. 3. 499 с.
46. *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типография П.П. Меркульева 1875. 361 с.
47. *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России (6090 годы XIX века). М.: Наука, 1965. 468 с.
48. *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане. М.: Издание социально-политической литературы, 1959. 210 с.
49. *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века (6070-х гг.). Ташкент.: Издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1869. 456 с.
50. *Цейхмистеренко С.П.* Греция, Россия и Восточный кризис 1875-1878 гг. Страницы истории. М., 2013. 222 с.
51. *Шапошников Б.М.* Мозг армии. Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927–1929 г. В 3-х томах. Т. 1. 258 с.
52. История дипломатии. под ред. В. А. Зорина [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1959– 1963. В 5 томах. Т. 2. Дипломатия в новое время. 1871–1914. авт. В.М. Хвостов. 820 с.
53. История русской армии и флота. Вып. XII. М.: Типография русского товарищества, 1913. 195 с.
54. Материалы для описания русско-турецкой войны на Кавказско-малоазиатском театре. Тифлис, 1908. В 9 томах.

55.*Achtermeier O.* The Turkich Connection. The Saga of Peabody-Martini Rife // Man at arms. Vol. 1. 1979. № 2. Pp. 12–13.

56.*Argyii G. Duce.* The Eastern Question from the Threaty of Paris 1856 to the Threary of Berlin 1878 and second Afghan war. L., 1879. In 2 volumes.

57.*Buckle G.L.* Life of Begamin Disraely Earl of Beaconsfield. London, 1920. In 6 volumes. Vol. 6. 719.p.

58.*Grant J.* Cassels History of the war in the Soudan. L., Chassel & Company, 1885–1886. In 6 volumes. Vol. I. 192 p. Vol. II. 192 p.

59.*Goodrish C.F.* Report of the British naval and military operations in Egypt, 1882. Washington, Government printed office, 1885. 339 p.

60.*Hopkirk P.* The great game: the struggle for empire in Central Asia L., 1992. 565 p.

61.Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. Oxford, 2006. 274 p.

62.*Marvin C.* The Merv and the Russians on the Gates of Great. N.-Y.: Charles Scribners Sons, 1885. 185 p.

63.*McElwee W.* The art of war from Waterloo to Mons. Purnell Book services, 1974. 346 p.

64.*McGregor C.-M.* The Defence of India: A Strategical Study. Simla, 1884. 359 p.

65.*Macgregor C.* The Life and Opinions of major general Sir Charles Metcalfe MacGregor. L., 1888. In 2 volumes.

66.*Morgan G.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. L., 1981. 264 p.

67.*Persson G.* Learning from Foreign Wars. Russan military thinking 1859-1873. Solihull, 2010. 182 p.

68.*Preston A.* Frustrated Great Gamesmanship: Sir Garnet Wolseley's Plans for War against Russia, 1873–1880 // The International History Reviev. 1980. Vol. 2, No. 2. pp. 239-265.

69.*Rich D.A.* The Tsars Colonels. Professionalism, Strategy and Subversion in Late Imperial Russia. L.: Harvard University Press, 1998. 293 p.

70.*Robert M. Utley.* Frontier Regulars. The United States Army and the Indian. 1866-1891. New York: Macmillan, 1973. 413 p.

71. *Robson B.* The road to Kabul. The Second Afghan War 1878–1881. L.-New-York-Sydney., 1986. 312 p.
72. *Temple R.* India in 1880. L., John Murray, 1881. 524 p.
73. The Second Afghan War 1878-1880. Abridged Official Account. L., John Murray, 1908. 784 p.

Справочные издания и энциклопедии.

1. Военная энциклопедия под ред. В.Ф. Новицкого. М., 1911. В 14 томах.
2. Высшие и центральные учреждения России в 1801–1917 гг. Отв. сост. Д. И. Раскин. СПб., 1994. В 4-х томах. Т. 4. 313.с.
3. Список генералитету по старшинству. Исправлен по 15-е февраля. СПб., б.и., 1875.
4. Список генералам по старшинству. Исправлен по 1 сентября 1890. СПб., б.и., 1890.
5. Almanach de Gotta. 1877. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1877. 114 annee. Gotha, 1877.
6. Almanach de Gotta. 1880. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1880. 117 annee. Gotha, 1880.
7. Almanach de Gotta. 1881. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1881. 117 annee. Gotha, 1881.
8. Almanach de Gotta. 1883. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1883. 117 annee. Gotha, 1883.
9. Almanach de Gotta. 1884. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. 1884. 117 annee. Gotha, 1884.